

Александр Акулов

СКВАЖИНА

Статьи
по литературной критике, культурологии,
философии

Александр Акулов

СКВАЖИНА

Статьи
по литературной критике, культурологии,
философии

**Библиотека журнала
"Невский альманах"
Санкт-Петербург
2009**

УДК 82.09+101
ББК Ш4+Ю(2+8)
А 44

Александр Акулов. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. — СПб.: Библиотека журнала «Невский альманах», 2009. — 456 с.

Содействие: НППЛ "Родные просторы"

ISBN 978-5-902741-73-2

© Акулов А. С. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. 2004.

© Акулов А. С. Дополнения к предыдущему. 2008.

Главный редактор: Б. В. Останин

Ответственный редактор: Е. М. Шенина

Под одним переплетом здесь размещены эссе и статьи по литературной критике, культурологии, публицистике, философии... С чем подобное связано? Главный труд автора — книга "Буквы философии" — не по зубам и многим профессорам. Поэтому говорить о ее новом издании еще рано. Однако читателю можно предложить статьи, которые могли бы послужить введениями в нее, явиться компактными вариантами некоторых ее разделов.

А эссе и статьи по литературной критике, культурологии? Благодаря этим произведениям способ мышления автора окажется доступным читателю, далекому от гносеологических хитросплетений. А специалисты-словесники увидят много интересного в предлагаемых автором возможностях анализа художественного текста.

Технический редактор: Жихарев Е.В.

Корректор: И. С. Холодова

Сдано в набор 24. 11. 2008

Подписано в печать 25. 02. 2009

Формат 60 x 84/16. Усл. печ. л. 28,5.

Тираж 70 экз. (Четвертый завод.) Зак. № 162.

[Новая сверка: 18. 08. 2023]

СОДЕРЖАНИЕ

ВУАЛЬ ПСИХЕИ (О рассказе Г. Толмачевой "Зеленый старик").....	5
...UBI VULT (О трех рассказах В. Алексеева).....	11
РОМАН "РОМАН" (О тексте В. Сорокина).....	24
ЭРОТИЧЕСКАЯ ПРОЗА А. НЕКЛЮДОВА.....	27
<i>СПИЧИ:</i>	
1. Смерть поэзии (манифест).....	31
2. Проза опять в интересном положении, увы, перманентном.....	34
3. Проза Виктора Пелевина.....	35
4. Борхес и другие.....	43
5. Тайны Милорада Павича.....	45
ПРОЗА НОВОЙ РОССИИ.....	47
ЧАКРЫ ЧЕХОВА.....	51
ПОД МЕРТВЫМ СОЗВЕЗДИЕМ.....	55
ДУПЛЕТ (Об альманахе и журнале).....	60
КАМЕНЬ ОТ ВХОДА (О текстах Х. Мураками).....	66
<i>ЭКСПРОМТЫ:</i>	
Ф. М. и Ф. М. (О творчестве Достоевского).....	93
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.....	98
<i>ЕЩЕ ЭКСПРОМТЫ:</i>	
1. О практической философии.....	102
2. Тайны образования.....	103
3. Как превратить университет в университет? (Миниатюра).....	109
ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД (Футурологический очерк).....	110
СЕВЕРНАЯ УТОПИЯ (Гиперборея).....	122

МЕССИЯ, ИЛИ КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ.....	172
О НАШИХ ВЕРВОЛЬФАХ.....	196
АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.....	197
ПРЕДДВЕРИЯ ФИЛОСОФИИ.....	200
ФРАГМЕНТЫ СЛОВАРЯ.....	230
СЕМИОТИКА АНТИИНФОРМАЦИИ.....	277
ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ.....	293
СТАТЬИ ИЗ КНИГИ "СЮР"	
А. Почему философия не должна быть наукой?.....	297
Б. Идеально ли сознание?	300
В. Возможна ли метафизика без спекуляций?.....	304
Г. В чем состоит сюрреалистичность последовательного философского мышления?	305
Д. О "прямом" или "бытовом" доступе к метафизи- ческому	306
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КНИГИ.....	307
ТЕНИ МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ.....	315
ФИЛОСОФОВЕДЫ И ПУСТОТА.....	319
ФЕНОМЕН ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ.....	327
О ВОЗМОЖНОСТЯХ УМОЗРЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ В ФИЛОСОФИИ.....	331
ПРОГУЛКА ПО ДЕТСКОМУ САДУ (К отрицанию онтологий).....	337
РАЗВЕРНУТАЯ АННОТАЦИЯ КНИГИ "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ".....	341
НАЧАЛА МЕНТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ (Проект).....	357

ВУАЛЬ ПСИХЕИ¹

(эссе)

Через сновидения открывается неожиданный мир даже тогда, когда их смысл пытаются разгадать без опоры на ортодоксальный психоанализ и многочисленные «сонники», — путем несколько более пристального их рассмотрения, сравнения с фольклором, вовлечения в поиск лингвистических, антропологических, этнологических ассоциаций.

Так, необычно проясняются мотивы, касающиеся движения человеческой души, ее сновиденческих метаморфоз при чтении между строк документально-фантастического рассказа Г. Толмачевой "Зеленый старик" ("Русский мир", № 4. СПб., 1996). Автор легально почерпнула материал для рассказа у различных сновидцев, но толкование этого материала бросает свет на сферы довольно интимные. С более подробной, чем здесь, картиной анализа рассказа я ознакомил Г. Толмачеву ранее.

Даже и формально главное в рассказе — тема сновидения-символа. Фоновые темы связаны с Петербургом-Ленинградом, мечтаниями и невзгодами приезжей девушки. Внешней движущей силой

¹Текст публиковался в журнале "Русский мир", № 13, 2001.

повествования, как и следовало ожидать, является разность потенциалов между неадаптированностью человека, загнанного в казенные стены общежития, и миражами-обманами греховодника-города.

Трафаретные ассоциации экспозиции: Петербург — болото; общежитие — тараканы; женское общежитие — "парубки", карабкающиеся ночью к окнам по водосточным трубам, — пресекаются. Повышенно витальная интонация не меняется, стиль остается прежним, но вдруг оказывается, что действие происходит одновременно в нескольких смежных зонах. Я бы не стал называть их излюбленным для прессы и околонуучных статей термином "параллельные миры". Видения и сновидения, которые даются героине рассказа, нельзя считать полностью фантастичными, случайными.

Возникающий перед ней образ "прореженного", "разбавленного" Петербурга, то есть Ленинграда, перемешанного с некой дикой местностью, вполне типичен. У коренных жителей район, где они живут, часто смешивается в пространстве сновидений с дачной местностью. У приезжих смешиваются или накладываются друг на друга различные города. При этом особый монстр возникает, когда сливаются в одно несколько мегаполисов. У человека сохраняются "таксисы", "тропизмы", последовательности локомоций, идущие даже из раннего детства. Однако формально рассказчица рефлексировала это по-своему, апеллирует к дикой чухонской местности допетербуржья (Ижоре). Это наложение Ижоры и города образует аномальную зону, по которой впору ходить только сталкерам: повсюду незримые болота, невидимые плавающие кочки, некая "зыбучая почва" — и всё это среди асфальта и застроек. Как и где прошёл — такое настроение и образ мыслей получил.

Сновидения героини являются как бы сообщающимися сосудами. Особняком стоит только сновидейный образ зелёного старика, названного в конце рассказа домовым...

Зелёный домовой — странность. Зелёный цвет — скорее признак водяного. Скрещённость водяного с домовым — не отличие ли болотного города Петербурга? Домовой видится чаще белым, жёлтым или коричневатым стариком, ростом с гнома. Является он чаще девушкам и выступает в роли охранника девственности. Его пост — спинка кровати. Остальные функции домового в современном городском мире редуцированы.

Другое сновидение героини гораздо более гармонично, представляет собой ничем не замутнённый шедевр внутри рассказа. Этот шедевр начинается со слов: "Снился незнакомый город..."

Тематика рассказа такова, что художественные достоинства для него без документализма — автор соединяет в одно похожие сновидения нескольких девушек — оказываются невозможными. Толмачева нашла здесь верную ноту и тем самым стала причастной к когорте анонимных авторов сказок, былин, мифов. Отказ от самой себя, "самобытности", "оригинальности", "своего стиля" абсолютно необходим, поскольку речь идет об описании палеоядра человеческой ментальности. Индивидуальность, индивидуумность здесь уничтожены, а секреты таких выдумок, как искусство и религия, даются в чистом виде.

Главное сновидение героини — одновременно и художественное и патографическое описание не-нашего-нашего мира. Героиня, одетая в домашний халатик и стоптанные домашние туфли², движется вверх по холму к недостроенному зданию с куполом, опирающимся на колонны. Это символизирует еще не саму благодать, но намек на нее, стремление и движение к ней. Героиня поднялась вверх, но вдруг все акценты, связанные с куполообразным зданием, снялись. Была только общая экспо-

² Первоначальная прозаическая нужда, четким символом которой они являются, очевидно, была отменена амнестичным сновиденным сознанием, не пожелавшим уничтожиться в бодрствовании.

зиция, экспозиция-предвиденье, витальный план чего-то предстоящего... Одно сновидение начинает толковать другое сновидение, они взаимоперетекают. Героиня видит двух огромных ящеров. Один ящер — деревянный, другой — каменный. Деревянный ящер быстро оживает под лучами солнца. Каменный остается застывшим, как бы замороженным. Нет никакого сомнения, что каменный ящер — alter ego героини и сама героиня, замороженная чужим нелюбезным городом и общежитием-застенком (вот в чем одна из причин нестроения фаллосоподобного здания); деревянный, быстро оживающий ящер, конечно же, — милый друг.

Расшевелить каменного ящера³ непросто. Но вот... ветер несет промасленную бумажку. Каменный ящер... вдруг глотает ее и оживает так же. Ясно, что промасленная бумажка, вопреки коитусной психоаналитической легенде, может быть переведена толкованием как деньги. Это в узком смысле, а в широком — как благополучие вообще. Семантика такого толкования восходит к большей упроченности промасленного, а еще более — к сходству между пятнами масла на бумаге и водяными знаками на купюрах. Кроме того, масло — обычный фольклорный показатель достатка: "на хлеб с маслом хватает", "как сыр в масле катается". "Бумажки" — это и просторечные обозначения денег. Итак, каменный ящер готов к заигрыванию. Описание подъема на холм уже предвещало нечто подобное в более широком смысле. Не хватало только некоего спускового крючка. "Бумажка" сыграла его роль с успехом.

Героиня спускается с холма. Это оказывается для нее чем-то вроде лёгкого морального падения. Героиня с ужасом думает, что на неё с осуждением

³ Стандартная для филологов трактовка: "Дерево — деревня, провинция, а камень — большой город", — формально имеет право на существование, но не охватывает всей логики данного сновидческого материала. Например, было бы комично далее говорить о брежневском сближении города и деревни.

будут смотреть люди, но сновидийно объясняет это тем, что на нее надет неуместный для улицы старый домашний халатик. Малые муки совести навивно выступают как замена гораздо больших мучений. Героиня спустилась с холма. Всё отлично, всё хорошо! Здесь-то её и хватает зелёный старик, кричит благим матом, дерется, отбирает поясок. Поясок исчезает и в сновидении, и во внешней жизни.

В указанном контексте поясок может означать только девственность. Взбешенный старик здесь — не охранник, а божество-совесть. После акта глотания бумажки девственность и была потеряна на холме (в сновидении, естественно, об этом ни слова не говорится, если подразумевать буквальный смысл), а снятие пояска стариком — процедура разжалования, подобная процедуре срывания погон у военнослужащего. Допускать иные толкования — противоречить логике и последовательности сновидения героини. В отличие от других литературных случаев, семантическая полифония в толковании рассказа неуместна. Итак, означенное пояском может быть у девушки только один раз в жизни. В свое время Ахматова назвала это белой птицей:

Был он ревнивым, тревожным и нежным,
Как Божее солнце меня он любил.
А чтобы она не запела о прежнем,
Он белую птицу мою убил...

В стихотворении есть и такие весьма откровенные строки:

И я закопала весёлую птицу
За круглым колодцем у старой ольхи...

В немалой степени подразумевается и духовный аспект девичества.

На фоне остальных описанных в рассказе сновидений центральное сновидение не выглядит исключительно апелляцией к материальному благо-

получию и биологическому удовлетворению. Через сновидения мы открываем гигантский волшебный мир, спрятанный за тонкой пленкой обычного мира. Образная и чувственная многоэтажность, грандиозность мира сновидений выдвигают его на первое место, заставляют думать, что он вовсе не кривое зеркало, поднимают вопрос: "А не кривое ли зеркало НАШ мир?" Однако мы зацементированы сознанием именно в НАШЕМ мире, а потому волшебство сновидений и представляется флёротом, вуалью блуждающей среди многочисленных запутанных табу души.

...UBI VULT

*(о прозе Владимира Алексеева;
отвлеченные мысли
и ассоциации, ею порожденные;
редакции текстов —
по вариантам журнала "Нева")*

Витийство — не философия, не живопись. Это действо почти ритуальное, надличностное; идти против шерсти, грести против течения здесь в рядовом случае невозможно. А когда кто-то так поступает, он за это неизменно платит, делает отвлекающие маневры. Борясь с литературной стихией, иногда приходится показывать срамные места, выворачиваться, являть миру изнаночные язвы психеи. Не до бижутерии, лишь бы не вывалиться из сферы литературы вообще. Время от времени такое экстремальное благоспасение оборачивается эстетическими эффектами.

Роман, интрига, любовь уже не обязательны для литературы. А почему, собственно говоря, именно любовь? Почему не зависть, не обида, не злоба, не стремление кому-то погрозить? А если к тому же исчез пиетет перед семьей, школой, общественностью, прочими стадными ценностями (как ранее перед богами и курфюрстами), воочию, словно во времена упадка, может подняться во всей красе либо демон нарциссизма, либо нечто иное и странное, без имени и отчества.

Дух веет, где хочет — *spiritus flat ubi vult*. Долгое время я вообще не мог читать прозу Владимира Алексеева. Уж слишком этот автор разбавляет, слишком сыплет трюизмами, избегает фигур-сокращений, фигур-умолчаний... Почти всякий редактор легко вырабатывает в себе умение читать так называемых трудных авторов. Было бы время. Здесь другой вопрос: "Как читать тех, кто слишком легко читается?" При отсутствии в тексте какого-то допинга, например экзотики, можно увянуть на третьем абзаце легкого чтения: движение мысли, воображения, как и движение тела, предполагает сопротивление. Наш современник давно отвык от писателей наподобие Поль де Кока — речь идет не о тематике, а о форме: нынешний слащавый роман как раз в этом качестве иной.

Почти сверстники, люди одного с В. Алексеевым писательского круга, Юрий Чубков и Анатолий Степанов иногда близки с ним в подходе к своим героям, но в любом случае вложение читательского "я" в "я" героев у них принципиально иное. Ю. Чубков и А. Степанов реже препарировывают, трансформируют этот пролетающий мимо нас мир, у них он меньше предстает как театр, а, тем более, как театр одного актера, а ведь именно в такой театр, иногда даже кукольный, любит поиграть Алексеевский герой-рассказчик. Герои Ю. Чубкова и А. Степанова, даже когда говорят о бесконечном, находятся на земле, не стремятся занять место небесных гамлетов и даже гамлетов-червей, гамлетов-слизняков, как это часто имеет место у Алексеева. Вчувствование читателя в панорамную прозу Ю. Чубкова (романы "Убить Сатану", "Бежать некуда", "Колесо") — как бы тоново-музыкально; в камерную сугубо-конкретную прозу А. Степанова ("Голый человек", "Трехкопеечная история" и др.) это вчувствование происходит через аналогии ситуаций и как бы графично. В. Алексеев же претендует на вычленение некоего "все-я" и тем самым покушается на "я" читателя более прямым спосо-

бом, без подготовки, без артобстрела. Естественно, такой напор может вызвать возмущение, особенно когда в строках искрит оголенная мысль. А ведь мы очень недовольны, когда нас называют "мы": "Мы тогда думали", "Мы тогда ошибались". "Как так? Не мы ошибались, а Вы ошибались!" А у В. Алексеева словно из темноты вырастает "ты": "Ты это, пусть и в форме «я»". Однако эмпатия оказывается неполной, если хоть на малейший понюх предлагаемое "я-ты" чем-то не подходит. Что-то происходит с нами, читателями. Не всякий согласится эстетически отождествить себя с толстовским Холстомером, а тем более принять его моральные воззрения.

Алексеев если и выискивает героя-гения, то обязательно в мятой тряпочке, выхватывает его неожиданно, как Андрей Вознесенский своего Букашкина. Кто? Сосед Букашкин, говорите? Есть у нас такой, но никакие антимирры над ним уже не висят, а если некий предмет и висит, то что-нибудь букашкинское-промокашкинское, вроде рулона с туалетной бумагой. Так получается. А ведь древний Акакиевич превратился в грозного призрака, Поприщин — в испанского короля. А Передонов? Он — и Печорин, и Рахметов, и человек в футляре одновременно... И вообще всякий подпольный философ имеет в себе свое "А вот я тебя сейчас!" И человек, приведенный от пивного ларька, может погрозить триппером или ножичком. Что же герой Алексеева? Втайне униженный и оскорбленный? Пытающийся это скрыть? Да нет. Он частично скальпированный, частично оскопленный, распухший Букашкин в себе. Даже у Акакия Акакиевича брюшко пучило после ужина. Как распухнет у него брюшко, он достает бумагу, чернила и начинает выводить любимые буквы-букашки. Сублимация-с! И герой Алексеева часто самодостаточен, живет, вообще говоря, как бы не в провинциальном городе Петербурге, но в центре мира. Ему доступно всё: может в горы подняться, может с губернатором tête-à-tête поговорить, за границу съездить, хотя

большей частью в воображении. А если куда по-
нялся, куда съездил на самом деле, то привозит от-
туда массу размышлений на тему о том, что имен-
но "кушают лошади", скажем. А если заявит свое
мнение о месте впадения Волги, то к сему обяза-
тельно оригинально (и вполне коанно!) присовоку-
пит: "А Каспийское-то море в Волгу не впадает, как
вы, было, подумали!". Смысл прыжка алексеев-
ского героя через собственную голову — не в добы-
вании чего-то нового, но в интеллектуальной про-
буксовке, торможении. Ведь вся жизнь у него за-
торможена! Деваться некуда!

И все-таки начнем конкретный анализ с произ-
ведения, в котором рефлексия менее всего выра-
жена. Начало повести-очерка Алексеева "О Азиат-
ские края" — надо сказать, не особо ароматное. Это
описание рутинно известных достопримечатель-
ностей Москвы. Мозг начинает сереть, и вдруг
автор заявляет, что Петербург на этом фоне — "мно-
говековая шкатулка с определенным звуком и
тоном".

Преизбыток лишних подробностей подчас соз-
дает феномен, "фигуру неумолчаний": "...я молот
всяческий вздор". Но, с другой стороны, это, конеч-
но, прогресс по сравнению с бытовавшей ранее ла-
кированной, подтянутой и затянута на все ремни
автобиографической прозой.

Алексеев говорит о ташкентских вокзальных
вымогателях: "молодые муслимы" в черных курт-
ках, "жуки скарабеи". Наименование "жуки скара-
беи" довольно звучно и крепко, но, если задуматься,
не без оттенка фальши: уж навоз-то скарабеи, эти
священные животные⁴, ни у кого не вымогают. Бо-
лее удачна словесная обрисовка одеяния милицио-
нера: "...пожилым узбеком в фиолетовой шинели

⁴Увы и ах! Юмора почти нет. В обыденности до сих пор отождеств-
ляют "зверей" с "животными"...Пресмыкающиеся, земноводные, рыбы,
насекомые, моллюски, черви, губки, простейшие (для панорамности
ставлю в один ряд классы и типы) относятся к царству животных.

(еще милиционеры сталинской эпохи ходили окрашенные в такой цвет)".

Постепенно в повествовании появляется, наконец-то, свой аромат. Чем он определен? Прежде всего сменой, чередованием двух чувств: комфорта и тревоги. Комфорт потенцируют ташкентские неожиданности: отсутствие пьяниц и бродяг, низкая цена проезда, продуктов, новизна ситуации и пр. И всё это на фоне "томления и ожидания смерти". Попытки одурачить читателя витиеватостями по мере повествования прекращаются. "Путешествующий" герой превращается в сталкера, пусть и в меньшей степени, чем действующее лицо сновидений у Толмачевой (в предыдущей статье). Ему грозят наезды милиции, встречи с муслимами-мафиози: "Надо проскочить два десятка метров полупустынной территории". Почти бессюжетные перипетии героя-автора начинают напоминать приключения Эдуарда Лимонова на обезлюдивших улицах ночного Нью-Йорка 80-х годов⁵.

Утро уносит все сталкерные чувства: "Утро явилось радостью в душе... горлица горкает, тишина, балконы... чинары-платаны" — вновь появляется комфорт.

А есть ли иная, неповторимая острая экзотика? Отсутствие такой экзотики восполняют разговоры о неких космических пришельцах — уретянах знахарки Нины Ивановны. Уж не от слов ли "уретра" и "урина"?

Тревога и интуиция пронизывают сознание героя: он проверяет обратный билет и сталкивается с неожиданностью: необходимо заранее заполнить декларацию на узбекском языке. После чего герой-рассказчик благополучно покидает не совсем гостеприимный город.

Вот и всё. Присутствуют разные важные мелочи, но в чем соль текста? Не в мистификации ли? Был ли Алексеев на самом деле тогда в Ташкенте? Оче-

⁵ Когда жуткий криминал распространялся там ночью не только на Central Park и Гарлем.

редной блеф? Говорят, что был. Хорошо, допустим, он видел "звезду востока" не из окна мерседеса, но его не встречают и не провожают знакомые по прежним поездкам, герой-литератор не проникает в круги местной богемы, избегает встреч с благосохранившимися в Узбекистане остатками старого писательского сообщества. Или умышленно их не описывает? Что в них, дескать, интересного? Да нет. Провал поездок в Бухару и Самарканд говорит, что никаких творческих встреч (и поэтому протекций, кроме странного письма-направления для показа власть предержащим) не было. Для повествования это еще лучше. А была ли всё-таки поездка в Ташкент? Разговоры о "козле-Ельцине" можно наслушаться и в Петербурге. Если повесть — очередной алексеевский блеф, то она еще занятнее. Такой вот муслим! Вернее, изюм. Сухофрукт! Главное, что не зарезали. Пусть и откровенно обманул героя стандартный вокзальный плутишка, заявивший, что для поездки в Бухару и Самарканд каждому пассажиру обязательно требуется "крыша". Вот уж настоящая утка!

Повесть "Дурак" начинается с китайчатой видовой классификации дураков, то есть классификации почти без родов и типов, сходной с классификацией животных по Борхесу — Куну⁶ ⁷. При этом наиболее стоящим и безобидным дураком оказывается дурак-лентяй, лежащий дурак. Классификация, несмотря на заведомую ограниченность, как и следует из китайской перспективы, оказывается морем без берегов. Дураками являются все. "Дураки в нашей местности рождаются от хорошести, вернее, от некоего желания быть хорошими".

Чаще алексеевские дураки — мужчины. В них, соответственно, более выражено аполлоновское, а

⁶Животные делятся на: принадлежащих императору; отдельных собак; бегающих как сумасшедшие; нарисованных тонкой кистью из верблюжьей шерсти и т. п.

⁷Фриц Кун — немецкий Китаист, у которого, в частности, черпал вдохновение великий книголюб Хорхе Луис Борхес.

не дионисийское начало. Аполлоновское — это, прежде всего, псевдотворческая лень... Чтобы выяснить подоплеку русской лени, можно противопоставить славянских мужчин германоязычным. Что собой представляют, хотя бы условно-упрощенно, первые и вторые? Дадим юмористическое описание. Первые: мужское тело, мужская душа ("Вперед под танки!") и, увы, женский дух (Хорошие начальники — часто инородцы, приглашенные на княжение; историки философии, стихийные религиозные мыслители и культурологи вместо настоящих философов). Вторые: мужское тело, женская душа (Вот он германский романтизм!) и мужской дух. Бедная Россия! Слишком феодальный прищур был у твоего симбирского Лютера! Как здесь не вспомнить тот символ, каким А. Тарковский обозначил дольнюю, "земную" Россию в фильме "Андрей Рублев": беременную от татарина дуру, сидящую в седле задом наперед, лицом к хвосту лошади. Воистину: что было тогда, то есть и сейчас; и нет ничего нового под луной.

Вот в алексеевском перечне дураков "господаначальники, которые в своих домах и отдельных квартирах моментально спятили и возгордились". Вот дурородословная, дуробиография героя-рассказчика не без элементов любования дурумостью. "Никто не готовился стать дураком". А зря! Надо всегда брать поправку на грядущую дурачность!

Отец героя работает на несуразной фантастической "фабрике по производству женских бюстгалтеров и трусов". Именно так. Можно подумать, что существуют мужские бюстгалтеры. Автор неоднократно и настойчиво повторяет это словосочетание о бюстгалтерах и трусах, не пытаясь хоть раз дать для приличия производящей их фабрике хотя бы условную реальность, некоторую вписанность в наш канцелярски существующий мир. И далее многие фразы в повести намеренно лишены бюрократической противоударности и пылевлагопроницаемости.

Углубление обыденщины идет до еще большей обыденщины, производится переоткрытие известных истин. Формальное отсутствие открытия — таково обычно построение притчи. Повесть "Дурак" и есть большая притча без морали. Ее смысл — в напоминании. Дураки должны помнить, что они дураки, поскольку дурак, когда он понимает, что он дурак — уже... Но, к сожалению, это приведение дуруости к умности обычно происходит задним числом, когда исправлять что-либо поздно.

Конечно, в произведении неизбежно присутствует тень Иванушки-дурачка — главного героя русской бытовой сказки. Как-то уже неуместно сетовать, что главный герой на Руси именно дурак, а не талантливый студент или упорный ученик Юн Су, как в Китае. Что заслужили, то и получили. Великие и мужественные герои были, как ныне выяснилось, не имели ни муромской, ни новгородской регистрации (никакого села Карачарова!), их прототипы — из доисторических времен индоевропейского прошлого. А вот фольклорный дурак — чисто русское явление. Параллели можно найти среди таких наивных героев с задержавшейся "инициацией", как Кандид, Простодушный⁸ и пр., но это уже из другой оперы.

Русское сказочное сознание переполнено атавизмами матриархата. Сказочный дурак, стремящийся прилепиться к принцессе — протуберанец давно умерших парадигм, относящихся к тем временам, когда царя на троне сменял его зять (наследование от отца к дочери). Формально сказка многое поменяла: "У старика было три сына: двое умных, а третий дурак..." Так вот, предполагается, что в действительности и первоначально "умные" дети были не сыновья, а дочери. Дурак — это никто, это сын, лишенный наследства. Ищущий принц.

На место принцессы впоследствии можно помещать государственную службу, долг, купеческую

⁸ Соответственно из произведений Вольтера "Кандид или Оптимизм" (1759), "Простодушный" (1767).

лавку. Подобные подстановки годны для несамостоятельных обломовых, но не для штольцев.

А чем Чацкий лучше Обломова? Не есть ли это одно и то же лицо? И не дурак ли Чацкий, с обыденной точки зрения?

Герой Алексева ставится в положение Простодушного. Он работает на прядильной фабрике (попасть иначе к бюстгальтерам и трусам ему, видимо, не удалось), испытывает платоническую любовь ко всем девушкам-работницам. Сразу же возникает мысль о знаменитой фабрике "Веретено" близ Калинкина моста. Как известно, в это историческое место Екатерина II некогда загоняла блудных девиц, зараженных специфическими болезнями, заставляла их прясть, а заодно и лечиться. В повести, как и следовало ожидать, девушки оказались не такими уж простушками: они откровенно посмеялись над героем Алексева.

В тексте внезапно появляется экзотика — персидские мотивы, получает пищу старая тоска русских по безвозвратно потерянным индоевропейско-иранским корням. (Как известно, Киевская, а затем и Московская Русь с большой долей вероятности могли быть вторым Ираном. Даже московские цари долгое время напоминали своим обликом шахов, а не европейских королей.) Правда, герой оказывается в Средней Азии, а не в ином "муслиском" краю. Но ведь и Есенин, как мы знаем, в Ширазе не был. Дурак крадет у арыка возлюбленную, увозит ее в Питер, а затем проявляет полную, по восточным понятиям, несостоятельность: отказывается делать обрезание и заводить шестерых детей (пятерых девочек и одного мальчишка), о которых страстно мечтает его "Шаганэ". Сверх того, всевозможная немощь, душевная хилость гнетет главного героя, а уж таким гяурам — не место в волшебном царстве "Тысячи и одной ночи".

В повести неожиданно материализуется дух третьего⁹, еще не названного нами Андрея — Платонова, — странно, но уместно выпадающий в виде... вяленой плотвы рядом с трупом выбросившейся из окна матушки героя...

Архаическая интонация окончания повести совсем уж напоминает концовку "Записок сумасшедшего" Гоголя: "Вон пригорок над рекой, вон желтая дорога — холмы, вон бор сосновый... вон матушка, идущая по дороге. Откуда ты, милая матушка?". Правда, дурак Алексеева не задает вопрос о шишке турецкого бея, но осязает в грёзах-видениях русской равнины и русской тоски свое дурацкое счастье.

Ранняя повесть Алексеева "Вести из леса" также имеет дисгармоничное начало: в берложные рассуждения медведя-мыслителя вкрадывается элемент некоторой фальши при перечислении опасных хищников (волк, лисица, человек). А где сам медведь? Мыслитель ставит себя ниже мышей и ежей, но как-то без иронии. Да и лес какой-то странный. Это, по словам автора, тайга. Слово "тайга" на первых страницах повторяется множество раз, но фактически действие происходит в смешанном, а то и лиственном лесу, и наконец — в саде и парке. Деревья упоминаются в основном лиственные: осины, березы, черемуха, яблони, а потом даже сирень (!). Может, персидская?

Тайга — не совсем тайга. То же и с поведением животных: Сетон-Томпсон присутствует в миниуме. На первом плане — игровой медведь, медведь-человек, а далее в соответствии с этим — медвежья школа, медвежий университет, медвежий литературный институт. Даже, когда к бабушке-медведице и внуку-медвежонку подходит дед-медведь с вполне зоологично пахнущей муравьями пастью, на первый план выдвигаются чисто людские ассоциации.

⁹ После Вознесенского и Тарковского.

О зоопарке — ГУЛаге можно и не говорить. Стихийное бедствие в тайге (паводок) как бы отождествляется с ужасами первой трети догексогеновой эпохи: 1992—1994 годами в России. В качестве учителя мудрости выступает дядя медведя — главного героя: "Нет истины, о медведи! Нет ни левых, ни правых, но сама мудрость молчит, ибо нет истины, есть путь". Но какая-то истина сквозь эту дзэн-фактуру таки проблескивает: "Сколько мужика ни корми, — говорил он, — он все равно мужиком смотрит". Какие святые слова! Да и деление на "правых" и "левых" для России действительно не подходит. Кто такие "правые" в нормальной стране? Почвенники, консерваторы, хранители основ. А ультраправые? Ястребы, а также вожди шовинистически или националистически настроенного плебса. Разве в России так? А левые? Левые — это авангардисты, абстракционисты, профессура, студенты, хиппи, сартры, андре жида... Разве в России так? Конечно, нет. Есть только "сено — солома", да и те, перезимовавшие и сильно подгнившие. Если что и есть, то не политические силы, а силос, на который смотреть тошно, как бы он себя ни называл: "правым" или "левым". Кстати, можно предложить читателю один любопытный тест. Как известно, ум бодрствующего представления — геометр. Он живет не во времени, а в пространстве, пытается всё рядоположить, расположить по каким-то полочкам. Так вот, если Вы, читатель, представляете себе какую-либо "левую партию", где Вы ее располагаете? Слева от себя? Или слева от мысленного собеседника?

Повесть представлена отдельными эпизодами, фенологическими зарисовками. Интрига практически снята.

Натуралистичность только формально может перекликаться, скажем, с Рабле или Свифтом, даётся в ином коленкоре, далеком и от современных авторов. Медвежата, оцепеневая, делают грустные лужи под строгим взглядом медведя-учителя. А

вот последствия употребления медовухи: газы, "которые со страшной силой вырывались наружу, отчего вокруг рыжели травы, а цветочные головки скромно потупляли глаза". Именно на такой хорошо унавоженной почве у Алексеева и проявляется творческое акмэ! Таких перлов, как "грустные лужи" и "глаза цветочных головок" нет ни в одном другом фрагменте. Поневоле приходится призывать нашего Владимира Владимировича к проявлению гораздо большей нескромности и бесстыдства! Но не хочется здесь, пусть не всуе, поминать Фрейда и его наскучившую теорию о трех этапах психического развития. В прямом смысле главных героев Алексеева, конечно, интересует чисто психическая фокальность-фекальность, копание в психических отбросах. А это вполне литературно, это продолжает, скажем, те же тропизмы Натали Саррот, но уже на выходе. А ведь теория "трех этапов" может коснуться не только человека, но и страны, в том числе этой. Вай! Такое большое могущественное государство заползло в собственный анус и никак не может оттуда выйти. К слову сказать, не первый раз туда заползает, а с упрямой периодичностью — всю свою историю. А ведь и Володе Маяковскому грезилась пармские фиалки и лавры асенизатора, мобилизованного, призванного...

В этой повести, как и в других произведениях, проявляется склонность Алексеева к абсолютно полному соблюдению риторических правил по построению микрокомпозиции (несмотря на снятый обычный сюжет!). Что-то опустить, сократить, вынести за скобки, за кадр как необязательное, вычеркнуть, наконец, он просто физически не может. Хочется вам литературных рубинов и алмазов? Да нет же! Серным колчеданом и цинковой обманкой также любуйтесь!

Штампы в произведениях Алексеева не слишком раздражают, но всегда присутствуют: "мучительные поиски", "сладостный сон" и т. п. За исключением некоторых гротескно-гоголевских мест, автор идет на отказ от вольтажа, образно-эмотив-

ных нанизываний, усилений, потенцирований. Для него характерно оправдание синтаксисом. Старо-классический дневниковый синтаксис (нередко сходный с синтаксисом Генри Миллера) сочетается с отказом от классических художественных приемов, скажем, тех, что применяли Золя, Тургенев и др. Алексеевская весна в лесу — это не "Вешние воды" уже потому, что стержень изложения — не древо эмоций. Каркас повествования — отрывочные мысли, воспоминания, вердикты. Эмоции в них вторичны, если не третичны. И все-таки в алексеевской бессюжетности есть свои кульминации. Например, в последней упомянутой повести это — лесные игры Мишки с Машкой, нагло-торжественный проезд медведя на велосипеде через деревню.

Май 2002 г

РОМАН "РОМАН"

(О тексте В. Сорокина)

Кто-то может подумать, что это произведение при небольшом редактировании перестанет быть пародией, подделкой нескольких литературных слоев сразу, что, по крайней мере, оно не покажется сборищем штампов и длиннот. Представим, что "Роман" переделан. Тогда возникают вопросы. Что это за роман, если это вовсе не исторический роман? Зачем он нужен? Так, немало вопросов вызывают детективы Б. ...нина, а кое-кто из читателей их просто не выносит. Подобного рода недоумения неизбежно настигли бы и роман Сорокина, не будь он заведомой мистификацией.

В произведении есть герои и моменты, против которых попытки "редактирования" были бы бессильны. Прежде всего, это Антон Петрович — своеобразная реинкарнация Антона Павловича Чехова и его коронных героев — Ивана Петровича Туркина из "Ионыча" и военного доктора Чебутыкина из "Трех сестер". Надо сказать, что в эту тара-ра-бумбию попадают не только Чехов, Туркин и Чебутыкин, но в тех же ипостасях многие другие чеховские герои — практически все его мужчины-интеллигенты, сколько-нибудь способные к игре слов и юмору — "чехонты".

Невозможно изъять из произведения и картонно-рельефное заимствование — фарсовый эпизод с русской рулеткой", отражающий временный конфликт главного героя с будущим тестем.

Как известно, Чехов сильно расстраивался из-за того, что не может писать длинно, что у него не получаются произведения большого объема. Вероятно, он предчувствовал близкую эстетическую смерть традиционного романа, интуитивно видел его слабые стороны, почти не свойственные рассказу трафареты. В каламбурилюбце Антоне Петровиче из романа "Роман" назойливо-размазанно сосредоточена квинтэссенция малого жанра.

В конце сорокинского текста герой Роман уныло-однообразным способом убивает всех остальных героев, все более и более впадая в активнореактивный маразм, а затем умирает сам, то есть фактически убивает роман. Это можно трактовать и наоборот: как убийство романом своих героев, убийство романом самого себя.

Нельзя не обратиться к читателям, не любящим или отвергающим произведения Сорокина. В тексте 4/5 объема — аналог русской прозы конца XIX столетия за шаг до Серебряного века, с указанными выше отличиями, но почему-то без намека на графоманию; и только 1/5 объема (развязка) — постмодернистский выверт, психопатологический триллер-континуум. Весьма интересен поворот от одного стиля изложения к другому. Сигнал к изменению дает беззвучный звон деревянного колокольчика. И далее трясение этого колокольчика периодически подстегивает действие в последней части, активизирует убийцу и нейтрализует сопротивление бесчисленных жертв. Метафора-аллегория довольно прозрачна: деревянный колокольчик — читай: целлюлозный или бумажный колокольчик — связь между именем "Роман" и литературным термином "роман". Колокольчик — это как бы КНИГА ВООБЩЕ, книжность как таковая, подобная Платоновой "стольности" и "стульности". Эта

идея овеществляется в руках невесты-жены главного героя. Звук колокольчика не слышно, но если прислушаться, то кажется, что ангелы поют. Эти песни ангелов — виртуальный литературный мир. Другой символ: Роман женится на приемной дочери лесничего Татьяне, в чем просвечивает брак литературы с целлюлозой. Автор дает подтверждение наметкам перечисленной символики: прежде чем убить Татьяну, герой закладывает ей в разрез чрева все тот же деревянный колокольчик и таким образом воссоединяет части природной субстанции.

В романе Сорокина пунктуально уловлены не только штампы русской прозы, ее стандартные ситуации, избитая формальная структура, но и отпрепарированы, выделены с помощью навязчивых повторов и нарочитых длиннот ее ритмы, гармония, душа. Последние вдруг становятся доходчивыми и для дураков. А потому для литературного процесса книга "Роман" означает не только осмеяние подражательности, но и возможность преодоления литературных нескладушек.

ЭРОТИЧЕСКАЯ ПРОЗА АНДРЕЯ НЕКЛЮДОВА

Оценка литературы такого рода часто чрезвычайно субъективна. Она зависит от того, в каких точках жизненного, годового, месячного и дневного цикла находится читающий. Еще большее значение имеет степень зашоренности. В такой литературе, больше чем во всякой иной, имеет значение Рубикон художественности. Так, рассказ Алексея Толстого "Баня", невзирая на многочисленные достоинства и проявленный талант автора, художественным не считается. Почему? Вследствие технологичности. Аналогично не может быть художественным стандартное описание цепочки финансовых операций. Выпадением из собственно художественного мира по той же причине страдает американский кинематограф. Основная причина — попытка подделать документальность. Многочисленные погони раздражают не потому, что они погони, а потому, что такова действительность, оттого, что таков глубоко спрятанный архетип, который и пытаются эксплуатировать. Искусство — это почти всегда искусственность, избранность, избранность, изготовление заведомо нереальных в житейской стихии узоров.

На протяжении большей части текста "Скажи: люблю" Неклюдов, похоже, никак не гонится за

художественностью. Казалось бы, это и не обязательно. Весьма востребована эротическая литература обучающая, "просветляющая", популяризирующая, расслабляющая. На изданиях такого рода можно обнаружить надпись наподобие: "Не рекомендуется для продажи лицам до 18 лет". Какая скромность! А ведь на самом деле такая литература в первую очередь обращена к возрасту от 13 до 19. Или мы забыли постановление Госдумы о брачном возрасте? Или не знаем, что в некоторых, отнюдь не жарких странах, двенадцатилетним детям прямо в школах раздают презервативы? А уж словесно просвещают когда кому придется... Можно заявить, что "на самом деле" некоторые плохие и вроде бы не плохие детишки начинают курить с четырех лет. А вот здесь все ясно: курить до 25 лет¹⁰ нельзя, а лучше вообще не начинать курить. К понижению сроков полового созревания это не имеет никакого отношения. Впрочем, вопросы жеманства нас не интересуют, а о возрастной психофизиологии нужно говорить отдельно. Лучше обратить внимание на композицию рассматриваемого рассказа. Она напоминает детскую пирамидку из стержня и надеваемых на него колес. Нижнее, самое толстое колесо — технологическое; второе колесо, гораздо уже — слащаво-бульварное (большое сходство с соответствующей переводной литературой XIX века), третье (имеет самую малую толщину и совпадает с кульминацией) — суперсовременная экзистенциальная проза, четвертое, верхушечное колесо — обычная советская проза 60—70-х годов минувшего века. В этом соединении разных подходов, как ни странно для эротической литературы, наиболее выпукла идея предупреждения: "Не слишком обольщайтесь, молодые люди!".

Даже не приходит в голову задаваться вопросом о художественности по отношению к тексту "Фитомания". Этот рассказ — почти шедевр. При-

¹⁰ В этом возрасте заканчивается "физическое" созревание мужчины.

менительно к прозе такое определение экзотично. В "Фитомании" автор как бы неявно подытоживает всю фантастическую литературу о растениях-хищниках, начиная с Герберта Уэллса и кончая Уильямом Барроузом. Коварные растения в "Фитомании", прежде чем уничтожить свои жертвы, многократно выступают для них в роли сказочно-изысканных любовников. И не только отдельные растения, такова вся флора острова, возникшая на нем благодаря падению метеорита. С другой стороны, идея эротической сельвы тяготеет к океаническому ощущению, как бы отвечает глубинному человеческому стремлению к внутриутробному существованию. Именно это стремление воспел некогда М. Лермонтов:

Но не тем холодным сном могилы
Я б желал навеки так заснуть.

Описание смертельно опасной эротической сельвы неизбежно оказывается и аллегорией наркотического забвения. Сочетание подозрительно сладкого лакомства и ловушки-убийцы — это мотив из вечности.

Разумным компьютерам, роботам-интеллектуалам и просто предполагаемым инопланетянам любовные отношения людей наверняка показались бы откровенным маразмом. Этот странный аспект людских проявлений гротескно показан Неклюдовым в тексте "Оргия".

Материал, преподанный в повести "Нефритовые сны", напоминает историю болезни. Этот местом чрезвычайно мощный поток сознания лучше разбирать отдельно. Повесть кажется весьма сумбурной и архаичной по форме, но в ней постоянно звучит одна и та же нота. Нот на белом свете не так много, и эту "неклюдовскую" ноту можно обнаружить, скажем, в прозе Гете и Рильке.

Рассказ "Танечка" — самый обыкновенный, более того обыденный, но он явление во всех отношениях пограничное, это один, растянутый на три десятка страниц крик. Растление может произрасти из цвета неба, чирикания воробьев, из строк священных книг — из чего угодно. Литераторы, психологи, медики постоянно этот вопрос ставят, но так никогда не решают. Как правило, речь идет не о факте растления, а о его степени и последствиях, и независимо от причины как бы отвечает (как выдыхается) само собой: "Лучше бы никаких растлений не было". Другой полюс ("Лучше уйти в монастырь") здесь словно аннигилирует.

Текст "О бормашине, колготках и врачебной этике" вполне художествен, но как раз этого автор почему-то испугался, пришел в ужас от того накала, какого сам достиг. Он объявляет происшедшее с героем сновидением, превращает действие в фарс, измышляет шуточный заголовок, а к нему — подзаголовок "миниатюра". Законы искусства требовали от автора совсем иного: его герой действительно должен был проснуться, но на том свете. Видимо, нашего скромного Андрея Неклюдова не прельстили лавры Кафки и Сальвадора Дали.

СПИЧИ

* 1 *

СМЕРТЬ ПОЭЗИИ

/манифест/

Есть поэзия — явление, всего-навсего вид литературы, к которому так склонны наши грамотеи-рифмачи. А есть поэзия — сущность¹¹, что может присутствовать где угодно: в пейзаже, музыке, прозе... В данном заголовке я подразумеваю синтез двух поэзий, то есть поэзию, начиненную поэзией. Подобное в последнее время исчезает.

По уровню литературного процесса Россия оказалась отброшенной на десятки лет в прошлое из-за пропусков важных этапов, откровенного манкирования опытом мировой литературы. С этим многие согласны, но в упадке этого процесса она порой опережает другие страны. Если в Европе поэзия умерла в конце восьмидесятых годов XX века, то в России значительно раньше — уже в тридцатые годы, на полвека раньше. Священным знаком

¹¹ Эта поэзия в неспецифическом смысле — малоопределимое тоническое ощущение высшей одухотворенности, эстетической релевантности, возвышенной осмысленности, вызывающее катарсис, эмпатию, напоминание о лучшем (мире, чувствах, возможностях, жизни).

смерти поэзии как раз явились ныне прославляемые обэриуты. Желаящие могут рассуждать на тему о том, как муза поэзии попала в стакан полный мухоедства, как с помощью поколения дворников, сторожей и работников котлонадзора она стала смотреть на мир глазами ЖКХ. Вопрос о ее гибели в англоязычных странах более сложен. Ясно одно: поэзия почилла там гораздо раньше, чем в континентальной Европе. И, конечно, в Европу смерть поэзии пришла оттуда, а не из России.

В чем дело? Конечно, в демократии, различности и пролетаризации, как в случае России. Равенство и прочие свободы, массовая культура не способствуют аристократизму духа.

Дольше всего дыхание поэзии поддерживалось вне Парижа и Гамбурга: в Бельгии, Люксембурге, Западном Берлине — пограничных островках. Немцы-поэты очень часто носили французские фамилии, французы — немецкие...

Кто сказал в поэзии последнее слово? Отнюдь не русские символисты. Им крупно повезло: они явились на свет позже, чем символисты французские, но и они поспешили. В двухстах-трехстах текстах они подняли поэзию на недостижимую высоту, но в основном тематически и чувственно. Принципиально новой формы они не изобрели, а мы обязаны учитывать и форму. А тот, кто изобретал форму, испытал тематическое и чувственное снижение, хотя и не потерпел полного краха.

Итак... Последнее слово начали произносить Хлебников, Георг Тракль и Лорка. Его произносил Ханс Арп. Его договорили Жак Рубо, Ив Бруссар, Иван Голль, Аниз Кольц.

После этого на всем западном пространстве профессиональные поэты приступили к бытовым по теме, хотя и лиро-эпическим по призыву, излияниям. Поэтическая тема, поэтическое содержание как таковые исчезли.

Утонувшая в мудром провинциализме Россия, перемешав, а то и скрестив, акцентный стих с поэтическими формами XIX века, из мира социалистического реализма будто бы перешла в мир бытового, то есть социального реализма... Зачастую и при тривиальном тра-та-та осталась. Идет бычок, качается... Не заметил, что доска кончилась!

Но главное: по-прежнему сохранился корень "СОЦ". Фактически соцреализм остался!

Многие авторы находят утешение в подключении к традиционной песенно-есенинной стихии. Утешение здесь можно найти, но поэзию этими "трали-вали" и "бу-бу-бу" уже не спасти, на какой лад их не произноси. Де-факто они не переключаются с темой, а масса так называемых мягко-лирических тем уже старомодна по колеру и вызывает невольную усмешку. Человечество взростеет, и с этим нужно смириться, а чувственные вибриссы для открытия или творения сверхмиров даны ничтожному числу представителей рода людского. Да и никто никого не воспитывает, не образовывает в этом направлении.

Выясняется, что молодые люди начала третьего тысячелетия не понимают самых элементарных текстов Ханса Арпа. Они почему-то не видят в них поэзии. Можно только догадаться о каких благоглупых кудреватых метрейках они мечтают. Где тогда этим людям постигнуть гиперверсификаторство Геннадия Айги, Ивана Жданова, раннего Драгомощенко. А ведь на практике именно названные поэты (по мнению некоторых критиков, всего лишь "имитаторы"; как и Джойс, писатели для писателей, а не для читателей) являются хранителями той кунсткамеры, где среди чучел, мумий и заспиртованных уродцев, возможно, скрываются две-три полудохлые споры поэтических бацилл.

*** 2 ***

**ПРОЗА
ОПЯТЬ В ИНТЕРЕСНОМ ПОЛОЖЕНИИ,
УВЫ, ПЕРМАНЕНТНОМ**

Четко выраженное "интересное" положение прозы в свое время выражал французский новый роман. Однако вскоре выяснилось, что новым романом занимаются только новые романисты. Интересное положение по этому поводу прошло. В каждый новый период появлялись другие поводы, менее значительные.

Чем же наполнена проза сейчас? Сегодняшний рубеж знаменателен миграцией периферийных ее областей в центр. Если самые передовые литераторы ранее прибегали к фантастике, детективу, порнографии, эзотеризму, откровенным заимствованиям и пр. только в виде исключения, то сейчас они почти превратили это в правило.

И все-таки современное положение в прозе интереснее, чем в поэзии, не только в переносном, но и прямом смысле. Чем же? Трудно сказать. Надо полагать, обещанием. Не исключено, что это обещание вечное. Да ведь и саму прозу читают только потому, что автор что-то обещает.

О ПРОЗЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Почему-то критики прежде всего и подробнее всего анализировали его роман "Чапаев и Пустота". Очевидно, Чапаев и Петька ближе к душе и телу критиков, чем прочие пелевинские герои. В обзорах, конечно, всплывают "Омон Ра", "Жизнь насекомых", но более для полноты высказывания. "Принц Госплана" прошел почти незамеченным как, де, проба или укрепление пера. Может быть, это и были проба и укрепление. Наконец, в целом ряде произведений писатель обретает свой Олимп и всходит на него. "Дженерейшен П" рассматривают уже как начало схождения с вершины, творческий надлом, а "Числа" — как откровенный самоповтор, творческое снижение — исписался, мол, автор. Таково резюме. Писатель творческий подвиг совершил и имеет право почивать на лаврах, даже ничего не создавая. Он, похоже, многое провидел глазами главного героя романа "Дженерейшен П". Тот также совершил главное дело жизни. В самом деле, сколько можно напрягаться? Пора и честь знать. Никакого юмора или злорадства в такой постановке вопроса нет. Дело житейское. Будет нужно, Пелевин нас еще, может, порадует чем-то совершенно новым и необычным, но делать это он вовсе не обязан.

Постоянное повторение везде и всюду "Пелевин", Пелевин" уже много что значит. А поскольку речь все-таки идет не о детективах, слащавых романах для домохозяек и вульгарных триллерах, неизбежно возникают мысли о новом этапе в истории русской литературы... Что значит этот этап? Пелевин не изобретает принципиально нового письма. Его язык скуп, иногда даже сходен с репортажем. Тематика? Балансирование на грани между бытом и эзотеричностью — не новость. Занимательность? А мало ли что занимательно... Остается еще одно. Современность. В отличие от многих Пелевин действительно современен, гиперсовременен, хотя нередко этим злоупотребляет. Возникает даже вопрос: "А не с экрана ли ТВ и видео вся эта современность?". И все-таки, будучи современным, писатель не скатывается, в отличие от подавляющего большинства кинематографистов и телевизионщиков в болото пошлости.

Наверняка половина пелевинских текстов будет актуальна и по прошествии многих десятилетий. Одной современностью подобное не объяснить. Эти тексты, как уже говорилось, не детективы, изящной словесности или словесных экспериментов в них нет. Ссылки на простоту и экономию мышления недостаточны. Несомненно, дополнительный творческий ларчик у писателя есть, но взламывать его мы пока не будем.

Стали трафаретными сравнения Виктора Пелевина с Владимиром Сорокиным. Обычно не в пользу последнего. Пусть Сорокин — не Чехов, по тридцать пять раз его тексты перечитывать невозможно. Впрочем, и у Сорокина можно найти два-три рассказа, закрученные до гениальности и, несомненно, годные к повторному чтению. Что-то у него больше чем на однократное чтение не рассчитано, но что-то, скажем, первый текст из "Пира" ("Настя") можно и перечитать. У Пелевина с периодичностью лет в семь вполне можно перечиты-

вать добрую половину текстов, но сама перспектива подобного перечитывания выглядит мрачновато. Как и Сорокин, Пелевин все-таки отталкивает... И не тематикой. Слишком он таки забирается и забирается очень нехорошо в духовные внутренности, проводит живыми душеместами прямо по терке и колючей проволоке.

Сорокин берет устаревшие сюжеты и вдруг их оплодотворяет, либо ни с того ни с сего прививает к ним, и очень органично, чужую запчасть. Художественный эффект достигается! Причем очень прозрачно. Пелевин часто занимается, тем же самым, но швов и разъемов в его сюжетах не видно. Уход за грань у него постепенен и неназойлив. К гротеску в этом смысле Пелевин в большинстве случаев не стремится. Но эстетический подъем, пафос налицо. Пелевинская эврика, в отличие от сорокинской, как правило, вне анекдота. В этом истинный Пелевин. Анекдотом же Пелевин себя и снижает — он не мастер в том, что умеет делать Сорокин¹². Очевидно, его слабость в этом. А сила — в придании читателю тех градиентов, которые ведут далеко от границ литературы, например, в искусство вообще.

.....
Остается добавить пару фраз из давно начатой, но так и не законченной статьи. Незавершенная статья называлась одиозно и громко: "Правда ли, Пелевину не видать Нобелевской?"

Вроде бы, как будто бы и прочая и прочая одно время Виктор Пелевин являлся первым автором-

¹² Кроме того, творческий потенциал, гуманитарная живучесть В. Сорокина во многом связаны с наличием у него литературного полигона — экспериментальных текстов, заведомо выпадающих из коммерческой прозы. К сожалению, "полигон" В. Пелевина состоит из текстов скучных... А некоторые главные произведения? Многие признают, что не только "Жизнь насекомых", но даже великолепные "Вести из Непала" осилили только со второго раза. Зато вчитались бесповоротно!

прозаиком под русской луной. И первое никого было не найти. Но, оказывается, это всего лишь одна из точек зрения, причем стихийная, относительная, связанная с общим безрыбьем и преизбытком вокруг нас кривых зеркал. Большинство литературных журналов по обыкновению не видят ничего, кроме собственной обложки, а журнал НЛО отдает не собственно НЛО, но какой-то дезодорированной затхлостью, заорганизованностью, запрограммированностью... Один номер похож на другой как две капли воды. Какой-то "Новый новый мир"... Впрочем, вся эта ругань — закамуфлированная похвала: речь идет о реально втором по значению журнале (после "Иностранки"... начала девяностых годов), причем таком, какой стоит практически на одном уровне со специализированными научными изданиями.

.....

Если несколько огрубить общие рассуждения и сократить невнятную массу мыслей, то в качестве неожиданного подведения итога окажется, что у Виктора Пелевина, вообще говоря, нет мирового уровня, а есть разве что откровенная местечковость. Он более московский автор, чем русский. Внутренняя Монголия и та тяготеет к московскому ресторанчику и подмосковному сумасшедшему дому. С другой стороны (как раз с обратной) его мистика неглубинна, не имеет достаточных этнографических корней, как, например, у Маркеса.

Наиболее художественно убедительны пелевинские рассказы. Вот их и надо было ему писать! Рынок, издатели (а на самом деле и соображения удобства, экономии, стремления повысить КПД, намерения провести заметный издалека штрих на теле цивилизации...) заставляют Пелевина писать повести и романы. Здесь он заведомо слабее. А тот, кто пишет романы, сосредотачивается на них, неизбежно разучивается творить стихи и рассказы...

Вместо обычно полагаемой уважающему себя

ВПЗРу¹³ панорамности, мы видим у Пелевина элементы локальной самодеятельности: капустника, КВНа, ералаша, — дух, родственный раннему Василию Аксенову, — игрецы, игрецы и видоизмененные шахматные поля сплошные... Очень даже приятно, что в будущем это будет нормой, но пока эта норма как-то не отстоялась, не выверилась, не набрала нужных оборотов.

Кроме того, Пелевин нас поражает зияющим отсутствием высокого идеализма. Страшный аргумент. Присутствующий идеализм окрашен низшей магией, шаманизмом.

Увы, почему-то нет лапидарности. Аргумент еще страшнее.

И то, о чем говорить почти неприлично. Формально, социокультурное состояние пелевинского творчества метастабильно, два-три лишних кванта, какой-то дополнительный кристаллик (внешние факторы), либо новый поворот творчества — и физиономия этого автора предстанет совершенно иной. И тогда... Скорее всего, никаких "тогда". Максимальные обороты, видимо, уже позади, адаптивные запасы данного свыше "голубого сала" расплавлены.

Но печаль моя светла: русская проза в отличие от поэзии таки вышла из состояний стойкой заброшенности. Считать можно по-разному: и так, и сяк. По крайней мере, один из тех, кто вывел прозу из коллапса, — Виктор Пелевин.

P. S.

О новых текстах ("Священная книга оборотня", "Empire V"). Взгляд на них неизбежно амбивалентен. С одной стороны, ясен окончательный курс

¹³ Юмористическая аббревиатура. "Великий писатель земли русской..." Словосочетание впервые употреблено Тургеневым в довольно серьезном контексте.

автора на выпадение из пресловутой большой литературы и превращение в обыкновенного фантаста. А последних в мире и на Руси — несчетное множество. С другой стороны, мы видим довольно крепкие вещи, возникает даже вопрос о технологии их изготовления. Написать их без мытарств духа невозможно. И, конечно, названные тексты не идут ни в какое сравнение с провально вымученными "Числами". Из гордиева узла под названием "Пелевин" по-прежнему выходят два конца: один — растворение в средненьком обывателе и лесть ему, другой — попытка воспарить в надзвездное. Гамлетовский вопрос в исполнении Виктора Пелевина звучит так: "Каким образом можно стать сверхчеловеком, не превращаясь при этом в гения?". Действительно, стандартный супермен из кинобоевиков гораздо ближе массовому читателю, чем гений.

В детстве мы читали много книг, которые казались тогда захватывающими, непревзойденными. Можно ли считать их такими сейчас? Подавляющее большинство из них — невозможно. Даже с поправкой на детство их оценка будет другой. Книжки Пелевина захватывают не только среднестатистического читателя. Просто захватывания мало. Почему? Большинство авторов пишет гораздо хуже. Пелевин не пытается стричься под классику и разливать по древу. Дело не в этом, а в том, что Пелевин теряет при этом неуловимую квинтэссенцию обычной прозы. Только сказки мало. Даже нашпигованной мудрыми мыслями. Я не берусь перечислять все компоненты упомянутой квинтэссенции. Чаще всего один из них — поэзия.

Виктор Пелевин не дает того пронизывания насквозь, что обеспечивает Харуки Мураками. Что бы ни делали пелевинские герои, часто остается ощущение "понарошку"; не забываешь, что перед тобой текст, не переносишься в мир художественных грез бесповоротно. Нет и характерной для детектива силы воздействия. Хорошо, что Пелевин

почти не прибегает к детективным ходам. Но после чтения его произведений, как и после детектива, остается впечатление "обмана", недавнего сидения в гостях у "нуля". В этом сходство с мирозданием, ибо мироздание и есть нуль, пусть иногда раздвигающий и умножающий сам себя.

Если Павич разводит текст историческими очерками, Харуки Мураками — описаниями приготовления и поглощения пищи, то Пелевин — главками из несуществующих учебников, эзотерическими пособиями для неопитов. Кульминационные пункты "Empire V" — псевдомасонские игры и шаманские действия, одно из которых — превращение человека-вампира в летучую мышь-вампира.

В романе выясняется, что смысл человеческого счастья — в сборе и утрате субстанции, именуемой баблосом... Более чем гомеоморфно! Не о деньгах и не о дофамине¹⁴ идет речь.

Временами представляется, что роман — разбавленный шедевр. Убрать из него страниц сто, добавить страниц пять изящной словесности — и вот вам образец прозы для подражания. Временами автор реабилитирует разжиженность ходами сюжета. Например, вполне ожидаемое, заранее предчувствуемое перемещение головы главной героини на туловище Великой Мыши (пелевинский аналог Люцифера-демиурга, павшего ангела, уставшего Прометея) происходит через цепь не совсем ожидаемых событий¹⁵. Нужный драматизм

¹⁴ Как и некоторые литераторы, Пелевин совсем уж дианетовско-англомански называет последнее соединение "допамином". "P" (п) вместо "ph" (ф). Считается верным: ДиОксиФенилАМИН. Такие "новоязные" термины, как "инграмма" и "допамин" — порождения переводчиков, не знакомых с существующей отечественной терминологией.

¹⁵ С нарушением своей логики. Главная часть вампира — древний практически бессмертный мышинный язык (второй язык, верхний язык): когда вампир умирает, его язык передают новому вампиру. Этот язык — одна из высших ценностей, однако языки оставляют умирать в отмерших головах и шеех Великой Мыши... Пелевин не делает оговорки. Драматизм в том, что при установке Великой Мыши новой головы заново отрезают головы у двух вампиров: одна голова становится

получен! Но таки остаются сожаления о размытии эстетической вершины.

"Священную книгу оборотня" оценивать сложно, особенно после отпечатавшихся в памяти многочисленных и однообразных историй о лисах из китайской классики. По-видимому, эта книга в творческом отношении — переходный этап от "Чисел" к "Ампиру 5". Неизбежно возникает мысль, сопоставляющая древних китайских лис-оборотней, нередко ведущих себя подобно обманщикам-даосам, с лисами славянских сказок. Вначале "Священная книга" представляется слабее рассказа "Проблема верволка в средней полосе" — пока речь идет о смене героиней клиентов и обмене письмами с сестрами-лисами. Вот, вот — и можно приуныть, но затем у романа появляется второе дыхание. После чего — третье, четвертое... Эту ступенчатость можно видеть и в "Empire V".

головой Мыши, из другой извлекают язык, чтобы тот выполнял функции синапса в новой шее Мыши.

БОРХЕС И ДРУГИЕ

Хорхе Луис Борхес на протяжении всего творчества пытался изобрести литературный абсолют, литературный философский камень. Эти его лабиринт, бесконечная книга, бесконечная библиотека, Алеф... Но пространства у него оставались разомкнуты, страницы только предполагались между страницами, дополнения были предположениями. Действительно найти литературный абсолют удалось Хулио Кортасару в маленьком рассказике, названном "Непрерывность парков".

Фантасмагории Гарсиа Маркеса по сути направлены туда же, куда изыски Борхеса, но не предусматривают умозаключений, интеллектуальной нацеленности. Они ближе обыденному, но соль в том, что его обыденное не совсем просто.

Можно назвать еще два десятка имен писателей Латинской Америки, работающих примерно в том же ключе, что и названные авторы, однако есть странности. Например, колумбийцы считают своими главными магическими реалистами людей, совершенно неизвестных европейцам.

Главное в латиноамериканской фантастике — особый тон, "марсианскость", малозаметные извывы данности, совершенно чуждые европейской культуре.

Кое-что из этой марсианскости сумел подхватить в своих выдумках о "пути война" американец ("гринго") Карлос Кастанеда. Историкам религии, исследователям-этнографам, естественно, никакой

описываемый Кастанедой "путь война" не известен. Кастанеда использовал в своих выдаваемых за дневники трудах опыт всей человеческой, а не только заокеанской эзотерики. Тем не менее, главный эстетический аккорд в кастанедовской мистификации принадлежит коренному населению Америки. И неважно, через посредство каких агентов или средств он привился.

ТАЙНЫ МИЛОРАДА ПАВИЧА

Несколько лет назад я искал критические статьи о Милораде Павиче и не нашел почти ничего, кроме восхищений "Хазарским словарем" и похвал в адрес композиции его произведений. А главное ли у Павича композиция? Видимо, обычно понимаемая композиция предназначена для самого Павича, для его удобства как автора. И если говорить о композиции, то в случае Павича гораздо важнее не композиция произведения, но построение отдельной строчки, фразы, микрокомпоновка. Читая начало его предложений, часто почти невозможно предугадать их завершения. Именно в этом и заключается павичевская "игра в бисер".

Павич постоянно играет в словесное домино по неизвестным нам правилам. Кажется, что он разбрасывает невидимые карты таро, вычерчивает китайские гексаграммы. Иногда Павич сводит конец фразы к обычному абсурду, иногда — абсурду коанному, но так, чтобы литературно-филологически это хорошо звучало, независимо от отсутствия или наличия прагматических оправданий.

У Павича происходит полная или частичная трансмутация явлений и вещей. Он пишет про мужчину-архитектора: "Волосы у него под мышками обрели запах женского паха".

Позиция Милорада Павича очень удобна. Она промежуточна по отношению ко всему. Литературная область определения Павича лежит между церковью и мечетью, между католичеством и пра-

вославием, между развратом и аскетизмом, между Европой и Азией, между германцами и славянами, между прошлым и будущим, между сном и явью, между литературой и архитектурой, между литературой и кулинарией, между, между...

А материал, который использует Павич? Это нескончаемая старуха Изергиль! Малая (бытовая) история южных славян.

И все-таки виртуозно выстроенные произведения Павича далеко не всегда вознаграждают читателя за труд общения с ними. Обошел закоулки, хитросплетения, а душа осталась пустой. Своеобразная подмена пищи красивым наполнителем. Сахар, конечно, и надо заменять сахарином, но как с остальным? Да здравствуют восковые фрукты и фаянсовые торты Павича! Пусть эти фрукты и торты эстетически не всегда съедобны, зато всегда виртуально ароматны! У них почему-то и вкус есть! Пусть не по этому, а по смутно провидимому дополнительному пространству. И названия иногда к тому располагают: "Пейзаж нарисованный чаем", "Шляпа из рыбьей чешуи", "Завтрак", "Ярмарка гусей". А описание различных яств и вин — для этого автора обязательно.

ПРОЗА НОВОЙ РОССИИ¹⁶

/Проза новой России. В четырех томах.
М.: Вагриус, 2003/

Издание антологии прозы — не первая попытка издательства "Вагриус". Предыдущие опыты были менее удачны. Однако процессы в литературе и большое количество текстов в новом издании весьма обязывают.

Читателю предлагают, увы, не самые выверенные тексты. Слишком быстро ситуация в стране меняется. Слишком многое выглядит уже отжившим. В этом свете 1991 год — уже седая древность. Казалось бы, именно девяностые годы составители и прокламируют, но здесь идет речь о моральном устаревании. Художественно сильный текст — вечен. С другой стороны, некоторые из поднимаемых авторами проблем, возможно, и будут интересны через 30 или 50 лет, а в настоящее время все-таки важен синдром отторжения навязшего в языцах. Так, экспрессивные воспоминания о политических и экономических загибах времен Горбачева как-то никого уже не задевают. Ассоциации с нафталином и паутиной неизбежны. Всё это не снимает похвал в адрес издательства, дифирамбов по поводу общего грандиозного замысла.

¹⁶ Публикация в альманахе "Медвежья песня", № 10, 2004.

В книгу лучше всех произведений вписались три сказки В. Войновича. Этому не стоит удивляться. Войновичу свойствен так называемый низкий жанр, и в этом жанре (как говорится, взятки гладки) писателю удается практически все. Кроме, возможно, того, что слишком тенденциозно по причинам личного писательского плана (например, известная "Иванькиада"). Но сказки к таким произведениям не относятся, в них многое перебродило. Десятилетие, которое представляют издатель, почти целиком пройдено сказочным кораблем Войновича. Мысль о необходимости четвертой и пятой сказок возникает сама собой.

К низкому жанру примыкает текст А. Слаповского "Жизнь Лагарпова". Текст состоит из трех эпизодов а-ля Зоценко. Повествование постепенно обрастает сюрреализмом, но в последней фразе автор пытается откреститься от сюра, относя все эпизоды (героя трижды убивают) к мыслям сбрендившего старика.

Очень обидно за произведения Т. Толстой. Отличное письмо, непревзойденный применительно к современности язык вязнут в длиннотах повествования. Видимо, автор и не мечтает о красоте композиции. И ссылкой на шендизм не отговориться.

Этот пример наиболее ярок. Что касается других авторов, то, кажется, издатели вовсе не занимались отбором рассказов. Представленные тексты чаще всего — не строгие рассказы, а обрезки воспоминаний и дневниковых записей. Обычно мы видим в книге отдающие ностальгией воспоминания о юности, о пробуждении полового чувства, описания отжившего коммунального быта.

В антологии все же есть авторы, которые пишут собственно рассказы. Например, Сергей Носов. Очень удачно выбран его первый рассказ, второй — увы, нет. Во втором рассказе говорится о краже известного всей стране забальзамированного тела. Рас-

суждения о мумии вождя были временной общественной болезнью. Злоба дня прошла.¹⁷

Филологическое пике Б. Хазанова ("Праматерь"), инициация или, если хотите, растление подростка мужского пола, проходит в ином ракурсе, чем аналогичная история сологубовского Саши Пыльников. Непосредственной мерзости и насилия также нет, но романтика здесь иная. Никакого будто бы случайного продолжения детской игры. Поцелуй фатума. Однако этот фатум виден не из действий и мыслей героев, но из слов героя-рассказчика. Вместо игры — красота и перешагивание через психологическую пропасть. Роль итоговой черты под текстом играет творящийся реально политический анекдот — этот акцент автор ставит в конце самым неожиданным образом. Инициация подростка — ничто по сравнению с "инициацией" общества.

Оказалось гибридом произведение Н. Кононова "Гений Евгении": медленно развивающейся скандальной истории предпослана прозопоэтическая симфония в духе Андрея Белого. Литературный эксперимент несколько провис: не хватило какой-то пары корреспондирующих аккордов в последней части.

Полная неожиданность — художественно обработанные гарнизонные слухи, сплетни. В каждом гарнизоне происходит какая-нибудь достойная их история, например, мыльная "История о прекрасной Зинаиде, капитане Федотове и курсанте Котельникове". Автор — П. Алешковский.

Представленные в сборнике тексты В. Сорокина, В. Пелевина, Ю. Мамлеева идут словно бы вне конкуренции. Очень не хотелось бы прикладывать

¹⁷ Кто сказал, что в традициях русского народа существует только захоронение? Разве забыт культ мощей? А тем более нетленных? Чем прилично сохранившееся тело Ульянова-Ленина хуже чьей-то непригожей, но мироточивой требухи?

к названным авторам словосочетание "свадебные генералы". Единственный текст Сорокина "Лошадиный суп", конечно, произведение во всех отношениях похвальное, но как раз для Сорокина нетипичное. Фактически это пограничный сам себе Сорокин.

Один из рассказов В. Пелевина "Проблема верволка в средней полосе" требует пристального чтения и не годится для презентаций, то есть для первого знакомства с творчеством названного автора.

Анастасия Гостева, назвавшаяся "четвертым лицом единственного числа", так рассыпала по своему тексту литературные блески и конфетти, что заменила полагаемую изданию подарочную ленту. Этот элемент сюрпризности позволяет забыть, что немало текстов все-таки даны издательством в качестве "нагрузки".

ЧАКРЫ ЧЕХОВА¹⁸

Чехова и относят и не относят к представителям Серебряного века. Местами письмо модернистов и Чехова неотлично, но в целом разница остается огромной.

Антон Павлович вплотную подошел к модернизму, но его не принял. А он многое что не принял, заранее себя ограничил. Например, не принял социал-революционеров, социал-демократов, хотя иногда довольно сочувственно к ним относился. Его не обвинишь ни в излишнем атеизме, ни в воинствующем христианстве. У него идеализм материалиста, идеализм эскулапа и материализм идеалиста до мозга костей. У него — легкая неударная еврейскость и глубоко неславянская русскость. Здесь он рафинирован. Этот писатель не любит бури и натиска. Хотя он стоит в явной (обычно мягкой) оппозиции к большинству персонажей — "маленьких людей", его главнейший герой — условно самодостаточный маленький интеллигент. Смешной человек в футляре, Беликов, не так уж и смешон. Это краеугольный камень и одновременно проба, прикидочный опыт. Угловатость Беликова слишком уж неумная, слишком уж русская и восточно-прусская. Беликов — чудик. Другие интеллигенты Чехова более морально округлы, они уже не чурбаки-заготовки. Их самозамкнутость — не в

¹⁸ Публикация в журнале "Рог Борей", № 26, 2005.

физических футлярах и опасениях простудиться, а в иронии и самоиронии. Сожаления о напрасно прожитой жизни у них — вовсе не сетования, а еще одна защитная скорлупа. Пассивное понимание, что жизнь прожита напрасно, — источник тайного удовольствия, а тех, кто кончает самоубийством или распускает нюни, по-русски пьет горькую или декадентствует, писатель-доктор заранее не любит. Всякое славянское "раззудись плечо, размахнись рука" — из другой оперы.

В отличие от других авторов, Чехов — не междумирок, не посредник, не земноводное... В разных литературных ситуациях он то — латимерия — кистеперая рыба, то — летучая рыба — *Exocoetidae*... Его девиз: других сред можно касаться, но не надо в них жить. Доктор пришел, осмотрел, приободрил, выписал рецепт и ушел. Самому доктору лучше не превращаться в больного.

Чехов сделал сам себя, как бы заранее интуитивно наметил границы своей сделанности: ни миллиметром больше, ни миллиметром меньше. Он всё делал в меру. Чехов — гений меры, но соразмеренность его особая. Опять-таки — ирония везде и повсюду, именно ирония, а не сарказм, очень редко насмешка, да и та предпосылается быть сделанной от лица читателя. Сожаление-сочувствие и сожаление-неприятие. Именно сожаление, но не слезливое сострадание и гневный протест.

Выдавливание раба — это в то же время бережное к нему отношение, отказ от немедленных преобразований, плавность, сангвиничность. Главное — дрожжи дрожжи, стремление оставаться нежно-мягким, неназойливым, с сохранением потаенной боязни бурных потоков, пропастей. А ведь без бездн и бурных потоков не создать циклопических русских произведений, романых полотен. С бездной чеховская душа-чайка остается тет-а-тет только на безопасном расстоянии ("Огни", воробьиная ночь

"Скучной истории"). Топор, рубящий деревья сада, только слышится, звук близкого выстрела можно перепутать со звуком вылетевшей аптечной пробки. Душа-чайка — вовсе не птица-тройка, не ворон, не ворона и не буревестник. Тонкая избирательность письма и порождает камерную, комнатную чеховскую поэтику. Психологию мещанина Чехов вытесняет психологией джентльмена, но не аристократа, не лорда, и всегда боится переиграть или недоиграть. А сохранить золотую середину, да так, чтобы случайно не вылезло отторгнутое страшное мурло, можно только особо не натуживаясь, периодически сдабривая себя юмористической валерианкой. Отсюда — акварельные и пастельные тона чеховской прозы.

Опасение невзначай сфальшивить, выйти за пределы своего эстетического лужка можно понять. Невзирая ни на какие успехи, для петербургской богемы Чехов оставался невзрачным серым доктором из Таганрога.

Часто для характеристики творчества Чехова используют цитаты из повести "Степь". Но "Степь" — не правило, она как раз — исключение; это своеобразный экскремент души, выдавленная из сердца птица-повозка, повесть-прощание с почвенностью...

* * *

Только благодаря своему блеску Чехов преодолел узкое и унылое пространство между Лесковым, Короленко и Шоломом Алейхемом. Однако, что прискорбно, он не захотел стать главным столпом, хребтом русской литературы и страшно боялся умереть позже Толстого. Как известно, поддерживать тяжелый антаблемент долгое время не хотелось и Горькому, а позже Горький предпочитал держать его более на общественных и административных началах, то есть перьями других (будучи сам сверхчеловеком: Ларрой-Данко-Буревестником).

Декаденты, оставив яркий след в поэзии, фактически не дали ни одного великого прозаика. Роман Федора Сологуба "Мелкий бес" погоды не сделал, "Василий Фивейский" Леонида Андреева остался кивком в сторону неиспользованных языковых возможностей. А вакансия была. Исторический комизм в том, что она оказалась последней.

ПОД МЕРТВЫМ СОЗВЕЗДИЕМ¹⁹

(Леонид Могилев. Созвездие мертвеца.²⁰)

Вначале возникает обманчивое впечатление, что эта книга — для тинэйджеров, что-то вроде продолжения жвачек, тянучек и "Чупа Чупса". Затем кажется, что это предварительная заготовка для киносценария. Потом становится заметен элемент пародии, возможно, не осознаваемой автором. Растет гора трупов, сюжет мельтешит все больше. Количество игр в прятки и погонь перелхестывает через край. Прятки, погони оказываются ритмической самоцелью. За исключением редких относительно спокойных страниц, развитие действия напоминает работу отбойного молотка или бормашины. Это что-то вроде бесконечно возобновляемой компьютерной игры: "Убил! Убил! Еще раз убил! У — у — ух! Сам взорвался!" Подобной литературы (которую ныне успешно создают заложенные в "железо" программы) — великое множество: "Вор у вора дубинку унес, а второй — у первого, а первый — опять у второго... плюс одеяло из толстой бесконечности". Отличный способ заполнять белую бумагу черными значками. Бесславно умер старинный белый бычок.

¹⁹ Публикация в журнале "Рог Борей", № 34, 2008.

²⁰ По изданию: Л. Могилев, Созвездие мертвеца. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб., 2005.

В таких же темпах там и сям возникают неточности, ляпсусы. Кроме того, раздваивается время действия и не только. Текст словно бы пишется разными авторами, причем некоторые обороты, литературные упушения как будто говорят, что один из авторов — женщина (кто еще может вынуть бак из багажника?). Именно в такой мельтешащий фон вставляется народная байка о подмене верховного правителя. Как известно, эти байки переросли в полуанекдоты: вначале о генсеках, затем — о президентах.

Руководитель и редактор серии, в которой вышла книга, — Вячеслав Курицын. Он, как известно, большой шутник. Подобно покойному Курехину, обожает всевозможные хэппининги, любит поиздеваться над просвещенной публикой. А над непросвещенной — тем более. Многообразные хохмы разбросаны по страницам книги. Похоже, некоторые места текста намеренно неотредактированы. Первую хохму мы видим уже на обложке: фамилия автора — Могилев, название книги — "Созвездие мертвеца".

Только при первом беглом взгляде книга попадает в категорию где-то между творениями Дарьи Донцовой и "Ночным дозором" Лукьяненко. Но речь идет не об уголовщине и волшебстве, а о неизвестных катренах Нострадамуса. К счастью, в конце книги и астрология, и катрены Нострадамуса основательно дезавуируются.

Строчки о поэзии Сен Жон Перса и Рене Шара сливаются в романе с упоминаниями о краковской колбасе и маринованных огурчиках. Поэты выкладываются на тарелку. Сие не иначе как новый вид концептуализма. Интересно, что сказал бы о таком винегрете Дмитрий Пригов? До сих пор подобное удавалось только в поп-арте.

Учитель и ученица пробуют в Париже абсент. Вряд ли тот, что пили в позапрошлом веке художники. Реакция глотнувшей подделку ученицы не

совсем адекватна. Ей только ударяет в голову. Пусть в напитке почти нет запрещенного туйона, но горечь, от которой глаза на лоб лезут и возникают спазмы в горле, должна оставаться. Наверное, мошенник-гарсон принес что-то не то.

Автор слишком часто упоминает о паровом отоплении, смешивая конец XX века с его серединой. Главврач Онищенко сильно бы заинтересовался злостным применением пара для отопления жилых помещений. Однако главное не в этом! Девочка щупает "трубы парового отопления" и находит их теплыми. Что-то из анекдотов о жене Бойля—Мариотта. Очевидно, давление пара в системе составляло 5 мм ртутного столба.

Дедушка Сойкин (он же отец школьницы — героини романа) оказывается зомби, которого спецслужбы окунают то в одно, то в другое время. А еще лет двадцать назад этого заслуженного работника надо было бы отпустить на пенсию. Глюкам автор вроде бы оставляет задним числом что-то похожее на реперные точки, но в сумме это не играет. Чтобы подобное заиграло, надо быть Салманом Рушди или Кортасаром. СМЕРШ так и не перемешивается с ОМОНОм, а самоходки "Фердинанд" (по-дамски обозванные танками) — с "Кама-Зами".

Как детектив текст не стандартен. У него есть отличия и от так называемой "большой прозы". Они в конкретике, в камерности действия. Нет выхода на широкие эмоциональные или эпические стихии. Последние только намечаются. Отсюда — некоторое уплощение тематики. Текст остается камерным, невзирая на географический разброс. Главный упор делается на количество действий, но никак — на описание каждого из них. Всякое действие быстро начинается и быстро заканчивается. Подобное не характерно для литературы, близкой к фэнтези, где, скажем, странный космонавт вы-

саживается на астероиде и на протяжении пяти страниц сражается с летающим ящером, используя для этого каменный топор или заколдованный меч. Могилев строит ритмические небоскребы, но я не думаю, что эти стерильные кристаллические структуры приведут кого-то к мыльным слезам, мыльному смеху или мыльному же ощущению таинственности.

В интонации есть приближение к сказу. Ошибка автора в том, что он не прибег к спасительному третьему лицу: повествование ведется от "я" каждого героя, а это требует огромного мастерства. Героев в романе — около двух десятков, и все персонажи, кроме иногда девочки, говорят одним и тем же языком, используют одну и ту же тональность, обладают одной и той же психологией. Тон их рассказов — тот, каким говорит литературный маленький человек, а не предназначенный для подростков супермен. Фигуры разведчиков, диверсантов и бандитов не имеют традиционного колорита. Возможно, это прогресс — подобный колорит давно всем надоел.

Есть типичные мультяшные словосочетания для ушей субтинэйджеров: "совершенно секретное для очень служебного пользования", "злоумышленный злодей", но сама объявленная в рекламе тематика (любовь преподавателя и ученицы, намеки на политический памфлет) отнюдь не для младшего и даже не для среднего школьного возраста.

Удачей можно было бы назвать описание сельской Франции, особенно после малоубедительных разрозненных высказываний о Париже, но эти описания, как и всё в тексте, опять начинают мельтешить, а затем переходят во вьетнамские впечатления. Подобные переходы формально не запрещены, но в данном случае они не захватывают дух, не вызывают ощущения полета.

Подводя итог, я не буду говорить, что мы имеем дело с имитацией литературы, паралитературой. Представленный текст, конечно, не чтение для филологов и литературоведов. Им он не интересен. Вердикт пусть выносит тот, кому этот роман адресован. Возможно, такой адресат существует. Допущенные автором подражания касаются только формы и способов компактизации действия, то есть того, где писательское дело касается буквы. А поскольку полного слияния с мыльным или попсовым духом масскульта не получилось и вышло нечто третье, неизвестное, мы, как ни странно, имеем дело с поисковой работой, наметкой художественных пунктиров. Но на данный момент этот позитив еще недостаточен, чтобы стать камешком и даже песчинкой в истории литературы.

ДУПЛЕТ

Я не отношусь к нумерологам. Мистика чисел меня не волнует, число 666 не смущает. Правда, на древнееврейском выражение $13 + 2$, да сумма выходных данных альманаха "Медвежья песни" № 13 и журнала "Северная Аврора" № 2 за 2005 год кое-что означает — при несколько разнящихся редакционных коллегиях, в одном издательстве вышли и практически одновременно. Вот и ладно. Кому-то карты в руки, но мы все-таки обойдемся без Кабалы с Талмудом, а кое-какие пропасти перескочим по наитию.

Для простоты не будем указывать, кто из авторов опубликован в альманахе, а кто — в журнале. Мы имеем два круга, пересекающихся почти на две трети.

Сначала о рефлексиях.

Социохудожественные настои, социокультурологические времена года, времена души В. Алексеева (эссе-проза "Девяностые годы") лишены внезапных кононовских упоров в мгновенно отмирающее; это не столько штрихи, сколько мелодии. Ведь сам мир, надо полагать, делался с некой первичной музыки, а не с дважды два — четыре. Это у человека оказалось всё перевернутым.

Любопытно изыскание А. Беззубцева-Кондакова ("Без черемухи"). Правда, к нынешнему веку и даже к 20-м годам XX века морально-этические подстроечные механизмы указали такой азимут, что использовать арцыбашевского Санина в качестве даже условного ориентира — невозможно. А фигуры наподобие Александры Коллонтай еще актуальны и, пожалуй, даже глубиннее большинства лидеров современных "внечеремуховых" (секс без условностей) движений.

В духе современных релятивистских поветрий по отношению к мифу выдержана статья "Три богатыря" Е. Лукина. В свете подобных умонастроений заявление Р. Евдокимова-Вогака (в представленном отрывке "Ахилл и Геракл") о том, что Троянской войны не было, как-то и не вызывает чувства протеста.

Проведенное В. Рыбаковой исследование-чтение "Поднятой целины" Шолохова представляется капитальным и по приведенному фрагменту, но при этом воспринимается как самостоятельное художественное произведение, своего рода детектив.

Нельзя согласиться с Анатолием Степановым (эссе "Восстание женихов"), утверждающим, что Ульянов-Ленин — философ... Названный великий администратор (если хотите, "экстрасенс") мудро называл себя журналистом и был прав. К остальным краскам эссе о женихах не стоит придирааться. Степанов обращается к вопросам достаточно скользким, не всегда принятым в "порядочном" и "учебном" обществе, то есть заранее ставит себя в уязвимое положение. Он пытается проникнуть в область, вечно остающуюся заоблачной, закулисной, а именно: в социальную экологию. Если не в III, то уж в IV или V тысячелетии, быть может, появятся в этой области свои академики? Настоящие? Но доживет ли еще до тех времен человечество?

Немного о поэзии.

В Европе (пока без России и Великобритании) были особо интересные периоды этого искусства, например в 1880—1930 и 1970—1980 годы. В стихотворениях Лорана Эскера, опубликованных в "Северной Авроре", виден отзвук европейской поэзии 80-х годов XX века. А это была не всеми замеченная вершина, "акмэ". В 90-е годы континентальные европейские поэты уже ступили на ранее проторенную стезю англоязычных собратьев, перешли к темам прозаическим, приземленным, да и форму стиха приблизили к прозе. Поэтов, подобных Лорану Эскеру, мы уже не видим и в журнале "Иностранная литература". "Северная Аврора" восполняет этот пробел.

Если нынешняя европейская поэзия — страдающий акромегалией (а то и наоборот — кахексией) переросток, то российская что-то уж совсем приобрела этнографические, "туземные" черты, растворилась в любительстве, в низовой волне. Забыты былые эксперименты... И альманахи, и журнал солидаризируются здесь с обычными толстыми журналами. Разве что издание "Дружба народов", и то вынужденно, выходит из буксования на четырехстрочной строфе и перекрестной рифмовке. Как это и Кирилла Козлова сподобило в поэме "Отражение 2005" выйти за пределы последних?

Проза.

Как всегда верен себе главный певец Рамбова Н. Шадрунов: и рассказ о дворе и детстве — уж было совсем штатский — все-таки заканчивается мощным аккордом из так любимой автором (и всегда анекдотично подаваемой) военно-морской тематики... Но главное в рассказе (или отрывке — произведение дано без заголовка) не сюжет, не тема, а язык героев, их способ выражать мысли, ма-

лоизвестный непрерывно самопорождающийся фольклор.

Панорамна, многооктавна, почти классична проза Ю. Чубкова, но в рассказе "Локальная машина" этот автор решил пойти не обычным трактом, а тропками сатирика. Вначале кажется, что зашла речь о деревенских чудиках, затем сгущается атмосфера прямо-таки гоголевско-щедринская, но и она переходит в подтекстовое подразумевание. Мы имеем материально воплощенный, непрерывный деревенский фарс, село Глупово. Вот только статист, приезжий горе-литератор с блокнотиком, герой-шляпа, является константным чубковским героем. Когда он литератор, когда — нет, но на этого героя, словно на шампур, нанизаны почти все чубковские произведения. Что они? Не "Ругон-Маккары", не "Человеческая комедия", что-то свое, третье, не по генетической линии идущее. Жаль, что в появлении собрания сочинений Ю. Чубкова при нынешней ситуации верится с трудом, а точнее говоря, совсем не верится. Впрочем, и без такого собрания ясно: постоянно повторяющийся мотив произведений Чубкова — вымученный героем или героями прожект и его фиаско. Не это ли фиаско видим мы вокруг? Оголяется корень русской шизофрении: интеллигент, не схватывающий суть вещей, но что-то мнящий о себе, — крот-недотыкомка; а для народа он — "шпиён", резидент. Уставшему за столетия русскому мужику наплевать на всякую локальную машину, будь то массмедиа, политика, социализм или капитализм; и правильно: ибо привозят и приводят в действие эти машины духовно близорукие интеллигенты, действующие недодумно и недоумно. Исчезнет ли когда-нибудь племя этих "карасей-идеалистов"?

Алексей Ахматов, как и принято в прозе этого поэта, пишет в ключе дневника (что вижу — то пою; по крайней мере, делает вид, что именно так), не может мыслить человека без его животной-

растительной основы (рассказ "Дом в Комарово"). Вот оно разумное, доброе, вечное: выпили, закусили, пролюбили... Почему нет? Действительно вечное. Но тогда последовательности ради этот тон следует выдерживать до конца! И сверх того, куда-то со всем этим нырнуть, если не в метафизику, то хотя бы в завиток абстрактного анекдота...

На протяжении двух дней герои рассказа едят и пьют, пьют и едят. Пьют, конечно, не воду. Спрашивается: "А куда при таком раблезианстве девается то, что герои съели и выпили? Или они бездонные бочки?" Подспудно вопрос вызревает сам собой и становится назойливым. Комаровский дом творчества почти пуст. Другими героями и темами не отбиться, сладкая парочка словно под стеклом, а непропорционально откровенный автор, не будучи совком, глубоко советиен²¹... Бессознательно он чувствует: "Что-то здесь не то" и решает поступить назло читателю. На текстуальной сцене вдруг появляется Михаил Дудин с большим чайником, полным жидкой заварки, и начинает писать на снегу желтым по белому: "Люблю Ольгу Форш"²². Каково? Подобный метод борьбы с восприятием публики хорошо известен живописцам: зависшее было в воздухе яблоко принайтовывают кистью не к столу или блюдцу, но к портъере или, например, к появившемуся в окне облаку.

Вячеславу Овсянникову лучше всего удастся или длинная поэтическая строка, или короткая прозаическая. Границу между прозой и поэзией в его художественной продукции иногда трудно провес-

²¹ За рамками вопроса. Другие рассказы Ахматова напоминают мне первые номера журналов "Юность" и "Аврора", те времена, когда советским молодым авторам только-только разрешили публично говорить о чувственности. Многие из них (как и ныне Алексей Ахматов) упустили из вида, что времена Мопассана и Бунина прошли. А Ремарк на российской почве и совсем нелицеприятен.

²² Байка о Михаиле Дудине с чайником довольно известна в определенных кругах. Ее, в частности, пересказывает Аскольд Шейкин в сборнике анекдотических историй из жизни литераторов — "Мозаике".

ти. Но главное, конечно, не это: Овсяников — мастер поэтического описания индивидуально-обыденного, того, что принято опускать как незначительное. Вне всяких трафаретов он пытается найти эстетические блески во всякой промелькнувшей тени. А вот достиг ли Овсяников художественного эффекта в конкретной попытке остановить мгновение ("Моя ель"), пусть каждый читатель судит сам. Как-то псевдообъективно этого автора воспринять невозможно.

КАМЕНЬ ОТ ВХОДА²³

(О творчестве Харуки Мураками)

Этот беллетрист вряд ли нуждается в традиционных преамбулах. Тем более что для Х. Мураками все они — неразличимые близнецы. Вот роман **"Кафка на пляже"**²⁴. Беспрецедентное ведение действия, необычный спектр ощущений, редкие краски бытия, но где-то на 200 — 250-ой странице появляется сознание, что в тексте много... воды. Герои Мураками постоянно что-то жуют, что-то пьют, чистят зубы, глуповато рассуждают о банальных вещах. На другом полюсе водянистость отчасти компенсируется, отчасти, наоборот, усиливается многословными и не всегда убедительными рассуждениями героев о музыке и музыкантах. Тривиальность многих мест повествования многократно умножает "инвалид на голову" — Сатору Наката. Примерно на 400-ой странице понимаешь, что роман — сказочка для взрослых, точнее под взрослых. Однако впечатление, что нас опять обманули, опять подставили, вновь водят за нос, все-таки не затмевает всё и вся.

Что же так интригует в тексте? Хвала автору, не сама интрига. Метаморфозы, подспудный метемпсихоз, заглядывание за грань. Мы имеем здесь опыты мытарства души. Один из мотивов романа — соприкосновение с астральным миром. Неволь-

²³ Публикация в журнале "Изящная словесность", №12, 2008.

²⁴ Другой перевод названия — "Кафка на берегу".

но возникают вопросы-заявления: "Если главное в нашем мире это соприкосновение, то зачем мы присутствуем на Земле? Зачем нужен этот мир? Быть может, надо постоянно находиться в потустороннем и не выпадать оттуда?".

Самый интересный герой повествования — скульптор Коити Тамура (этикеточный Джонни Уокер в восприятии Накаты) — отрицателен. Мало того, выясняется, что он — злодей, классический страшный персонаж. Кошачьи головы в холодильнике хранит! Из текста следует, что убийство скульптора хорошо, правильно и благолепно, как впоследствии уничтожение инфернального метрового слизняка.

А самый положительный герой — конечно умственно отсталый Наката. Даже кошачий язык он какое-то время понимал и сам на нем говорил!

В романе фактически положительна Саэки-сан — мать, несколько раз сознательно переспавшая со своим пятнадцатилетним сыном, бросившая его, когда ему было четыре года. Автор имеет в отношении этой героини массу подстраховок, наполняет все двойным смыслом, шаткими предположениями и красивыми художественными уводами в сторону от ее одиозного однозначного осуждения.

"Внешние факты", видения, сновидения, мечты, грёзы, опасения, предчувствия, герои и их призраки часто сплавляются в одну неделимость. Суть более или менее проясняется только к концу произведения. Половина текста оттенена историей вначале счастливой, а затем трагической любви молодой Саэки.

Добр, тактичен, справедлив гемофилитик Осима — мужчина, телесно устроенный как женщина, предпочитающий иметь в качестве партнеров мужчин.

Роль успешно кающейся Магдалины играет дальнобойщик Хосино. Но каялся он не перед образом, а перед чудесным камнем. Оказалось, что Хосино, невзирая на многочисленные былые грехи, все-таки хороший парень. На путь исправления он встал сразу после встречи с юродивым Накатой, а после его смерти даже воспринял функции метафизического терминатора и внезапно научился говорить с камнем и кошками.

Неизвестной тенью остается "парень по прозвищу Ворона" — второе "я" героя-рассказчика Кафки, его внутренний голос, советчик, сходный с ангелом-хранителем.

Наката и Кафка Тамура ни разу не встречаются, но внутри они — как бы одно и то же, а парень по прозвищу Ворона — словно недостающая часть тени Накаты. В лесу внутри Тамуры-младшего зарождается нечто похожее на огромного белого слизняка, который затем ужасным образом выходит из Накаты. Скульптора словно бы убивают и Кафка, и юродивый старик, превратившийся в слепое орудие...

Наката умирает вместо попавшего в метафизическую переделку Кафки. Границы субъектов вроде бы нет, и не только между этими двумя персонажами: некоторые способности Накаты передаются дальнобойщику Хосино. Возникают также отождествления между Кафкой и его отцом, между Кафкой и мальчиком Кафкой на картине и в песне, между старой и молодой Саэки-сан, между Саэки-сан и ее призраками.

Лес в потустороннем мире оказывается лабиринтом души, в нем все исполнено "гипотезами без контраргументов". В посмертной зоне limbo²⁵ некая оболочка Джонни Уокера (скульптора, а не

²⁵ Эта зона в романе более отвечает современным оккультным повериям, чем, например, Limb у комментаторов "Божественной комедии" Данте.

водочного персонажа) оказывается именно тогда, когда в этой зоне запутался его сын. Харуки Мураками меняет обычные представления: он говорит не о душе Кафки, а о его полом обездушенном теле, которое странствует по лесу души.

Так разнесены акценты в этом романе. Всевозможные аморальности перестают таковыми быть. Художественное полотно есть художественное полотно, в нем важны законы распределения изобразительных масс, а не кантовский категорический императив, тем более что мир Харуки Мураками — это театр блуждающего воображения, связи фантазий с чем-то якобы действительным писатель намеренно обрывает. Незримым, неуказуемым образом автор отождествляется не с героем — мальчиком Кафкой, от лица которого ведется повествование, а с его отцом, скульптором. И дабы чисто художественно сгладить этот крен, Мураками всячески поэтизирует юродивого Накату, симпатизирует ему, делает из него святого. Однако еще больше автор поэтизирует Саэки-сан, поднимает ее на недостижимую эстетическую высоту, причем таким образом, что и мысли не должно возникнуть, что она делала или делает что-то не так. А здесь еще и тень оборвавшейся любви, обязательная управляющая сила рока, власть мифа об Эдипе и пророчество-проклятие скульптора Тамуры. Это проклятие исполняется только частично, полувиртуально. Тамура-сын, самоназвавшийся Кафкой²⁶, в день убийства отца только запачкан красной жидкостью. Очнувшись после странного припадка, сын считает, что это кровь, но явно ошибается, ибо свежая кровь (да еще способная растворяться в воде) должна пахнуть. Аналогично инцест с "сестрой" в одном случае заменен половинчатой процедурой, а в другом — сновидением. Кроме того, у

²⁶ Кафка — ворона, галка в переводе с чешского. В Европе все-таки чаще переводят как "галка". Ассоциации самоименования героя с писателем Кафкой отдаленны и натянуты.

героя была только приемная сестра и нет стопроцентной гарантии, что встреченная Кафкой девушка Сакура она и есть.

В романе есть неодушевленные в бытовом смысле герои: необычайный камень, таинственная зона-чистилище, которую он охраняет, абстрактная сущность, именующая себя "полковником Сандерсом" и принимающая его вид. Есть также герои — парафакты: изменяющаяся комната в библиотеке, которую посещает привидение молодой Саэкисан, само это привидение, потустороннее существо в цилиндре (дух Тамуры-старшего), которое нельзя убить, слизняк метровой величины, выползающий изо рта умершего Накаты... А самые таинственные объекты — флейты, изготовленные скульптором из нагло похищенных кошачьих душ. Может представиться, что слизняк — это инобытие скульптора-злодея, убитого сверхположительным Накатой, но это только пунктир, автор не оставляет ни комментариев, ни явных намеков. По другой версии, слизняк — это внутренняя нечисть, от которой избавился мальчик Кафка. Обе эти версии могут сосуществовать, поскольку данного паразита без органов можно рассматривать как наследие Тамуры-старшего.

Центральный, хотя и не главный герой — камень от входа в посмертие. Он довольно тяжел, имеет плоскую блинообразную форму. Камень мудр, но постоянно молчит. В зависимости от ожидаемых действий с ним, он чуть ли не по Больцману, Эйнштейну и Доплеру меняет свою температуру, массу и цвет, но при этом непостижимым образом кажется твердым и неподвижным. И все-таки главное назначение камня — утяжелить роман, чтобы последний не казался слишком легковесным. Фактически мы имеем камень от входа в читательское воображение.

Вместе с тем, складывается впечатление, что основной герой произведения — вовсе не то и не те, кого мы перечислили; он — за кадром; это непостижимый объект-уравновешиватель, концевыми элементами которого (терминаторами) являются мудрые кошки, Наката, "полковник Сандерс", зона посмертия, камень от входа в эту зону и наконец Хосино.

Некоторые линии сюжета оказываются не совсем законченными (назвать их полностью слепыми нельзя из-за сознательно внесенных автором элементов сингулярности). Например, объект, похожий на бомбардировщик "Б-29", никак не поясняется; письмо раскаявшейся учительницы Сэцуко Окамоты профессору психиатрии Цукаяме не имеет дальнейших реплик, словно бы проваливается. Но ведь в жизни именно так часто и бывает! Висящее на стене ружье, как правило, не стреляет. У Мураками — великая масса таких декоративностей, заряженных пунктирами и предположениями или тенями, отбрасывающимися на прошлое или будущее восприятие текста.

Как бы то ни было, роман достоин прочтения. Это тщательно замаскированный, сильно разбавленный, но местами все-таки показывающийся шедевр прозы. Автору можно простить апробируемые на читателе многочисленные восточные хитрости.

Единственная претензия к издательству — по поводу неважного, прямо-таки скверного поэтического перевода слов песни "Кафка на пляже". Эти стихи — сердце романа. Вот они:

Кафка на пляже

Ты уходишь на край земли,
А я в жерле вулкана плачу,
И за дверью застыли тени —
Те слова, что уже ничего не значат.

Ты уснешь, и тени луна растворит,
С неба хлынет дождь шелковых рыбок,
А за окном камнями стоит
Караул солдат без слез и улыбок.

А на пляже Кафка сидит на стуле,
Смотрит, как мир качается:
Маятник влево, маятник вправо —
Сердца круг замыкается.
Лишь тень сфинкса с места не движется —
На ее острие твои сны нанижуются.

Девушка в морской глубине —
Голубые одежды струятся и пляшут —
Ищет камень от входа, стремится ко мне
И не сводит взгляд с Кафки на пляже.

Допустимо ли здесь экономить? В таком случае дали бы подстрочник или хотя бы привели его в примечании. А если столь неуклюж исходный стихотворный текст (и, как некоторые места романа, способен попасть в анекдот про чукчу), то надо было бы как-то довести эту важную информацию до придирчивых читателей.

В другом гораздо более простом романе "**К югу от границы, на запад от солнца**" главное "я" произведения — Хадзимэ, фактически тот же Наката, человек живущий простой жизнью и простыми мыслями. На первом месте — косвенно-оценочно описываемая чувственность. Примитивизм коллизий к концу романа осложняется духом иного, почти потустороннего. При этом автор не дает объяснений необычным феноменам.

Первая любовь героя — Симамото. Расставание с ней в детстве стандартно: кто помнит друзей, бывших до двенадцати лет? Но именно здесь мы встречаем исключение. Во второй половине романа эта героиня то таинственно появляется из никуда, то в это никуда уходит. Ее жизнь вне встреч с Хадзимэ остается почти неизвестной. Другая подруга юности героя, Идзуми, гиперболически тяжело переживает измену Хадзимэ.

В силу непостижимого образа Симамото и Идзуми накладываются. Измена была совершена во все не с Симамото (а со старшей сестрой Идзуми), но именно Симамото словно бы берет на себя ответственность за страдания Идзуми. Это и потеря ребенка, и непонятная болезнь. (А, возможно, сама взрослая Симамото — галлюцинация, сновидение, что-то вроде Носа из одноименного произведения Гоголя.) Окончательное исчезновение Симамото символически совпадает с появлением Идзуми у кладбища.

Герой остается полным сил стареющим атлетом, преуспевающим владельцем двух кафе и отделяется только переживаниями. Его сила — это сила трех девушек и жены Юкико. (Вот они флейты из душ!) Хотя как раз взрослая Симамото — или ее призрак — словно бы старается эту силу отнять, "высосать".

Мимолетная встреча у кладбища с перестрадавшей, опустошенной, своим видом "пугающей детей" Идзуми непонятно как восстанавливает пошатнувшееся было равновесие героя.

Кругом одни загадки и символы. Читатель может расставлять мотивировки происходящего самостоятельно. И все-таки показываемая Х. Мураками относительность человеческой оболочки, прозрачность фактов и твердость грёз никакого протеста не вызывает.

Роман **"Норвежский лес"** с успехом можно переименовать в "Умылся и побрился". Художественной составляющей здесь не более 1/7 от всего текста, а ведь роман — бестселлер молодежи конца восьмидесятых! Быстро распродано три миллиона экземпляров. В первой половине произведения мы имеем дело с бытовыми очерками для просвещения старших тинэйджеров, а вернее — переростков, задержавшихся на этой стадии развития. Пиво, вино, легкий секс, воспоминания о лесбийских играх и много такого. Дым от сжигания сотен женских прокладок, особенности мастурбации странного студента наци ("штурмовика") и др. В какой-то степени подобное нарочно полезно повторять для избавления от иудео-христианских пережитков, компарации с особенностями восприятия в другой или новой цивилизации²⁷.

Тем не менее, лучшие пассажи романа отдаленно напоминают Хулио Кортасара. А вкусы молодежи? Они переменчивы. Сейчас вряд ли кто будет умиляться откровенностями из "Над пропастью во ржи" Д. Сэлинджера.

В противовес прочим бытовым данностям романа отношения героя с подругой детства (Наоко) фактически переходят в архаический почтовый роман.

Психоделична девушка Мидори. Для нее характерна сверхпрямота высказываний и фантазии вслух. Казус в том, что Мидори не выглядит традиционной душой или неадекватной. В этом — уже феномен самого Мураками. (Можно провести параллель с парадоксальностью образа вышеупомянутой Саэки-сан.) Главного героя-рассказчика Ватанабэ окружают, постоянно сменяясь, не просто доверяющие ему девушки-подруги, девушки-товарищи, но как бы сёстры. Главный парадокс в том,

²⁷ Например, по утверждениям знатоков, японцы равнодушны к звукам, издаваемым желудком или кишечником, но весьма брезгливы к кашлю и чиханию.

что эти "сёстры" не кажутся пацанками, остаются вполне женственными. Девушка Мидори наконец-то выводит клочковатое повествование на крейсерскую скорость²⁸. Роман не только спасен! В нем появляется блеск!

В конце фарс переходит в трагедию, и герой словно бы накладывает на себя епитимьи, но духовное состояние героя, временно перешедшего на положение бродяги, может быть понято читателем только условно, ибо к этому времени в романе уже оставлена далеко позади Наоко — причина самоубийства Ватанабэ, но зато название произведения "Норвежский лес" (мрачный лес, смолистые бревна) начинает получать оправдание.

Многое в поступках и словах героев — явно против шерсти европейского сознания.

Склеивающее вещество произведения — не фабула, а сам Ватанабэ. Поэтому роману можно дать и третье ехидное название: "Шведский стол". Тем более что именованья и описания яств в сумме отбирают у текста десятки страниц.

²⁸ Для сравнения с ранними вещами: в романе "Пинбол—1973" подобный вывод-выход делается только к концу повествования, а в "Слушай песню ветра" Мураками вообще отказывается как от единства главного настроения или действия, так и их фрагментарных подобиий. Зато в "Охоте на овец" писатель начинает интриговать читателя почти сразу, хотя сам сюжет все-таки оказывается уничтоженным, даже взорванным. Можно заметить, что авторы детективов обычно тянут читателей за веревочку через нагромождение необязательных и скучных описаний благодаря исчезающему воле-эмоциональному импульсу, вызванному, в частности, возникновением задачи и беспардонной отсрочкой ее решения. Самосохраняющийся воле-эмоциональный импульс — как бы новое существо, временно вживленное в мозг читателя, паразит, "лярва", стремящаяся к динамическому равновесию путем пожирания текста. К сожалению, чаще съедается читатель. Вот оно вселение овцы в человека!

"Мой любимый sputnik"²⁹. Неприятное свойство этого текста — частая замена непосредственного действия весьма косвенным и поверхностным пересказом. Рассказчики словно бы выполняют навязанную извне обязательку. Кроме того, главный рассказчик, писатель, постоянно докладывает читателю о сделанных в магазине покупках, о своей еде, о том, что он пьет пиво, идет в кино, читает, смотрит телевизор, плавает в бассейне, гладит рубашки, слушает пластинки, смотрит по видео футбольный матч...

И только после истории о странном коте, который с бешеной скоростью носился вокруг дерева, а затем махнул по стволу к вершине и бесследно исчез, повествование переходит за необходимую мистическую грань. Иначе это был бы не Мураками!

Вначале говорится о героине Мюу, которая, оказавшись ночью над городом запертой в кабинке "чертова колеса", посмотрела в бинокль на освещенное окно своей квартиры и увидела в окне саму себя.

Узнав о происшедшем раздвоении Мюу, Суримэ (главная героиня, потенциальная лесбиянка) стремится раздвоиться сама, чтобы обрести недостающую половину Мюу, так как реальная Мюу многое потеряла в своей витальности и телесно равнодушна к чужим чувствам... В итоге однажды лунной ночью исчезает сама Суримэ.

Аккомпанементом подобных историй является неожиданное временное "оглинение" главного рассказчика под лунным светом под звуки доносящейся с вершины горы таинственной музыки: "...кто-то поочередно заменял все клетки моего организма, распускал нити, связывающие мое сознание".

²⁹ Другой перевод названия — "Возлюбленная Спутника".

И, конечно, полноценных объяснений происходящего в романе нет. В конце романа, возможно, появляется исчезнувшая Суримэ, а возможно, рассказчику просто снится ее появление. Намек на появление героини очень удобен: он интригует, создает концовку, и в то же время спасает автора от необходимости давать объяснение факту исчезновения.

"Хроники Заводной Птицы"³⁰. Этот роман по тону и фону более других текстов Мураками сходен с "Кафкой на пляже": кошки, живописный пустырь; но также с другими произведениями: девушка, привлекающая ногу, разговоры о джазе и роке, призраки, большой дуб.

Масса излишних бытовых мелочей романа все же не делает Мураками сходным с Джойсом: у Мураками эти критикуемые многими мелочи не тонут в общей структуре текста, выпирают, дают многообразие — так называемую "воду". Особенность романа — масса вставных новелл.

Фабула сходна с фабулой "Sputnika": исчезает и долго не находится кот по имени Нобору Ватая, затем начинает вдруг пахнуть незнакомым парфюмом Кумико — жена героя-рассказчика — и в тот же день пропадает.

Брата Кумико зовут Нобору Ватая (кота назвали так же по причине неуловимого сходства с ним). Нобору Ватая — типичный для Мураками злодей, двуличный человек. Герой-рассказчик Тору Окада много думает о "нехорошести" шурина, однако на

³⁰ Хронологическая последовательность написания романов следующая: "Слушай песню ветра", "Пинбол 1973", "Охота на овец", "Страна Чудес без Тормозов и Конец Света", "Норвежский лес", "Денс, Денс, Денс", "К югу от границы, на запад от солнца", "Хроники Заводной Птицы", "Мой любимый sputnik", "Кафка на пляже".

первых сотнях страниц единственный дурной поступок последнего — предполагаемое или действительное изнасилование... "дневной красавицы", добровольно вышедшей на панель дамы из хорошего общества. Есть несостыковка в тексте: много раз заявляется, что Тору не имеет телевизора и никогда его не смотрит, но в то же время подчеркивается, что двуличие и прохиндейство шурина герой во многом вывел из просмотра телепередач, в которых Нобору выступает как политик, ученый-экономист и как телезвезда. Наконец выясняется, что Ватая не насилует женщин, а проделывает с ними странную гинекологическую операцию, акушерское обещивание, суть которого восходит к тому свету. Фактически он устраивает им своекорыстные метафизические аборты. Благодаря этим процедурам злодей Ватая увеличивает свою мощь, способность воздействия на электорат. Словно бы опять кажут жерла потусторонние флейты.

Еще одно сходство со "Sputnikом": некоторый мальчик (сразу не поясняется, что это Корица) слышит сидящую на сосне невидимую заводную птицу; под сосной двое людей в черном: высокий и низкий. Низкий забирается на сосну и, конечно, бесследно исчезает... Высокий роет под деревом яму и захоранивает в ней человеческое сердце.

Пересказывать здесь роман не имеет смысла. В ходе повествования часто происходит отделение духа от плоти и всевозможные явления "экстрасенсорного" порядка, не переводимые на язык кинематографа, не имеющие прямых причин и следствий. Автор намеренно ломает традиционные рамки детектива, приключенческого, фантастического и мистического произведения. Ближе всего к роману можно подтянуть логику галлюцинаций, сновидений и духовидений, но и эти зыбкие предметоположенности или образоположенности в тексте ломаются.

Как истинный духовидец Тору Окада на протяжении всего романа нередко кончает в трусы ("об-

канчивается"). Здесь есть нечто сходное со знаменитой сведенборговской задержкой дыхания или с соблюдающим нечистую чистоту (или равно чистой нечистоту) монахом-подвижником.

Вставные новеллы повествуют о событиях в государстве Маньчжоу-го. События там и в современной рассказчику Японии имеют зеркальные отображения. Повторяются глубокий колодец, на дне которого оказываются герои, синее пятно на щеке ветеринара и на щеке Тору, сдираемая с живого человека кожа (во втором случае в сновидении). Такова организация художественного материала. Иногда она до боли пунктуально следует обыкновениям Роб-Грийе. К счастью, Мураками прибегает к отстраненным описаниям только в некоторых вставных рассказах. Эти описания как бы не принадлежат тому, кто их передает; их язык — не язык конкретного очевидца. Но у Мураками есть своя новизна: слушающий может воспринять в рассказах то, что рассказчик вроде бы не говорил. Тору воспринял в рассказе утверждения о существовании невидимой птицы с механическим голосом, но рассказчица (Мускатный Орех, мать Корицы³¹) заявляет, что о птицах у нее не было ни слова.

К концу произведения заводная птица так и остается виртуальностью. Ее никто не видел, ее голос, скорее всего, чистая кажимость, в лучшем случае — звоночек из иного мира. Характерно, что одна из героинь постоянно называет самого Тору Окада Заводной Птицей.

По сравнению с "Кафкой на пляже" этот текст менее логичен и строен, более стихийен и сильнее опутан смешениями "того" и "этого мира", прошлого и настоящего.

³¹ Эти два имени у автора условны, что подчеркивает неестественность почти всего событийного.

"Охота на овец"

По мнению Мураками, это его первый полноценный роман, однако, скорее, он — такой же творческий трамплин, как "Песни ветра" и "Пинбол-1973". В "Охоте", как всегда у Мураками, много физиологии. Это дает ощущение витальности, облегчает вхождение в текст. Но слишком большого перебора в описании рутинных бытовых подробностей и заурядных внутренних ощущений еще нет. Тем более что быт периодически компенсируется чувствами необычными и чуть ли не надмирными, которым, например, способствует девушка с волшебными ушами. В сюжет вмешивается иррациональное, но иррациональное до поры до времени логичное. На первый взгляд фарсовость произведению придает фотография вида Хоккайдо с овцами. Кажется, что сюжет и впрямь привязывается к ушам! Эта интрига вовремя перебивается письмами друга героя, Крысы. В них много "ни о чем", — именно тот материал, который и положено давать в подобных местах. Отенок — гетевско-вертеровский. С помощью уклончивых слов Крыса старается объяснить свое нежелание открыть адресату свое местонахождение (но в то же время посланной фотографией с горным пейзажем как бы сам себя выдает). Рассказывая о скитаниях по северу страны, говоря ни о чем, Крыса таки придает частичную авторитетность ничего не значащей фотографии вида Хоккайдо. Далее герой в своих воспоминаниях попадает в тон писем Крысы, продолжает его ноту. Идет масса других вроде бы поэтических, но необязательных текстуальных "забивок". Формально они смотрятся все же лучше, чем описания процедуры чистки зубов или ушей.

Наконец возникает оправдание фотографии как ключевого факта: если смотреть в лупу, одна из сфотографированных овец — какой-то необыкновенной несуществующей породы, да еще и с родимым пятном в форме звезды.

Выясняется, что овца с таким пятном — предмет галлюцинаций лидера правых. Сейчас он — умирающий фюрер с огромной гематомой в мозгу. В его голову якобы вселялась овца, долгое время там жила, а затем сбежала. Эта запредельная фантастика действует в сюжете как рядовой детективный ход. Начинается охота на овец, то есть поиск необычной овцы.

По пути автор, как может, растягивает действие, нажимает на различные тормоза. Рассказывает о мельчайших событиях, которых обычно не терпит и рядовой дневник рядового человека. Из подобного потока событий состояли первые (по хронологии) два романа, но отныне этот поток более размерен и тщательно дозируется. Еще большую роль в отсрочке кульминации или развязки играют типичные для Мураками вставные новеллы, исторические очерки.

Человек-овца появляется как в сновидении, и сразу же именуется человеком-овцой без всяких пояснений и описаний внешнего вида. Сначала его называют человеком-овцой, гораздо позже рассказывают о внешнем облике. Очевидно, ни автора, ни героя это не смущает. Автора и героя не смущает также другое: около одинокой хижины, расположенной на территории отдаленного пастбища, установлен вполне цивилизный почтовый ящик... Начинается чехарда солипсизма: выясняется, что человек-овца не имеет отражения в зеркале; возникает призрак Крысы. Отличить его от человека во плоти невозможно. Призрак пьет пиво вместе с героем и заявляет: "Я повесился в кухне. На балке под потолком".

В действительности оказывается подвешенным, превращенным в призрак сюжет. Его с трудом созданная легитимность проявила себя как иллюзорная. Крыса, когда был жив, прятался от героя, однако вызывал его открыткой на помощь. Крыса просил показывать открытку всем и вместе с тем не хотел прихода посторонних. Приспешники фюрера-сэнсэя заставляют героя искать необычную

овцу, хотя заведомо знают ее местонахождение. Девушка с волшебными ушами многое предчувствует, но ничему не способствует. Она — только украшение, архитектурное излишество, но не исключено, что она — контролирующая действия героя стукач, соглядатай. В этом случае слова о ее волшебных ушах могут получить и более тривиальное толкование. Впрочем, автор ничего этого не разъясняет. Такова фабульная манера Харуки Мураками. Фабула для него не главное, но именно в романе "Охота на овец" проблеск эзотерических тайн мира, сведение мира к галлюцинации не компенсируют бессвязности показываемых событий.

У Мураками мы как будто имеем: обычных овец (что щиплют травку); необычных овец, что могут вселяться в голову человека; людей в которых вселились овцы; людей, которых овцы покинули (например, это профессор-овца и находящийся в коме сэнсэй); людей-овец. Последние то объявляются просто ряжеными, то людьми, наделенными чрезвычайными особенностями (у них нет тени, отражения в зеркале, они обладают магическими способностями снежного человека). Идентичность людей-овец и людей, в которых вселились овцы, Мураками нигде прямо не показывает. Это разные существа. Сэнсей и разжалованный военными профессор не носили на себе шкур.

"Дэнс, Дэнс, Дэнс". Говорить об этом романе почему-то и нет большого желания. На самом дальнем, но главном плане — Человек-Овца. В отличие от Заводной Птицы этот герой не виртуален, и тем не менее, остается на важной периферии повествования. Он как бы лишь слегка показывается. В этом большое сходство с современным кинематографом, произведениями Стивена Кинга. В тексте — почти все приемы Мураками; таинственное постоянно чередуется с плоско-рутинным, бытие, события двоятся: Готанда (друг главного героя)

одновременно убил и не убил "даму по вызову" (Кики). Убийство как бы и было, и выглядит как сновидение. Хотя роман явно получился, никакого вальсового "дэнс" там нет. Этот "дэнс" чаще смахивает на шаманскую пляску, временами сменяющуюся современными танцевальными раскачиваниями. В данном "дэнс" не так много дзен. По фабуле роман — затянувшаяся страшная волшебная сказка.

К концу романа делается частичный показ скрытых "замков свода"³². Приснившаяся Кики объясняет рассказчику, что все призраки людей и комнат — это он сам. Никакой гарантии верности такого показа нет. Кроме того, Кики заявляет, что она не умерла, а ненасильственно перешла в некий параллельный мир.

Видимо, главное в романе — периодически появляющиеся мощные куски психоделики. С психоделики действие начинается, ею же, несмотря на оговорки, и заканчивается.

"Послемрак". Обычное повествование чередуется с изложением в стиле сильно облегченного Роб-Грийе. Роман нельзя считать законченным. Разрозненные нити действия редко сводятся воедино. Есть большая попытка связать очередного "злодея" Саракаву со спящей красавицей Эри Асаи. Но остается только игра виртуальных теней, едва намеченные сарротовские "тропизмы". Однако намеки автора вполне прозрачны. Заострена разность между экранным и бытовым существованием человека, слишком "засветившегося" на телевидении. В ход у Мураками идут даже блики на выключенном экране. Экранные характеристики

³² Архитектурная аналогия, использованная Львом Толстым при описании композиции художественного текста.

автор применяет и к наличным собеседникам: герои друг напротив друга, но как бы чувствуют, что их разделяют несколько километров.

"Страна Чудес Без тормозов и Конец Света".³³ Вначале слишком много детского фэнтези³⁴. Иногда отдает чем-то стругацким (сверх того присутствуют ключевые слова: "Лес", "библиотекарша"). Есть и другие ассоциации с давно читан-

³³ Другой вариант перевода названия — "Крутая Страна Чудес и Конец Света".

³⁴ Не могу согласиться с авторами статей, относящих в русском языке это слово к женскому роду. Слово "фэнтези" не тождественно логически суженному слову "фантастика", его можно включать и в объем понятий "вымысел" или "жанр". Фэнтези — не только литература, но и фильмы... И звучание, и смысловая усредненность требуют рода среднего.

Аналогично вызывают протест попытки отнести к фэнтези античную мифологию, средневековые легенды, рыцарский роман, бытовую фантастику. Зачем в таком случае вводить этот термин? По-моему, характерным для фэнтези является не только отсутствие научной основы, но и заведомая неестественность, нефольклорность, внеисторичность. Фэнтези не должно слишком прислоняться ни к чему, кроме голого вымысла, хотя очень легко и даже легкомысленно может касаться всего на свете. Так я не приписываю кэрролловскую "Алису" к этому жанру, поскольку Льюис Кэрролл и в сказке остается логиком и математиком. Отношение фэнтези к фантастике похоже на отношение оперетты к опере. Фэнтези предполагает заведомый фарс, неприкрытую условную игру, часто — буффонаду. Миры фэнтези не станут действительностью и при фантастической подмене основополагающих ментально-бытовых аксиом. Обычные литературные приемы в фэнтези обнажены и выпуклы. Если здесь присутствуют погони, стычки, загадки, секреты, то они, как правило, доминируют и самодовлеют.

В фэнтези не место психоделике. Не считаю авторами фэнтези большую часть латиноамериканских магических реалистов и Милорада Павича. Противопоставлять фэнтези так называемой "научной фантастике" нелепо. Термин "научная фантастика" был временным и ныне явно себя изжил. Его значение ретроспективное. Мы провалились в постиндустриальное общество, в котором на первом месте — технология, а не техника. Технология сейчас на первом месте и в науке. И, кстати сказать, в литературе.

ным. Даже вспоминается Абрахам Меррит. Мотивировка двух различных повествований достаточна, но их мельтешение не всегда кажется приемлемым для восприятия. И все-таки через роман проходит вдохновенная нить. В потерянных мыслях и забытых сновидениях нашей лучшей, так и не проживаемой, но где-то спрятанной жизни все мы теряем часть своего существования, энтелехии, рая.

Повествование насыщается нейрокибернетической симфонией, вернее, вещью абсолютно невозможной и парадоксальной — ментальной кибернетикой. Где вы о такой слышали? Остается только упасть со стула. Творец-профессор вещает об этом варианте фабрики снов закутанный в одеяло в подземной башне, во время наводнения... Территория, на которой находятся в этот момент герои, — святилище ужасных существ — жаббервогов³⁵...

Мураками без особых философствований перескакивает через обычные для человечества психофизиологические несуразности и говорит о феномене заведомо нереальном — нейрофильме. Представим, что нейроны — самостоятельные живые существа, но и тогда их фильмы останутся недоступными нам. Это совсем не то, что у нас в мире посюстороннем, точнее посюосознанном. Уж никаких там золотых единорогов, которых предлагает роман.

Миры предсмертного мытарства (именно предсмертного, а не посмертного!), развертки из Книг мертвых в романе довольно логично, уже без кибернетики, вначале подобно сновидениям оказы-

³⁵ Смелое, но удачное именование переводчика. В подлиннике упоминания о жабрах нет. Буквальный перевод: темно-черные (ямикуро). Однако издатели поступают менее правомерно, переименовывая, например, в угоду читателю "семиотиков" в "кракеров". Резкое снижение!

ваются необычно параллельными нашему миру, а затем грозят превратиться в его продолжение по традиционной схеме в бесконечно длящийся ад или рай. Мураками прямо не говорит, что новая огромная жизнь порождается из коллапса умирания, мгновений предсмертного стога, совокупления со смертью, как следовало ожидать (одна бессмысленная иллюзия вполне логично порождала бы иллюзию последующую). Он апеллирует к зенонским апориям. Подобно тому, как Ахиллес не догоняет черепаху, человек оказывается не способен умереть. Но это уже математическая фантастика. Автор так и хочет чем-то подпереть экзистенцию: если не лженаукой-кибернетикой и наивной нейрофизиологией, то хотя бы дедекиндовскими противоречиями.

Формально роман заканчивается ничем, обрывается, однако автор оставляет пунктиры. Ясно, что чуда, резонанса-трансцензуса двух миров не произойдет. Гибель внешнего эго героя (то есть фактически внешнего, "действительного" героя) не показана, но она подразумевается, невзирая на упоминания о возможной заморозке обездушенного тела. Иллюзорный, "шкатулочный" мир, скрытно от внешнего сознания выдуманный, похоже, самосохраняется, но нарушивший правила шкатулки герой обречен на тоску Сизифа — пытки междумирия, на вечное пребывание вовсе не в изобретенном волшебном-спокойном мире, а в диком неустроенном Лесу.

О рассказах Мураками

"Призраки Лексингтона"

Отличительная черта — поверхностное описание однажды явившихся призраков: веселящейся компании. Возникает ощущение уже где-то читанного. В остальном рассказ довольно будничен.

Складывается впечатление, что призраки явились благодаря вину "монтепульчано". Но, как обычно у Мураками, тень на плетень наводят описания необычных сонных состояний хозяина, пригласившего рассказчика-очевидца в свой дом, и отца хозяина. При этом причины и следствия, связь сонливости с призраками отсутствуют.

"Зелёный зверь"

Вещь прямо противоположна аксаковскому "Аленькому цветочку". Героиня методично и злобно уничтожает миролюбивое добродушное чудовище, восплавшее к ней любовью. Возможно, самый интересный рассказ, хотя для Мураками он нетипичен.

"Пейзаж с утюгом"

Рассказ похож на очерк, как и обычно у Мураками. Страсть к разжиганию костров сочетается у героя (Миякэ) с фобией перед холодильниками. Но эта странная смысловая рифма остается зависшей на последнем плане произведения.

Многие рассказы автобиографичны или, по крайней мере, — квазибиографичны и художественно заметно слабее романов³⁶. Темы рассказов, двух ранних романов являются как бы творческим "подшерстком", третьим планом, живительным ключом, спасительной субстанцией, которая сохраняется и в главных произведениях.

³⁶ О публицистике Харуки Мураками предпочитают не высказываться. Представляется, что это одно из его хобби.

В целом тексты Мураками синтетичны, пребывают на острие разных жанров и направлений. Мураками одновременно и поднимает, и резко снижает "магический реализм". Попытки эстетического сближения этого писателя с Ю. Мисимой и режиссером А. Куросавой не выдерживают критики. Общее у них только одно — Япония. Если при сильном желании и удастся найти у Мураками крупницы символизма или декаданса, то они будут принципиально иными, чем у Мисимы. (А легкий декадентский ветерок временами так и налетает на отдельные абзацы последнего автора!) Даже фрагментарно Мураками не свойственно стремление к предельному эстетизму. (Необычный образ Саэкисан всё-таки тривиально устанавливается на уже подготовленную поколениями романтиков платформу. Важна его высота, а отнюдь не демонические противоречия, которые Мураками чудом сглаживает в восприятии главного героя.) В отличие от Мисимы, Мураками не вызывает недвусмысленные напоминания о Габриэле Д'Аннунцио или Октаве Мирбо.

В России уже сложилась своя муракамиана: около дюжины небольших статей, не считая различного аппарата прилагаемого к переводам книг. К сожалению, почти все они касаются в основном "крысо-овечьих" струн в творчестве Мураками. Интерес представляют биографические сведения, а также сведения об отношении к Мураками японцев³⁷. Значительные уточнения, а иногда и противоположные российской муракамиане мнения мож-

³⁷ Ссылки на японские источники есть в обзоре К. Родченковой "Загадочный мир Харуки Мураками" // Проблемы Дальнего Востока. № 5, 2003.

но почерпнуть в капитальном труде американского литературоведа Джея Рубина.³⁸

В Японии старшее поколение читателей и литераторов относится к творчеству Мураками довольно прохладно. Х. Мураками противопоставляются Р. Акутагава, Я. Кавабата, К. Абэ, К. Оэ. По-прежнему важны ставшие ныне триюстическими координаты творчества Х. Мураками: между "высокой" литературой и массовой, между японской литературой и американской, между Японией и остальным миром. На творчество Мураками оказали влияние не только американские ужастики и поп-культура в целом, но и работа по переводу на японский язык американских авторов. Легкости, с какой Мураками освоил англоязычную культуру, помогла его юность, прошедшая в портовом городе Кобэ.

Переход Мураками из работников общепита — он был владельцем джаз-бара — в писатели произошел гармонично и правильно. Смешивать коктейли и выбирать мелодии — сложное искусство. А мысль о сходстве современной литературы с тем, что готовит бармен или повар, не так уж нова.

Приходит в голову мысль, что назойливые описания бытовых подробностей нужны в писательском деле не только как наполнитель, но и для того, чтобы иногда — как в разбираемых случаях — подстраховать беспрецедентный полет фантазии, обращающий своей энергией в ничто слабенькие паутинки ненужного сюжета...

В заключение о книге Джея Рубина. Из нее можно вывести для себя следующее. Х. Мураками был изначально по своему характеру необщителен, замкнут. Это скверно для автора романов, предназначенных для масс. Однако благодаря напряженной работе в баре и необычно всеядной и всепожирающей меломании Мураками пропитался духом толпы... Попс, попс, попс! По крайней мере, в

³⁸ Д. Рубин. Харуки Мураками и музыка слов. СПб.: Амфора, 2004.

первые десятилетия жизни он периодически вел тот же пивной образ жизни, что и его герои, ходил на матчи, не чурался частого просмотра кинофильмов.

В отличие от многих критиков, Д. Рубин пытается исследовать и формальную структуру произведений Мураками. Это ему удастся не совсем, ибо сюжетные мотивировки японского автора довольно прихотливы, находятся как бы вне теории литературы. Чего стоит проникновение в его произведения образа человека-овцы! Но именно по этому поводу сам Мураками высказался достаточно. В свое время овечья шерсть понадобилась Японии для оккупации восточных территорий континента. Аллегория выросла сама собой, но изначально Мураками подвинуло на исследование овечьего вопроса язвительное замечание по поводу сделанного им очень неаппетитного сравнения кустов с овцами. Так, в конце концов, овцы обнаружили и на территории Японии — на острове Хоккайдо. Человеками-овцами можно было называть и отправляемых в Манчжурию японских солдат. Но в "Охоте на овец" люди-овцы считают себя существами, уклонившимися от посылки на войну. А некоторые критики видят в людях-овцах символ старого "домаслоедского" поколения японцев и соответственно — писателей старого закала.

Д. Рубин обращает особое внимание на "боку" и "ватаси" — разные варианты местоимения "я" в японской культуре. Боку — более фамильярно, неофициально. Говоря о главном герое-рассказчике Мураками, он называет его не иначе как Боку. Для анализа четвертого по хронологии написания романа (о Стране Чудес и шкатулочном городе единорогов) может оказаться важным местоимение "ватаси". В основных сюжетах обычно действует Боку.

Начиная с "Заводной птицы" в текстах Мураками резко уменьшается число слов, записанных азбукой "катакана", то есть уменьшается число иностранных слов; тем самым последние произведе-

ния Мураками меньше графически пестрят, несут меньше вызова японской общественности...

Д. Рубин поясняет, что выражение "Норвежский лес" связано с неправильным переводом на японский названия песни "Биттлз" "Норвежская древесина" ("Norwegian Wood") и делает множество других уточнений. Тем не менее, анализ текстов у Рубина слишком литературен, слишком завязан на чисто литературную культурологию, что вызывает неизбежное послевкусие школьности. Это могло бы показаться обязательным, поскольку Рубин — профессор, японовед, однако он высказывает мнение, что желает выступить в книге как фанат Мураками и предполагает, что своей книгой восстановит против себя коллег в силу ее недостаточной академичности. Однако академических стереотипов в книге довольно много. Иногда они способствуют пунктуальности, иногда производят впечатление стандартной работы на холостом ходу. Рубин наиболее раскован в описании фактов из жизни Мураками, хотя остается, с одной стороны, благоговеющим почитателем "сэнсэя", а с другой — его "другом"³⁹, но отнюдь не острым критиком и беспристрастным патографом. Именно такую нишу выбрал бы и фанат-японец, будь у него такая счастливая возможность! Несмотря на частичную духовную интимность, биография Мураками все же остается в книге весьма официальной... Таковы противоречия.

Далеко не со всеми утверждениями Д. Рубина можно согласиться. Он считает, что Мускат (Мускатный Орех) из "Заводной Птицы" вещает свою историю в состоянии транса, служит рупором коллективного бессознательного и именно поэтому не помнит того, о чем только что говорила... И всё-

³⁹ Слово "друг", а тем более "друг семьи" — как указано в рекламе книги — ныне очень растяжимо по смыслу. В тексте Рубин не проясняет своих отношений с семьей Мураками. Косвенно из книги тоже ничего не вывешено. Рубин не является действующим лицом в очерках биографии писателя. Как мы знаем, бывает условная дружба и между руководителями противоборствующих стран.

так складывается впечатление, что она не ведаёт только одного — упоминания о Птице, что Птица время от времени чудится сознанию главного рассказчика и в его сознании существует как призрак или воспоминание.

ЭКСПРОМТЫ:

Ф. М. и Ф. М.

(О творчестве Достоевского)

У меня нет любимых литературных героев. Изредка попадаются герои интересные, но в произведениях Достоевского ни один герой не представляет для меня интереса как человек. Так получается. И все-таки есть у Федора Михайловича то интересный подход, то живущие в произведении необычные сущности-стихии... Иногда именно их можно назвать героями, а не что-то персонифицированное. Хорош ли господин Голядкин из "Двойника"? Вряд ли. Интересен ли он? Конечно, нет! Но изображен Голядкин интересно, да еще как!

У Достоевского много страниц и глав светлого, чистого, почти прозрачного текста. Если бы так им было написано всё, мы имели бы известнейшего русского писателя. Но в Латинской Америке или в Австралии о нем бы никто ничего не знал. Однако у Ф. М. есть специальный множитель, особая стихия-сущность. Имя ей — достоевщина. Благодаря ей творческий потенциал писателя оказывается увеличенным в тысячи раз.

Что есть она? Уже ясно, что отзываться о ней пренебрежительно не стоит. Свойства ее уникальны. Она не только множитель, но и черная дыра. И вершина с действующим вулканом, и пропасть. Ее фазовые переходы и аллотропные состояния неис-

числимые. Она жидкая, твердая, газообразная... Это и нечто амебоидное, подобное недотыкомке, и нечто явно кристаллическое с многочисленными гранями и полюсами.

Один полюс — Гофман в транскрипции Гоголя. Правда, Гофман не весь. В Россию словно бы пришли два его луча: один достался Одоевскому, другой — Гоголю и далее — Достоевскому.

Полюс противоположный — это великая мелкая пакость. Что она такое, понимает почти всякий, кто достаточно читал Ф. М.

Есть еще один полюс (простого "плюс-минус", "север-юг" маловато). На нем находится демон Лапласа, те таблицы логарифмов, на которые указывает Подпольный человек. На полюсе ему противоположном сибаритски расположился джентльменчик, восклицающий: "...господа, не столкнут ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!" На этом же полюсе находится Грушенька из "Братьев Карамазовых" в тот момент, когда заявляет "ангел-барышне": "возьму я да вашу ручку и не поцелую". Он противоположен полюсу детерминизма — своего рода полюс мутаций...

Что было бы с произведениями Федора Михайловича, если бы в них не было аномальных ситуаций и героев, не совсем нормальных слов и поступков? Всегда есть намеренные и случайные сбои-замутнения в разговорах героев и в ведении повествования. Весь Достоевский — в девиациях от привычной житейской регламентации, невидимой предписанности и расписанности всего. А от многочисленных аномалий есть одно спасение — пучина грёз-архетипов и молитвенное простирание к скрижалям...

Полюсов у творчества Ф. М. еще хватает. Достоевщина неисчерпаема. Она напичкана Льюисами Кэрроллами, да не теми, не английскими. А коли

так, то почему бы на самом деле Достоевскому не заменить Гаусса? Не дать больше Гаусса? И выходит нечто в России такое сверх-сверх... Только куда потом всё проваливается?

Достоевщина имеет и другое гуманитарное значение. Именно она, а не что иное, ставит окончательный крест на байронизме. Благодаря ей позже смог появиться неоромантизм ницшеанского типа. Достоевский фактически породил Фридриха Ницше, Федора Сологуба, Максима Горького, Юрия Мамлеева. До кого-то он доходит именно через них или чаще через их эпигонов. Следует учесть, что главный герой Ф. Сологуба все-таки не Передонов — мелкий бес, а наполненный достоевщиной лирический герой злых стихотворений.

М. Горький много раз пытался откреститься от Ф. М., отбелить его... гением Ницше. Но сплошь и рядом ницшеанского неоромантизма не хватает, и хоть какая-нибудь бесинка да прорывается то в словах Луки, сравнивающего людей с блохами, то в воображении самого Алексея Пешкова, радующегося в стихотворении пожару, уничтожающему деревья и братьев наших меньших ("И странная моя душа Поет, чему-то детски рада"). А тот, кто заявляет: "Мне здесь прекрасно... тепло и сыро", уж как-то и совсем напоминает героев "Бобока".

Сам собой возникает вопрос об эмоциональном цвете произведений и героев Достоевского, а также героев названных здесь авторов. Сводить всё к темным и светлым силам как-то маловато — это очень старый, еще дохристианский трафаретный мотив. Многим надоели одиозные фэнтези о демонах и ангелах. Почему бы не брать цвета радуги и их смешения? Какого цвета фашизм? Это явно некая смесь. Может, и правда серо-коричневая. Однако изначальная белокурая бестия бела и светла! Светла, пока не оказалась испачканной и низвергнутой. Светло-белым представляется и горьковский Ларра. А вот Данко уже не таков. Он, скорее,

красный или алый. А распрекрасный и могучий Буревестник, конечно, черен.

Однако цвет может меняться, цвет может сползать и обволакивать. Во времена крепкого и надежного, как маузер, атеизма в фильме 1969 года Алеша Карамазов как-то уж слишком светился ностальгией. Сейчас эти светлость, прозрачность и соломенность несколько померкли. Теперь Алексей Карамазов на фоне братьев уже не просто смиренен, инфантилен и женствен. Он прямо-таки <.....> на глазах... (Несколько запоздало проявилась трактовка Ивана Пырьева и Андрея Мягкова!) Пусть эта <.....> остается, так сказать, в себе и с отчаянными отблесками <.....>

И все же изначальные цвета Достоевского — не для режиссерских озарений, действительно первичны и вдохновляют скорее художников-графиков, чем живописцев. Цвета радуги сужают смыслы, оказываются вариантами. Недаром черно-белые или бурые сновидения гораздо интеллектуальнее и "астральнее" полноцветных, недаром целые направления в художественной фотографии и поныне избегают цвета. Если наш мир развернут из горошины, то цвет отдален от области изначальных смыслов, это как бы эманация эманаций, вырождение, вариант прочтения. А мысль и воля не белы и черны — они бесцветны. Именно в их бесцветной сумеречности спрятано то, ради чего мы читаем художественные тексты...

До молодежи Ф. М. доходит все-таки чаще через экранизацию. Кинематограф не может схватить у Достоевского многое, чистая словесность камере недоступна. Нельзя перенести на киноленту униженных червями героев "Бобока", нельзя полноценно экранизировать первую часть "Записок из подполья". Подобная неохватимость, несхватимость касается не только отдельных эпизодов Достоевщины, но также — изначального диккенсовского начала в творчестве Достоевского. Передаётся действие, хуже — диалоги, требуемые для

них эмоциональные оттенки. Артисты либо переигрывают, либо недоигрывают, что-то неизбежно теряют. Достоевщина — итог, диккенсовские дрожжи⁴⁰ — как бы запал, но режиссеры и сценаристы, вполне адекватные Диккенсу, скорее всего, удовлетворят разве что восприятие англичан. Избыточность, словесная пробуксовка Достоевского при попытке их зрительного отображения не просто провисают, но создают движущуюся мертвизну. А неудача мгновенно делает вычет из предыдущих удач. Нужны какие-то особые эксперименты, в частности, с музыкой, со звуком вообще.

В связи с проблемами массовой культуры следует сказать несколько слов о бизнес-проекте "Борис ...нин". Странный какой-то там XIX век и именно своей подозрительной нормальностью, прилизанностью, если не сказать зализанностью. Там много... Ф. М., то есть Федора Михайловича с выковырянными червячками, сепарированного, ректифицированного, разбавленного фруктовым соком и взбитого до состояния безе — гламурного Ф. М. Чисто риторически представляемые подробности никак не сокращаются. Какая прелесть описания интерьера и портреты героев! Больше мелочей и описаний! Больше объема! Но, эврика! Это тот же грех Достоевского, пусть без эксцентрики, без вываливания из правил риторики, без эпилептоидного пейсмекара⁴¹... Но как иначе? Ведь не внести ту навек запатентованную "придуринку", не воспроизвести тот способ максимально быстрого судорожно-аритмичного заполнения белых листов. Никакой компьютер с этим не справится. А ведь чернильницей приходилось пользоваться. Что-то навсегда ушло из этого мира.

⁴⁰ Неплохо было бы вспомнить и творчество Генри Филдинга, ту реторту, в которой художественные средства, наработанные драматургией, переплавились в средства художественной прозы. Пресловутая "искусственность" психологизма Достоевского частично восходит и к этому.

⁴¹ Здесь: "дирижера", водителя ритма, "маятника".

Несмотря на выпирающую искусственность, съеденность неуловимой важнейшей сердцевины, остаточный Ф. М. словно бы перемешивается в бизнес-проектах "Б. ...нин" с несколько укрощенным Умберто Эко. Видно, есть некие общие струны у спрятавшегося за ширмой знаменитого переводчика текстов Юкио Мисимы и не менее знаменитого итальянца.

Многие религии — масскульт, доведенный до логического конца. Каковы его перспективы в литературе и искусстве с учетом современных ускорений и усовершенствований? Видимо, в этом смысле протезы будут гораздо лучше естественных органов. Но без нас. Зато уже сейчас научились готовить из духовных консервов отличные блюда. Хотя здесь нам еще далеко до иностранных авторов. Таки забываем положить глютамат вместо томатов.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ...

Можно ли обсуждать журнал, который существует на общественных началах? Можно ли придираться к его редакторам, не получающим зарплату? А если бы получали? Если бы штат был больше? Думаю, ничего бы не изменилось в характере издания.

Вообще не бывает полностью приемлемых литературно-художественных журналов. Это, увы, правило. Какие исключения его подтверждают? Несколько номеров журнала "Иностранная литерату-

ра" и рижского "Родника" — все они из конца горбачевской эпохи... Три-четыре номера брюсовских "Весов"... Но перечисленное было хорошо для своего времени! Гипотетически важным событием должны быть первые номера журнала, открывающего новое литературное направление. Где эти направления? Где попытки сотворить что-то новое?

Переходим к более конкретному разговору. Чем плох восьмой номер журнала "Изыщная словесность"? В скобках заметим, что, невзирая на соответствующую регистрацию, он больше похож на альманах.

Полиграфия. Об опечатках лучше судить авторам. Зато всем бросается в глаза бессмысленный верхний колонтитул — один и тот же на всех страницах, повторяющий название и год издания. Видимо, редакция надеется, что номер зачитают до дыр, оторвут обложку, а затем расчленят на отдельные листы-сувениры.

Номер решил приукраситься писателем Павлом Крусановым (эссе о Г. Ордановском). Очень похвально! Но вместо Крусанова я увидел только закон Еркеса—Додсона. Если по оси абсцисс мы отложим степень знания автором материала, а по оси ординат — эффект творчества, то получим кривую Гаусса — параболу направленную верхушкой вверх. Как плохое, так и безупречное владение материалом дает неважные результаты. Для высшего эффекта необходимы некоторые лакуны знания и работа обобщений или фантазии. Павел Крусанов превосходно знает то, о чем пишет, а потому вязнет в мелочах, разливается мыслью по древу.

Разделы, отведенные поэзии... Что вы, ребята, творите такое!? Там у вас — прошлый век, семидесятые годы, пусть сами тексты и писались вчера или сегодня, это дела не меняет. Поэт Сергей Ни-

колаев не такой, как все, он пользуется смысловыми тарзанками... А толку! Какова форма стиха? Какова рифма? Ныне вообще рифмованного стиха должно быть не более 10 % от всей поэтической продукции. Стар он. К сожалению, устарела и сама поэзия. Ее нужно отмеривать по каплям, чтобы не напугать читателя. Поэтов читают только поэты, а чаще они читают сами себя. Добавим еще басенную кукушку, которая хвалит петуха...

Раздел поэзии нуждается не в осколках странноприимного клуба "Контакт", а в модераторах. Ныне таких можно найти в Москве и даже за границей. Можно поискать и в Питере в кругах, близких Сосноре, Драгомощенко, Мирзоеву, Михаилу Кузьмину. Я не в восторге от этих авторов, но это лучше, чем ничто, чем художественная политика старорежимных ЛИТО.

Виталий Дмитриев (член СП Санкт-Петербурга; отвечает за публикуемые в журнале стихи), конечно, пристрастен. Ему не хватает исторического чутья, широты души и, скорее всего, связей с творческими кругами. Иначе не объяснить его странной привязанности к кругу лиц давно почившего альманаха "Клад".

Нужны переводы современных нерифмованных стихотворных текстов. Почему бы не попросить их, скажем, у Юлии Свенцицкой?

Проза. О ужас! А где рассказы? Журнал должен двигаться впереди художественного процесса. Именно с рассказа эксперимент чаще всего и начинается. Романы и повести слишком для этого неповоротливы. Кроме того, рассказы новых авторов нынче в книгах не печатают. Рассказу и место — как раз в журнале. И нужны ли тексты с продолжениями в периодическом издании, которое неизвестно кому и когда попадет в руки? Разве что тому, кто в нем напечатался.

А где теоретическая мысль? Где проекты, манифесты, творческие пунктиры и градиенты? Нет такого. Нет даже традиционного разбора полетов, нет рецензий.

А где новизна? Нет не только новой, но даже старой новизны — той самой, что муссировалась в клубе "Платформа", на Пушкинской, 10, в "Борее", в музее Достоевского, Интерьерном театре и др. Где новости об оригинальных художественных методах? Даже вечный лягушатник — объединение "Утконос" — что-то да знает в этом отношении.

Сравним "Изящную словесность" с обычными журналами, с теми, что выходят по подписке. Сравнение явно не в его пользу. Зачем столько рубрик? Вполне хватило бы и пяти основных разделов. Материал в журнале перемешан, как в газете. Друзья! А ведь это газета и есть! Какой там альманах! Отличная газета из числа тех, что раньше висели на стене. Об этом нужно подумать, тем более что так называемая "Литературная газета" фактически политико-публицистическая, а некоторые предприниматели выпускают ныне газеты в виде глянцевого журналов.

Все-таки у "Изящной словесности" есть большой плюс: ее можно критиковать. И в голову бы не пришло разбирать по косточкам полностью устоявшиеся, более чем оперившиеся "Михайловский замок", "Невский альманах" или "Рог Борей"... Вот уж было бы бессмысленное занятие!

Прозрачность, чистота, незакастенелость... Эти слова можно адресовать журналу только после изрядной порции едких замечаний.

ЕЩЕ ЭКСПРОМТЫ

1. О ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Мысль изреченная есть ложь, но беда в том, что она имеет большие шансы оказаться ложью еще до того, как ее высказывают. Прежде чем солгать другим, человек, сам того не замечая, лжет себе. Кажущийся слишком уж правдивым, наверняка лжет в глубинных изгибах души, а значит, фактически он — патологический лгун. Достаточно только взглянуть на этого правдолюбца с некоторым прищуром, и подумать "А каков он вне условностей?".

Философы ничем не лучше простых обывателей. Древние философы как будто следовали своим учениям: Диоген жил в бочке, другие киники вели собачий образ жизни, Демокрит сам себя ослепил, Эмпедокл бросился в кратер вулкана, Зенон Элейский откусил себе язык и плюнул им в лицо тирану, Сократ отказался от спасительного бегства. Однако все эти философы слишком далеки от нас. Правда и вымысел, история и легенда в те времена часто смешивались.

Возьмем примеры, которые нам ближе. Федор Достоевский, требовавший сострадания к униженным и оскорбленным, раздавал в трактире зуботычины лакеям; Лев Толстой в молодости был мелким пакостником и великим грешником; заочный ученик Достоевского Ницше воспел сверхчеловека, а сам вел жизнь слабого и больного червя.

Настоящим сверхчеловеком оказался только Максим Горький: одновременно и Челкаш, и Ларра, и Данко, и настоящий Буревестник. Впоследствии он открыл своей персоной великую галерею советских приспособленцев. Можно только гордиться приспособляемостью Алексея Толстого, композитора Хренникова и Ильи Эренбурга. А ведь некоторые из так называемых диссидентов тоже очень неплохо устроились...

Что мы имеем сейчас? Отовсюду торчат зубы. Правило "Либо всех, либо лежи в грязи" слишком уж старо и одиозно. Остается только одно — Чтобы быть, не обязательно кого-то или что-то, вполне достаточно считать: "Пусть мне будет хуже, но я ничего не буду делать". Отдельный человек может никому не и вести себя подобно трупу или камню. Возможность проверить себя на таком поведении — это первый Достаточно стороннего регулярного давления, и сходным образом проверить себя: никакого "....." не понадобится.

2. ТАЙНЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Новая тематика как бы вытекает из предыдущей — "Образование и насилие"⁴². Ученика нужно бить палкой, иначе он не познает мудрость, не причастится тайн, скажем, не поймет, что такое хлопок одной ладони или почему великий квадрат не имеет углов. Хороши метафоры, которые представляют образование как пресс либо как конвейер

⁴² Темы конференций.

штампованных изделий. При этом само существование конвейера — факт куда более важный, чем производимая на нем продукция. Учебный процесс в первую очередь рассчитан на преподавателя, на систему и только затем — на учащегося, ибо, прежде всего, важно расписание, набор необходимого количества часов и прочие регламентации. Необходимость индивидуального подхода к образованию остается риторической.

На вопрос: "Вам объяснить или сами прочитаете?" порядка семидесяти процентов обучающихся хором отвечает "Объяснить!" (если, конечно, не отпускают домой). Однако это инерция. Существует немало учеников и студентов, которым уроки и лекции вообще не нужны, им достаточно консультаций и семинаров. А есть и такие, для которых уроки и лекции — это время, заведомо вычеркнутое из жизни (ибо у них другой тип восприятия). Рекомендуют и считают хорошим тоном, чтобы накануне лекции обучающийся знакомился с ее материалом по учебникам. Это не всегда удобно, когда имеют в виду точные науки. Учебники по математическому анализу или электродинамике обычно имеют объем в три-четыре раза больший, чем материал, который требуют от студента. А речь идет не о беллетристике. Освоение четырех-пяти лишних (ненужных) абзацев может оказаться чрезвычайно трудоемким делом.

Экзамены, зачеты часто принимает не только тот, кто читает лекции, а потому на кафедрах почти всегда есть подробнейшие конспекты. Спрашивается: почему бы их не размножить и не раздать? Но это не делается, поскольку процесс обучения необходимо как можно более затруднить, нужно обязательно столкнуть студента с картаватым, не умеющим внятно говорить профессором, нужно, чтобы студент, отвлекаясь на разговорчики и поглядывая в окно, самостоятельно составил никуда не годную версию лекции. Записывание дисципли-

нирует и улучшает восприятие? Далеко не всегда и далеко не у всех. Часто ухудшает. В чем дело? А дело — в тайне. А тайна заключается в том, что преподаватель должен преподавать. Хлопок одной ладони куда более обязывает, чем обычный, двумя. Только тернии, только трение, только та средневековая система образования, которая существовала, когда еще не было книгопечатания, ксерокса и компьютера. А еще лучше — бессмысленные программируемые опросы, где вообще ничего не надо говорить, а достаточно ставить крестики и нолики или нажимать на кнопки.

Чтобы еще больше превратить знания в недоступный лакомый кусочек, на учащегося одновременно вываливают полтора десятка дисциплин, чтобы, занимаясь ими всеми, рассыпаясь на все, он не сумел как следует заняться хотя бы одной из них. Если где-то и возникает какой-то намек на циклическое обучение (при котором параллельно изучают два-три предмета), то лишь по причине недостатка места или лабораторного оборудования.

Считается, что система образования в США значительно хуже, чем в России и в Европе. Зато там она не является выжимающим соки прессом, не подавляет личность и волю. Как бы получается, что учебное накручивание, выкручивание, выжимание само по себе очень полезно и, хотя с большими потерями, научает выживанию в экстремальных условиях. Кто посмеет ругать МИФИ, МФТИ, физический факультет МГУ? Или сейчас меньшее число студентов этих вузов состоит на учете в психдиспансере? Оставим названные соковыжималки в покое. Несчастье в другом: чтобы быть Ландау или Капицей, нужно учиться или стажироваться за границей, а быстрых разумом Невтонов у нас совсем не ожидается. За что боремся?

Однако всё это — таинственность наружная, поверхностная, а при желании можно найти и глубинную. Какая наука должна быть самой легкой? Казалось бы, математика, царица наук, ведь она основана на тавтологиях. Не тут-то было! Реально математика — самая сложная наука. Инженер или геолог легко переключается с привычных для него областей или объектов на смежные и достигает успехов. При очень большом желании взрослый математик может изучить ранее чуждую ему математическую область, но до окончания своего века будет считать себя в ней профаном.

Иной, почти противоположный пример. Фундаментальные науки считаются более трудоемкими для изучения, чем прикладные. Они требовали в свое время даже подвижничества. Прикладные науки также порой нуждаются в гениях или, по крайней мере, в людях с семью пядями во лбу, но реже. Однако наибольшее число незащищающихся аспирантов мы имеем как раз на прикладных кафедрах и в отраслевых НИИ.

Образование, пусть с опозданием, но отражает положение вещей в соответствующей ей области. А сейчас, как в первые столетия нашей эры, — время Гермеса. Воспроизводимость научных результатов — уже не правило. Пишут статьи, составляют патенты так, чтобы у желающих их проверить ничего не получилось. Практика удержания при себе ноу-хау!⁴³ Прямо-таки средние века: ни вам секрета шелка или фарфора, ни тайны венецианских зеркал. А ведь совсем недавно студент СНО воспроизводил любую описанную в литературе химическую реакцию. И какие были справочники! Взяв толстую немецкую книжку, можно было почти из воздуха синтезировать любое известное органическое соединение. Юный пионер, вода по схеме пальчиком, собирал супергетеродин или лишенный пе-

⁴³ Не так уж давно общество было досыта "накормлено" холодным термоядом; некоторые наивные люди до сих пор полагают, что существует торсионное излучение.

чатных плат компьютер и при этом прекрасно понимал, что он делает и для чего. Ныне, из-за наступивших на нас сверхминиатюризации и компактизации, и взрослый сборщик электронных устройств досконально не знает, что именно он делает, — он просто не успевает понять. В Японии существуют заводы-автоматы. Техника, как природа, начинает делать себя сама. Горшки обжигаются сами. А для человека осознание познания стало не обязательно.

Можно на время забыть о технике, технологии, естественных и точных науках. Вспомним об областях гуманитарных. Вроде бы там, где есть разумное-доброе-вечное, тайны образования должны быть неотделимы от тайн воспитания. Куда зовут, к чему призывают нас искусство, литература? Даже в сакральных текстах мы видим непрекращающуюся череду убийств и насилия. А литература? Пушкинский положительный герой Гринев выглядит как-то бледно по сравнению, скажем, с полнокровно представленным Иудушкой Головлевым. А школьная программа по литературе? В ее центре — яркие и романтические психопатологические личности, "лишние люди": Онегин, Печорин, Обломов. А ведь преподаватель словесности — отнюдь не психиатр и даже не психотерапевт. Загадка и только загадка: вместо того чтобы показывать разложение высших классов общества, учителя литературы как будто разлагают юношество. Уж лучше бы показывали порнографические открытки, они куда безвреднее! Раствление предпочтительнее демонической рассады в нетвердых головах.

Всем известно, что Достоевский может заменить Гаусса. К сожалению, в России он и впрямь его заменяет. У нас чрезмерно много писателей. Это свидетельствует о кризисе, о том, что большое число талантливых людей, не найдя себя, занимаются не своим делом. А о том, что точные и естест-

венные науки имеют, помимо всего, и чисто теоретическое гуманитарное значение, думают очень мало, больше из склонности к риторическим фигурам.

Общество, государство заинтересованы в наличии системы образования лишь постольку, поскольку она делает его членов и граждан необходимыми винтиками и шпунтиками, колесиками и шестеренками. А каково значение образования для того, кто "образуется"? Здесь и выясняется, что самообразование гораздо важнее образования, что второе в лучшем случае служит только пьедесталом для первого. Оказывается, интересны не прямые, а внутренние, боковые и краевые эффекты образования. Понятно: важно не столько оно, сколько сопряженное с ним развитие. Но, возможно, не менее замечательно и то развитие, которое не состоялось. Это самый интересный плод просвещения.

3. КАК ПРЕВРАТИТЬ УНИВЕРСИТЕТ В УНИВЕРСИТЕТ?

(миниатюра)

1. Университет в отличие от института должен быть естественным продолжением средней школы.
2. Университет (по желанию студента) дает знание всех фундаментальных наук, основных искусств (не менее шести), а также философии и психологии.
3. Никаких факультетов для студентов. Факультеты существуют только для преподавателей.
4. Студенту вменяется в обязанность выбор определенного числа узких дисциплин.
5. Необходимое допреподавание, например, математики для физика или химика — внутри выбранного курса физики или химии.
6. Последний курс или два — согласующие. Они согласуют набор изученных студентом дисциплин с выбранными или суммарно наметившимися специальностями.
7. Студент имеет право на бесплатное получение не менее двух специальностей, в том числе не связанных друг с другом.
8. Перед абитуриентом университета, в отличие от абитуриента института, не должно возникать вопроса "Куда пойти учиться?", а перед студентом — вопроса о переводе с факультета на факультет.
9. Настоящий университет территориально сосредоточен в одном месте. Все его факультеты, лаборатории, а также не менее двух третей вспомогательных НИИ и баз должны быть в пределах одинаковой досягаемости для любого студента.

10. Студент не обязан посещать лекции. Тексты лекций предоставляются ему независимо от их посещения или записи. В крайнем случае эти тексты могут быть заменены отредактированными фонограммами.

11. Университет — чисто светское учреждение, в нем не должно быть профилирующих юриспруденции, политологии, социологии, теории и практики менеджмента. Все это — за его пределами. Причина? В том, что всё названное нефундаментально. Лучше подумать о том, как лучше писать книги по истории. Много может оказаться в рамках ее курсов. Обществом не должны управлять актеры, поэты, философы, юристы, экономисты... А кто? Люди близкие к историкам. Историки-практики. И не столько потому, что исторические ошибки постоянно повторяются, столько потому, что историю нужно немного делать, а не ждать, когда она свалится с неба. Даже если исторические законы сами по себе — миф.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД (футурологический очерк)

Иногда к наркотическим веществам относят только вещества, вызывающие четко выраженную эйфорию, опьянение или наркоз; иногда — все вещества, по отношению к которым вырабатываются пристрастие и привыкание. В последнем случае, например, токсикомания оказывается разновидностью наркомании...

Попробуем найти иную точку отсчета, учитывающую как странности (аномалии) человечества в целом, так и способность к чисто индивидуальным непреодолимым пристрастиям в отношении тех или иных веществ. Вопрос о "болезненности" влечения или его "нормальности" оставим в стороне, поскольку во многих случаях подобное отнесение спорно. Тогда, в принципе, к наркотикам можно отнести: соль, сахар, кофе, чай, шоколад, мате, бананы (содержат мескалин), колу, мороженое (псевдоаналог наркотиков-анестетиков), мясо млекопитающих, рыбу фугу, табак, алкоголь...

"Как так? И соль?" — воскликнет кто-то. Да! Хлористый натрий — наркотик для языка. Наркотизированные солью рецепторы языка не способны правильно воспринимать собственный вкус продуктов. Фактически наркотизированным оказывается вкусовой анализатор, то есть мозг. А ввиду всеобщего распространения пристрастия к соли, решать вопрос о степени его "болезненности" должен в общем случае не землянин. Соль, подобно горечам, горьким специям, слишком сладкому, слишком кислому, нарушает нормальную работу вкусовых рецепторов и вкусового анализатора в целом. Возникает эффект "зашкаливания", вполне гомологичный зашкаливанию "эйфорическому".

Выше мы перечислили довольно много продуктов. А пиво? По нему сейчас сходят с ума. Бутылки

и банки с пивом выполняют функции соски для взрослых... В состав пива входит двоюродный брат индийской конопли — хмель (и конопля, и хмель относятся к ботаническому семейству Cannabaceae). Слово "захмелел" родственно отнюдь не слову "медовуха".

Как правило, к наркотикам тот или иной агент относят не медики, а социум в целом, так называемое "общественное сознание". Это отнесение весьма произвольно, и связано с традициями конкретного этноса. В Московской Руси за курение некогда полагалась смертная казнь. В мусульманских странах и сейчас запрещен алкоголь, хотя опиум и прочие подобные радости почти дозволены. В современной России в любой аптеке без рецепта продается трава полыни, настойка полыни; можно купить винно-водочные изделия с полынью, хотя в Западной Европе и Америке продукты, содержащие терпен туйон (а это как раз полынные препараты или подлинный абсент), запрещены.

В вопросе о наркотиках общество проявляет немало святого фарисейства. Отчасти это связано с тем, что лидеры современного западного общества — типичные алкоголики. Характерологические алкоголики постоянно находятся за круглыми столами массмедиа при обсуждении вопросов наркотизации.⁴⁴ Притеснение всех неалкоголиков идет и отсюда. А кто алкоголик? В северной и умеренной климатических зонах России алкоголик — это уже тот, кто выпивает не менее одного раза в неделю.

Алкоголь позволяет дать определение всей земной цивилизации. Земная цивилизация — это алкогольная цивилизация. В разных регионах земно-

⁴⁴ Согласно новейшим исследованиям группы американских медиков, вред от наркотически действующих веществ убывает в следующей последовательности: кокаин, героин, барбитураты, метадон, алкоголь, табак, марихуана, экстази, ЛСД. Общество лжет само себе! Табачные и алкогольные фирмы захватили слишком много прав и будут царствовать до окончания веков. С описанной последовательностью многие согласны, но часто переставляют местами табак и алкоголь, героин и кокаин. Видно, это связано с разными социальными сословиями. Возмущение вызывает только одно: "Почему забыли о чае и кофе?" А где на самом деле их место? Чувствую, что это определяют весьма нескоро.

го шара в разные времена существовали очажки иных культур, но все они были растоптаны и уничтожены алкоголиками (первое проявление глобализма в этом мире). В наказание за такое действие алкогольной цивилизации был совершенно даром преподнесен демон табакизма, который и поныне ведет свою невидимую подрывную работу.

Фарисейство общества и в том, что тщательно замалчиваются соображения безопасности, касающиеся употребления как разрешенных, так и неразрешенных наркотиков. Более того, общество всячески стимулирует нарушение безопасности, завышение доз. Фасованные алкогольные напитки в подавляющем случае продаются в объеме 700 миллилитров, тогда как рекомендуемая разовая доза слабоалкогольных напитков (например, сухих вин) для северных стран составляет 200—300 миллилитров. Даже в самых третьеразрядных "мороженицах", "рябинках" и т. п. желающим наливают по 50—100 граммов напитка с наценкой свыше 350 %. В этом нельзя не видеть государственного поощрения алкоголизма: всякий видит, что выгоднее купить в соседнем гастрономе 0,5 — 0,7 литра в посуде, чем 200 граммов в розлив. Из-за специально подстроенного отсутствия мелких фасовок (50, 100, 150 мл...) низы общества скупают денатураты. Общество требует от своих членов либо опиваться и портить здоровье, либо вовлекать в процесс распития тех, кто выпивать, может быть, и не собирался. Табачные изделия продают стандартно по 20 сигарет в пачке, хотя многие курильщики не отказались бы от более мелкой фасовки. Не повредила бы и упаковка по одной сигарете в пачке — нормальные санитарные правила не позволяют торговать из вскрытых упаковок.

"Отравляйтесь и наркотизируйтесь на здоровье!" — властно требует общество и фактически заставляет многих людей выкуривать и выпивать гораздо больше, чем им требуется. Неадекватность проявляют и неформальные общественные структуры. Многие запрещенные наркотики считаются

не продуктами питания (как в древних культурах), а медикаментами. Как следствие главным действующим лицом становится шприц. А недостаточно оправданные инъекции даже ненаркотических веществ, вообще говоря, преступны.

Дискриминация, нарушение прав человека проявляется и в отношении сахара и соли. Где вы найдете ненасахаренные и ненасоленные продукты? В плитках шоколада содержание сахара часто составляет свыше 70 %.

Сахар сыпят в различные винные напитки и в те вина, в которых он не должен быть по традиционной рецептуре. Кстати, сочетание алкоголя с сахаром — это лучший способ уничтожения поджелудочной железы, а также первейший способ получения диабета второго типа. Кому всё это нужно? Ясно, что не человеку.

А диабетики? Под названием фруктозы, ксилита, сорбита и др. сахара пытаются скормить и им. Существует ли возможность купить где-то несладкое печенье? Практически нет. В лучшем случае вам предложат отравленный чесноком сильно пересоленный крекер. Неужели человек такой дикий зверь, что не в силах обойтись без сладкого? Повидимому, искусственно (но правильно) добавляемый сахар необходим детям, иногда — людям, занятым интенсивной умственной работой. Искусственный сахар (сахароза) бывает нужен многим другим, но не каждый день. Всё это касается простых смертных. Всякого же рода йоги и люди, сознательно практикующие "здоровый образ жизни", легко обойдутся без искусственного сахара вообще.

А запрещенные наркотики? Общество до сих пор не удосужилось подумать о том, как правильно с ними обращаться. Даже в небольших европейских странах с высоким уровнем жизни, где решение проблемы наркотиков было бы несложным. Есть пропаганда безопасного секса, но нет пропаганды безопасного обращения с наркотиками. Очевидно, государственные мужи боятся таким образом невзначай создать рекламу и самим наркотикам. В

лучшем случае неполноценная и узкая информация о закономерностях действия наркотических веществ поступает только потерпевшим и претерпевшим, попавшим на излечение; информация примерно такого рода, что от диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД) еще никто не умер, а потому не следует в ожидании еще большего нарастания ужасов и картин ада резать себе вены или лезть в петлю, что привыкания к большинству галлюциногенов почти нет и т. п.

Существуют люди, у которых наркомания — профессиональное заболевание. Всем известно, что это люди, занятые созданием джаза, рока, а часто и другие музыканты. Музыка слишком близка к первичным корням жизни и слишком далека от ее формальных сторон. Однако никто не пытается заменить этим людям наркотики-медикаменты наркотиками-продуктами, никто им не скажет, что употребление одного и того же наркотика чаще, чем раз в месяц, — недопустимо, как недопустимо и повторное использование за такой срок наркотиков того же самого класса. Таблицы классов никто им не чертит. В чем дело? Физиологами давно установлено, что привычки возникают за срок в 12 дней, за срок в 12 дней они меняются, пока еще достаточно хрупки. К полученным 24 дням нужно добавить еще неделю на статистические разбросы. Следовательно, срок в один месяц — это срок гарантии-минимума от болезненного пристрастия. Разумеется, не об инъекциях идет речь! Последние, в подавляющем большинстве случаев, лишают человека самоконтроля. В первую очередь о недопустимости инъекций должны помнить те, кто пробуют наркотики из любопытства. Курение наркотиков, а также их нюханье⁴⁵, вообще говоря, тоже опасно. Подобной привычки, как и привычки табакокурения, вообще не должно возникать.

⁴⁵ Недопустимо даже введение в нос обычных лекарственных растворов с более чем трехпроцентной концентрацией. Исключение составляет только для пептидов, их можно вводить и в сухом виде.

Наибольшее нарушение правил безопасности, даже в отношении "легких" наркотиков, совершает общество в целом. Нестандартность, низкое качество, мошенническое разбавление (или наоборот отсутствие должного разбавления), фальсификация, разнородность, отсутствие аннотаций, данных об изготовителе и пр. заставляют рядового наркомана на глазок изменять дозу (чаще всего завышать). Многим приходилось видеть на улице странно возбужденных, и даже в прямом смысле взбесившихся, молодых людей, то есть накурившихся не смешанной с табаком высокосортной "травы"...

Нужно также помнить, что существуют различные типы и подтипы привыкания к наркотическим веществам. Наиболее злостное привыкание может развиваться по отношению к никотину и героину. А самая вредная для человечества в целом привычка — табакокурение⁴⁶. Остальные виды табакизма (нюханье, жевание табака и др.) оказались менее значимыми.

Сказанное выше не означает, что нужно возвращаться к временам старой доброй кока-колы (сейчас, мягко говоря, продают иной напиток с тем же названием) или готовить печенье на экстракте или порошке марихуаны, как это делается в Голландии. Просто нужно изобретать совсем другой велосипед, а еще лучше — нечто принципиально иное. Уже табак, алкоголь и мясной бульон — явления архаические.

Современная наука могла бы обеспечить напитки нового типа или кондитерские изделия протекторами от нелегальной переработки, экстракции, а также — от превышения дозы. Все наркоти-

⁴⁶ Табак убыстряет старение мозга. У курящего по сравнению с некурящим к пожилому возрасту умственные показатели часто ниже в пять и более раз. Кроме того, табак ускоряет дегенерацию сетчатки глаза. О раковых заболеваниях, вызываемых курением, можно и не упоминать — они общеизвестны.

ки должны быть в монополии государства. А когда государственные мужи закрывают глаза на действительное положение вещей (попытка грубого абсолютного искоренения наркотиков поводом к введению сухого закона), затыкают уши доводам разума, строят из себя святош, тогда в ход вступает подпольный бизнес.

О далеком будущем. Всякого рода замены специфическим "колесам" (пусть для тех же музыкантов) должны бы распространяться не через ночные клубы и питейные, а через иные официальные организации разного ранга и назначения. Если же кому-то требуется не легкое улучшение настроения или легкая модификация сознания, а... нирвана (Подумать только, наглость какая!), то последнюю он должен получать в некоем официальном заведении, наподобие профилактория. Кстати, нирвану ему вполне можно обеспечить и без применения каких-либо посторонних веществ — более современными физиологическими или психологическими способами. Магнитные карточки, компьютеры — не гарантия ли контроля при одновременной анонимности? Но заведомая утопичность всех этих справедливых высказываний видна невооруженным взглядом. Вероятнее всего, будет вестись такая борьба⁴⁷ с запрещенными наркотиками, что камня на камне не останется. Неумная борьба ведет к росту нелегального производства и потребления наркотических веществ. Видимо, общество крайне заинтересовано в гибели части своих членов. Происходит отбор по принципу устойчивости к узкому фактору. Выживает тот, кто социально далек от нелегальной наркокультуры и тот, кто равнодушен, индифферентен к наркотическим эффектам... То

⁴⁷ Сейчас она самым комичным образом ведется на фоне назойливой и повсеместной рекламы табачных изделий. Не менее комично сопровождение этой борьбы вращением рулетки и несмолкающим шумом игровых автоматов.

есть? В первую очередь под власть наркотиков попадают эйфорики — те, кто способен более интенсивно и панорамно, чем остальные, испытывать чувство удовольствия. Как бы происходит непрекращающееся искоренение дионисийского начала из человеческого общества. Самыми разными путями уничтожаются психологические "моты". Сдвиг равновесия происходит в сторону более конструктивного аполлоновского начала. Не прогрессивно ли это? Но, как мы видим по конечным результатам, аполлоновское начало также идет под нож закона человеческой катастрофы. Общество остается крайне неразумным животным...

А тестирование? Имеется в виду тестирование ради безопасности, результаты которого должны быть известны только самим тестируемым. Ведь 25 % людей — наркоманы или крайние алкоголики с рождения, лица генетически обреченные на нездоровые пристрастия (не подразумевается внутриутробная интоксикация). Есть люди (с нестабильной центральной нервной системой или предрасположенные к онкозаболеваниям), которым табак особенно вреден. Именно всем перечисленным лицам, нужна пропаганда полного воздержания от опасного соблазна. Их спасением могло бы быть коллекционирование. Причуды многих коллекционеров — неосознаваемый щит от биологически детерминированных пороков, азартных игр, злокачественной влюбленности и пр.

К сожалению, почти все существующие в настоящее время психологические тесты довольно малограмотны, поражают не просто незнанием человеческой природы, но зачастую — и откровенным идиотизмом. Одно дело — тесты, публикуемые в газетах ради развлечения, другое — тесты профессиональные. Современные профессиональные тесты отличаются от газетно-журнальных подделок только большим объемом, но никак не достоверностью.

Рассмотренные здесь аспекты вопроса уже теряют налет утопичности, если мы будем брать масштаб четырех-пяти ближайших столетий. Действительно, социальный прогресс рано или поздно потребует изъятия из оборота большинства разновидностей спиртных напитков, что, разумеется, потребует иного способа удовлетворения общественной потребности. Здесь и понадобятся новоделы — опьяняющие напитки неалкогольной природы.

Оставленные спиртные напитки (хотя бы ради сохранения человеческого права на выбор) требуют модификации технологии (для дополнительной очистки, например, от винной кислоты, неэтиловых спиртов с нечетным числом атомов углерода) и новых методов анализа, норм безопасности. Ошибка современных хроматографов — один процент — слишком велика. Организм гораздо чувствительнее таких приборов.

Сложнее всего будет с новоделами, заменяющими табак: не только никотин его действующее начало, не он самая привлекательная сторона. Если мы более пристально попытаемся рассмотреть обманчивые грёзы неделю не курившего заядлого курильщика, то фактически сотрём грани между токсикоманиями и наркоманиями, между аксиологическим значением навязчивых предвкушений и ярких галлюцинаций.

Невзирая ни на какие либерализации, ограничения на распространение наркотических средств всегда будут. Главенство в надзоре передают то одному, то другому ведомству, то одной, то другой службе. Однако при всем этом недостаточно задействуют самую эффективную службу. Что это за служба? Это, конечно, пограничники. Значение пограничника⁴⁸ и метафорично: охрана входа в параллельный мир.

⁴⁸ Могут возникнуть вопросы о том, кто будет проводить границы, кто будет контролировать пограничников, а кто — контролеров...

Следовало бы дифференцировать репрессивные санкции в зависимости от вида наркотического средства, а ведь здесь дело можно поставить таким образом, чтобы сами наркоторговцы отказались от преимущественного распространения того или иного средства, например героина. Остальное довершит существующая конкуренция между поставщиками.

Любые добрые намерения могут быть опорочены не только непредусмотрительностью, но также из-за недостаточности исторического опыта. Все знают, что из себя представляют пьяницы. Наверняка рано или поздно найдутся люди неустойчивые к каким-то вводимым сверху неалкогольным опьяняющим средствам. В результате одни социальные язвы будут устранены, другие добавятся. Отсюда в таких больших и неповоротливых странах как Китай или Россия эксперименты не должны быть всеобщими, распространяемыми на всю территорию.

В этом очерке мы никого ни к чему не призываем. Речь идет о реально данных общественных феноменах, а в качестве нормы можно выдвинуть предложение о полном отказе от агентов, модифицирующих психику. Если говорить не о ближайших столетиях, а о тысячелетиях, то можно подумать и об отказе в качестве нормы (пусть хотя бы для 50 % лиц того и другого пола), от секса. А если обществу потребуются солдаты, то пусть оно выращивает их в пробирках. В прогнозах на еще более отдаленные времена можно говорить об отказе от питания в его обычном понимании и о перемене формы человеческого существования вообще. Ведь один из вариантов будущего — эмансипация человека как от социальных ограничений, так и от биологических и даже от психологических потребностей-обуз. Еще в античные времена человечество пыталось "освободить" от тех или иных видов искусства. Платон запретил в своем идеальном государстве поэзию.

Однако как быть с правом свободного выбора? Можно представить себе различные варианты бу-

дущего. Если люди на Земле обойдутся без политических диктатур, не исключено разветвление эволюции того, что называют разумной жизнью.

СЕВЕРНАЯ УТОПИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

0. Предисловие
1. Начальные данные
2. Тайны картографии. Исчезнувшие земли
3. Всегда ли существует история?
4. Загадки прародины ариев
5. До Лукоморья — Лукоозерье?
6. Мифы и боги
7. Где истоки ведической культуры?
8. Свет фольклора
9. Откуда в нас интерес к неясному прошлому?
10. Дух Гипербореи
11. Поэтическое Лукоморье
12. Вместо заключения

0. ПРЕДИСЛОВИЕ

От прошлой эры до нас дошли любопытные сведения о счастливой и солнечной северной земле — Гиперборее.

Древнеримский историк Плиний Старший считал, что по северную сторону неких Рипейских

(Рифейских) гор обитает блаженное племя долгожителей. Солнце в тех краях восходит и заходит один раз в год. Там нет вредных ветров, климат умерен, жители живут прямо в рощах и перелесках, не знают раздоров и ограничений, а умирают в глубокой старости, пресытившись жизнью и по собственной воле.

Уже несколько веков география не знает названия "Гиперборея"...

Куда исчезла эта странная земля и была ли она вообще? Имеем ли мы право ставить такой вопрос? Прямого ответа на него ни наука, ни здравый смысл не дают.

А историки имеют обыкновение до сих пор изображать древний мир на современных контурных картах. Это при том, что хорошо известно о несколько ином, чем сейчас, расположении суши и морей в древности.

Пять тысяч лет назад даже берега Средиземного и Каспийского морей выглядели по-другому.

Довольно часто Гиперборею называют Северной Атлантидой: перспектив для воображения и мистификаций она дает немало. На самых интересных гипотезах об этой мифической земле мы и остановимся.

1. НАЧАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Немецкий купец Генрих Шлиман в детстве любил читать "Илиаду" Гомера, выучил ее наизусть, поверил каждому слову.

Со временем Шлиман разбогател, организовал экспедицию и открыл местонахождение древней Трои. Довольно редкий случай. Люди, верующие в Атлантиду, по-прежнему тешат себя только мечтами и домыслами.

А Северная Атлантида — Гиперборея? Насколько правдоподобно смотрится она? Легенды о северной прародине европейцев были известны еще тогда, когда не было письменности. Имя леген-

дарной северной стране греки дали позже. Только в XX веке стали возникать сомнения в том, что Гиперборея была северной по отношению к Элладе страной.

В мифах индийцев, иранцев, кельтов все-таки часто упоминается о северной земле.

В русских сказках открывается целая страна — Лукоморье. Среди ее героев мы видим неких царей, царевичей, но, конечно, не о московских или петербургских царях идет речь. Большинство дошедших до нас сказочных историй вышли из матриархата. В сказочной стране царство переходит от отца не к сыну, а — к мужу царской дочери.

А все эти постоянные указания на тридевятое или тридешатое государство что бы могли значить? А требования к герою "пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что" имеют ли они какой-то дополнительный смысл? Герой ищет чудесное перо, жар-птицу и прочие волшебные предметы обязательно в каком-то необычном краю.

Древняя Русь — сухопутная страна, не имевшая "окна в Европу", но в фольклоре мы только и встречаем упоминания об окияне-море, заморских странах, подводном царстве, морских чудовищах.

Кому-то покажется странным, но Атлантида северная представляется более достоверной, чем обычная Атлантида — за Геракловыми столпами. Всё, что мы знаем о последней, дошло до нас через уста только одного человека — философа Платона. В записанных его учениками диалогах "Тимей" и "Критий" есть сравнение атлантов с афинянами, причем, несмотря на увлечение Платона легендой, не в пользу первых.

Говоря о сооружениях атлантов, Платон много рассуждает об их размерах, форме, великолепии... — не для отвлечения ли внимания? Платоновская история об Атлантиде важна моральными поучениями. В этом её смысл. Недаром сообщения египетских жрецов о государстве атлантов у Платона слушает создатель афинских законов Солон — моральный авторитет древних греков.

Подлинной Атлантидой Платона были его философские объекты. Из них более всех — Гиперурапия — особый мир идей, нефизическая область, где существует прекрасное само по себе.

По многим причинам платоновскую историю об Атлантиде приходится считать фантастическим рассказом⁴⁹, утопией и антиутопией сразу. Тем не менее, слово АТЛАНТИДА прижилось, стало нарицательным. Увлеченные люди ищут свои атлантиды везде, где только могут, и конечно, какие-то из подобных атлантид были на самом деле.

Скорее всего, до Платона дошли известия о начале крушения одного из средиземноморских государств. Он явно использовал их в своей легенде. Исходя из задач своего вымысла, он поместил своих атлантов далеко на западе.

По мнению Платона, близкому к воззрениям Гесиода, история есть не что иное, как регресс, а предки — всегда значительнее и добродетельнее потомков. Чтобы доказать это, он показывает мощь прежних афинян, способных победить на краю света великих атлантов и потом мужественно умереть вместе с ними от разбушевавшейся стихии.

Среди прочих грекам сообщал о Гиперборее поэт и путешественник Аристей. Считают, что Аристей, сын Каистробия из Проконнеса, совершил в V веке до н. э. странный длинный вояж от берегов Понта Эвксинского (Черное море) в Восточную Ев-

⁴⁹ Почти все диалоги Платона насыщены фантастикой и мифами. Способность Платона к фантазированию однажды вывела из себя обычно невозмутимого Сократа: "Клянусь Гераклом! Сколько же навывдумал про меня этот юнец!" Известны слова Аристотеля: "*Amicus Plato, sed magis amica veritas*" — Платон мне друг, но истина дороже (Платон — друг, но истина — больший друг). Всё значение Платона — в энтузиазме, возбуждении интеллектуальной энергии. Платон более других ответствен за возжигание великого факела идеализма, за выдумку несуществующего мира «умопостигаемых сущностей», а без этого далеко зовущего обмана, возможно, не возникла бы и современная наука. К сожалению, философия до сих пор не оправилась от этого гуманитарного удара.

ропу... через Уральский хребет. Опираясь для уточнения маршрута Аристея на названия тех племен, о которых он говорит, не всегда имеет смысл: кочевники меняли свое местообитание, одни и те же племена жили в разных частях Европы и Азии.

Однако описание жизни самого Аристея гораздо более чудесно, чем истории о гиперборейцах. Аристей умер, его тело исчезло перед погребением, а через несколько лет живой Аристей явился миру и сложил свою знаменитую эпическую поэму. Вскоре Аристей исчез опять с тем, чтобы через двести сорок лет возникнуть в городе Метапонтии с приказом к его жителям соорудить алтарь Аполлону, а рядом с алтарем — статую себе незабвенному — Аристею Проконнескому.

Как понимать всё сказанное? Аристей считался ученым мужем, мудрецом, а мудрецам в античности полагались чудеса, ореол необычной славы, владение запретным знанием. Для поддержания авторитета некоторые знаменитые греки сознательно распускали о себе слухи. Подобное не казалось чем-то недопустимым и воспринималось как ритуал. Многие знают фантастические истории, происходившие с Пифагором, например, случаи, когда он присутствовал в нескольких местах одновременно. Поучать невежд можно было только подобными способами. Античные знания чаще всего не были связаны с опытом и требовали хитроумной поддержки для возвышения в глазах толпы.

Многие почему-то называют Аристея гиперборейцем. Таковым он никогда не был, его родословная известна. По всей видимости, он таки совершил свое знаменитое путешествие, если не с помощью ног или крыльев, то — воочию-наглядно в качестве визионера. В поэме он сообщает, что был только на границе Гиперборей в стране аримаспов, хорошо знавших своих необычных северных соседей.

Гиперборей (по другим данным, скиф) Абарис выглядит совсем уже мифологическим героем. Геродот вообще отказывается о нем говорить, считая

историю о нем лживой. Абарис будто бы жил во времена Крёза, ничем не питаясь, обошел весь мир со стрелой⁵⁰ в руках (стрела — символ Аполлона). Абариса называют учителем делосцев и магом. Подобные рассказы развеивают представление о гиперборейцах как о благородных дикарях.

В "Истории" Геродота о Гиперборее почему-то сообщает довольно удаленный от Греции народ — исседоны (исседоны жили в Сибири и Средней Азии). Другие народы, в том числе скифы, о гиперборейцах ничего не ведают, но всё-таки передают по цепочке жертвенные дары от них.

О гиперборейцах больше всех знали жрецы храмов Аполлона Делосского и Артемиды. По утверждениям делосцев, Аполлон бывает в Гиперборее каждые девятнадцать лет. Из Гиперборей на Делос время от времени посылают женщин для сопровождения даров. Иногда они путешествуют вместе с Аполлоном.

Имена последних путешественниц явно эллинские (Гипероха, Лаодика). До этих не возвратившихся в родную страну девушек паломницами были гиперборейские женщины Арга и Опис. Если Лаодика и Гипероха сопровождали дары Артемиде, то Арга и Опис прибыли из Гиперборей вместе с Аполлоном и Артемидой, несли богине Илифии дары, обещанные за удачные роды. По непонятным причинам, и эти две гиперборейки назад не вернулись. Их похоронили в храме Артемиды...

С тех пор жители Гиперборей оставляли дары для делосских богов скифам, чтобы те передавали их другим народам и так по цепочке вплоть до Делоса. Делосцы, а затем жители соседних островов, стали воздавать гиперборейкам почести.

* * *

⁵⁰ "Стрела" якобы помогала Абарису стремительно преодолевать препятствия: рвы, реки, горы, непроходимые заросли.

История этих четырех путешественниц напоминает обычный храмовый рассказ о преданных верующих, побуждает к расширению культа местных божеств и представляет похвальный пример передачи жертвенных даров. К повествованию о гипербореанках мы еще вернемся.

За областью аримаспов (последних в тылу меот — жителей побережья Азовского моря), по мнению большинства древних авторов, находятся Рипейские горы и Птерофор — земля, названная так из-за снега, похожего на птичьи перья.

Эта часть мира называется обездоленной, погруженной в густую тьму. Там свирепствует ледяной ветер, но, по легендам, за Рипейскими (Рифейскими) горами «существует счастливое племя, отличающееся долголетием и знаменитое баснословными чудесами». Описывая это, Плиний Старший уточняет: "некоторые помещают гипербореев не в Европе, а в первой части берегов Азии, так как там есть сходный по обычаям и по своему местоположению народ, именуемый аттаки".

Описания блаженного северного народа приводят многие греческие и римские авторы, но подлинные истоки северной традиции — в доисторическом, в тех временах, когда не было письменности.

Скрупулезный анализ Авесты, Вед и даже "Махабхараты" позволяет выделить в них несколько разновременных слоев, вытесненную праоснову.

Предания часто описывают забытое далекое как нечто близкое и понятное, наполненное новым содержанием, новой историей и новой географией. В этом смысле азиатское мышление заметно отличается от европейского. Если греки постоянно отодвигали от себя Гиперборею, славяне посылали своих героев за тридевять земель, то арии, поселившиеся на юге и смешавшиеся с местным населением, постарались более прочно привязать свои мифологические представления к местным условиям и колориту.

Мы имеем право говорить не только о доисторических, но и о заведомо доархеологических временах. Число праевропейцев (а ранее и людей вообще) было настолько ничтожно, что нахождение современными исследователями их более или менее сохранившихся следов — совершенно нереально.

2. ТАЙНЫ КАРТОГРАФИИ. ИСЧЕЗНУВШИЕ ЗЕМЛИ

В "Одиссее" Гомера есть такие стихи:

Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там Киммерии печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков;

никогда не являет

Оку людей там лица лучезарного Гелиос...

.....

.....

Ночь безотрадная там искони окружает живущих...

И сейчас многие считают, что Киммерия находилась в южных восточноевропейских степях, а данный отрывок из "Одиссеи" относят к побережью Черного моря. Не странно ли это? Если рассуждать только о погоде, то всё может быть объяснимо случайностью, временем года, тем, что Крым для греков холодноват, а также — иным климатом в этой части Европы в античные времена. Даже в эпоху Рима император Октавий Август поступил очень мудро, сослав за несколько нескромные стихи (а в действительности за самонадеянность и в связи с некоторыми неприятными обстоятельствами) Публия Овидия Назона на "холодный Дунай". Овидий на Дунае очень мерз, очень скучал и писал скорбные элегии.

Казалось бы, всё понятно.... Но греки были нацией мореходов. Гомер никак не мог бы назвать море океаном, да еще "глубокотекущим". А Гелиос

летом бывает и в полярных широтах. Не о потустороннем ли мире идет речь?

Климатические и географические странности, перепутанность направлений — не новость. Племя атлантов помещали то на юг от Греции, то на запад, а Геракловыми столпами пытались даже назвать устье Нила, причем бывшее устье, которое-де ныне затоплено Средиземным морем. А "острова блаженных" древние располагали и на юге, и на западе, и на севере.

Историки и геологи признают, что географические и магнитные полюса мигрируют по земному шару, земная ось постепенно смещается, но никаких ясных данных по этому вопросу (если иметь в виду последние 15—25 тысяч лет) нет. Тем более что судят об этих смещениях по расположению и намагничиванию земных пород, а причиной намагничивания, ориентации кристаллов могли быть и иные причины. Не исключено и насильственное изменение наклона земной оси в связи с космической катастрофой. В настоящее время резко усилилось смещение магнитных полюсов земли — геофизикам предоставляется уникальная возможность для исследований.

У нас есть сведения о геологических изменениях в районе Балтийского и Средиземного морей. Суша и море там несколько раз менялись местами: на севере было Литориновое море, на юге — море Тетис. Никакой сенсацией подобное быть не может, пусть даже последние тридцать тысяч лет изменения в этих местах земного шара носили относительно скромный характер.

И всё-таки картографическая сенсация существует. Это — материк Арктида. Названный материк изображали на средневековых картах и картах эпохи Возрождения. Возьмем карты Герарда Меркатора. Арктида на них имеет вид довольно странный, резко отличный от вида Евразии. Иная даже манера изображения.

Особенно это бросается в глаза на карте, усовершенствованной сыном Меркатора — Румольдом. Арктида смотрится на ней как что-то искусственное. Центр Арктиды — Северный полюс, он находится посередине озера-моря. Озеро соединяется с океаном реками-заливами, расположенными почти симметрично. Реки-заливы, подобные губе Оби или Енисея, делят материк на четыре острова. Однако на усовершенствованной карте одна из рек повисает среди океана, остается вне материка и имеет вид "кишки", направленной в сторону Новой Земли, словно это горный хребет. Впечатления стертости или брака здесь нет: параллели и меридианы прорисованы на этом странном месте относительно четко.

На усовершенствованной карте юго-восток Арктиды потеснен Шпицбергом и Землей Франца-Иосифа. Удивляет изображение Гренландии — на ней нет ледника! Допустим, что ледники в XVI веке не обозначали так, как ныне, но на Гренландии Румольда Меркатора видны четкие русла рек! Современная Гренландия изображается без рек. Более чем приемлемо для XVI века изображена Евразия. У Северной Америки меньше подробностей, но и там можно видеть реку Юкон. Реки Маккензи нет.

Самое фантастическое на карте — нахождение Северного полюса точно в центре Арктиды. Прямо на полюсе показана некая сверхгора, похоже — легендарная Мировая гора. Горы есть и по краям Арктиды, но на карте Румольда Меркатора горы на юго-востоке необычного материка вдруг исчезают. Арктида в этом месте как бы расплавляется, уходит в небытие.

В тексте на карте Меркатора 1569 года говорится, что вода океана вторгается в околополюсное пространство девятнадцатью рукавами, причем вторгается с огромной силой и омывает скалу окружностью тридцать три лье, расположенную на самом полюсе.

Прямо на карте Меркатор отмечает, что на Северном полюсе отменные природные условия, и

дает справку о населенности одного из островов Арктиды. Оказывается, там проживают пигмеи ростом до четырех футов⁵¹.

Откуда у Меркатора столь занимательные сведения о северном материке? Такие сведения имелись в Европе уже во второй половине XIV века. Известно, что к Северному полюсу в 1360 году направлялся монах Николай де Линна. Направлялся ли он туда обычным порядком или с помощью откровения свыше, судить трудно.

У Меркатора были и другие источники информации. Любопытные географические карты существовали и до него. Например, в гареме турецкого султана долгое время хранилась и служила развлечением мореходная карта Пири Рейса — племянника знаменитого адмирала Кемаля Рейса, уничтожившего в свое время большую часть венецианского флота.

У гаремной карты был один недостаток: участок с Арктикой кто-то оторвал⁵². Составитель карты бахвалился, что изобразил очертания материков по картам, созданным еще во времена Александра Македонского. Подобные карты (на них правдоподобно изображалась даже Антарктика) могли быть известны и Меркатору.

Является ли Арктида географическим артефактом (порождением самих географов) или северная земля, подобная ей, существовала в действительности?

Карты часто составлялись не мореходами, ошибки в их описаниях возникали по разным причинам. Климатические условия севера препятствовали проведению астрономических наблюдений.

⁵¹ В одном футе 30,48 см.

⁵² Известные изображения Арктиды напоминают классическую проекцию йонилингама (двух составленных вместе срамных места: мужского и женского). Очевидно, эта картинка была несколько неприлична для гарема.

Использование компаса обрекало на еще большие ошибки из-за магнитного склонения — расхождения между направлением на Северный географический полюс и Северный магнитный. Северный магнитный полюс в настоящее время на тысячи километров удален от географического и находится в Канаде среди относительно крупных островов. Кстати, многие описания Гипербореи топографически напоминают окрестности магнитного полюса... Можно сделать поправки на сдвиг последнего. Тогда с ним может даже совместиться один из горных пиков.

Особенно внушительно Арктида выглядит не на глобусах и прямых изображениях северной части мира (где она несколько напоминает Антарктиду), а на развернутых плоских картах Евразии. Арктида на них — не просто странный материк, резко отличный от остальных, но чудовищный монстр, забредший с какой-то иной планеты.

Невзирая на всё это, Арктида очень похожа на перевернутую Сибирь — это какая-то грандиозная Сибирь, вытянувшаяся над Америкой, Европой и Азией. "Начала" ее четырех рек напоминают устья сибирских рек. Почему бы здесь и не быть географическому артефакту? Неизвестные мореходы древности, скажем, приняли продолжение собственного континента — за чужой? Это вполне вероятно, как и прибытие средневековых моряков к магнитному полюсу в Канаде. Гораздо позже старательные картографы добавляют к монструозному матерiku уточненные очертания Евразии... Происходит удвоение...

Мы вправе верить и не верить. А пресловутый пуп земли? Где Меру — гора мировая? Давайте посмотрим на карту Кольского полуострова. Его, как и Скандинавию, в свое время принимали за остров, но Кольский полуостров отличен тем, что на нем — масса озер. Озеро Имандра вместе с Умбозером могли породить в воображении представление о центральном озере Арктиды, а гора Часночорр в Хибинах — стать прототипом "сверхго-

ры". Известен интерес Адольфа Гитлера к этому месту как к предполагаемой прародине нордических племен и как к бывшему мистическому пупу земли. До сих пор существуют легенды, что в тридцатые годы нацисты высаживали здесь десанты с научными и алхимическими целями.

* * *

Дно Северного Ледовитого океана изучено недостаточно, во всяком случае, — значительно меньше, чем дно других океанов. Часть сведений была засекречена. Случайные сообщения о прохождении подводной лодки вблизи действующего северного вулкана не подтверждали официальные источники информации.

Что интересного мы знаем об Арктике сейчас? Современная океанографическая карта дна Северного Ледовитого океана показывает, что главные подводные хребты, идущие от берегов Канады к берегам Сибири, почти параллельны друг другу. Такое маловероятное с точки зрения статистики расположение столь заметных швов на теле Земли говорит о не совсем простых геологических катаклизмах в прошлом. Сейчас вблизи Северного полюса действуют два вулкана, а вообще извержения вулканов в Арктике — довольно частое явление. Следовательно, эта часть земной коры сформировалась недавно, но важно не это, а то, что геологические катаклизмы могли здесь происходить и последние двадцать тысяч лет. Вулканическая активность дает небольшие шансы на существование в прошлом на севере аномальных температурных зон. Не исключено, что именно с ней связаны отличные от традиционных представления о прошлом севера. Для сравнения можно вспомнить, как за последние сорок лет изменились наши знания о планетах Солнечной системы. В пятидесятые-шестидесятые годы сведения о спутниках других планет, температурных режимах на них, нали-

ции или отсутствии атмосферы и воды были принципиально иными, чем сейчас. Столь быстрая эволюция научных взглядов, возможность резкой перемены представлений и в отношении Земли не позволяет нам категорически заявлять, что последние сорок тысяч лет полярные области были малопригодными для сухопутной жизни пустынями.

Северный Ледовитый океан — самый малый на планете, но его шельф (подводное продолжение материков) по площади больше, чем у остальных океанов. Поэтому даже небольшое повышение или понижение уровня мирового океана на севере передвигает границу между морем и сушей на многие тысячи километров.

Другая особенность севера — возникновение и таяние ледников. Ледник вызывал катастрофы, резкое изменение природных условий там, где по другим причинам это было невозможно.

Карельский геологический мегаблок — один из самых древних на Земле. Он существовал и тогда, когда большая часть поверхности планеты еще не сформировалась. Поэтому в последующее время на этом старом блоке, лишенном активной зоны — геосинклинали, стали невозможны извержения вулканов, сильные землетрясения. Атлантид в обычном понимании здесь не найти.

Наибольшим катаклизмом в этом месте планеты было продвижение ледника и слишком быстрое его таяние. Быстрое таяние может обеспечить какая-либо глобальная катастрофа (столкновение Земли с кометой, изменение наклона земной оси под воздействием гравитационных возмущений и др.).

Карелия имеет еще одну особенность: здесь встречается минерал с удивительной структурой — шунгит. Есть гипотезы, что он имеет внеземное происхождение (в других местах земного шара он отсутствует). У этих гипотез есть одно слабое место: соседние районы России и Эстония богаты

обычными природными сланцами, а шунгит также относится к сланцам. Скорее всего, шунгит — это видоизмененный сланец. Но каким образом этот сланец мог измениться, если Карельский геологический блок мертв с Архейской эры? Или кто-то заявит, что образующая горючие сланцы жизнь возникла на Земле до того, как появилась сама Земля? Такая версия существует. Предполагают, что Земля — это две планеты спаянные в одну.

Всё-таки нам более близки те катаклизмы, которые нес с собой ледник. Человек современного типа (*Homo sapiens sapiens*) возник не позже 70 тыс. лет назад и появился в Европе 40 тыс. лет назад, последний ледник в Швеции растаял около 7 тыс. лет назад.

Считают, что потоп, связанный с таянием ледника произошел 12 тысяч лет назад.

Соседство с ледником является благом для всего живого. В конце ледникового периода флора и фауна были гораздо богаче, чем в послеледниковое время. В Европе жили бизоны, овцебыки, шерстистые носороги, туры, размах рогов ирландского оленя достигал четырех метров. Исчезновение ледников приводило к гибели большинства животных.

Ледник давал талую воду. Необычные биологические свойства такой воды стали изучаться только в последнее время. Иногда полагают, что талая вода — одна из причин сезонной миграции птиц и рыб. Другой причиной является импринтинг (инстинктивное подражание, запоминание в первые дни жизни): животное отправляется для размножения туда, где оно было когда-то детенышем. Первое возникновение миграций заставляет думать о внезапности резких климатических изменений, неожиданном покидании птицами и рыбами привычного ареала.

Некоторые авторы считают, что никакой "полярной шапки" на Северном полюсе во время оледенений не существовало, а центры ледников находились на суше, например в Скандинавии и в

Альпах. Не исключено, что в близких к Северному полюсу районах было гораздо теплее, чем на севере Европы. К этому нужно добавить более бурную, чем ныне, вулканическую деятельность в океане, наличие термальных вод и других локальных аномальных явлений. Однако настаивать на возможности "отменных" природных условий за ледниками, туманами и "киммерийскими сумерками" мы, конечно, не можем⁵³.

Гораздо больше пищи для размышлений дают исчезнувшие земли, о которых существуют более или менее достоверные документы, но каких на современных картах нет вообще или нет в прежде представляемом виде.

Легендарная северная земля, именуемая островом Туле (или Фуле) — Ultima Thule (Крайняя Туле) — скорее всего, существовала в действительности. Иногда полагают, что это средняя часть Скандинавского полуострова, наиболее близкая к Британским островам. Другая возможность: это остров вулканического происхождения.

О некоторых из таких островов говорят: "исчезнувшие на глазах". Вулканические острова в северной части Атлантики легко размываются океанскими волнами и существуют от нескольких месяцев до нескольких десятилетий и даже столетий. Скорее всего, именно так исчезли так называемые Оловянные острова, известные древним грекам и римлянам.

Похожие вулканические острова могли быть и в Арктике, но здесь более вероятны описываемые многими очевидцами острова, подобные "изобильной горами" Земле Санникова или "населенной хрочаями" Земле Андреева.

В Арктике было немало подобных "закрытых" открытых земель: Земля Петермана, Земля Короля Оскара, Земля Крокера и другие. Считают, что все эти быстро исчезающие земли — плавающие. Некоторые из них какое-то время закреплялись на

⁵³ Впрочем, такие условия 450 тысяч лет назад были в Гренландии, и ледника на этом острове еще не было.

отмелях. Такие земли — либо гигантские льдины, имеющие рельеф гор с настоящими внутренними озерами и реками, либо земли-льдины, льдины, несущие на себе почву. Эта почва обязана своим существованием полярным вулканам, а, по мнению других, — суховеям и сибирским рекам.

Отечественный мерзлотовед С. В. Томирдиаро связывал наличие почвенно-ледяной Арктиды с лёссами — речными наносами. Подобно существующей на вечной мерзлоте тундре, на гигантских льдинах древнего происхождения вполне может существовать растительность и животный мир, и даже народы, вроде хрохаев, о которых говорил русский казак Андреев.

Записаны рассказы жителей Крайнего Севера о племенах, "переселившихся в море" или давно там живущих. В районе Новосибирских островов до сих пор существуют припаянные к берегу льдяно-почвенные образования. Такие образования могли находиться и далеко в море, в том числе в относительно благоприятных для жизни климатических условиях.

Вообще в вопросе об исчезнувших землях я охотнее сошлюсь на работы А. М. Кондратова. Формально они не являются академическими, но подкупают отсутствием заимствованных у других авторов ошибок, а равно — религиозно-эзотерического подтекста и прочих проявлений не совсем здорового воодушевления тайнами прошлого. Неудивительно, что в списках литературы книги Кондратова обычно отсутствуют.

Ясно, что никакой мощный вулкан, как и обыкновенный костер, не может обогреть заметный участок Арктики, что любой огромный «льдяно-почвенный» остров в районе теплых течений обречен. Так говорит здравый смысл, но здравый смысл не способен объять неизвестных нам причуд природы. Одна из них — теплое течение Гольфстрим. На

глубине более двухсот метров в Арктике имеется слой теплой воды — своеобразное продолжение Гольфстрима. Теплые воды уходят из Арктики через Берингов пролив. Однако в те времена, когда пролива не было, теплая вода оставалась на Севере... Поверхность океана не замерзала. Это было тогда, когда человек уже существовал на планете. Так что легенды о теплой северной земле имеют под собой почву. Считают, что если Берингов пролив перекрыть сейчас, теплая вода накопится в Арктике, поднимется вверх и расплавит льды...

Напоминание о проявившейся в прошлом причуде природы — миграции перелетных птиц. Именно в Арктику летят для размножения птицы со многих уголков земли. Другого, сравнимого с Арктикой, места на земном шаре нет⁵⁴.

В двух вышеприведенных абзацах содержатся, пожалуй, самые сильные доводы в пользу "теплого севера".

Уже упоминалось, что массивной полярной землей могли быть в некие доисторические времена и части шельфа.

И то, чего пока нет в литературе. На роль легендарных Рипейских гор вполне претендует сам ледник (современные ледники в Гренландии и Антарктиде достигают четырехкилометровой высоты). Его таяние неизбежно вызвало изменение природных условий и затопление северных земель.

⁵⁴ В том числе по плотности птичьих гнездовий.

3. ВСЕГДА ЛИ СУЩЕСТВУЕТ ИСТОРИЯ?

Этот вопрос можно связать с несколькими подобными: например, "Была ли верна таблица умножения тогда, когда человечества не было?", "А была ли в то время таблица умножения вообще?". Ответить на такие вопросы не так просто, как кажется.

Пусть человечество существует, но и в этом случае историческая истина оказывается все же менее достоверной, чем, скажем, истина в физике или астрономии. А ведь даже физические законы относительны. Почти доказано, что с течением времени они меняются.⁵⁵

В советских школьных и студенческих учебниках очень много говорилось об исторических законах, сейчас склоняются к мысли, что таковых нет и быть не может.

Мы не знаем как следует и ту историю, очевидцами которой являемся. Даже когда факты преподносятся не через радио, телевидение, газеты, а даются нам непосредственно — мы можем оказаться во власти предубеждений, эмоций, иллюзий.

А если речь идет о событиях удаленных во времени, да еще внешне похожих на мифы, сказки, анекдоты? А если мы касаемся тех звеньев хода истории, о которых вообще ничего неизвестно? События могут существовать лишь относительно субъекта. Тогда что имеет в себе лакуны — история или только историческая наука?

Многим кажется, что история не зависит от историков, летописцев, археологов и других людей к ней причастных, что "история" *идет сама по себе*. Так ли это? Например, звук и магнитную ленту никто не путает. А магнитная лента также может *идти сама по себе*, притом без всякого звука. *Panton chre metron antropos* — мера всех вещей — че-

⁵⁵ Но и время относительно и субъективно — мы перед лицом межчеловеческого блефа.

ловек. А его удел постоянно — смешивать воображение с действительностью.

Вероятно, ученые и библиотекари древней Александрийской библиотеки владели таким историческим знанием, которое навсегда утеряно. Для них существовала такая история, какой для нас нет и никогда не будет. Неведомые исторические знания древних для нас — пустое место, нуль. Перед нами сияет великая историческая пустота всякий раз, когда мы задаемся вопросом: "Откуда быти пошли расы, народы, культуры?"

В любом случае история для потомков — совсем другое, чем для предков или прапредков, современников этой истории. Возможность включенности в прошлое ограничена, равно как и возможность непревратного истолкования здесь-теперь происходящих событий, виденья сегодняшнего дня в масштабах столетий.

В рамках исторической неопределенности могут оказаться как сегодняшние события, так и предположения, гипотезы, относящиеся к удаленному и весьма удаленному прошлому.

Рассуждения об Арктиде и Атлантиде имеют очень слабую степень исторической определенности: это то место, где история молчит или умирает. Однако мы можем опираться и на так называемую естественную историю. Море и суша много раз менялись местами, но при том воды Атлантики хлынули в ту впадину, где сейчас находится Средиземное море, шесть миллионов лет назад, и потому мы не вправе связывать эту конкретную катастрофу с судьбой нам известного античного мира.

При объяснении недостаточности официально существующей исторической науки имеет смысл делать больший акцент не на затопление земель, а на их поглощение глубинами земли с последующей переплавкой.

4. ЗАГАДКИ ПРАРОДИНЫ АРИЕВ

Возникают вопросы: «Кого считать славянами и ариями? Что важнее при определении "славянства" или "арийства": язык или антропологический облик?» Мы не считаем североамериканских негров германской народностью, хотя они говорят на английском языке. В таком случае, почему мы называем славянами русских, в которых больше крови народностей, родственных мордве, финнам, латышам, литовцам? Кроме того, необходимо учесть гены различных тюрков как до, так и после гуннского нашествия.

Можно спорить до хрипоты, но на классических славян более походят жители Словакии, Словении, в меньшей степени — Сербии... Любой литературный обзор подобных тем незамедлительно покажет, что рассуждать о значении слов «рус» и «рос» — занятие совершенно бесперспективное.

При отнесении людей к той или иной этнической группе играют роль самоназвание, традиции, культура. Мутного рода подозрения всегда будут оставаться, но как-то и не принято ныне слишком глубоко зарываться в проблемы расовых уточнений.

И человек, и народ больше вспоминает знаменитых предшественников и забывает о более важных рядовых предках. Вспоминают владык-завоевателей, тех, кто оставил след в культуре, инициаторов культуры, а культура в первую очередь передается вместе с языком, особенно в древние времена.

В широком смысле прародиной славян считают область Европы от Везера до Среднего Поднепровья, но было бы ошибкой переносить на эту область представления современной географии. Эта же область в I тысячелетии до н. э. и гораздо раньше была прародиной и других народов. Более локальной древней родиной славян называют бас-

сейны Одера и Вислы (III тысячелетие до н. э.), но полной убежденности в таком мнении нет.

Б. А. Рыбаков различает языковых предков славян, протославян и праславян, исходя из периодов времени от V до середины II тысячелетия до нашей эры. Уже по такому подразделению можно судить о сложности формирования народа (этногенезе), о затруднениях при выявлении предков славян. В то время как предки германцев легко определяются по данным археологии.

По мнению большинства историков, скифы и сарматы не являлись прямыми предками славян, хотя сарматы и внесли наибольший вклад в формирование украинского этноса. Полагают, что язык, на котором говорили сарматы, не был славянским.

Иностранцы — свидетели исторических событий в Восточной Европе, в том числе византийские историки, — оставили записи, которые сейчас могут показаться забавными. Так, именованья "славяне", "венеды", "русские" часто даются вместе в перечнях, то есть русские и венеды как бы не относились на определенном этапе истории к славянам.

"Классические славяне" — древляне, на поверку вдруг оказываются перешедшими к оседлому образу жизни... печенегами. Первых русских князей ("Киевская Русь") украинцы считают украинцами, иранцы — иранцами, а шведы — шведами.

В. В. Седов предполагал, что в одних и тех же поселениях сосуществовали различные этносы: славяне-земледельцы и воины-германцы. Археологические подтверждения такой возможности есть.

К праславянам ранее относили антов. И антский союз племен, и квазидержава готов, и масса других названий канули в Лету после гуннского нашествия.

Венчанный Божий серп, властительный Аттила,
Пою тебя всей страстью слабых уст.

.....
Ты пролетел, как вихрь, как бурный облак в небе.
Опять цветет полей оживших грудь...

С. Кречетов

Этот период истории неудачно называли «великим переселением народов». Славян как будто и не было, о них никто не слышал, но к VI веку оказалось, что ими кишит значительная часть Европы.

* * *

Возникновение ариев вообще, их прародина не менее загадочны. Народы — носители крито-микенской культуры, древние греки, древние римляне считаются ариями по языку. Но антропологически древних греков сближают то с кавказскими племенами, то с семитическими народами, например, с финикийцами. Еще один вопрос: "Почему греки и римляне так не похожи на оставленные ими статуи?" Их живопись и мозаика значительно реалистичнее, хотя до реформы Джотто — еще целые эпохи...⁵⁶

Принесли ли греки на Балканы, Пелопоннес, Крит свою культуру или заимствовали местную? Вероятнее всего, они пришли в этот район мира несколькими волнами, причем уже обжившиеся на новом месте обладали более высокой культурой, чем очередные завоеватели. Греки выступали в роли хронографов античности, но их собственная предыстория отражена в источниках довольно скупо.

Мы знаем, что 16 тысяч лет назад большая часть Европы уже была более или менее заселена, но формирование языковых семей происходило примерно 7—13 тысяч лет назад, а индоевропейцы (арии) распространились по всей Европе только в

⁵⁶ Впрочем, по современным данным, до нас дошли не сами статуи, а только их добела отмытые временем "скелеты". Греческие и римские скульпторы раскрашивали свои произведения.

III — II тысячелетия до н. э. Позже они появились в Средней Азии, Сибири, Иране и Северной Индии.

Очевидно, последнее и окончательное слово в вопросах о происхождении народов останется за молекулярной биологией. С этой точки зрения, уже сейчас ясно, что арии имеют своим корнем небольшой род — семью в 20—30 человек. Известно африканское происхождение этой семьи и ее первое местообитание в Европе — Пиренейский полуостров. В дальнейшем ее следы теряются. (Это исследование, связанное с обнаружением единственной стоянки, на первый взгляд, резко противоречит теориям, выводящим ариев из Забайкалья⁵⁷ или с европейского севера.)

В те времена Европа была заселена племенами иберийской группы. Сейчас остатки этих племен остались только на Кавказе, в Испании, в экзотических деревушках Франции. Куда исчезли эти народы? Было бы нелепо говорить об уничтожении их немногочисленными ариями. Мы будем ближе к истине, если упомянем мировые катастрофы, пандемии и эволюцию иммунитета. Человеческий род тогда еще не жил скученно, болезни распространялись по звериным тропам, но, чаще тем же путем, что и сейчас — через перелетных птиц. В этом смысле самое грозное биологическое оружие — семейство утиных. Скорее всего, именно вирусы являются причиной ухода с лица планеты питекантропов и неандертальцев⁵⁸.

Предполагают, что не менее пяти тысячелетий местообитанием ариев был север, в частности Скандинавский полуостров. К северу возводят их сравнительное языкознание, легенды и мифы, что,

⁵⁷ Из Забайкалья (в крайнем случае, из Тибета) выводит ариев наибольшее число специалистов. Все остальные сведения все-таки гораздо фрагментарнее, либо восходят только к мифам.

⁵⁸ Неандертальцы и питекантропы не являются предками *Homo sapiens sapiens*.

конечно, не исключает наличия в какой-либо период ариев в Забайкалье и даже на Памире и в Тибете.

Так или иначе, предками многих европейских народов, в том числе русских, являются и финно-угры, прародиной которых считают Западную Сибирь. По Европе финно-угры распространились в одно время с ариями, но территорию современной России заняли гораздо раньше. Существуют предположения, что контакты между предками ариев и финно-угров существовали десятки тысяч лет назад и именно на севере. Увы, это почти неизвестная страница истории. Наши знания о самодийцах, ненцах, саамах, карелах ничего к ней не добавляют.

5. ДО ЛУКОМОРЬЯ — ЛУКООЗЕРЬЕ?

Не приходило ли вам в голову, что человек — существо довольно странное? В Древней Греции ему было придумали лаконичное определение: "беспёрое двуногое", однако киник Диоген взял живого петуха, ощипал и пустил бежать...

У голого двуногого млекопитающего особо длинные волосы почему-то растут только на голове. А отчего бы человеку всему не быть покрытым такими же волосами или густой шерстью?

В самом начале семидесятых годов у автора зародилась мысль, что человек — это водяная обезьяна. Действительно, голыми обычно бывают теплолюбивые водные животные, а если человек был существом, которое в основном не плавало, а ходило по дну, то ему, конечно, пригодилась способность передвигаться на двух конечностях. Тогда зачем ему не просто длинные волосы на голове, но особо длинные? Ответ пришел сам собой — для того чтобы за них держались детёныши и не тонули.

Что можно сказать? Неплохая идея для фантастического рассказа. Сюжет такого рассказа сложился, а сама идея так бы и осталась кунштюком.

Но затем, во-первых, появились сведения о том, что новорождённые — заправские пловцы (возможности инстинктивного плавания дети теряют через два-три месяца после рождения), и о благотворности для будущего детей, их умственных способностей родов в воде, а во-вторых, автор (тогда студент-физиолог) попал на лекцию академика П. К. Анохина.

П. К. Анохин занимался в то время опытами, за которые сейчас его дружно осудили бы многие общественные организации — он производил опыты с живыми человеческими плодами (при наличии медицинских показаний), проверял различные рефлексы, а также свою теорию "акцептора действия".

Выяснилось, что у человеческих плодов — необычайно мощная хватательная реакция. Механическое раздражение внутренней поверхности кистей рук вызывает у достаточно сформированного плода сильное сжатие пальцев. На турнике с перекладиной подходящего диаметра плод висит более легко и естественно, чем взрослый человек.

Вполне вероятно, что многие десятки тысяч лет назад хватательная реакция была необходима человеческому младенцу вовсе не для того, чтобы держаться за ветки. Кому-то, возможно, и польстит, что его далёкие пращуры косматыми не были и на деревьях не жили.

В любом случае, наличие мощных хватательных способностей у младенца повышает степень приемлемости гипотезы о том, что прародина человека современного типа — пресноводные водоемы (озёра).

Самым неожиданным стало то, что автор оказался не одинок в своем направлении мыслей. До России дошли соображения западных антропологов о том, что первобытный человек — собственно предок современного человека (а не какой-то "лесной брат") являлся земноводной устричной обезьяной. Аргументы у этих антропологов были примерно теми же.

Кроме того, западные исследователи высказали мнение, что важным элементом питания первобытного человека были моллюски. Собственно водный образ жизни вели, в основном, женщины [Э. Харди; Э. Морган], мужчины более предпочитали держаться на суше. Подобное мотивируется тем, что жировые отложения у современных дам по-прежнему чаще возникают в филейном месте, бедрах и икрах — водяным существам требуется защита от переохлаждения.

Именно поэтому, если развивать эти мысли дальше, в преданиях рассказывается о русалках, а не русалах. Рыбий хвост — как бы метафора жировой прослойки. Что касается сухопутных нимф — тех русалок, что, по преданиям, жили на деревьях, то, надо полагать, рассуждая в том же духе, эти существа относились к другим видам людей, до нас не доживших. Эти-то дриады, должно быть, имели высокую честь отличаться густой шерстью на всем теле. Лохматый "снежный человек"⁵⁹ наверняка также устрицами не питался.

Однако утверждения сторонников рассматриваемой гипотезы, что водный образ жизни способствовал возникновению прямоходящести, представляются неудачными. Некогда вымершие паралюди, некоторые человекообразные обезьяны ходили на двух конечностях, но, судя по реставрации их образа жизни, описанного выше отношения к водоемам иметь не могли. То же можно сказать о кенгуру и представителях целого ряда ископаемых рептилий. Жизнь идет многими путями и беспрестанно заимствует изобретения сама у себя. Тем не менее, мы не знаем млекопитающих, вдруг вставших на задние лапы по причине перехода к водной среде обитания.

Невзирая на частое впадение в стиль почти энгельсовско-лысенковский, западные антропологи дошли до убедительного и простого аргумента. Де-

⁵⁹ Предполагают, что легенды о снежном человеке обязаны своим происхождением вовсе не встречам людей с необычными приматами, а с медведями, изменившими свое поведение.

тёныши почти всех теплокровных животных родятся, если иногда и округлыми, то уж вовсе не карикатурно пухлыми толстячками, подобно человеческим, а во многих случаях просто худосочными. Изобилие жировой ткани необходимо человеческим младенцам для лучшей плавучести. Художники естественно и изящно изображают летающих амурчиков. Столь же естественно и изящно получились бы и амурчики бескрылые: ныряющие и плавающие.

В последние годы стали известны исследования генетиков по хромосомам первых представителей *Homo sapiens sapiens*. Выясняя возможность сочетаний генов в древности, генетики анализировали гены также нынешних аборигенов, географически наиболее изолированных от остального населения планеты, и пришли к выводу о том, что все современные человеческие расы имеют своим корнем небольшую группу людей, связанную с несколькими озерами в глубине африканского континента.

Как мы уже видели раньше: к одной семье были сведены и все арии.

Заметим, что хромосомные исследования, сводящие всё человечество к одному центру и к незначительному числу индивидов, чисто статистически ставят под вопрос дату возникновения первого человека. Сорок тысяч лет назад или сорок миллионов лет назад — оказывается безразличным, формально ничего не значащим⁶⁰. Почти все археологические, палеонтологические находки при столь малой изначальной численности человечества оказываются дезавуированными. Казалось бы, генетикам и надо предоставить возможность решать проблему датировок. Они смогут решать такие проблемы, но тогда сильно возрастет вероятность ошибки, а, кроме того, это решение, помноженное на утверждение о том, что число первых людей приближалось к численности одной семьи,

⁶⁰ Практически невероятно нахождение следов деятельности одной семьи, а при случайном их обнаружении будет невозможно поверить эту находку другой аналогичной.

усиливает предположения, перед которыми меркнут миф и фантастика...

Вернемся к началу этой главы. После того как Диоген Синопский выпустил на свободу живого ошипанного петуха с криком: "Вот человек Платона!", Платон засмутился и сделал поправку к определению, заявив, что человек — это существо беспёрое, двуногое и с широкими ногтями.⁶¹

Пусть читатель подумает и решит сам, по какой причине он является обладателем широких ногтей и для чего они вдруг понадобились изначально. Заранее нужно предупредить: освещение этой темы в учебниках (там, по инерции, в вопросах малосущественных нередко сохраняется дух XIX века) неверно.

6. МИФЫ И БОГИ

Религия, как и массовое искусство, зачастую склонна к кичизации, то есть к примитивизации, удешевлению, заштампованности, сближению с рекламой, пропагандой, бульварщиной. Сам термин "кич" или "китч" возводят к различным словам и выражениям: к немецким *der Kitsch* — пошлость, халтура, безвкусица, *verkitschen* — дешево распродавать, делать халтурным и к английскому *for the kitchen* — "для кухни".

Если где-то и возникает идея бесплотного бога, бога-духа, то рано или поздно она обрастает различными атрибутами наглядности — бог как бы материализуется. И наоборот, отсутствие представлений о боге как духе многих не удовлетворя-

⁶¹ Современные определения человека, опирающиеся на термин "сознание", не менее наивны.

ет; идолы, фетиши требуют одушевления. Чем больше это одушевление — тем удобнее жрецам. Обычный компромисс между противоречивыми желаниями паствы — очеловечивание бога, уменьшение границы между богом и героем.

Первоначально буддизм был уникальной атеистической религией, но к нашему времени сумел накопить в себе тысячи богов и божков. В "Тибетской книге мертвых" мы уже встречаем упоминания о множестве богоподобных и божественных существ. Обожествлен и Будда. Его статуи — не только символы, но и объекты поклонения. Всегда требуются людоподобные боги, изображения, архитектурные сооружения, пророки, фантастические рассказы. Всё это служит "свидетельством", упрочением, закреплением не всегда лестных для человека и человечества психотических явлений массового характера.

Пусть, согласно самым продвинутым религиозным учениям, мира не существует, а боги — как и всё остальное, — иллюзия, некоторая общественная выгода от вульгарных человеческих слабостей — налицо.

В любом случае склонность человека к овеществлению фантазмов внутреннего мира оказалась благом для историков. Будь человек более духовным существом, археология лишилась бы своих главных трофеев.

Известные позднейшие пантеоны богов, например, славянский пантеон во главе с Перуном, нас сейчас не интересуют. Гораздо важнее связи различных пантеонов между собой, их происхождение.

Боги северо-восточных народов наделены слишком явной хтоничностью (связью с землей, хаосом). Их нельзя сравнивать во всех деталях с вознесенными на Олимп светлыми богами Эллады. Однако и "светлые" боги греков, вследствие чрезмерной очеловеченности, часто живут приземленными эмоциями: им свойственны злость, зависть, мстительность и прочие людские пороки.

Практически в любой мифологии можно выделить несколько пластов и порой получить представление о первичных богах или богах-родоначальниках, а также об их местонахождении, возникновении. Мифологическая история и география при этом расширяются, уточняются.

К представлению о Центре мира ведут мифы о Мировом древе или Мировой горе. "На море на Окияне, на острове на Кургане стоит белая берёза вниз ветвями, вверх кореньями". Мировая гора — вариант Мирового древа. Мировая гора, по мифологическим представлениям, располагается под Полярной звездой на Северном полюсе, через нее проходит Ось мира.

Очень ярко представления о Мировой горе в индуизме и смежных вероучениях. Расположенная на севере в центре мира невидимая простому глазу гора Меру имеет три вершины: золотую, серебряную и железную; на этих вершинах восседают Брахма, Вишну и Шива. Моделями мировой горы оказываются те или иные местные горы, а также храмы и пирамиды.

Ключ к взгляду в глубину эпох часто дает противопоставление двух видов религий: народной и жреческой. Это противопоставление можно дополнить религиозными представлениями тех народов, которые продолжали вести первобытный образ жизни в последние три века.

Первобытному человеку, а также человеку, удаленному от официальной культуры и жреческой премудрости, близкому по своему образу жизни к природе, свойственны элементы пантеистического мировоззрения: одушевление стихий и предметов, индивидуальное отношение к животным и растениям, придание особого значения их образам. Такое мировосприятие всегда сопротивлялось монотеизму жрецов.

Возникновение и закрепление монотеизма и атеизма предполагает наличие критического мышления, самоволения, что чаще характерно для подвижников, требует ненаучного углубленного взгля-

да на мир. На подобное неспособна жреческая каста в целом, и все же волхв-атеист или монотеист не представляется чем-то необычным, но всегда необходима поправка на иную вписанность в мир обывателя древних времен: наш современник не способен понять даже человека средневековья, не говоря уже о более ранних временах. Нынешний обыватель тесно спеленат собственными мифами, отринуть которые полностью он не в состоянии.

В народной религии часто можно видеть нерафинированное смешение верований различных эпох. В какой-то степени оно позволяет выделить предыдущие мифопостроения. Переход от духов предков к охотничьим или земледельческим культам плодородия шел через тотемические и фетишистские верования. Очевидно, к моменту этого перехода возникли мифы о происхождении мира. Представления о небесных рожаницах⁶² (порождающих дичь и полезные растения) перекликаются с мифами о матери-земле.

Особое отношение к богам — у племен, не знающих трудов охоты, земледелия, скотоводства, живущих от готовых даров природы (пеласги, "лотофаги", возможно, часть "гипербореев").

Наиболее известны пеласги, которые питались в основном буковыми орешками и ферментированными желудями. У пеласгов были боги, святилища, оракулы, но боги их не имели имен, отождествлялись с тонкими стихиями. А ведь, согласно гораздо более позднему мистику Европы — Экхарту, имя бога неизреченно... Не здесь ли изначальные тайны друидической религии? Глаза разуму открывает свобода.

Герой русских сказок Иван-дурак (в других вариантах Емеля) — олицетворение неизвестного (возможно, ассимилированного) племени, которое не пашет и не жнет. Кроме того, Иван-дурак доносит дух матриархата: он является символом муж-

⁶² Этот мифологический термин имеет только частичное логическое пересечение с современным словом "роженица".

чины как неполноценного существа. Неспособность работать приводит к выигрышу: трутень-дурак и далее получает возможность сохранять вольность. Подобная реликтовая фигура могла появиться и до возникновения симптомов кризиса естественной орехово-желудевой праобщины.

Дух матриархата никогда не был полностью отринут, он подавлялся, в той или иной степени репрессировался, но все равно подспудно оставался живым. Хороший пример: энтузиазм, с которым русское низовое общество XIX века подхватило японское изобретение — матрёшку. Рожаница стала наглядным национальным символом. Тысячелетия не смогли стереть память о неолитических богинях.

Прагреческий пантеон богов возглавляла великая мать мира Ма-Дивия (мать-дева). Считают, что первоначально Гера была богиней земли, Эриния (еще высшая богиня!) повелевала Нижним миром, Гестия оказывалась божеством священного очага. В это доэллиническое время уже существовали Лето и Артемида (без Аполлона), связанные со страной гипербореев. Лето относят к гипербореанкам по происхождению. Лето и Артемида в тот период одинаковы по своим функциям и напоминают обычных рожаниц (мать — дочь).

С севером связан догреческий миф об Эвриноме и Офионе. Змей Офион (он же ветер Борей) возник из быстрого танца Эвриномы, восставшей из первоначального хаоса. Офион-Борей оплодотворил Эвриному⁶³, после чего стал насиживать снесенное Эвриномой мировое яйцо.

Доолимпийские боги (Гея, Уран, Кронос) также тяготеют к Гиперборее-Арктиде. Даже в позднегреческое время орфики (тайное религиозное общество) помещали прощенного Кроноса на Острова Блаженных, а некоторые храмы возводили

⁶³ Нельзя не видеть сходства: Эвринома — Ева, Мировое яйцо — яблоко, Офион-змей — библейский змий. В этом гармоничном компактном сюжете Адаму не место.

Аполлона и Артемиду к Гиперборее. Однако стала возникать, известная и в наше время, традиция отнесения богов к местной географии, к местным условиям: Зевс считался не только владыкой Олимпа, но и живым царем Кипра (киприоты стали хранителями его могилы), Аполлона привязали к древним местным капищам (Аполлон-пастух, Аполлон змеиный, Аполлон мышиный, Аполлон-сокол — Аполлон-Гор).

К рожаницам восходят и другие богини: мать и дочь — Деметра и Персефона (Кора). В отличие от Лето и Артемиды, они покровительствовали земледелию. В более позднее время появляется пара Гея — Рея.

Существуют гипотезы, отождествляющие Лето (Лато) с балтийско-праславянской Ладой. Парой-дочерью Лады⁶⁴ оказывается Леля. Обе рожаницы часто выступают как богини весеннего пробуждения земли, размножения.

С мифологией можно связать также историю о знаменитом "морском легком". Некая странная среда, похожая на "морское легкое", вставала на пути мореходов, следовавших в сторону Гиперборей... По одной из гипотез, "морское легкое" — это вид медузы, а странная среда — некий особо плотный туман. Конечно, эта среда не могла быть ни льдом, ни снегом. Жители Средиземноморья были хорошо знакомы с Альпами и вряд ли пускались в избыточные фантазии о зимних явлениях. Однако с какой стати называть плотный туман медузиным желе, а не туманом? Мне представляется, что здесь недоразумение. Имела место случайная неудачная метафора, когда морскими легкими называли жабры (*branchiae* — лат., *βραγχιον* — древнегреч.). Тогда всё становится на свои места. Жабры многих морских животных своим рисунком (не цветом!) напо-

⁶⁴ Даже в конце 1980-х годов среди этнографов существовали версии об этом имени как о пустой отглагольной форме, суррогате междометия. Возгласы "ой, ладо!" считали чем-то вроде "тра-та-та" или "ай-люли", а весь миф о Ладе — чуждым восточным славянам.

минают северное сияние. Видеть его могли полярной ночью, которая по разным причинам мешала передвигаться кораблям.

Античное именование жабр вновь выводит нас на Аполлона. Бранхом звали сына Аполлона Дидимского. Мать Бранха явилась очередной параданай, зачавшей непорочным образом. Бог Аполлон явился ей в виде луча света и проник в нее через бронхи.

Созвучный античному Бранху ирландский Бран — проводник людей в потусторонний мир. У греков Арктида иногда выступает как аналог того света. Они помещали вход в Аид за киммерийскими сумерками.

7. ГДЕ ИСТОКИ ВЕДИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ?

Одна из загадок Древней Индии — Хараппская цивилизация. Обладающие знанием Вед (в устной традиции) арии пришли на север Индостана и застали там высокоразвитую культуру. Раскопки показывают, что Хараппской культуре был известен бог Шива (найжены его изображения на печатях и статуи); обычная поза этого бога, как и ныне, — поза лотоса.

Подобное вызывает недоумение: между старым и новым населением Индостана не было такого соотношения как между Крито-Микенской культурой и древнегреческой. Народ Хараппы и Мохенджо-Даро не был какой-то ранней волной ариев, — считают, что коренное население севера Индии родственно дравидам юга полуострова.

Напрашивается вывод: Веды пришли с севера, а йога и часть элементов будущего индуизма имеют местное происхождение — доарийское.

Веды перекликаются с преданиями других северных народов, видны пунктирные связи между богами различных арийских племен, зато йога

(начальная йога, то, что вошло в состав хатха-йоги) — явление уникальное, не имеющее аналогов на планете. Предположения о бытовавшей некогда повсеместности протоклассической йоги превращаются в нечто сомнительное.

Шаманизм, неординарные явления (похожие на чудеса) в других религиях не имеют к доклассической йоге никакого отношения. Поза лотоса — только путеводная звезда, даже и при ее изъятии связи между индийскими асанами и чем-то подобным у других народов не обнаруживается.

Родство санскрита и европейских языков вполне доказано, но воззрения начала XIX века о всего лишь соседстве на некой северной территории праиндийских племен с праевропейскими до конца не отвергнуты.

8. СВЕТ ФОЛЬКЛОРА

В русских сказках существуют два моря: южное и северное. Иногда говорится об «Окияне-море». Океан-море обычно располагается на севере, отождествляется с морем севера. Двум разным морям соответствуют и два сказочных лукоморья. Сказки А. Пушкина, народные сказки, взятые им за основу, тяготеют к северу. Часто в повествованиях упоминаются острова. Это явно северные острова, на них стеклянные горы, стеклянные дворцы или дворцы-леденцы, хоромы со стеклянными дверями.

Одна из принадлежностей северной окраины — чудесные предметы. Обычная цель героя — их добытие. Попасть в необычную страну можно только необычным путем, например, с помощью других чудесных предметов или при содействии фантастических существ.

Обычная присказка "за тридевять земель в тридесятом царстве" арифметически означает "за двадцать семь земель в тридцатом царстве". Откуда этот прыжок через 28 и 29? Кажется, что присказка

существует ради созвучия. Стоит ли искать здесь глубокомыслие? Особого глубокомыслия в этом, возможно, и нет, но тридешатое царство отождествимо с миром иным, а мир иной может состоять из царства небесного, царства подземного и царства морского (точнее, подводного, глубоководного). Тридевятое царство — только последнее из земных царств.

Русский фольклор перекликается с Гомером: Одиссей прибывает в полунощную страну (Киммерию) и там пытается найти ход в мир другой.

Берега южного моря иногда называют Подсолнечным царством. В этом царстве происходят столкновения или встречи с девицами-воительницами.

Однако исходить только из подобного рода солнечных (солнечных) терминов нельзя. Между одинаковыми или сходными словами могут проходить эпохи. Например, имена индийского солнечного бога Савитар и дочери Сурьи — Савитри, почти не узнать в именовании карельской злой ведьмы Сювятар. А скорее всего, изменилось отношения карелов к этой героине сказок.

Смена богов далеко не всегда приводит к удобному, гармоничному слиянию старого и нового. Сювятар иногда обливают горячей смолой, вываливают в перьях, сжигают... В этом — ее сходство с сезонным божеством (Масленица, Купала, Ярила). Всё-таки есть связь этой, казалось бы, презренной дамы с солнцем!

Можно видеть и другие трансформации. Огнедышащий Змей-Горыныч, относимый многими авторами к видоизмененному образу ворога-кочевника, ранее был более связан с образом огнедышащей горы — вулкана. На крайнем севере для доисторических времен это вероятнее.

А в какое-то время змей мог отождествляться и с солнцем. Эмоциональная достоверность такой возможности поверена поэзией Федора Сологуба. Ассоциации "змей-эрос", "змей-страсть" также не вызывают протеста... Куда ведет подобное нагромождение? Что все это означает? Следует вспомнить

змеев неславянских народов: космогонических и хтонических. В них сходятся все противоречивые толкования. Нельзя забывать и античную поэтессу Сапфо:

Снова Эрос меня мучает —
необоримый змей...

Или:

Словно ветер, с горы на дубы
налетающий,
Эрос души потряс нам...

Опять мы видим тождество отца мира Змея с Эросом и северным ветром Борею.

Греки и римляне, в отличие от своих предшественников на Пелопоннесе и Апеннинах, уже не считали, что женщины беременеют от Борея, но даже во времена Юлия Цезаря всё еще полагали, что многочисленные стада кобылиц в Испании умножаются благодаря влиянию северного ветра.

Уже в древние времена истинный благодетель человечества — Змей — стал постепенно превращаться во врага, нечистую силу, басурманина... Таково было посрамление кумира и сумерки идола... Только африканские негры о том не знали и продолжали славить тотема-питона, да не догадывались о таком обороте событий центральноамериканские индейцы, называя свое главное божество Кецалькоатлем — змеем, покрытым зелёными перьями. До сих пор на побережьях северных морей, а иногда и южнее, в Европе, Азии, Америке можно найти на камнях изображения спирали, высеченные 15—20 тысяч лет назад.

В фольклоре многих народов (древние греки, славяне, иранцы) есть сходные между собой мотивы, связанные с бобовыми растениями. То герой сказки рождается от проглоченного матерью бобового (горохового) семечка, то он сажает это семеч-

ко в землю, на глазах вырастает стебель выше облаков, герой взбирается по этому стеблю и попадает в верхний мир.

Можно обратить внимание на чудачества Пифагора по отношению к бобам. Он запрещал своим ученикам употреблять бобы и даже приближаться к бобовому полю.

Фантастические объяснения Пифагора (сходство цветков бобовых растений с внутренними органами женщины) нисколько не смущают его комментаторов. По мнению последних, бобы — одновременно символ духов предков, уважение к бобам — как бы уважение к праотцам. Семена бобовых растений выступают в роли родового вместилища.

Нечто параллельное можно видеть у западных славян, ведущих свою родословную от князя Гороха. В бобовых повышено содержание белков и серы, в связи с чем появляются ассоциации: дух — запах; сера — подземный мир; дух — предок; дух, дыхание — ветер. Однако и они не дают нам полного проникновения в мироощущение древних.

Излагаемая словесная алхимия кажется родственной очередному первоапрельскому открытию: "Грецкие орехи — наши братья по разуму!" (на том основании, что поверхность ядра ореха сходна с поверхностью человеческого мозга). Однако есть и другие объяснения. Известно, что с самых ранних исторических времен вплоть до средневековья в случае природных и военных катаклизмов население Европы не вымирало только благодаря запасам фасоли. Выражение "сидеть на бобах", родственное по смыслу словосочетанию "положить зубы на полку", — симптом крайности ситуации. Недаром в Аиде души умерших питаются исключительно цветками или плодами асфодели (бобовое растение). Выражение "асфоделивые поля" — символ печали.

Подробных сведений об использовании бобовых для жертвоприношения нет, хотя алтари для бескровных жертв существовали. Один из них был на Делосе.

В сказках немало других предметов, открывающих дорогу в тридесятое царство (сапоги-скороходы, волшебное кольцо и др.), в него может унести и нематериальная женщина, и ведьма, и фантастическая птица.

Частенько эту птицу во время полета герой кормит собственным мясом. Не является ли кормление воображаемой птицы символом поста? В любом случае подобные примеры говорят о необязательности смерти для попадания в царствие иное.

Долг волхва, шамана — периодически там бывать и советоваться с духами. Душа, как перелетная птица, пролетает тридевять земель. Путь в иной мир ей открывается на земле прародины. Там, на краю земли, герои мифов и сказок находят жар-птицу, оленя с золотыми рогами, волшебные диковины. По мнению индусов, оттуда, из-под Полярной звезды начинается полёт йогов на райскую планету Голоку.

9. ОТКУДА У НАС ИНТЕРЕС К НЕЯСНОМУ ПРОШЛОМУ?

Внимание к прошлому понятно, но мы подразумеваем необычное прошлое, а интерес — не только познавательный... Существуют странные интересы, которые подогревают сами себя. Например, у человека вполне реально существует природная жажда чуда. Когда эта жажда не удовлетворяется здесь и сейчас, она неисповедимыми путями направляется в прошлое и будущее.

Нормальному человеческому сознанию тесно в настоящем, а будущее для большинства людей безвоздушно, особенно когда всё трещит по швам, всё непрерывно меняется. При слишком большой стремительности изменений, да еще таких, какие

предугадать невозможно, прикрепиться в будущем просто не к чему, особенно если изменения идут не вдоль, а как-то поперек.

Предсказатели будущего — футурологи — оказались не на высоте. Что из того, что двадцать лет назад был построен коммунизм? Мы давным-давно не только освоили Луну, но и послали человека на Марс! Раскрыли тайны мозга! Наладили радиоконтакты с внеземными цивилизациями! Все эти сведения взяты из научных прогнозов 60—70-ых годов.

Зато в XVIII и XIX веках грядущие возможности человечества сильно преуменьшали...

Привычка мыслить рационально не спасает от ложных прогнозов. Если будущее — еще вакуум, то прошлое — уже прах, но прошлое больше говорит чувству, чем рассудку.

Далекое уже не так привычно, как позавчерашний день, и прах оказывается питательнее для воображения, чем ничто, хотя, по более строгим меркам, прошлое — такое же ничто, как и будущее. Привычное не может быть отдыхом для мысли; парить куда-то в высоту, грезить наяву дано не всем, нужны привязки, а такие привязки, причем особо приятные, есть в таком прошлом, какое не слишком замутнено фактами.

Переселение душ (метемпсихоз) — на каждом шагу: обыватель не может оторваться от экрана телевизора, от страниц романа — бывает, вся душа его там. Отождествляет себя человек не только с героями-людьми. Например, мысли о чудовищных ящерах мезозойской эры буквально приподнимают душу. А если бы тираннозавры или даже шестикрылые огненные драконы проживали в зоопарке, никакого запредельного вдохновения они бы не внушали.

В прошлое отправляется не только душа, туда поворачивают неосуществленные или плохо осуществляемые желания. В прошлом исчезают границы между человеком и родом.

Рай часто на поверку оказывается дикарским раем. С чем бы это могло быть связано? А хотя бы с тем, что в праздничные минуты человек — гораздо больший дикарь, чем в будничные.

Мы говорили об относительно трезвых основах погружения в выдуманное прошлое. Психопатология дает таких основ не меньше.

Так, некоторые психиатры считают человека существом, предрасположенным к групповому браку. А с точки зрения санитарной и практической, групповой брак возможен только при пещерном коммунизме на фантастических островах блаженных.

Знаменитый духовидец Эммануэль Сведенборг (1688—1772) вызывал у себя видения иного мира с помощью задержки дыхания. У других людей при каких-то ограничениях, стеснениях меняется направление мыслей. Точно так же можно говорить о стесненном положении народа, общества, цивилизации. В этом случае происходит перенесение внимания на былинное прошлое своей страны, на времена эллинские, библейские, доисторические... — и что важнее всего, мифогенные. Обычная история неизбежно подменяется легендой, мифическим временем.

10. ДУХ ГИПЕРБОРЕИ

Гиперборею обычно не воспринимают как географически четко очерченную землю, хотя ясно, что Гиперборея — это крайняя земля, расположенная на севере. В сказочном отражении — это Лукоморье, тридевятое царство, дающее ключи к царству тридесyatому — потустороннему, волшебному. Таково наше резюме по предыдущим разделам.

Если думать о Гиперборее все-таки как о самой северной земле (но не об условной земле, постоянно отодвигаемой от средиземноморской ойкуме-

ны), то такая конкретная Гиперборея могла существовать не позднее VI века до н. э.

О Гиперборее как колыбели европейской цивилизации можно говорить, подразумевая доисторическое время, например период между X и IX или VII и V тысячелетиями до н. э. Опираются в таких утверждениях, прежде всего, на воззрения о смене потеплений и похолоданий в Европе.

Ко второму тысячелетию до н. э. на крайнем севере только в аномально благоприятных условиях могла остаться некая ограниченная общность людей, поддерживающая связи с двумя-тремя своими наиболее поздними диаспорами. Но будет ли это Гипербореей, соответствующей представлениям индусов и греков?

Если в описаниях Плиния Старшего речь идет о людях, живущих от диких плодов земли, то задолго до него Геродот передает рассказы о гиперборейцах-землепашцах, вполне культурном племени. Весьма похоже, что эти землепашцы каждые 19 лет отдавали в жертву делосским богам двух девушек или женщин, а затем сменили этот обычай на посылки плодов земли, завернутых в пшеничную солому. Две девушки как бы соответствовали двум рожаницам.

В Италии и Дельфах невольными жертвами часто оказывались окуриваемые "серными парами"⁶⁵ прорицательницы. Прорицательницы восседали на треножнике. Не такой ли треножник использовали для принесения в жертву гипербореанок? Этот агрегат нередко изображается как летательный аппарат Аполлона Гиперборейского.

Если для гипербореев священным был остров Делос — пристанище богини Лето, то для греков Гиперборея оказывалась краем света, ступенькой в потусторонний мир. Собственно Арктика выполняла не только роль форточки или хода в мир

⁶⁵ Исследования показывают, что пифии использовали в качестве галлюциногенов не серные пары, а газообразные выделения сланцев.

иной⁶⁶, но, по ряду гипотез, и генератора нескольких волн индоевропейцев. В этом смысле ее правильнее было бы называть не прародиной, а пропускником, местом инициации (посвящения, испытания) народов.

Не являясь постоянной ойкуменой, Арктика время от времени давала незримые толчки духовной эволюции человека. Она постепенно создала носителя и умножителя тех достижений, которыми первоначально владели исконно южные народы.

Два разных типа людей, различные способы оценивания мира видны в необычной андерсеновской парадигме, ставшей основой сказки "Снежная королева". В сказке идет речь о двух видах испытаний, трансформаций, которые может пройти человеческая душа.

Если понимать грех как несовместимость с тем, что внутренне уже установилось, как нарушение внутренних правил или противоречие им, то можно видеть две крайних реакции на него: провал памяти и нечувствительность. В сказке речь будто бы не о грехе: герои просто какое-то время не думают друг о друге, хотя не думают по совершенно разной причине.

Провал памяти у Герды происходит в волшебном саду, сравнимом с садом Гесперид, с садом Мерлина (из легенд о чаше Грааля) и, наконец, — с "Соловьиным садом" Александра Блока.

Полная нечувствительность к мелким трепыханиям души находит на Кая в чудесных ледяных чертогах Снежной королевы. Первое похожее вдохновение Кай испытывает тогда, когда еще до путешествия на север ему в сердце попадает кусочек разбитого зеркала (читай: льда).

В обычной жизни под "стеклом-льдом" можно понимать многое. В нормальном случае, этот лёд

⁶⁶ Существуют странные учения и практики, в которых слова "форточка" и "ход" буквальны. Посмертное путешествие души умершего йога иногда связывается с ними. Полярная область считается самой удобной для метафизического отбытия с Земли.

— преизбыток интеллекта или просто логика. Но и это мелочи по сравнению с теми ледяными красотоми, которые были подарены Каю позже.

Что лучше — стирание памяти или нечувствительность к тому, что помнится? Человек гердовского типа — архаичен, человек типа Кая — мутант. Он — совсем иное приобретение для человечества, нежели Каин. Если гердовский человек погружен в темное неосознанное, нуждается в мифах и богах, то человеку типа Кая мифы и боги почти не нужны, не обязательны, у него другое соотношение между миром сознательного и неосознанного. Он менее гармоничен и стаден.

Мы видим две крайности. На деле всё сложнее. Даже всякого рода гиперлюди чаще возникали не в Европе, а в Индии. С южными центрами связаны начала цивилизации, а с дыханием севера — их кульминация. Но совершенно невозможно представить появление в Египте или Малой Азии таких людей, как Иммануил Кант, или, скажем, чеховский человек в футляре. Это — принципиально новое явление, новая генерация. Её отличие — надприродность.

"Люди-компьютеры", "люди-роботы" появились задолго до современной эпохи. Прежде чем ратовать об опрощении, о возврате к матушке-природе в духе Жан Жака Руссо или Льва Толстого, нужно от природы оторваться! Само появление Руссо и Толстого, Торо и Эмерсона — яркий симптом! В южноамериканской пампе или африканской саванне Руссо и Толстой не нужны.

Превращение человека в оторванный от природы субъект — это уже вторая революция. Мы немало касались и первой, когда говорили о поругании Великого Змея, о превращении его из друга во врага.

Битва со Змеем имеет больше отношение к обществу, чем к отдельному человеку. Её результатом является то, что общество преподносит человеку вместо природы само себя... Возникает миф о

Законе, о Долге — образуется общественный механизм, попирающий природные инстинкты и стремления, направляющий их в потребное обществу русло.

Кай во дворце Снежной королевы играет кристаллами льда — метафора прозрачная. Кристалл — нейтрален, он может вести каев куда угодно. Холодный кристалл — неизбежный символ науки и чистой логики. Освобождая человека от очередных фетишей, он может вернуть его природе.

О природном человеке мечтали уже в Элладе. В религии греков не было рая, Аид для такой роли не годился. Эллины первые придумали Острова Блаженных.

Что же мешало грекам жить? Скорее всего, государство, общество. Даже святилище Аполлона в Дельфах было возведено на костях змея Пифона, — мир строится на убийстве инстинктов. Ко времени римлян воображаемая Гиперборея окончательно превратилась в страну блаженных. И действительно: Гиперборея — мифический Эдем, страна создающего земной мир танца-вихря Евы-Эвриномы...

11. ПОЭТИЧЕСКОЕ ЛУКОМОРЬЕ

Многие русские поэты, сознательно или нет, в какой-то степени охватывали тему Лукоморья или хотя бы затрагивали ее. Лукоморье оказывалось у них поэтической обителью, заменой Парнаса, Геликона, Кастальского ключа.

Откровенно говорили о Лукоморье Александр Пушкин и Константин Бальмонт. Действие поэмы "Руслан и Людмила", большинства пушкинских сказок происходит в Лукоморье. Образы немало числа стихотворений Бальмонта — это образы Лукоморья. Все его "ландыши, лютики, ласки любовные" — оттуда. В чем дело? Источником пушкин-

ских сказок и бальмонтовской лирики был фольклор. Все напоминания о Лукоморье связаны с ним.

Через эту восстановленную Бальмонтом сказочную землю протекают Шат-река, Втай-река, Тень-река, Сладим-река.

Радуйся — Сладим-река, Сладим-река течет,
Радуйся — в Сладим-реке, в Сладим-реке есть мёд.

Конечно, слово "сладим" здесь не без подтекста, но всё равно бальмонтовская Сладим-река близка к молочным рекам и кисельным берегам.

Светло-оптимистическое настроение стихотворений Бальмонта связано с мотивами земного рая, но не только в этом прослеживается гиперборейское.

Бальмонт словно бы говорит о загадочной морской субстанции — северном "морском лёгком", о котором в свое время упоминали мореход Пифей и географ Страбон:

Мы шли в золотистом тумане
И выйти на свет не могли,
Тонули в немом океане,
Как тонут во мгле корабли.
.....
И мы бесконечно тонули,
Стремясь от влаги к земле, —
И звёзды печально шепнули,
Что мы утонули во мгле.

В другом стихотворении озарение Бальмонта идет дальше затруднений древних путешественников:

Мне открылось, что времени нет,
Что недвижны узоры планет,
Что бессмертие к смерти ведет,
Что за смертью бессмертие ждет.

Поэт часто описывает приближение заката, но закат у него выглядит не как нечто обыденное, а — как мировое явление, подобное приближению вечной тьмы, полярной ночи. В такой приближающейся тьме носится у Бальмонта "чуждый чарам черный чёлн". Этот челн "мчится морем, мчится взморьем" в то время, когда "ропщет море, мрак растет", "месяц матовый взирает".

А вот герой Бальмонта, как волхв, провожает уходящее солнце с вершины башни:

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

.....

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли.
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Рай, страну легенд Бальмонт помещает на севере, и сам словно хочет улететь туда на волнах музыки:

На небе стынущем огромный круг.
Какие радуги, луна, ты плавишь?
Когда б на Север мне умчаться вдруг
От черно-белого мельканья клавиш!

Черно-белые клавиши в этом отрывке — метафорическое обозначение дней и ночей, а север, таким образом, оказывается символом Эдема, рая. Вот другое стихотворение:

Я жить не хочу настоящим,
Я внимаю намёкам струны,
Цветам и деревьям шумящим
И легендам приморской страны

К. Бальмонт перекладывает народные заговоры. Во многих из них есть приметы, весьма странные для Руси — страны оторванной от морей:

Там на море-Окияне,
Там на острове-Буяне
Светит камень-Алатырь.

Или:

Красная дева, будь ласкова с нами
в Море ключи опусти,
Белая рыбица пусть их проглотит,
Пусть все двенадцать ключей не воротит.

У поэта есть и специальное стихотворение о гипербореях:

За горами Рипейскими, где-то на север от Понта,
В странах мирных и ясных, где нет ни ветров,
ни страстей,
От нескромных укрытые светлою мглой горизонта,
Существуют издревле селенья блаженных людей.

Часто Бальмонт вспоминает о допотопных или мифических персонажах (Марья Моревна, царевич Горошек, птица Сирина, Световит, Белбог, Сварог, Ярило), описывает праздники предков (например, праздник Лады). Однако самое впечатляющее Лукоморье у него появляется не тогда, когда он берет образы из забытых книг и манускриптов, а когда его виденье идет из области чистого вдохновения, когда он говорит о свете Солнца и Луны, о про-

зрачных ручьях, шелестящих травах — о существующей в голове каждого человека чуть не с рождения «сказочной светлой свободной стране».

12. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Автор на всякий случай еще раз предупреждает, что высказанные о Гиперборее мнения и предположения чисто эвристичны и адресованы, прежде всего, воображению.

Источниковедение, самые добросовестные компиляции могут легко здесь привести к заблуждению. В качестве примера можно привести мистификации о "плащанице", о снежном человеке, о воспитанных волками девочках Амале и Камале, о якобы проделанном американскими хирургами вскрытии тел инопланетян, о "чудовище таежного озера", о Несси, о "пути воина" Кастанеды и прочая и прочая. Особое карамельное значение есть в современных телепередачах о таинственном и загадочном, призванных во что бы то ни стало притянуть обывателя к экрану и тем самым вызвать интерес рекламодателя.

Даже после разоблачения подобных тайн, покаяний и чистосердечных раскаяний "очевидцев", мистификаторов и мошенников эти легенды поднимаются на щит всякий раз вновь, словно впервые.

Гиперборея, прежде всего, касается области психиатрии и психологии, психологической эволюции человека. Гиперборея — внутри нас.

Внимание!
В нынешнее время эта статья предназначена
только для атеистов
и сильно сомневающихся

МЕССИЯ ИЛИ КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ

(Правила употребления прописных и строчных букв — светские, то есть по состоянию на 1986 год.)

Почти всякий, кто видел "Забавную библию" Лео Таксила⁶⁷, читал ее. Однако другую его книгу "Забавное евангелие", многие незаслуженно считают затянутой, скучной и ограничиваются, в лучшем случае, только ее перелистыванием.

Скучным "Забавное евангелие" могло казаться и по причинам полумистическим: две трети бывших советских атеистов были людьми крещеными, и эта книга, к тому же довольно объемистая, их неосознанно пугала. А сейчас, в XXI веке, многие еще больше отвыкли от обстоятельности, свойственной прежним временам...

По этим причинам автор решил изложить названную вторую книгу в виде кратких тезисов и, конечно, сделать к ним необходимые уточнения и значительные добавления. Автор надеется, что полученный в итоге текст будет полезен не только сторонникам атеизма или людям к нему близким,

⁶⁷ Псевдоним Габриеля Пажеса; полное имя: Габриель Антуан Жоган-Пажес (1854—1907).

но и верующим. Ведь мало кто из христиан прочел писание от корки до корки и более или менее разобрался в нем. В таком случае этот текст может послужить своеобразным введением. Иногда лучший способ познать какое-либо учение — ознакомиться с мнением его противников. Кроме того, всякий добросовестный христианин должен знать узкие места своей веры.

Автор ни за что не взялся бы за написание данного текста в старое время. Зачем бы это было нужно? Дело в том, что нынешняя религиозность носит такой же стадно-биологический характер, как и прежний атеизм. Приверженность к тому и другому зачастую носит случайный, непрочный характер, обуславливается отсутствием самодышления.

Автор хочет помочь читателю в его стремлении быть самим собой.

Многие положения "Забавного евангелия" принимались даже советскими научными атеистами. Автор никоим образом не причисляет себя к материалистам, но полагает, что атеизм советской идеологии — ее лучшая составная часть, ее достижение. Ведь его главный компонент — раритет, увы, канувшее в Лету, пусть и засушенное, свободомыслие века Просвещения.

Быть атеистом в наше время — куда сложнее, чем в XIX или XX веках. Наше общество-животное, как следует разбежавшись, ринулось в религиозный омут и до сих пор там барахтается. Как говорится, дело спасения утопающих — дело рук самих утопающих. Спасти можно только отдельных людей, но не общество в целом. Склонность последнего к различным катастрофам давно уже отмечена историками.

* * *

Формально к предлагаемому тексту можно дать и контртекст — предположения о маловероятной возможности немногочисленных бытовых историй

с неким еще не обожествленным йогом Йошуа, почему-то ставших значимыми по прошествии 50—60 лет после его смерти, а до того не замечаемых историками и историческими деятелями, но со временем преувеличенных до мирового и вселенского масштаба, офантастиченных⁶⁸ ...

Увы, подобная версия обречена на полное недоверие. Как мы увидим далее, такой чисто деревенский йог, так и не дошедший до Иерусалима или другого большого города, уж никак не мог носить созвучное слову "йог" имя "Йошуа".

Однако, справедливости ради, мы должны заметить, что многочисленность противоречивых апокрифических евангелий — обычный довод, направляемый против христианства, — как раз является доводом противоположным. Он идет на пользу тем, кто утверждает, что какой-то простой смертный, возможно, пришедший из Египта факир, прототип мифического Христа, пусть не на макроисторическом уровне, но хотя бы на бытовом, существовал.

Такая гипотеза была мне близка до 1975 года. Ложность ее доказывается наличием в Иудее I века других пророков, настоящих основателей сект и руководителей восстаний против Рима. Какие-то мелкие мессии в их тени исчезают, оказываются непригодными для действительно правдоподобных историй. Наиболее похожий на Йошуа-Иисуса пророк носил имя Иуда (Иуда из Галилеи). Его биография известна.

Многочисленность разнородных текстов говорит, что некая идеологическая бомба была реально взорвана в первых веках первого тысячелетия. Что

⁶⁸ Кстати, Л. Таксиль чаще остается только юмористом, критикует тексты, горит желанием досадить католической церкви. Иногда разбрасывает семена сомнения, а иногда чуть ли не верит в подлинность выставленного на обозрение тернового венца. Любой атеизм почему-то оказывается недостаточным. Такова уже природа человеческого духа, страстно любящего самообманываться.

это было? Бомба, конечно, это христианство — идеологический снаряд, изготовленный греками Малой Азии, огреченными евреями-эмигрантами и направленный в голову Рима. Были предвосхищены методы Ганди. В итоге (в частности, благодаря христианскому учению) Рим оказался разрушенным, то есть была разрушена Римская империя. В дальнейшем этот же снаряд вплоть до времени Лютера работал против развития Европы⁶⁹. Надо заметить, что авторы евангелий люто ненавидели не только Рим, но и современные им порядки в Иудее, а также тамошнее иудейское сообщество.

Вообще складывается впечатление, что Новый завет создавался по специальному приказу группой разработчиков и доводчиков, что между отдельными создателями книг существовал конкурс и было задание максимально привинтить желаемый новый круг представлений к уже существующим культам и верованиям с тем, чтобы дать новозаветной доктрине быстрый старт. Как мы увидим ниже, в текстах евангелий ясно видны следы поспешности.

Социум временами опирается на человеческий делирий и массовые психозы. Подобный архаический регулятор работает и сейчас. Религия — это не человеческое и не небесное порождение, а неосознаваемая эманация общества. Грибки выделяют антибиотики, чтобы убивать другие микроорганизмы, общество порождает коллективные психозы. Кое-кто употребляет слово "эгрегор". Надо отметить, что до 1986 года в России были совсем другие "эгрегоры", нежели сейчас. Даже атеизм имел свой "эгрегор", то есть и атеизм (как ныне

⁶⁹ Поскольку в России аналогичной личности не было, можно себе представить, какой именно стране христианство принесло наибольший вред. Как мы теперь видим, раболопный русский народ прежде всего смотрит на отношение к религии властей предрержащих. Надо было додуматься снова взять на вооружение идеологию павшего Рима и бесславно скончавшейся Византии! Византийские пережитки и донныне — главный враг России.

религия) внедрялся не столько методом убеждения, сколько методом коллективного психоза.

Ввиду отсутствия в человеческом стаде сознательных и самодостаточных управляющих структур, оно берет заботу об управлении на себя и использует для этого устаревший способ — психоз и субъективный образ последнего — миф. Вот и весь эгрегор! Совокупность легенды и эмоциональной наэлектризованности всё еще способна снести с лица земли государства и правителей. Сейчас, например, существуют мифы о легитимности, демократии, справедливости избирательного права...

* * *

1. За 3—4 тысячи лет до написания евангелий уже наступило историческое время. Но описываемые в евангелиях события не отмечены историками, современниками этих событий. Таким образом, речь может идти только о мифе, легенде.

Собственно исторических сведений о мессии нет, причем даже тогда, когда они должны были быть.

История жизни реального лица, пророка Мухаммада, тщательно датирована, запротоколирована, но даты, имеющие отношение к главному герою евангелий, отсутствуют; для своих праздников христиане берут даты, искусственно привязанные к бывшим языческим священным дням. Апостолы-сочинители никаких дат почему-то не знают и не помнят. Простительно ли это?

Обозначение "Иисус Христос" — довольно абстрактное именование, словно бы подчеркивающее неисторичность его обладателя. Слово "Иисус", то есть Йешу, Йегошуа, Иошуа, означает всего-навсего "бог помощь", спасение, а слово "Христос" — мессия. Можно ли представить, чтобы исторического деятеля, скажем, Никиту Сергеевича Хрущева называли "Двадцатый съезд партии"? И не в качестве синонима, а в качестве основного имени?

В словах "Иисус Христос" довольно прозрачно видна подгонка имени под теорию создателей-оформителей христианства.

Таким же выдуманым является и современно изображаемый внешний облик мессии. Этот облик похожего на хиппи многомудрого учителя-философа, неизвестен ранним христианам, изображавшим Иисуса совсем иным — более женственным и безбородым. В соответствии с пророчеством Исайи ранние христиане приписывали этому мужу низкий рост, невзрачность, щедедушность. Революцию в облике мессии произвел византийский церковный деятель Иоанн Златоуст (ок. 350—407 гг.).

2. Царь Ирод Великий умер за 4 года до объявленного рождения мессии (в 750 году от основания Рима).

3. Есть параллельные легенды, как будто включающие основной миф: а) об учителе праведности мессианитов Кумрана (некоторые исследователи отличают их от эссенов); б) о незаконнорожденном сыне римского солдата — грека по национальности — Пантера (Пандера, Панфера) и Марии (Талмуд).

Иосиф якобы выгнал свою распутную жену из дома. Та долго скиталась и родила ребенка в хлеву. И противники, и сторонники евангелий часто паразитируют на совпадении имен. (На этом, кстати, основано неправильное установление общепринятого авторства евангельских текстов). В Талмуде действительно есть история о неприличном поведении Мариам — дочери иудейского священника. Является ли эта Мариам матерью мессии — неизвестно. Очевидно, одно из таких мнений повторяет ранний критик христианства — Цельс.

Однако есть версия, что Мария вообще не была замужем. В пользу этой версии говорит красноречивое молчание Марка, Иоанна и Павла. Они вообще ничего не знают о человеке по имени Иосиф.

4. Из рода Давида происходит Иосиф, но вовсе не его предполагаемый приемный сын.

5. Между текстами Матфея и Луки существуют разночтения. Матфей ведет ветвь Иосифа через Соломона, а Лука — через Нафанову ветвь. Число поколений от Авраама у Матфея — 42, у Луки — 56.

В тексте "от Иоанна" считается, что мессия родился в сказочном галилейском городе Назарете. Зачем же понадобился Вифлеем? Авторам-компиляторам претила мысль о том, что их герой — из Галилеи, что он не потомок Давида. Жителей Галилеи евреи часто отождествляли с разбойниками, бродягами и плутами. Кроме того, историю мессии необходимо было точно вписать в предначертанное Ветхим заветом.

Авторы евангелий имеют очень смутное представление о действительной географии Палестины. Они изображают какую-то фантастическую страну. Такого города, как Назарет, не существовало. Древним историкам он не известен, ни в каких документах не значится. Совершив этимологическую ошибку, евангелисты изобрели этот город по названию секты назореев⁷⁰. Только в эпоху императора Константина для нужд паломников был изыскан географически подходящий пункт. Городом его никак нельзя было назвать. Даже к началу XX века уже в официально существующем Назарете было всего десять тысяч жителей. Надо представить, какой хутор был там в эпоху Константина. Факты неоспоримые. Поэтому в современных проповедях стало употребляться странное словосочетание "село Назарет". Однако, переключаясь с названием реальной иудейской секты, и оно звучит очень плохо.

Флора и фауна, показываемые в евангелиях, не похожи на иудейские. Так, не упоминаются самые характерные растения: кедр и финиковая пальма.

⁷⁰ От еврейского "назар" — воздерживаться, отказываться.

Евангелисты плохо представляют расстояния между населенными пунктами, о которых они говорят, и реальные дороги между ними. Многие путешествия сына голубя и его учеников оказываются физически невозможными.

О хрестоматийном хождении по водам. Здесь вообще нет никакого чуда. Просто первый из рассказчиков (Марк или его неизвестный предшественник) перепутал два разных озера. Наверняка он краем уха слышал о находящемся далеко от греческих городов пересоленном Мертвом море (в котором невозможно утонуть) и решил хоть как-то использовать его необычные свойства в своем фантастическом сюжете. В итоге получился гибрид Тивериадского моря с Мертвым. Говорят, что на водах Мертвого моря можно сидеть или стоять, если использовать для этого сиденье от табурета. А что если площадь и толщину подошв деревянных сандалий увеличить раз в пять-шесть и попытаться на них балансировать?

6. Движение звезды, описываемое в тексте Луки, может иметь место только в сновидениях. Никакая звезда так себя вести, а тем более указывать путь, не способна. Эта "звезда" — не звезда, не планета, не комета и не астероид. Речь идет о волшебной сказочной звезде, подобной сказочному разматывающемуся клубочку.

7. Цари-маги находят младенца в Вифлееме, в то время как св. семейство уже отбыло в Иерусалим, а оттуда сразу же должно следовать в "Назарет"⁷¹. Каким образом св. семейство опять оказалось в хлеву?

⁷¹ "А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа" (Лук., гл. 2, ст. 22). Есть несоответствия в датах католического календаря.

8. Поднесенная младенцу смирна. Смирна предназначается покойникам для целей бальзамирования, а не новорожденным.

9. Мудрые волхвы, провидящие всё, как-то совсем непутево "заложили" младенца Ироду Великому.

10. По юмористическому утверждению Таксиля, св. семейство таки вернулось в хлеб с целью кражи осла.

11. Если появление у девы незаконнорожденного дитяти историки могли не заметить, то убийство младенцев в городе Вифлееме и его окрестностях они бы не пропустили. Где их свидетельства?

12. Каким образом в городе Вифлееме, насчитывающем три тысячи человек, вдруг появилось двадцать тысяч⁷² младенцев до двух лет?

Негативно относящемуся к Ироду историку Иосифу Флавию ничего неизвестно об избииении младенцев.

Вся эта история о младенцах была попросту беззастенчиво позаимствована евангелистом из Ветхого завета (из описания деяний царя Навуходносора).

13. Мария дала обет девственности, но у мессии было несколько сестер (по евангелию от Иакова, две: Мельха и Эсха) и четыре брата: Иаков, Иосеф, Иуда, Симон. Другие апокрифические евангелия говорят еще и о старших братьях и сестрах.

14. Тем не менее, утверждение о старших братьях и сестрах противоречит тому, что они отсутствовали на момент переписи.

⁷² Критик имеет в виду не текст Матфея, а христологическую литературу.

Эта перепись — еще одна выдумка. Она призвана объяснить уход св. семейства из Галилеи. Перепись никак не могла проходить ранее или позже 6—7 г. н. э. В соответствии с непростительными ошибками учредителей летоисчисления (см. также пункт 2), к этому времени мессии было уже лет двенадцать, и он никак не мог находиться в пеленках. Кстати, саму идею переписи лукавый Лука заимствует у Иосифа Флавия.

15. Уловка богословов (доказывающих непорочность Марии), что братья и сестры мессии — это дети Иосифа от первого брака, противоречит другим местам евангелий. К моменту женитьбы на Марии Иосиф восхваляется как девственник.

Нелепа прокламируемая девственность Марии. Библейсты связывают ее с неточностью перевода. Еврейское слово "голмах" означает молодую женщину, а не деву. Авторы евангелий заимствовали "пророчества" Ветхого завета из греческого перевода Септуагинты (текста евреев-эмигрантов, проживавших в Александрии). Аналогичная неприятная история произошла со словом "канат". С этим словом явно не разобрались и вместо слова "канат" (родственного известному *cannabis*) в пословицу довольно неряшливо вписали слово "верблюд" (*camelus*). Отсюда и возникло всеми повторяемое диковатое выражение: "Скорее верблюд пройдет в игольное ушко...". За такое вот ушко и следует вытянуть на белый свет анекдот о непорочном зачатии. Разумеется, этот анекдот был подкреплен тем, что Новый завет создавался в греческой среде, где были распространены архаические мифы о рождении героев и императоров от смертной женщины и бога...

16. Мессия творит в пустыне подвиги, ничего не вкушает. Но что в этом толку, если он бог и сын божий? Никаких подвигов здесь нет.

17. Дьявол начинает искушать мессию на 40 день поста, когда пост уже закончен. Логично ли это? Ведь и без дьявола мессия в этот день стал вкушать.

18. Дьявол переносит мессию на вершину высочайшей горы, с которой видны все царства земные. Но земля шарообразна, увидеть с горы всю землю невозможно.

Читать евангелие можно только так, как читают сказку.

19. В изложении евангелиста присутствует сектантский шифр. Креститель: "С неба спустился голубь, уселся на агнца и остался на нем". Мог ли креститель на самом деле так говорить? Скорее всего, нет. Шифр — симптом многочисленности пересказов, принадлежности последних к узкому кругу посвященных.

Кроме того, исторический Иоанн Креститель никак не мог говорить что-то о голубе (голубице). Голубь — священное животное самаритян — презираемого евреями племени.

Слово "дух" в арамейском языке — женского рода, и выражение "отец — сын — дух" для евреев означало отец — сын — мать.

20. Примечательны слова мессии, обращенные к матери в Канне: "Женщина, что между мной и тобой общего?"

21. Первое чудо мессии (превращение воды в вино) как бы отождествляет его с Вакхом или Дионисом, низводит до более древнего мифа.

22. Таксиль считает цепь свидетельств о чуде в Канне (превращение воды в вино) порочной и недостаточной. Всё замыкается на одного свидетеля,

которому, в принципе, чудо могло присниться или спьяну показаться.

Это чудо было на самом деле заимствовано евангелистом из культа Диониса.

23. Критика Таксилем отрицательных моральных качеств мессии (тунеядство, плутовство, воровство, свойства Альфонса, а то и сутенера, также другое), конечно, очень интересна в плане художественном, но не дает никаких аргументов в пользу наличия или отсутствия прототипа критикуемого.

24. Мессия изгоняет легион бесов из помешанного и вселяет этот легион в стадо свиней. Спрашивается: "Откуда в Иудейской земле взялись некошерные животные, запрещенные законом Моисея?" А откуда, что сочинители доевангелических текстов, как и сочинители евангелий, никакого представления о предмете своего творчества не имели. А вот в греческих землях (где проживали сочинители) свиньи действительно выполняли ту же роль, что в Иудее козлы отпущения.

25 ...чудеса на горе Фавор видел только один евангелист — Иоанн, но именно он о них непроницаемо молчит в своем тексте.

...мессия обязал учеников молчать об этих чудесах. Откуда же о них узнали прочие евангелисты?

Таковы наивные вопрошания Таксила. В действительности авторы евангелий не были апостолами или какими-либо их тезками, упомянутыми в текстах собственно Нового завета. Все евангелия писались на койне — разновидности древнегреческого языка и не являлись переводами с арамейского.

Евангелие от Марка (исторически первое), в соответствии с филологическим анализом, писал не очевидец. Это не Иоанн Марк, упомянутый в евангелии. "Марк" вряд ли мог быть также и секретарем-переводчиком Петра. Текст "от Марка" основан на многих источниках, представляет собой не пересказ событий, но более — разрозненные про-

пагандистские сочинения для прозелитов. В них еще не идет речь о воскресении⁷³: ученики видят только пустую могилу. Окончание текста принадлежит уже не Марку: этот довесок, по мнению филологов, вставлен недобросовестным переписчиком позднее. Кроме того, найдены древнейшие списки евангелия от Марка, в которых последние девятнадцать стихов закономерно отсутствуют.

Евангелия от Матфея и Луки часто почти механически включают в себя фрагменты евангелия от Марка. Авторы этих вторых евангелий добавляют к текстам "от Марка" другие известные им тексты, то есть занимаются компиляцией, а также вставляют в свои сочинения-изложения немало отсебятины и посторонних текстов, не имеющих к основному никакого отношения. Евангелие от Матфея наконец-то придает Христу черты еврея, привязывает его к Израилю... Но больше всего отсебятины содержится в текстах "от Луки": Лука рассказывает сказку о рождестве (приход пастухов), выдумывает чудо в Канне, а заодно добавляет литературные эпизоды, заимствованные из биографий других людей, даже из биографии Иосифа Флавия (фрагмент, в котором ребенок учит учителей). Эта книга явно адресована римлянам.

Евангелие от Иоанна принадлежит, видимо, гностику. В нем переплавлено учение Филона Александрийского о логосе, повторяются (чуть ли не цитируются) высказывания Филона Александрийского. Эта книга призвана придать мессии больше божественности.

26. Апостолы, постоянно и наглядно видя чудеса учителя, тем не менее привередничают, сомневаются и в чудесах, и в учителе, выражают ему недоверие.

Как же тогда верить нам, людям, которые никаких чудес сына голубя не видели?

⁷³ Каких только "научных гипотез" ныне не услышишь. Де воскресение — это "квантовый фазовый переход", "пробуждение после комы"... Великий грешник и великий праведник Лев Толстой не признавал пасхального приветствия и заявлял, что мессия не воскрес.

27. Приведем образец стиля Лео Таксиля...

"Тогда Иисус приблизился к больному водяной, сделал одно движение, и огромный живот больного сразу опал. В евангелии не сказано, куда делась заполнявшая его вода. Будем надеяться, что ее не претворили на сей раз в вино.

Исцеленному, видимо, нечего было делать, потому что он тут же побежал хвастаться своим поху-девшим брюхом".

28. А вот образец стиля евангелистов...

"Если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником" (Лука, гл. 14, ст. 26).

Стих с требованием Христа смокв от еще не плодоносящей смоковницы (не в сезон созревания плодов) общеизвестен, и мы его не приводим. При любом истолковании он отдает намеком на попытку изнасилования несовершеннолетней. Однако нелогичность, абсурдность, противоречие здравому смыслу этого требования (конечно, в прямом истолковании), по-видимому, свидетельствует о том, что этот пассаж скопирован из жизнеописания какого-то действительного бродячего проповедника, вдруг по-человечески на что-то озлобившегося.

29. Голгофа... Такого места в Иудее начала нашей эры не существовало. Оно было вдруг "открыто" только в 326 году. Хорошо, что его "открыли" в одном экземпляре. Ведь одних плащаниц насчитывают более сотни. Сомнителен сам выбор горы. Для чего вообще нужна гора, когда казнь прекрасно можно осуществить и внизу? Не надо подниматься, не надо тащить куда-то тяжелое оснащение. Сказываются языческие привычки изобретателей пи-

сания, воспоминания о различных "лысых горах", где принято было поклоняться идолам.

По текстам евангелий, до распятия мессию никаким особым пыткам, кроме обыкновенной порки, не подвергали. Всевозможные ужасы — позднейшая выдумка. Таксиль сравнивает предполагаемые муки мессии с нечеловеческими пытками, которым подвергала людей пресвятая инквизиция. Сравнение не в пользу сына голубя⁷⁴.

Очень важный текст на табличке, прибитой к распятию, должен быть одинаковым, из буквы в букву у всех евангелистов. Однако этот текст сильно разнится. Слово "Иисус" упоминается только у двух евангелистов, Иоанн добавляет еще и слово "назорей".

Огромная разница и в описании разговоров трех распятых. Марк и Матфей утверждают, что разбойники поносят мессию, как и все остальные. Иоанн о том молчит. Лука, как обычно, рассказывает сказки. У него один из злодеев благословляет мессию, за что мессия ему обещает: "...нынче же будешь со мной в раю".

Есть расхождения между евангелиями в утверждениях о Мариях, присутствующих при казни. Лука о них не упоминает, Марк и Матфей говорят о двух Мариях, Иоанн — о трех.

Во время казни на "Голгофе" в Иерусалиме никак не мог дважды пропеть петух. Таких птиц в этом городе не держали.

Всяческих чудес и бедствий, сопутствующих казни: разорвалась завеса в храме, произошло затмение солнца (Марк, Лука) и землетрясение (Матфей), покойники встали из могил и пошли по дороге к иерусалимскому храму — не могло быть в природе. Ни одной летописи подобное не известно.

⁷⁴ ...а Иисуса, бив, предал на распятие (Марк, гл. 15, ст.15). И били Его по голове тростью, и плевали на Него, и, становясь на колени, кланялись Ему (Марк, гл. 15, ст. 19).

Вернемся к плащанице. Евреев не хоронили в одном куске ткани, их оборачивали множеством узких полосок.

Мессия, как известно, был бальзамирован, то есть выпотрошен (мозг и внутренности при этой процедуре изымают) и заполнен благовониями. Тем не менее, в соответствии с текстом Нового завета этот выпотрошенный воскрес и показался Магдалине. Свидетельства воскресения в разных евангелиях не совпадают. У Матфея воскресший является только Магдалине и апостолам в горах Галилейских. У Марка (фальсифицированного) и Луки мессия является Магдалине, затем ученикам-путникам по дороге в Эммаус, потом повторно этим ученикам и одновременно одиннадцати апостолам за трапезой в Иерусалиме. У Иоанна мессия не является путникам, но показывается только Магдалине и дважды за трапезой в Иерусалиме. При этом во время первой трапезы отсутствует неверующий в воскресение Фома. Во время второй трапезы Фома присутствует и якобы промеряет пальцами отверстия от гвоздей.

Выпотрошенность мессии несколько не препятствует участию его в трапезе. Если у вкушающего яства мессии каким-то образом отросли потроха, то почему тогда не заросли диаметром с толщину пальца Фомы дырки от гвоздей?

Лео Таксиль крайне возмущен тем, что воскресший является только своему обычному окружению, но не иным свидетелям.

30) Ходячему слову разные источники отпускали различные годы жизни: и 30, и 33, и 46. А по мнению Иренея (II век) мессия прожил 50 лет.

31) Понтий Пилат был не прокуратором (правителем) Иудеи, а префектом Иерусалима. Сама должность прокуратора появилась только после ухода Пилата. Евангелисты считают, что в момент

казни мессии первосвященниками Иудеи были Анна и Каиафа. Однако это не так. С 19 по 36 год н. э. первосвященником являлся Иосиф. Аналогично в этот момент в Иерусалиме не было Ирода Антипы (сына Ирода Великого). Все исторические сведения, которые поставляют авторы евангелий, — сборище нелепостей.

Между прочим, Филон Александрийский и Иосиф Флавий, описывая деяния Понтия Пилата, почему-то ни о каком Христе не упоминают. Что? Этот Иошуа был такой мелкой сошкой, что и говорить о нем было излишне? Наиболее же вероятно, что никакого Христа вообще не было.

Филон Александрийский (последняя четверть I века до н. э. — середина I века н. э.) — автор обновленного учения о логосе. Филон Александрийский описал множество иудейских сект, часто бывал в Иудее, но о Христе ничего не знал. О Христе ничего не писал и яростный противник Иосифа Флавия — Юстус Тивериадский. Обошли красноречивым молчанием мессию Плиний Старший (23—79 гг.), Марциал (40—103 гг.), Плутарх (46—120 гг.), Ювенал (60 г. — ок. 140 г.).

Сами богословы-библеисты отреклись от тех "исторических свидетельств", на которые они ранее ссылались: например, не явились свидетельствами общие упоминания о "каких-то христианах" у Тацита (55 — 120 гг.), Плиния Младшего (52 — 114 гг.), Светония (70 — 160 гг.). Так, Тацит, говоря в "Анналах" (116 год) о событиях 64 года (пожар Рима), только вскользь упоминает о неких христианах. Слово "христиане" в 60-е годы вообще не могло употребляться. Названный термин упомянутые историки почерпнули друг у друга и у современных им христиан. Светоний же говорит о некотором человеке по имени "Хрестос" ("Хрест"), который жил в самом городе Рима и подстрекал к бунту чернь... Считают, что имя "Хрестос" было в то время весьма распространенным среди рабов и вольноотпущенников. Данный эпизод Светоний описывал только в 120 году.

32. Попробуем привести примерные рационально-интуитивные вероятности исторического несуществования или существования некоторых персон. В принципе провести частичную верификацию нижеследующего может почти любая социологическая или психологическая лаборатория. И важны здесь не столько методики, сколько нахождение выборки из источниковедов или нейтральных по отношению к данному материалу гуманитариев.

Итак...

Наш мессия	
1) что НЕ был ни в каком виде	90 %
2) что НЕ был в качестве бога	100 %
Мухаммад (что был)	96 %
Лао-цзы (что был)	70 %
Будда (Гаутама; что был)	65 %
Арджуна (Аруна; что был)	55 %
Кришна (что был)	52 %
Зевс (царь, что был)	51 %
Ромул и Рем (что НЕ были)	70 %
Шекспир (что был не только как ростовщик и третьестепенный актер)	35 %
Гомер (что был как автор)	60 %
Фауст (что был)	75 %
Парацельс (что был)	94 %
Евгений Онегин (что НЕ был)	99, 99 %

В данном списке взвешивались, естественно, аргументы как "ЗА", так и "ПРОТИВ". Так отсутст-

вие особых доводов "ПРОТИВ" и предания о могиле на Кипре несколько повысили шансы на существование Зевса в качестве доисторического сельского царя. В пользу Шекспира как автора свидетельствует только одно обстоятельство: наличие в подлинниках мата и орфографических ошибок. Однако мат вполне совместим с иронией и формальной анонимностью вельможных соавторов, а ошибки — с возможной контрафактностью части текстов, тайно записываемых зрителями во время исполнения пьес.

Остается только добавить, что никакого сына голубя не было, нет и не будет, кроме одного — намоленного. Можно намолить не только то, что есть, но и то, чего не было. Да и намаливать не обязательно: выдуманный Пушкиным, никогда не существовавший Евгений Онегин имеет гораздо большее значение (и даже более важную витальность в умах!), чем некогда исторически бывший, но всеми забытый министр.

33. Многие говорят о том, что Иаков — глава секты назореев — историческое лицо. Евсевий ссылается на дневник Иегисифа, где описывается Иаков. Иаков якобы превратился в святого уже во чреве матери, а став назореем, не пил вина, не брал в рот мяса, не стриг волосы, не купался при людях. Целыми днями он молился, его колени напоминали кожу верблюда. Иаков был побит камнями по повелению первосвященника Анании II в 62 году. Этим поступком Анании возмущался даже Иосиф Флавий, а римский император лишил Ананию сана первосвященника.

Реальным лицом был также Иоанн Креститель. Выдумкой являются описанные в евангелиях обстоятельства его смерти, обязанной будто бы просьбе танцовщицы Саломеи. Аналогичные враки — побасенка о том, что, находясь в пустыне, Иоанн питался акридами. Акриды (саранча) не способны пребывать в безводной местности.

Откуда же взялся поручик Кижэ — Иисус? Не фантастическая ли экстраполяция он пророчеств Ветхого завета? Видимо, так. Мы уже говорили о частом некритичном смешении имен: имя "Иаков" довольно распространено, у Иисуса из мифа был брат Иаков — по этим пунктирам, скорее всего, произошло отождествление с Иаковом историческим. Возможно, слово "брат" здесь иносказательно, метафорично. (А в канонической христологии подразумевается исключительно брат двоюродный. Тогда две матери, родные сестры, носят одно и то же имя "Мария". Весьма странно...) Но в любом случае, не Иаков придумал христианство, последнее возникло далеко от Палестины. Не ведающие ни о каком Христе протохристианские секты уже были, оставалось только сплотить их новой идеей или новой легендой. В самой древней части Нового завета — "Апокалипсисе" (если иметь в виду содержательное ядро "Откровения Иоанна Богослова", а не его обрамление) внятных данных о Христе нет⁷⁵. Максимум, что все-таки могло быть на ранних этапах новой религии — переименование Иуды из Галилеи (не путать с Искарриотом!) в Иешуа... Но это — лишь одна из гипотез. В современных молитвенниках в песни царя Соломона беззастенчиво вставлены упоминания о Христе, несмотря на то что в Ветхом завете ничего похожего нет. Аналогично и в Апокалипсисе были сделаны подобные вставки, слово "Агнец" иногда заменено словом "Христос". Что-то похожее, скорее всего, произошло и с соборным посланием Иакова. Образ мессии в этом сочинении не несет какой-то сюжетообразующей нагрузки. Невзирая на особые моральные акценты, окрас послания в основном ветхозаветный.

⁷⁵ Данные матлингвистики еще раз подтверждают тот факт, что "Откровение от Иоанна" и "Евангелие от Иоанна" принадлежат разным авторам. Оба Иоанна, конечно, не могли быть учениками Христа. В отношении автора Апокалипсиса это утверждение абсолютно незыблемо.

Вряд ли такие сложные, насыщенные чуть не наркотическими грезами тексты, как "Апокалипсис", могли надолго объединить заметную часть человечества. Руководителям сект срочно требовались внятные легенды, доступные пониманию многих. Народу не понять, что такое "дух", что такое "идея". Поэтому понадобилось дать ему популярную куклу, а чтобы последняя не валилась и была основательна, как каменный истукан, — прикрепить ее для прочности к крестовине.

Итак. В один прекрасный момент в протохристианских сектах произошло филологическое рождение мессии: вначале говорили о том, что должен делать и чему должен учить мессия, затем о том, что он будет делать и чему будет учить, затем, после отождествления его предполагаемой истории с историями уже бывших многочисленных пророков — о том, что он уже сделал и чему учил. Возникло и отредактировалось несколько центральных легенд. Этот материал стал притягивать к себе возможные подробности и разрастаться (вначале Новый завет существовал только устно). Позже к этим легендам в соответствии с традиционными культами Сирии и Малой Азии приделали концовку с описанием воскресения и сказку о чудесном рождении. Возможно, описанная в Талмуде⁷⁶ Мария, родившая ребенка в хлеву, действительно существовала. Эту Марию бережно перенесли в фольклорно-литературную плоскость, облагородили и причесали под Данаю.

В поздних евангелиях немало выдуманного, присочиненного, благовидоизмененного, но таким выдуманным, изфантастиченным могло быть и раннее евангелие от Марка, тем более что необхо-

⁷⁶ В какой-то степени само христианство можно рассматривать как реакцию недовольных на оформление и закрепление Талмуда (устная талмудическая традиция II—I вв до н. э., письменная — III—V вв н. э.), возникновение синагог в диаспоре, попадание еврейских общин под их власть.

димый материал уже содержался в пророчествах Ветхого завета, в ожиданиях кумранских мессиянитов, части населения Палестины и диаспоры. История возникновения Нового завета — это история испорченного телефона. Тексты евангелий носят яркие черты фальсифицированности.

На землю приходили обыкновенные пророки, но не обещанный Ветхим заветом мессия. Раз мессия не пришел, его пришлось изобрести, вписать в историю, окружить историческими личностями и событиями. Изобретение вышло довольно неуклюжим: строки Ветхого завета, исторические события, бытовые обстоятельства оказались искаженными.

Взрослея, ребенок начинает понимать, что подарки под елку приносит не Дед Мороз, что никакого Карлсона нет. В таком случае можно спросить: "Когда повзрослеет наше человечество?". И вообще в таком случае: "Льзя ли жить на нашей планете?", "Куда мы попали?".

Все-таки стыдно, господа. А особенно тем, кто прикидывается и паразитирует на стадных эмоциях легковерных и гипнабельных. Старый, древний лохотрон. Идеология сменяется коммерцией, а последней годится всякая по́ра для прорастания. Архистрашно подумать, какое количество жрецов, монахов, нищих и блатных две тысячи лет кормилось за счет сказки о распятом. Здесь присутствует и нечто зоологическое, наподобие облегчающей питание и жизнь мимикрии.

Традиция отбеливает, всячески украшает идеологические ловушки, старается привязать их к историческим и этническим корням, но суть их от этого не меняется. А суть эта не только помрачение ума или сон разума, но и неизбежное мошенничество.

Но так ли здесь всё просто? Можно заявить, что наш мессия — это литературный персонаж плюс.

Самое важное содержится как раз в приращении, а оно неопределенно. Это может быть мифическое поле, религиозное поле, "намоленность" и некий не признаваемый наукой "астральный" мир. Таким образом, важно не наличие или отсутствие историчности, а вопрос о статусности и фактической значимости фантомических объектов, вызываемых к жизни сосредоточенностью на них. Этот вопрос и связанный с ним парадокс саморефлексивности — за рамками данной работы.

Нельзя не отметить одного: крест — это Новый идол, всё те же Рога Тельца, но всплывшие с того света, воистину воскресшие... Полумесяц — тем более.

* * *

Вот и закончилась вызванная сторонним давлением (то есть постсоветской религиозной вакханалией) принудительная по написанию данного текста. Каких-то атак со стороны "Слова о полку Игореве", "Книги Велеса" или "Книг Сивиллы" пока еще нет. Возиться со "Словом о полку..." ныне никто не хочет, уже никто не тяготится сомнениями в его подлинности, фактом намеренной перестановки глав, неверно переведенными предложениями, невозможностью плача Ярославны⁷⁷. Допустим, "Книга Велеса" — подделка, но подделка на основе чего? Где источники "Книги Велеса"? Каковы прототипы героев этой книги? Кто бы занялся этими вопросами, на которые нет внятных ответов?

Более всех мессию ждали не греки, а его соотечественники. Героя евангелий за такового они не признали. Сверхфундаменталистски настроенные приверженцы Торы и Талмуда до сих пор уверены в том, что поселяться в Палестине еще рано, что

⁷⁷ Де более правдоподобно именованье "Игориха"...

поселяться там можно только тогда, когда мессия придет на самом деле, а не в мифе...

Миф о распятом вдалбливался в головы людей Среднерусской равнины на протяжении тридцати трех поколений и более. Отсюда можно сделать вывод, что он уже в хромосомах, что изгнать его невозможно, что благодатная почва для пропаганды готова заранее. Поэтому ясно, что обязательно атеистическое ориентирование государственной идеологии. Дышаться будет несколько свободнее.

Всякую конфессию нужно приравнять табаку и водке: эти товары продают, но с ограничениями и предупреждающими надписями Минздрава.

Получилось, что мы очень далеко отошли от темы, поднятой Лео Таксилем. В чем тогда мораль? А в том, что нужно думать головой, а не сердечной мышцей.

О НАШИХ ВЕРВОЛЬФАХ

Можно указать пальчиком на идеологов, которые из марксистов-ленинистов перешли в разряд христианствующих. Но как быть с остальными? Как быть с массой?

Откровенные атеисты как по волшебству стали откровенными верующими. Здесь видится не только конформизм, но и та истина, что в одном теле — много персон. Конкретная персона начинает доминировать тогда, когда у нее появляется возможность как-то высунуться наружу. Непризванные в данный момент персоны ныряют в нети или там остаются изначально.

Особая проблема — философы. Философ, причисляющий себя к адептам какой-то мировой религии — уже не философ, а теолог или, реже, малообразимая смесь одного с другим. Быть верующим дозволено ученому, но не философу. В основном, религии — это массовое искусство, ширпотреб. Мыслящему человеку они не подходят. Конечно, могут привести в пример святых и подвижников или теоретиков конфессии: не все могут быть такими. Однако не все могут быть и рок-звездами, ди-джеями или конферансье.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

(гуманитарный аспект, сообщество)

Краткие принципы. Примечания к проекту.

*) Другие основания философии и мировоззрения в целом.

Святыми от философии могут считаться только два человека: Зенон Элейский и Декарт; "блаженными" от нее: — Парменид, Пиррон, Секст Эмпирик, Беркли и Юм.

Мы должны сомневаться в том, что существуем.

*) Другая эстетика

Лучшее искусство — искусство оторванное от человеческой биологии и социума, универсальное, которое может понадобиться и гипотетическим "марсианам", будь у них такие же границы восприятия, как и у человека. Огрубленно-упрощенно-предварительно можно сформулировать кредо: "Нечеловеческое содержание при форме подачи потенциально максимально адекватной человеку", а уже после этой формулировки — подвергать ревизии, релятивировать представления о "содержа-

нии" и "форме", о неготовности большинства людей к "новому" и пр.

Наиболее весомыми признаются:

нефигуративная живопись (абстракционизм, неосюрреализм); <Представим иное. Вот мой обычный пример. Пусть некие разумные тараканы создали свой Эрмитаж. На картинах тараканов-"реалистов" мы бы увидели тараканьи усики, тараканьи зады и жанровые тараканьи сценки. Подобное искусство могло бы заинтересовать среди множества людей разве что энтомологов. Но кое-что из увеличенных нефигуративных картин тараканов-модернистов привлекало бы внимание многих>;

музыка без слов и применения ударных инструментов, находящаяся на стыке старого гармонического принципа организации и нового внегармонического, нашедшая общий знаменатель между усложнением и минимализмом, "показом-разворачиванием" и медитацией; в идеале музыка — высшее искусство, но в действительности она выявляет себя образом дикарским и примитивным, попросту демонстрирует устройство инструментов, умноженные сами на себя заведомо порочные приемы и традиции;

поэзия, промежуточная между классическим стихом и верлибром, не имеющая социального и биологического содержания (пик), маловероятны шедевры поэзии, содержащие более десяти строк;

лучшие жанры прозы — малые, точнее — средние, за рамками повести: например, рассказ-микророман; у прозы два предела: отсутствие персонажей и балансирование на грани поэзии;

кино и видео, театр — это то, чего еще нет в предельном виде; на острие невозможны актеры и их имитации; Тарковский снимал вещи на три по-

рядка лучше, чем людей, а многих ли мы знаем тех, кто не снимал и вещей? Современный театр и кино — явления больше физиологические, чем эстетические. Идеал видеоряда — движущийся "Кандинский". Кто видел такой, пусть, трехминутный фильм?

*) Пока АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ — только рафинированная часть обычной; попытки выделиться: фаланстеры, палатки, самостоятельные поселки создадут только бивачно-казарменное болото, находишься они даже на другой планете.

*) Религия не должна быть делом коллективным; если кому-то самообман обостряет интуицию — на здоровье, но не надо при этом обманывать других; в далеком будущем можно представить себе монастыри для атеистов, а еще в более далеком — "бистыри".

*) Наука изучает себя и собственные картины мира, а не реальность. В науке содержится будущая польза, в ней почти нет мировоззрения.

*) Однако знание реальности никогда не даст ощутимой пользы. Чем это доказать? А тем, что "дисциплина", изучающая реальность — философия, еще не создана; в противном случае за пользой давно бы погнались; отсутствие и отдаленной, даже отодвинутой в будущее пользы — в этом разница между философией и наукой; человек достаточно умен, чтобы научиться философствовать, но пока он этому не учился и как будто не собирается этого делать.

ПРЕДДВЕРИЯ ФИЛОСОФИИ

Введения в философию, вообще говоря, не являются самой философией. Они вынуждены и приводятся в связи с отсутствием у многих необходимых для философствования сосредоточений. Каждое из введений представляет собой своего рода ступень, трамплин для оборачивания сознания к собственно философии, превращения философии в функцию сознания. К сожалению, все эти ступени разрозненны и не образуют единой лестницы.

Я встречал немало людей, которые тот или иной этап давно прошли, а иногда таких, которым многое и так ясно, причем на самом деле. Тем не менее большинство так называемых интеллигентов о ступенях-этапах ничего не ведают.

Иногда люди, совершенно далекие от философии, над предлагаемыми ниже проблемами много раз задумывались, решили для себя так или иначе многие из этих проблем, либо склонились к агностицизму и (либо) скептицизму, а есть профессора философии, которые механически сдали необходимые экзамены, прошли нужные курсы, защитили диссертации, сосредоточились на модных или престижных вопросах, но до введений в философию лично для себя так и не дошли. В этом нет ничего удивительного: преподаватель философии — это еще не философ. В принципе можно вообразить пусть не выдающегося, но относительно хорошего преподавателя рисования или живописи,

который сам рисовать или писать маслом не умеет по какой-то сторонней, скажем, чисто физиологической причине или инвалидности.

Рассматриваемые ниже схемы, условия, ситуации, конечно, важны и в качестве объектов медитаций: медитация может усилить внимание и сосредоточенность, изменить направление мыслей. Но обычной медитации мало. Требуемую нам активную интеллектуальную медитацию назовем логацией. Почти любая логация требует времени, самомышления. Далеко не все могут постичь ее суть при первом же обращении к ней.

Я решил не систематизировать логации по группам. Они даны в той последовательности, в какой пришли мне в голову при написании "Преддверий". Возможно, такой порядок даст разнообразие и спасет читающего от излишнего утомления.

При написании "Преддверий" я сознательно не заглядывал в ранее написанные мной книги, а также в произведения других авторов. Вследствие этого немало ценного было потеряно. Однако цель настоящей работы — облегчить читающему дальнейшее проникновение в философию. А мое заглядывание во вспомогательные тексты сделало бы "Преддверия" слишком громоздкими, затруднительными для чтения.

Правильнее было бы назвать большинство из приводимых введений **ДОВЕДЕНИЯМИ ДО ФИЛОСОФИИ**. Сами они в основной массе внефилософски, они — всего только беллетристика, именно преддверия к собственно философии.

1. ПРЕДМЕТЫ НАХОДЯТСЯ НЕ ТАМ, ГДЕ ОНИ ВИДЯТСЯ

Почти все знают устройство фотоаппарата и человеческого глаза. Так, уменьшенное перевернутое изображение видимого предмета находится на сетчатке глаза человека. Мозаика электрических потенциалов, иногда напоминающая видимый глазом предмет, есть в мозгу. Тем самым, с точки зрения обычной науки, человек имеет контакт только с двумерными изображениями на слегка вогнутой поверхности. Его так называемое трехмерное виденье — призрачно.

Представьте двумерное изображение объекта на сетчатке глаза или в мозгу, сравните его с тем, что видите. Вот объект для размышлений тем, кто раньше над этим задумывался недостаточно.

Видимый мир вокруг вас — фантомен. Это нормальная иллюзия, мнимое изображение. Естественно, размышлять на тему, что представляет собой окружающий мир "на самом деле", пока еще рано. Изобретение Джотто (способ изображения перспективы на плоскости) легло на заранее подготовленную почву. Подделку объемности, какую нам дает художник, многие миллионы лет уже делало зрение живых существ.

2. ТРАВА НЕ ЗЕЛЕНА

Всякий физик знает: видимые человеком цвета соответствуют различным длинам волн света, различной частоте колебаний световых волн. Сама длина волны света или частота их колебаний никакого цвета не имеет. Цвет — свойство не предмета, а зрения, своего рода знак.

Теперь забудем о физике. Разные живые существа видят одни и те же предметы в разных цветах.

Тесты и другие исследования показывают, что коровы видят красные для человека предметы — синими. А для лягушек самый зеленый цвет — это тот, который человеку кажется красным. Были даже поставлены эксперименты, в которых самцы лягушек в брачный период с большей охотой спаривались с красными мыльницами, а не со своими самками.

Вспомним, что многие хищные животные имеют только черно-белое зрение, как, например, собаки.

Среди нас живут дальтоники, которые воспринимают цвета иначе, чем обычные люди. Кто-то заявит, де судить по дальтоникам нельзя, поскольку у дальтоников ненормальное зрение. Тем самым он себя выдаст. Выходит опять, зрение и определяет цвет предметов в соответствии со своим устройством.

3. ИЛЛЮЗИЯ — ВСЁ ТО, ЧТО НАМ ДАНО

Время на самом деле не является временем. Оно — маска иного.

Можно сделать и другие не менее интересных заявления при внимательном рассмотрении следующих довольно известных данных.

При электрическом раздражении височных долей коры головного мозга полностью восстанавливаются прежние, в том числе очень отдаленные во времени восприятия, то есть восстанавливается вся бывшая в некоторый момент обстановка, а сам человек видит себя таким, каким он был в той обстановке, и в течение определенного периода начинает заново отсчитывать время от того момента, в котором оказался. Внешне (то есть для внешних наблюдателей) человек будет пытаться себя вести так, как он вел себя в восстановленной обстановке, иногда довольно карикатурно. Сам же, изнутри се-

бя самого, он будет полностью погружен в восставленный кусок своего прошлого, будет проходить его заново.

Этот пассаж говорит нам прежде всего: нельзя обманываться всем тем, что мы видим и чувствуем. И о многом другом, о чем следует подумать.

4. О НАИВНЫХ КЛАССИФИКАЦИЯХ И НАИВНОМ РЕАЛИЗМЕ

Мыслителей было принято делить на материалистов и спиритуалистов. Материалисты де главным и первичным считают материю, а спиритуалисты — дух.

Спиритуалисты на поверку оказываются материалистами. Для того чтобы быть материалистом, уже достаточно признать существование материи. Большинство спиритуалистов ее существование признают. А далее они оставляют нам одни декларации. "Где же вы видите материю?" — можно спросить у спиритуалистов. Увы, они покажут на нее руками. А ведь всё, что дано человеку, это психические образы, а не материя.

Материалисты бывают двух родов. Одни, как и спиритуалисты, будут показывать руками, то есть указывать на свою же психику, а не на материю. Другие материалисты откажутся от такой наивности, прибегнут к абстракции, и одну из абстракций или идей назовут материей, то есть отождествят материю и идею и тем самым проявят себя идеалистами, то есть почти теми же спиритуалистами.

5. АБСУРДНОСТЬ ПРЕДМЕТОВ, КОТОРЫЕ МЫ ВИДИМ ВОКРУГ СЕБЯ

"Тела-предметы" никак не могут быть сплошными, а мы видим их сплошными. Мы не видим атомов и молекул, а раз мы не видим атомов и молекул, значит, не видим собственно физическую реальность. Перед нами одни муляжи, подделки.

6. А МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ФИЗИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Считают, что элементарные частицы объединяются в атом благодаря движениям мезонов. Предположим, это так. В некоторые малые промежутки времени мезоны еще не завершили свои орбиты, а значит, не объединили разрозненные частицы в один атом. Атомов в этот промежуток времени нет, значит, нет и макрообъектов.

Пусть элементарные частицы объединяются в атом не благодаря мезонам, а вследствие иной причины. Но для действия этой причины понадобится определенный промежуток времени, а поэтому в меньший промежуток времени атомы существовать не будут.

7. ПАРАДОКС УРОВНЕЙ

Рассуждение А. Реальный мир — это мир, а не микромир и не гигамир. Это все вместе. Если мы отказываемся от одного — другое как бы заламывается, лишается основания снизу или сверху.

Рассуждение Б. Все вместе быть не может. Микромир не вкладывается в гигамир. Либо одно, либо другое оказывается ложным. (В частности оттого, что макроструктура — это бельмо памяти, в меньшие промежутки времени она исчезает — см. предыдущий пункт.)

Рассуждение В. Аналогичные противоречия возникли бы, рассматривая мы не два, а большее количество уровней.

8. ВЕНТИЛЯТОР

Видимая нами размытая масса, образуемая вращающимися лопастями вентилятора, — это наглядная пародия на все видимые нами предметы. Все видимое будто бы образовано движением...

Макромир, который нам дан, — следствие нашего несовершенства, он ложен. Однако микромир и гигамир также являются ложью, ибо они фактически представляют собой не что иное, как все тот же макромир, только условно перетасованный, видоизмененный. "Миры" субъективное сознание строит чаще всего по образцу наглядного зрительного мира.

9. ВИЗИР

Как отличить среду зрительных представлений от сред интеллектуальных представлений? Среда зрительных представлений существует перед нами, она накладывается на среду обычных зрительных образов, то есть на ту среду, какую мы видим глазами.

Однако во многих случаях все-таки возникает путаница между зрительными и чисто интеллектуальными представлениями. Чтобы этого избежать, нужно изготовить в представлении крестообразный визир и двигать его как по видимым, так и по воображаемым предметам. Сам этот визир зритель, а не умствен. Соответственно он может совмещаться с видимыми или представляемыми предметами.

Для совершенствования способностей к интроспекции необходимы различные упражнения с та-

ким визиром. Это, например, попытки постановки визира на близкие и удаленные предметы (в том числе на предметы у горизонта), а также внутрь предметов, на поверхность своего "тела", внутрь "тела".

Знаки неверного подхода к интроспекции: вы смогли вдруг поставить визир внутрь массивных непрозрачных предметов или внутрь своего "тела", например, внутрь головы.

10. ОЗАРЕНИЯ

Сложнее всего описывать интеллектуальные озарения. Проще — те, которые вызваны пейзажами, ландшафтами, искусством. Главное в озарениях не предмет, которым они вызваны, а они сами.

Наиболее известно описание озарения, данное в рассказе Глеба Успенского "Выпрямила". Некоторое общее представление о них можно получить в исповедальных сообщениях Августина, Паскаля, Льва Толстого. Существуют бытовые озарения, именуемые словами "оргазм" и "предчувствие оргазма".

Далеко не все озарения подталкивают мыслительное производство в новую сторону, но многие из них способны на это. Часто озарения истолковываются тем, кто их испытал, ошибочно. Так, мыслительные выводы, сделанные Августином, Паскалем, Толстым были неверны. Этих людей сковала инерция, привычка мыслить по заведомо данному обществом шаблону.

Ощущение кажимости присутствия высшей силы вовсе не означает присутствия высшей силы. Поворот событий к лучшему или худшему вовсе не означает эффективности каких-то ритуальных действий или поступков. Между тем всё это нечто означает. Что именно означает приблизившееся к нам необычное — еще нужно изучать.

И все-таки нас больше интересуют такие особые восприятия, которые могут быть сравнительно воспроизводимыми, могут быть свойственны не только одному человеку, но и достаточно большой группе людей (пусть не всему человечеству).

Характер особых ощущений зависит от психологического типа личности, а вернее, от типа восприятия. Условно можно выделить несколько планов восприятия. На первых планах человеку даются отдельные непосредственные вещи, на следующих — отношения между вещами, мысли, эмоции, на третьих — менее связанные с вещами мысли и более тонкие эмоции. На четвертых — такие мысли и чувства, которые невозможно описать словами и т. д. Мы дали только общую схему, без особых уточнений. Важно то, что для различных типов человеческого восприятия характерны преимущественные сосредоточения на разных планах восприятия. А у отдельных типов людей некоторых дальних или каких-то средних планов восприятия нет вообще: они либо выпали, либо еще не образовались.

Явление многих нетривиальных восприятий или сосредоточенность на них, или их адекватное истолкование для некоторых психотипов невозможны. Только резкие изменения сознания (появление так называемого "измененного сознания") дает здесь какое-то подобие общего знаменателя.

Лев Толстой слишком поздно стал задумываться над мировоззренческими проблемами. В молодости он был великим конформистом, яростным апологетом привычек светского общества, условности которых не понимал. Стремление к подражанию, к поиску объектов подражания у него сохранилось и в позднем возрасте. Размышления о смысле жизни, самостоятельное мышление давались ему с великим трудом, хотя чрезвычайно требовались. Испытывая огромную потребность мыслить, имея порыв к тонкой мыслительной области, именно в ней он испытывал кризис, ибо его сосредоточения были только на ближних планах мышления. Непо-

воротливые мысли Толстого о дальних планах сознания можно уподобить кирпичам.

Блез Паскаль имел дефекты в ближних эмоциональных планах, а особенно в волевых планах, зато ему легко давались дальние планы мысли и чувств. Мысли Паскаля можно уподобить пуху, который легко взлетает и уносится. Его мысли о высших материях были неуправляемы, спонтанны. Поэтому он не мог отнестись к своим озарениям критически.

Приведем примеры людей, которые могли более или менее преодолевать недостатки своего восприятия. Наиболее легкий случай — Достоевский. От природы он, подобно Диккенсу, обладал очень вязким эпилептоидным мышлением, для него была характерна "умственная жвачка". Однако в отличие от Диккенса Достоевский был не только эпилептоидом, но и эпилептиком. Поэтому время от времени он находился в состоянии "ауры" (здесь этот термин прямым образом относится вначале к области психиатрии и лишь потом к чему-то иному). Во время этого состояния он испытывал не только мистические ощущения. К нему, как ни странно, в этот момент приходили и типично шизофреноидные идеи, компенсирующие текстуальную жвачку, украшающие ее определенными художественными центрами. И наоборот, шизофреноиды Фрейд и Андерсен, сосредоточенные на дальних планах сознания, невольно возвращались к средним планам благодаря массивности и накалу своих интеллектуальных и художественных построений.

Что дают необычные чувства? Считается, они сопровождают вдохновение. Мы утверждаем: сами они гораздо важнее вдохновения. Если обычные человеческие ощущения частны, дифференцированы, структурны, то особые ощущения-чувства общи, почти бесструктурны, тоничны, интегративны. Если структурные ощущения несут информацию, то бесструктурные — феномен ей прямо про-

тивоположный, всякую информацию отменяющий. Они как бы глубинная данность — антиинформация, иррациональное. Целая область бесструктурных ощущений делится на положительные и отрицательные (оказываются реактивными). Если обычные ощущения дают смысл-значение, то бесструктурные — сверхсмысл. Сверхсмысл либо отменяет целый пласт смыслов, либо оказывается дорогой к новому их пласту. Кроме того, существует третья область бесструктурных ощущений — волевые ощущения. Если в структурных ощущениях волевое начало только слабо разлито, почти незаметно, то в собственно бесструктурных ощущениях этой группы оно дается в виде концентрированного импульса. Бесструктурные ощущения могут быть либо смешанными, универсальными, либо четко определенными по области и являться либо реактивными (например, эмоции), либо смысловыми, либо волевыми. Субъекта-психонавта можно сравнить с космонавтом. Структурные ощущения — для него рядовые приборы, дающие косвенный взгляд на мир, а бесструктурные — оказываются прямыми иллюминаторами. Эти иллюминаторы могут быть как ординарными (например, обычные эмоции), так и особыми, надмирными.

11. ГЕРДА И КАЙ

Кроме деления по психологическим типам восприятия есть деление более фундаментальное. Частично в нем суммируются, подытоживаются данные по психотипам. В этом делении есть человек типа "Герда" и человек типа "Кай". У Герды внутренний мир более резко делится на "сознательное" и "неосознанное". Человек типа "Герда" может лгать себе и другим, но ложь им воспринимается как правда; он может совершить так называемый неблагоприятный поступок благодаря избирательным провалам в памяти. Кай — мутация, это новая генерация людей. Совершая неблагоприятный

поступок, он сознает его неблагоприятность, прекрасно обходится без защитного забвения. Очевидно, некоторые герои Достоевского — это неудачный проект, малопригодные к реализации, полному воплощению, короткоживущие промежуточные частицы на пути к превращению в каев. Суть заключается не в том, чтобы совершать негативное, но в том, чтобы не прятать при каждом сомнительном случае голову в песок, избегать таким образом мировоззренческих провалов. Нет сомнения в том, что так называемый кристально честный человек является худшим из лгунов. Он подетски упорно не видит ту свою ложь, какая вполне отчетлива для окружающих. Человек типа "Герда" живет категориями "любит — не любит", склонен видеть во всем боженьку; человек типа "Кай" еще трижды в этом усомнится. Герды во много раз чаще превращаются в алкоголиков и наркоманов, чем кай.

12. СТРАННЫЕ ОБЪЕКТЫ

А. Виденье собственной "души".

Иногда человек в состоянии сна или в другом состоянии, похожем на сон, видит объект похожий на движущуюся шаровую молнию или летящее пламя. В большинстве случаев он отождествляет этот объект с самим собой или с частью себя. Мы не будем никак его обозначать. И все-таки если это плазменное облачко есть центральная часть человека, неизбежны парадоксы, противоречия. Каким образом это облачко видит себя со стороны? Аналогичный вопрос можно задать, если так называемая "центральная часть" имеет форму оставшегося лежать "тела", является как бы фантомом "тела".

Б. Вылетевшая из "тела" центральная часть, независимо от своей облеченности (бесплотное "ничто", "огонек", фантом), может увидеть оставшееся лежать "тело". Спрашивается, каким образом

она может его увидеть, если глаза остались в "теле"?

Иногда центральная часть ощущает сама себя, а оставшееся лежать "тело" она воспринимает якобы извне только зрительно как нечто свое-чужое. Каким образом всё это происходит? Или все это — самообман, или — мир устроен вовсе не так, как нам о нем говорят обыденность и наука.

В. Часто представляют, что вылетевший из тела "дух-центр" способен увидеть то, что будто бы неспособно увидеть лежащее тело, например, рассмотреть предметы за ширмой или перегородкой, прочитать предложение в лежащей на столе открытой книге, запомнить номер страницы на ней и др. Какие-то самообманы можно видеть и здесь, но не слишком ли этих самообманов много?

Г. Сообщают о стандартных видениях человека в состоянии клинической смерти (разматывание "клубка" памяти, как киноленты, в обратном порядке; полет через туннель; виденье огненного шарообразного существа и пр.).

Все перечисленное настолько противоречиво, настолько размывается скепсисом, что возникает мысль о мёртве, замаскированном мытарстве. Некие скрытые явления настолько нежелательны для сознания, что оно трансформирует их в те или иные стандартные формы, в некое кино сознания.

Однако мы не занимаемся здесь экстрасенсорикой. Для нас куда важнее дальнейший шаг в наших выводах. Мёртвом, трансформацией в таком случае оказывается и все виденное нами в обыденном сознании.

13. САМОМЫШЛЕНИЕ. ОТКАЗ ОТ СТАДНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Человек находится во власти различных стадных импульсов и верований.

Приведем описания типичного опыта по исследованию конформизма.

Создают группу из 8 человек, совместно работающих и якобы проходящих тестирование. В действительности тестируется только один человек. Все остальные — "подсадные утки", которые совершают заведомо неверные действия, намеренно неправильно решают задачи. О своих решениях и приемах каждая "подсадная утка" время от времени сообщает вслух или каким-то иным образом оповещает других. Под неявным давлением коллектива человек, над которым производят эксперимент, начинает сомневаться в себе; он меняет свои верные установки и решения на неверные. Надо сказать, что большинство подопытных оказываются конформистами.

Именно на стадном чувстве основаны почти все мировоззрения и религии. Философия несовместима с верой в догматы, сакральные тексты и "внутренний голос". Как показало описание опыта, люди в массе своей легковерны и не способны к самостоятельному мышлению, то есть самомышлению. Однако самомышление — только начальный, самый легкий этап. За ним следует этап управления своими чувствами, а затем — этап управления своей волей. Всё это требует выхода за пределы органической и стадной инерции, определенной свободы от воле-чувственной индукции со стороны окружающих.

14. ФЕНОМЕНЫ ИЗОЛЯЦИИ

Различные виды изоляции человека от обычного окружения и обычных раздражителей вообще могут привести к интересным результатам. Можно привести в пример необитаемый остров, пещеру, подземелье, башню молчания. Иногда частичной сенсорной депривации достигают путем погружения в ванну с температурой примерно 34 °С (нужен термостат) в темном помещении в условиях звукоизоляции (например, с применением противозвучных наушников, затычек-берушей).

В результате подобных экспериментов у человека изменяется чувство времени, а отдельные субъекты при этом предаются беседам с космосом и даже с различными фантастическими существами. В зависимости от образования, воспитания и веры — это могут быть космические пришельцы, ангелы, демоны.

В данной ситуации человек с не критичным мышлением может вообразить себя пророком. Дело здесь заключается не в самих "подарочках свыше", а в их интерпретации. Трезво говорить об измененных состояниях сознания без их критики невозможно.

15. ПРИНЦИП СОМНЕНИЯ

Для начальных и центральных ядер философского изложения не существует науки, в том числе никаких физических, исторических, географических знаний. Подобные знания могут быть использованы только в предварительном тренинге или в приложениях философии. Реже предварительные знания связаны с озадачиванием.

Начиная философствование или размышляя над кардинальными философскими проблемами, всякий мыслящий должен отвлечься от того опыта, который им был накоплен и должен считать его или балластом, или, по крайней мере, относить его

к тому, что подлежит обязательной перепроверке, переоценке.

16. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ВЕЧНОЕ ПОВТОРЕНИЕ (Рекомендую дочитать главку до конца)

Всякое предыдущее состояние мира определяет последующее. Следовательно, весьма отдаленное состояние или даже самое первое состояние мира определяет все последующие, в том числе и его последнее состояние, если такое существует.

Речь идет о связи состояние — состояние, а не только о принципе причинности. (Один из вариантов последнего — детерминизм в лапласовском духе.)

Для подавляющего большинства естественно-научных схем времени мир является предопределенным. Мир будет предопределенным и при наличии в природе индетерминистичных факторов. К тому ведет не просто причинность, а закон достаточного основания. Кроме того, модель четырехмерного пространственно-временного континуума, в которой время заведомо осуществлено, вполне однозначно проводит принцип предопределенности.

Все существующее фатально. Надо заметить, что фатальность не имеет никакого отношения к вопросу о "свободе воли". Антонимом фатального является нефатальное, а антонимом свободы — несвобода. Это разные ряды. Носителем фатальности может быть не только камень, упавший с неба, но и усилия или их отсутствие, действия или их отсутствие, решения самого человека или их отсутствие. Все это — агенты фатальности.

Поскольку бесконечность — только фантастическая идея, и ее реально не существует, число элементарных кирпичиков вселенной, например

кварков, ограничено. Число комбинаций этих "кварков", а затем элементарных частиц и так далее тоже ограничено. Следовательно, рано или поздно число комбинаций элементарных кирпичиков будет исчерпано, и появится такое состояние мира, которое прежде уже было. Это преждебывшее состояние мира вызовет то состояние, какое когда-то было за ним. Таким образом, весь мир повторится полностью вплоть до деталей. Для этого не нужно даже исчерпания всех комбинаций его элементов. Достаточно образования той комбинации, какая уже была.

Все перечисленное выглядит очень хорошо и приятно. Осознание того, что всё это хорошо и приятно, доходит далеко не всегда и не до каждого, а потому перечисленные в данном пункте рассуждения — отличный тренинг для выработки философского взгляда на мир, порывания со стихийным обыденным мировоззрением.

В натурфилософских моделях мира получается именно так, как мы описали. От глубинной метафизики эти модели довольно далеки, хотя ей не противоречат. Дело в том, что в метафизической перспективе горизонты натурфилософские меркнут и растворяются. Например, высказывание о том, какой этот мир есть, вполне поглощается высказыванием, что мира не существует. Аналогично обстоит и с вопросом о конечности и бесконечности. Разумеется, мир обыденный и мир, описываемый науками, бесконечным быть не может. Однако для объективного мира, описываемого философией, понятия бесконечности и конечности не имеют никакого смысла, ибо понятия "размер", "длина" и "число" не онтологичны. Они позаимствованы из обыденных и научных полаганий.

17. ДЕЛЕЖ

Не кажется ли вам, что высказывание "Мир был всегда" совершенно абсурдно?

Не кажется ли вам, что высказывание "Мир имеет начало во времени" ничуть не менее абсурдно?

Все это можно пояснить. Говоря о конечности или бесконечности мира, мы фактически говорим не о мире, а о способах его дележа. Наши представления о пространстве и времени уже являются дележом.

18. ОПАСНОСТИ АБСТРАКТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Принято считать, что философия оперирует абстракциями, а ее предмет — некие наиболее общие закономерности. Это вовсе не так. К абстрактному вырождению философия пришла, в основном, благодаря немецким мыслителям, а отчасти благодаря афинской философской школе. Однако философия, хотя и несколько сходна с математикой, не должна в нее превращаться. Стереотипное математическое рядоположение представлений пригодно далеко не всегда. Философия не бухгалтерия. Игра в категории, наиболее общие понятия совершенно бесплодна. Если требуется упражнение для ума, то, пожалуйста, можно поиграть в рядоположение терминов, почертить схемы и таблицы, но делать такое занятие главным бесперспективно. Иерархии абстрактных понятий, как бы они ни были стройны, именно в философии никак не корректируются, оказываются оторванными от действительности.

Имея какое-либо философское рассуждение, мы всегда должны представлять конкретную вещь, которая за ним стоит, или хотя бы иметь его соотнесение с нашими видениями и чувствами.

Нельзя без какой-либо достаточной причины переносить явление из одной субъективной среды в другую субъективную или отсубъективную среду (созданную на основании субъективного).

Феноменальное не надо делать идеальным. Так, сложность, соединенность, "плюс" в субъективной реальности дается как свершившийся факт. Эта и другие феноменологические операции или отношения не требуют для себя аксиоматического введения. Такое было бы попросту смешно. Иначе говоря, нельзя феноменальное превращать в трансцендентальное. Таковым оно не является.

Наши ошибки в большинстве случаев проистекают не из явлений в субъективных средах, а из неверной интерпретации этих явлений.

19. ЧТО РЕАЛЬНО, ЧТО ИДЕАЛЬНО?

Подлинные противоположности именно — реальное и идеальное, а не материальное и идеальное. Пример реального: всё непосредственно существующее в здесь-теперь-так. Идеальное, в отличие от реального, является фикцией, его нет. Идеальное — это искусственно полагаемое. В силу психологической инерции идеальное могут полагать и стихийно. Реальное существует независимо от того, полагают его или нет. Поскольку оформленная мысль о чем-то определенном предстоит нам в конкретном здесь-теперь, предстоит непосредственно, она является реальной, а не идеальной.

Особенно сложен подход к тому реальному, которое не есть здесь-теперь-так и не дается в сознании настоящего. Выясняется, что это реальное чрезвычайно узко. Для нас его почти нет, невзирая на всю его важность. Отсюда понятно, почему человек и человечество утонули в искусственно-выдуманном мире.

20. ЧЕМ НЕ ДОЛЖНА ЗАНИМАТЬСЯ ФИЛОСОФИЯ?

Областью философии является реальность. Реальное — предмет философии. Поэтому предметы большинства человеческих полаганий находятся за пределами философии.

Учения многих немецких и современных французских философов в основной своей массе выпадают из пределов философии. Их предмет — или абстракции, или различного рода навязанное псевдосуществование. Вырожденными оказались не только абстракции, но и экзистенции. Экзистенции (жизненно-эмоциональные полагания-творения; у нас это были "родина-мать", "сыра земля", "рай" и др.) превращаются философами в фикции.

21. СОЗНАНИЯ-ВОСПРИЯТИЯ-ОЩУЩЕНИЯ- ЧУВСТВА

С античных времен существует традиция делить субъективные феномены на ощущения, представления, мысли, чувства, считать восприятие более общим феноменом, чем ощущение, а сознание еще более общим. Можно однако задаться вопросом: "Насколько это справедливо?" Какой-то пропасти между всем перечисленным нет. Всё оно родственно.

Перечисленному чужды только идеи. Идеи всегда содержат в себе явный или скрытый абсурд (линия, не имеющая толщины), их заведомо нет, они понарошку. Идеи не являются феноменами, они идеальны. Мысли, чувства, ощущения — феноменальны, реальны, не идеальны.

Возьмем мысли. Мысли есть везде. Большинство мыслей никак не связаны со словами. Если мы видим ветку дерева, то одновременно автоматически осмысливаем это виденье. Видеть что-либо без мысли невозможно, ибо мысль и подает нам то,

что мы видим. Подобные мысли, подобные смыслы можно назвать разлитыми, растворенными. Однако есть и концентрированные мысли без слов. Эти мысли относят к предметному мышлению. Они могут выражать отношения между предметами.

Мысль "Взять книгу и перенести ее" может существовать и без книги. Как и где она существует? Она существует в виде импульсов, а если мы оформляем еще эту мысль внутренним произнесением, этих импульсов становится больше. Мы можем даже иметь облако мысли. Мысль незримо присутствует. Пусть она не имеет цвета, определенного размера, она протяженна, иногда расплеснута. У каждого человека мысль выражается весьма индивидуально, но ее сердцевина, ее каркасный смысл — один и тот же во всех явлениях одной и той же мысли. Мысль точна и одновременно приблизительна. Как правило, мы не обращаем никакого внимания на тело мысли, перестаем его замечать. Как мы уже отмечали, телом мысли могут быть не только слова.

Мысль есть восприятие-ощущение смысла. Если бы мысль не воспринималась, не ощущалась, ее бы не было. Аналогично чувства суть также восприятия, ощущения.

Деления феноменов на восприятия и ощущения — нелепая условность. Принято относить слово "ощущение" только к отдельному свойству, качеству. Это неверно. В выделенном виде перед нами нет отдельных свойств, качеств. А речь-то идет о феноменах! Не о физике и химии идет речь! Абстракции здесь не нужны.

Возьмем теперь сознание. Его можно делить на общее и частное. Общее сознание — это совокупность всех феноменов в настоящем локусе времени. Отдельных сознаний — тьмы. Это сознания-ощущения-восприятия. Ничто не может нам казаться видимым, то есть видеться, если оно не осознается. Бессознательных ощущений не существует, что бы ни твердил нам психоанализ. Но и

утверждать, что не существует сознаний без памяти (быстро забываемых сознаний) или скрытых сознаний, мы не беремся. Кроме того, нельзя отождествлять слово "раздражение" с любым словом, обозначающим феномен.

22. ПСИХОФИЗИЧЕСКИЙ (ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС)

Предположим, за явление сознания-ощущения ответствен мозг, что он творит его. Однако о самом мозге мы знаем только по сознаниям-ощущениям. Все умозаключения о мозге производятся на основании сознаний-ощущений. Возникает порочный круг.

Кроме того, физические или физиологические процессы не могут быть представлены трансформированными в явление ощущения-осознания, то есть физическое, физиологическое не может благодаря какому-то волшебству вдруг стать сознанием-ощущением. Мы имеем здесь непреодолимый барьер.

Этот парадокс будет более явным, если сосредоточиться на мысли о том, что сознание-ощущение вовсе не идеально, что оно не имеет никакого отношения к "миру идей".

23. ПАРАДОКС ОЦЕНЕННОСТИ

Если мозг и сознание действительно существуют, то кроме обычного психофизиологического парадокса они дают и парадокс оцененности.

Для человека есть плюсы и минусы, его сознание поляризовано, одно для него хорошо, другое — плохо. Однако уму-сознанию или сознанию-ощущению (боль, радость) совершенно всё равно, имеет ли оно дело с "плюсом" или "минусом". (Чтобы вполне это понять и надо быть философом! Ведь приятное и неприятное — всего лишь знаки, пра-

язык!) Предполагается, ценности сознания — это трансформированные ценности организма, видоизмененные инстинкты. Однако организм функционирует в соответствии с принципами равновесия, гомеостазом. Plusов и минусов для организма нет: смерть так смерть, жизнь так жизнь — все машиноподобно. Гомеостаз организма сталкивает причину оцененности на сознание, а сознание — на гомеостаз.

Мы заостряем внимание на самом парадоксе, но не на предположительных докапываниях до чего-либо, до разности этнических установок. Для разных народов, разных мировоззрений смерть и жизнь оцениваются по-разному. Возьмем иные примеры: эстетическую ценность или ценность особого реактивного ощущения (таинственность, очарованность, грандиозность). Второй пример (собственно реактивное ощущение) даже удобнее, он менее относителен. Отношение субъективное сознание — организм здесь как бы подменяется отношением субъективное сознание — мир. Парадокса можно избежать только тогда, когда окажется, что мир этот — вовсе не мир естественных и точных наук, что это не мир философии природы (натурфилософии).

24. ГДЕ НАХОДИТСЯ МНОГОСТРАНИЧНЫЙ ТЕКСТ?

Действительно, где находится текст? Получается, что нигде не находится. Было бы наивно отождествлять его с непосредственным восприятием пары строчек или страниц. Еще более нелепо видеть его где-то среди воображаемых физикой протонов и электронов. И трижды нелепо засовывать текст в нечто абсолютное.

А сгущенные реальные представления (интенции) уже по определению не могут быть текстом, ибо текст несгущен.

Текста нет. Он — рядовая фикция.

Подумайте о том, что вы считаете текстом на самом деле. Вы просто берете свои частичные восприятия и продолжаете их. Но ведь в действительности они не сложены и никуда не продолжены. Какое-то искусственное продолжение частичных восприятий текстуального абсурдно. Этот путь никуда не ведет.

25. ВИТГЕНШТЕЙН — ВОВСЕ НЕ ВИТГЕНШТЕЙН

("Он не Витгенштейн" говорят о человеке, уму которого очень далеко до Витгенштейна.)

Так вот, Витгенштейн вовсе не Витгенштейн. Философия языка, а особенно философия языка Витгенштейна парит в вакууме. Фразы Витгенштейна похожи на силлогизмы из учебника формальной логики. Но ведь философия — это не учебник и не формальная логика! А никакого последовательного мостика к своим фразам Витгенштейн не дает. Кроме того, он ничего не говорит о материале, из которого сделаны его слова и мысли.

Особую оригинальность Витгенштейна видят в том, что он отождествил логическое "истинно" и "ложно" с философской истиной и ложью. Но зачем это нужно? Средство, орудие здесь превращено в цель. Кроме того, неклассических логик — тьмы. Эти логики могут быть многозначны (то есть не обязательно сводиться к утверждениям "истинно" и "ложно").

26. ПАРАДОКС НИЧТО

Представим треугольник Фреге: сам предмет (денотат, десигнат, означаемое), смысл (значение, которое мы имеем) и знак (письменный, устный и др.). Например, мы можем иметь страх, а также смысл и знак слова "страх".

Теперь поговорим о ничто. Денотат ничто есть ничто, а значит, он есть. Получается, что ничто существует. Увы, неформальная и неабстрактная тонкость этого вопроса доходит не до всех.

27. ЗА ФРЕГЕ

Возьмем слово "солнце". Треугольника здесь уже не получается. Казалось бы, мы имеем солнце на небе, смысл и знак слова "солнце", но солнце на небе — это образ в нашем восприятии, а где тогда астрономическое солнце? Тем самым треугольник превращается в какой-то кривой четырехугольник. А ведь кроме астрономического солнца есть еще и обывательское практическое солнце, которое будто бы есть, да вот только на небе его не всегда увидишь, а вернее, не увидишь никогда.

28. СОСЕДСТВО ТОЧЕК.

НЕМАТЕМАТИЧЕСКОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НА ПРЯМОЙ

Пусть существует прямая, и пусть на ней существуют точки. Сможем ли мы поставить две точки рядом на прямую или найти на ней две соседние точки? Поскольку точки не имеют длины, то есть имеют длину равную нулю, две точки всегда будут иметь промежуток между собой или сольются в одну точку.

29. НЕСУЩЕСТВОВАНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

(Самоуничтожение точки,
плоскости, параллелепипеда...)

Точка равна нулю, ее нет, но тогда нет и плоскости, поскольку ее толщина равна нулю. В таком случае нет никаких геометрических фигур.

30. ДЛЯ ФИЛОСОФИИ НЕТ ССЫЛОК

Центральные части, главные положения философии, в отличие от приложений, введений, иллюстраций, действительно не должны их иметь. Они имеют отношение только к своему предмету, к своим стихиям.

31. ПАРАДОКС "СТРЕЛА"

Приводится не в качестве логического или математического парадокса.

Читатель сам должен сделать выводы, причем не о парадоксе, а об устройстве мира. Если читатель все же сомневается в этом парадоксе, то пусть он предположит, что он верен. Что будет следовать из его верности?

Летящая стрела неподвижна, так как в каждый момент времени занимает определенное равное себе место, то есть покоится. Если она неподвижна в каждый из моментов времени, то она неподвижна вообще.

Есть головоломки, а есть мироломки. Вот мироломка менее фундаментальная, чем приведенная зеноновская, но гораздо более авторитетная: "В современной физике скорости электромагнитных полей не складываются". Если два поля движутся навстречу друг другу, то они сближаются с той же скоростью, как если бы двигалось только одно из них. Подобные суждения разрушают все попытки натурального взгляда на вещи.

32. ЧЕМ ФИЛОСОФИЯ ХУЖЕ МАТЕМАТИКИ?

Для эффективного штурма учебника по математике может понадобиться полгода. Почему же

тогда ныне считают, что для прочтения книги по философии достаточно одного вечера? Изучение философии можно сравнить и с изучением китайского языка. Следует заметить, что большинство людей не способны изучать математику или китайский язык самостоятельно. А ведь для изучения этих дисциплин существуют учебники.

Учебник по философии еще никем не написан.

33. УЧЕБНИК ПО ФИЛОСОФИИ ЕЩЕ НИКЕМ НЕ НАПИСАН

Эта фраза — проверка. Ее можно счесть за вопрос-коан, то есть за дзен-вопрос. Тот, кто заявит: "Учебники по философии есть, они продаются в магазинах", — тот явно не созрел. А ведь гораздо более сложные вопросы часто не нуждаются в пояснениях.

Если вы все-таки не поняли эту фразу, сочтите ее за домашнее задание.

34. ДРУГОЕ?

Еще одно домашнее задание.

Задайте себе вопрос: "Является ли философия наукой?" А может быть, она — искусство? А может быть, ни то, ни другое? Или совсем другое?

35. ФИЛОСОВЕДЕНИЕ

Есть художники, а есть историки искусства, есть художники, а есть искусствоведы. Большинство так называемых философов не владеют собственно философствованием. На самом деле это — философеды (точнее говоря, философияеведы). Уже давно пора изобрести специальную науку и на-

звать ее философией. Тогда многое стало бы наглядным.

36. НЕ ЗНАЮЩИЙ ГЕОМЕТРИИ

"Да не войдет сюда всяк не знающий геометрии", — гласила надпись на стене Платоновской академии. Изучающий философию должен владеть хотя бы одним современным ему точным знанием, в том числе практическим.

37. ФИЛОСОФИЯ НЕГУМАНИТАРНА

Центральные области философии действительно негуманитарны. Они несколько сходны с математикой.

Философию нельзя подменить источниковедением, текстоведением или литературоведением.

38. КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ МАРКСИЗМ?

Речь идет о философии в России. Марксизм (1) здесь закончится, видимо, очень нескоро. Марксисты продолжают обучать марксистов, штамповать их. Преподаватели философии почти ничего, кроме марксизма, не знают. Они только убрали наиболее смешные и абсурдные лозунги, но в своей сердцевине остались марксистами. Выпускники вузов, став преподавателями, будут, того не сознавая, продолжать марксизм в неявной форме. Нового философского парохода никто не подаст. Сегодняшнее положение вещей в чем-то лучше, а в чем-то хуже того, что сложилось после 1917 года. Хуже, в частности, потому, что место ЦК КПСС неисповедимыми путями заняло самодеятельное, домашнее сектантство, повсеместно насаждаемое смешение философии с богословием (2). Не ис-

ключено, философы в России опять исчезнут, а религиозные мыслители начнут штамповать религиозных мыслителей. Наше время похоже на средневековье. Одной из религий является, в частности, постструктурализм (3). Если Европу он особо не обременяет, то для философии в России он играет роль третьей свиньи. Название этой главки так и хочется переименовать в "Когда закончится маразм?".

39. А БЫЛА ЛИ МЕТАФИЗИКА?

Многие современные мыслители почитают за честь откреститься от "всякой метафизики". Никакой оригинальности в этом нет. Все только и делают, что отрециваются. Но ведь и Кант отрецивался. Увидеть какую-либо метафизику в бухгалтерии немецких философов невозможно. Их спекуляции так же далеки от метафизики, как и современные. Декарт и Юм не были склонны к метафизике. В метафизических утверждениях можно обвинить разве что Спинозу и теологов. Этого очень мало. Называть метафизикой натурфилософию Нового времени, то есть философию природы или философию науки смешно. Эта натурфилософия до такого ранга не доросла. А говорить, что метафизиком был Аристотель или еще кто-то из древних, просто стыдно.

40. ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ МЫСЛЬ НАПИСАТЬ КНИГУ "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ"?

Гораздо лучше изучать чужую философию, чем создавать собственную. Действительно, зачем тратить усилия? Тем более, автора больше интересовали совсем другие проблемы. К сожалению, никакой чужой философии найти не удалось. В своих книгах большие и малые философы говорили о чем угодно, но только не о философских предме-

тах. Автор понял, что в философию идут люди, наименее к ней способные и желающие как-то компенсировать в себе этот недостаток. В лучшем случае это гениальные чудаки. Подобно Гегелю или Хайдеггеру, они творят отлогическое или от-чувственное лжебытие (мнимое бытие, бытие-по-нарошку) и используют его в качестве ветхого шалашика для своей мысли. Так было не всегда. Настоящих философов можно было найти до времени Сократа и Платона⁷⁸. Неожиданно в Европе появлялись философы и позже. Например, Декарт, Беркли, Юм. Однако и у "хороших" философов можно найти немало путаницы, происходящей, надо сказать, не от них самих, а от традиции. Путаница традиции — это прежде всего невѣденье. В отличие от науки, философия и традиция почти несовместимы — слишком легко философские направления превращаются в своеобразную религию. Философам, в отличие от ученых, очень редко удается существенно корректировать и поправлять друг друга.

Однако недовольство философами, традицией и опыты по сочинению философских эссе еще не дают необходимого краеугольного звена. Одно такое звено автор нашел, когда увидел необходимость введения в философию принципа сред. Нахождение для явления той или иной среды значительно упрощает выяснение статуса его реальности. Другое краеугольное звено оказалось возможным открыть при анализе психологии восприятия искусства, обнаружении особых ощущений.

© Акулов А. С. Преддверия философии. 2001

⁷⁸ Можно ли называть второй навигацией (и вообще навигацией) игру в жмурки с трансцендентным (то есть с объективным умопостигаемым)? Это вопрос, но само признание наличия "сверхчувственного" начала, важнее каких-либо прямых операций с ним. Прегрешение Платона в приписывании реальности не уму, а разуму, идеальному, в частности тому, что позже назовут трансцендентальным.

ФРАГМЕНТЫ СЛОВАРЯ⁷⁹.

АБСОЛЮТНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ, ПОТРЕБНОСТЬ АБСОЛЮТНОГО. Потребности, побуждающие человека к деятельности, превышающей уровень прижизненной практики человека и человечества. Важность этих потребностей не умаляется тем фактом, что они возникают из различных дисгармонических моментов индивидуального развития, неправомерных спонтанных воззрений, ложных формулировок вопросов, фантастических представлений и т. п.

В некоторой степени абсолютным потребностям отвечают наиболее теоретические или удаленные от сиюминутных запросов области наук, искусство, философия. Независимо от научного, художественного или философского уровня соответствующих работ, попытки решить те или иные "вечные", "абсолютные" вопросы носят, как правило, наивный характер. Мастерство оказывается ложным знаком авторитетности.

Абсолютные потребности выходят за грань человеческой оболочки, и потому потребность абсолютного деструктивна в своей основе. В качестве

⁷⁹ Полностью дан (с включением и чисто философских статей) в книге автора "Буквы философии", т. 2, СПб 2003.

суррогата удовлетворения потребности абсолютно-го выступают психоделические восприятия в их компарации с обыденными восприятиями, подделки общей теории всего в теоретической плоскости и претензии на шедевры в художественной сфере.

Выход на некую универсальную дочеловеческую ось, игнорирующую частную культурную символику, во многом остается мечтой.

АНТИИНФОРМАЦИЯ. Бесструктурно-тонический (бесструктурно-тоновый, нерациональный) аналог сообщения (сигнала).

Конкретная антиинформационная данность — это менее интенсивное иррациональное, являющееся подобием (по тону, а не по структуре) более интенсивного, предельного или запредельного иррационального.

Антиинформационное всегда содержит в себе момент ожидания и тоновую лестницу потенцирования интенсивности.

Субъективное антиинформационное ненасыщено и проявляется в реальных мистических ощущениях.

АСТРАЛ, АСТРАЛЬНОСТЬ, АСТРАЛЬНЫЙ ПЛАН. Особым образом модифицированная совокупность всех ощущений субъекта (среда). В первую очередь мы имеем здесь сновидийную или парасновидийную внешнюю субъективную среду (квазисреду), коррелирующую с трансформированными соматическими данностями (соматическим облаком, телесными ощущениями).

В астрале существуют четкие возможности незрительного самовиденья и зрительных впечатлений. В самых простых случаях имеет место смешение среды виденья (квазисреды) и среды зрительных представлений (интрофотосреды). В сложных случаях среды виденья умножаются (присутствие в

различных местах одновременно, многомерные представления). Мнестические отчеты о происходящем в астрале довольно условны: возможно понижение астрального до статуса обычного сновидения либо превращение сновидения в астровиденье.

Общая черта многих "выходов в астрал" — наличие сновидного полета, характер которого может быть самым различным и зависит от типа астральности. Индивид летит, находясь в человекоподобном или — зооморфном (бабочка, кузнечик, птица) теле, либо приобретая в процессе полета форму "огонька", "светящейся точки", желтого или красноватого плазменного облачка. Интересно, что при этом индивид видит себя не только изнутри, но и извне. Дается виденье из измененного "тела" и виденье этого измененного тела из некоего нечто. Ко всему этому изредка добавляется узрение своего обычного оцепеневшего "тела", что образует метафизический парадокс, поскольку некоего внепсихического или отчужденного тела не может быть. Многочисленные нелепости астрала нуждаются в дополнительных прояснениях, в удалении контаминации. Совершенно неясно, почему тело-паразит видит точно так же, как и тогда, когда оно пользуется телом-носителем при рассматривании посторонних людей. Вышеприведенная фраза метафизически неправильна, но она соответствует трафаретным визионерским описаниям и обычным порочным кругам естественных наук. Метафизическое снятие может заключаться в уничтожении понимания тела как тела и сведений его к совокупности ощущений. Тогда и возникает вопрос о том, почему так странно смешиваются новые и старые восприятия, и возникает подозрение о неполноте интенционального иероглифа ярким представлением, которое проецируется как экстраналичное.

Во время полета зооморфные развертки устраняют чувство страха и боязнь падения — очевидно, в этом и состоит их функциональность. При нали-

чий таких разверток видимый мир (квазисреда) необычно красочен, наполнен сочными цветовыми оттенками. При полете в виде плазменного облачка многие развертки исчезают, видимость становится темноватой, сумеречной, хотя могут выделяться те же предметы и цвета, что обычно. Чаше всего астральность характеризуется возможностью быстрой смены ракурсов восприятия, срезов существования; это превращает время в протяжение, вызывает наложение разнородных картин, совмещение в одном "здесь" и "там".

В переходном случае от гуманоидной соматике к зооморфной чувство тяжести в той или иной степени сохраняется (полуневесомость). Возникает сновидийное явление необычных прыжков через высокие деревья, здания и т. д. Иногда такое умение дополняется, полубъясняется использованием шестов, канатов, появлением крыльев. Даже если индивид не летит и не прыгает, а "идет", поражает быстрота его передвижения и другие необычности (до каких сновидийному сознанию часто нет никакого дела): за несколько секунд пересекается целый континент, субъекту удается пересечь океан, непроходимую тайгу.

При полетах в виде облачка страхи и радости бытия отступают, особое значение приобретают всякого рода умствования и узрения (становится как бы доступной вся причинно-следственная связь событий, сплошность мироздания, "законосущности", объясняющие цель и наличие мира).

Иногда тело путешествия не осознается или почти не осознается и дается лишь присутствие при ощущениях.

Под многими наблюдениями "астрального" можно подписаться, и все же они не могут не вызвать скепсиса. Привлекать для анализа чей-то чужой опыт практически невозможно. Дело не только в необходимости отсечения явлений, связанных с психопатологической симптоматикой и вызывающих те или иные артефакты. Соображения оккультистов и отдельных энтузиастов выхода в астрал по

своим представлениям и стилистике все еще носят средневековый характер, что связано с наивным реализмом и верой в наличие "того" и "этого" мира, с рассмотрением субъективного как объективного. Выходящие в астрал, как правило, не обращают внимания на то, что субъективен не только "астральный мир", но и мир обычного бодрствования. Новый терминологический балласт в виде слов "биоэнергетика", "биополе", "информационное поле" окончательно превращает усилия по концептуализации в нечто бессмысленное. Попытке отпрепарировать тонкие данности должны соответствовать столь же тонкие теоретические методы, а вовсе не заимствования из смежных сфер, философии домохозяек и пересыщенной мифами "эзотеричности". Главное — отказ от превращения субъекта в объект. Вместо концепций "духа" и "тела", "грубого" и "тонкого", "астрала" и "ментала" мы предлагаем гипотезу о полисубъективности человека. Субъекты — это вовсе не тела. Тело — только некоторый ощущенческий момент самоотчуждения. Всякое виденье — потеря, растрачивание, выход от "себя" в сторону, проведение демаркации, сотворение символа.

Однако введение монад при описании многих конкретных явлений неоправданно — "тонкий мир", то есть тонкий субъект, требует отхода от привычных представлений о времени, а значит, такого дифференцированного подхода, какой возможен только в астрале — бумага и истинная концепция времени несовместимы. Фактически холстом, бумагой, табулой является мир дления человеческого сознания, но увидеть немгновенный рисунок, на ней изображенный, или, наоборот, неинерционный рисунок можно только "извне", а чем больше мы погружаемся в это "извне" — тем более исчезает обычно понимаемое время.

Палеоядро субъективного сознания, освободившись от детерминант обычного бодрствования, как бы регрессирует, но приобретает чрезвычайные "интеллектуальные" способности узрения. Уз-

кая возможность бытия субъекта подменяется более широкой родовой и сверхродовой полосой данностей. Это обратная сторона расструктуривания, дающая возможность как бы независимых оценок, эвристических посылок. Мнестические передачи "астральной жизни" в жизнь обычного бодрствования (если иметь в виду наглядный аспект), как правило, близки к нулю. Даже некое профессиональное расшатывание барьера между астральными и обычными средами не меняет положения дела.

Высокий астрал — вовсе не трансформативность. Он — эпицентр. Более "низкие планы" — результаты смешения различных видений за счет очень быстрого разворачивания интегративно-тонических ощущений в дифференцированные (подобные обыденным). Кажимость предметности и событийности, похожих на бодрственные, этим и объясняется — чрезвычайной быстротой воплощений и разворачиваний. В действительности высокий астрал (собственно астрал, палеоядро сознания) — великое множество шагов назад по онтогенезу и филогении. Индивид в полном астрале — своеобразное бесклеточное существо, либо микроабсолют.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ. 1. Термин, неверно прилагательный к человеческой психике. Практически в здесь-теперь-так для субъекта нет ничего бессознательного. Обычно за бессознательное принимают или с бессознательным путают ощущения, проходящие амнестично или почти амнестично (для последующего потока здесь-теперь-так данного субъекта), подпороговые раздражения, периферийные ощущения вне зоны внимания и сосредоточения, метапсихическое (процессы в гипотетических смежных сознаниях, закрытых для данного), "закрытые" нейродинамические процессы (не имеющие репрезентации в здесь-теперь-так наблюдаемом).

Сновидения, галлюцинации — не бессознательны. Никакой необходимости прибегать к термину "бессознательное" при истолковании автоматической деятельности, ошибочных и ущербных действий, поступков, откорректированных помимо наличного сознания нет. Это связано с тем простым фактом, что какой-либо произвольной деятельности в чистом виде вообще не существует.

2. При ином подходе бессознательным является абсолютно все субъективно-сознательное (сознательное субъекта), ввиду того, что феномены в сознании не объяснимы феноменами же, то есть получается, что сознание бессознательно в плане непроницаемой для него собственной подложки (или психического в плане психейного). Однако если подразумевать некие иные сознания за рамками наблюдаемого субъективного сознания, то термины "сознательное" и "бессознательное" будут относительны.

Косвенные кажимости управления, произвольности — все те же лев-толстовские веревочки в руках детей, идущие не к лошади, а к планкам несущейся кибитки. Разница только в возможности недюального параллелизма: человеческое сознание — всего лишь часть скрытого, поглощенного.

Деление на то, что является субъективно сознательным и что таковым не является, более фундаментально, чем какие-либо аналогичные подразделения обычных рабочих гипотез. По сравнению со столь мощным разделением разница между различными субъективными проявлениями по степени "произвольности", бодрствования — бодрствования и т. п. несущественна, сам термин "бессознательное" оказывается размытым. Более пригодны такие термины, как: "безотчетное", "непроизвольное", "машинальное", "стереотипное", "импульсивное", "рефлекторное", "безмотивное", "автоматичное", "неосознанное" (субъективно).

Только "объективно" судить о конкретном внутреннем состоянии невозможно. Например, никто

не знает, насколько умствен, интеллектуален лунатик во время выполнения "сомнамбулических" действий, какой именно из его внутренних субъектов в это время включен.

Иногда возникает доминанта бесструктурного, дерационализованного сознания. Не будем говорить о сне без сновидений или об обмороке, но можно ли проникнуть в бесструктурное содержание дремоты? В истории культуры понятия "беспредметное", "бестелесное" принимались чаще всего однобоко, относились к объектам совершенно условным, а о сознании беспредметного, бестелесного в прямом смысле этих слов речь не шла.

Процессы перепайки неких внутренних контактов, перераспределения доминант и ценностных акцентов в том или ином кажущее неупорядоченном сновидном диалоге-развертывании вполне осознаются в каждый данный момент, но уже на небольшом временном интервале сливаются в нечто одно, могут оказаться провалом в никуда, психической аннигиляцией. Это слитие в фон, тон, гул обращается как бы в мифологемную неразделенность неба и земли, соприсутствие духу. Многие иные состояния под грифом "НЕИЗВЕСТНО ЧТО" объявляют бессознательными. Чисто лингвистически с такой традицией приходится считаться, но называть бессознательными субъективные феномены или состояния, в которых хотя бы в диффузном виде эти феномены присутствуют, — грубейшая ошибка.

3. ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ (например, у Эдуарда Гартмана) — фактически внутрифилософское порождение, связанное с попытками интеллектуальной утилизации эволюционных и других естественнонаучных фактов при ошибочном помещении материи внутрь мира ощущений. В отношении онтологического имеет смысл говорить или об объективном сознательном, или о том, что ни сознательным, ни бессознательным не является (недобытийное). В философской космологии часто приходится рассматривать бессозна-

тельное как завернутое сознательное (инвертированное), бессознательное (неосознанное) как сознательное иного или множества иных составляющих (синдром псевдоматериализации).

4. Бессознательное в виде отодвинутого *прошлого сознательного*, автоматически не опознанного или в качестве сжатого артефакта, присутствующего в настоящем сознательном.

Такое рядоположение не лишено условности, но до какой-то степени моделирует спонтанность рационального восприятия, слитность перцепции с апперцепцией. Некоторые элементы настоящего можно уподобить записанным в прошлом фразам, здесь-теперь ставшими неразборчивыми, но, тем не менее, выполняющими функцию некоторого основания.

Таким образом, в сфере обыденной и научной бессознательным часто называет незнакомое, неизвестное, чуждое или отчужденное сознательное.

ВОЛЕВЫЕ ОЩУЩЕНИЯ. Совершенно бесформенные ощущения-импульсы, не имеющие внутри себя никакой чувственной и смысловой окраски. Входят в комплексы хотения, намерения, решения, желания, влечения (относительно активные), соприсутствуют изменениям внешнего или внутреннего состояния и вообще движению-изменению (относительно пассивные). Волевые ощущения не имеют в себе тенденций, направленностей, векторов, но часто могут быть истолкованы в контексте конкретной ситуации. Фактически В. о. — индифферентные центры кристаллизации, играющие ту или иную роль в зависимости от предсуществующих психических градиентов и наличных факторов ситуации.

Фиктивными построениями над волевой сферой являются представления о силе воли, судьбе, роке и т. п. Иногда названные фикции приобретают медитативную силу, однако в качестве действи-

тельных рычагов выступают не они, а скрытые акцентуализации, связанные с суггестивным.

ЖИВОПИСНОСТЬ (в неспецифическом смысле).

Ощущение эстетической полноты разворачивания смысла и тона, сверхвыразительная детализация и наоборот — ощущение выразительности средств и прозрачности символов на той или иной ступени превращения структуры в тоносмысл.

В ощущении живописности слияние дионисийского и аполлоновского неполно, преобладает либо одно, либо другое.

Основа ощущения живописности — беспредметное в предметном:

1) зримое воплощение беспредметного в изображаемых предметных структурах;

2) теряющаяся предметность, размывающаяся, растворяющаяся, позитивно-эстетически аннигилирующая.

В подражательном искусстве художник не ищет новых для него чувств, но инстинктивно пытается передать общезначимые (канонические).

ИНОБОДРСТВОВАНИЕ. Фундаментальные (базовые) психологические состояния различного происхождения и значимости, которые с точки зрения человека в состоянии тривиального бодрствования не являются ни обычным бодрствованием, ни сновидийным состоянием, ни сном без сновидений (в последнем случае предположительно). Примеры: лунатизм, визионерство с потерей атрибутов обычной ситуации, но с сохранением "тела", визионерство при наличии метаморфированного "тела", некоторые виды дремоты, сна на ходу, пауз-лакун в тривиальном бодрствовании, истинные галлюцинации, подлинное состояние паники (с последующей ретроградной амнезией) и др.

Есть масса состояний между бодрствованием и инободрствованием: постгипнотические запрограммированные действия, полноценное вхождение актера в роль, элементы психического заражения — непроизвольные подражания.

Предполагаются возможности более существенного инободрствования.

Часто даются частичные переориентации в характере действительности при наличии сильного эмоционального контакта с воображаемым: во время просмотра фильмов, чтения книг, участия в розыгрышах, необычных ритуалах и т. п.

ИСКУССТВО (как психологическая данность). Такая представленность образов неинтегративного плана действительности, которая кажутся возбуждает те или иные достаточно нерациональные интегративные планы, актуализирует их.

В подавляющем большинстве случаев под предметом подобного восприятия подразумевается созданное человеком, но не исключено и искусство "природы". Однако и в последнем случае необходим человек, который смог бы обратить на что-либо внимание, выделить, зафиксировать и т. п., например, отыскать и установить в музее минерал необычной формы, кажущийся рукотворным.

В этом понимании термин "художественное" требует большей дифференциации, хотя и здесь возможны исключения, ошибки в экспертизе.

Намечена тенденция искусства к универсализации, отход его от сугубо этносной и этосной семантики. Искусство в современном понимании должно облекаться в форму, доступную чувственному восприятию, и в то же время выходить по содержанию за человеческую ограниченность обыденным.

ЛОЖЬ. Фундаментальный первообразующий элемент (сеть элементов) восприятия и коммуникации, составная часть большинства истин. Связана с неизбежной аберрацией действительности в процессе ее умножения и суперпозиции.

Человеческое виденье, мироощущение, искусство, науки фактически основаны на Л. Искусство обязано лгать по самой своей сути. При этом искусство выступает не как подделка действительности, а как средство обмана, извращения, подспудной модификации психического. В науке Л. либо специально оговаривается под видом тех или иных посылок и искусственных приемов, либо остается неявной как в виде методологической лжи, так и в виде разности между научным мировоззрением и предполагаемым кардинально-истинным мировоззрением.

Казалось бы, задачей философии является очистка мировоззрения от Л., представление мировоззрения, соответствующего "действительному положению вещей", но история философии показывает ложность всех дошедших до нас философских учений. Тем не менее, очистка мировоззрения от Л. — главная цель философии и наличие такой цели — критерий изначально верно ориентированного философствования.

Различение естественной и искусственной, непреднамеренной и преднамеренной Л. несколько не облегчает каких-либо этических разграничений. У различных человеческих психотипов одна и та же (однородная) Л. может возникать на различных умственных уровнях, по-разному связываться с явлениями забывания и контаминации. Аналогично неоднозначно проведение разделения грубость-тонкость, где одинаково негативно могли бы оцениваться и "грубая правда", и "грубая ложь".

Религиозная Л. может быть связана с психотехниками и теми дешевыми аффектами, которые предоставляют наивность и конформизм.

Онтологически Л. выглядит как конгломерат вычлененностей, связность неполноценных бытийностей. Постсубъективное творение лжи — продолжение заблаговременно начатого процесса.

МИСТИЧЕСКОЕ, МИСТИКА. 1. Реальные тонкие неспецифические ощущения бесструктурного характера, витально и эстетически сверхзначимые. С эмоциональной сферой прямым образом не связаны.

2. Обычно под мистикой понимают попытки рационального объяснения или рациональных демонстраций того, что совершенно не рационально и рациональному объяснению не подлежит.

3. Общие наименования действий, образов, явлений, потенциально способных стимулировать возникновение особых тонических (бесструктурных) восприятий, в частности, мистику в значении 1.

МУЗЫКА (в неспецифическом смысле.) Ощущение проницаемости границ восприятия, означающей разлитости духа, здесь-теперь происходящих родов смысла существования. Проявленное в виде реального неакустического тона воспоминание о прадаанностях.

Возможна обычная музыка, в которой нет МУЗЫКИ, и пейзаж, который источает последнюю.

НАДОБЩЕНИЕ. 1. Общение через людей, а чаще через другие посредники (тексты, книги, архитектуру, музыку, ландшафт и т. п.) человека с цивилизацией в целом и нечеловеческими существами.

Далеко не всякий предмет искусства может быть таким посредником.

2. Общение с использованием названных выше посредников людей через эпохи и расстояния.

Средства индивидуальной связи (телефон, телеграф и т. п.) здесь не подразумеваются.

НЕОСОЗНАННОЕ. 1. Недоосознанное. Неосознанное внутри сознательного. Тот или иной шифр внутри субъективного сознания, неосознаваемый временно, постоянно, абсолютно. Мы можем не знать числа видимых предметов, можем не сразу ухватить смысл фразы на иностранном языке, хотя все ее слова знакомы и т. д.

2. Неосознанное, касающееся скрытых мотивов (элиминантов). Выделять какую-либо среду в связи с наличием скрытых пружин поведения и придавать ей характер структуры не имеет смысла.

Не только поведение апеллирует к скрытому, не только грезы и сновидения, но и все субъективное сознание. Вследствие этого членение оборотной стороны субъективной данности и вписывание ее в исчисляемое каким-либо процессом натурфилософское время и геометрическое пространство приобретает фантастические и чисто фиктивные разграничительные черты.

НЕОСЮРРЕАЛИЗМ. Сюрреализм, отличительными особенностями которого являются:

1) отсутствие существенных противоречий принципам неоромантизма и символизма;

2) принцип "палео-футуро", который утверждает, что попытки новых суперпозиций культуры должны иметь опоры в палеоданностях внеэмотивных чувствах (особых бесструктурностях);

3) отказ от эмоций и бытовых описаний — внечеловеческий универсализм;

4) особые фигуративности и сверхфигуративности, если они присутствуют, сочетаются в Н. с принципами нефигуративного искусства;

5) принцип отбора: так называемое автоматическое письмо должно тщательно отбираться и

оцениваться на предмет соответствия кульминационным моментам дофункционального сознания.

Стихийно Н. частично присутствовал в недрах обычного сюрреализма и модернизма вообще. Можно привести в пример некоторые тексты Ганса Арпа, отдельные картины Ива Танги. В музыке одной из форм Н. является так называемый минимализм.

ОККУЛЬТИЗМ. Различные учения и практики, содержанием которых являются экстраординарные восприятия и экстраординарные воздействия. Ныне бытующий О. основан на некритической ассимиляции традиций, фетишизации случайных особенностей, сопровождавших путь к удачному результату.

Передача оккультных способностей чаще происходит не по принципу обучения, а по принципу заражения. При этом наделение оккультными умениями сопровождается модификацией характерологических черт ученика, образа его жизни и манер поведения. Чем большей силой начинает владеть неофит, тем заметнее эти изменения. К подобным изменениям можно отнести легкую роботоподобность, потерю первоначальных степеней свободы, трансформацию системы потребностей и системы ценностей. Нередко "помудрение" сопровождается той или иной степенью ослабления интеллектуальных свойств. Таковы последствия и самостоятельного обретения оккультных способностей.

Практические достижения оккультистов иногда могут вызвать интерес, их теоретические взгляды, как правило, совершенно несостоятельны и представляют собой набор необработанных положений различной степени достоверности, объединенных

концепцией наивного реализма с элементами эклектической теологии и герметической игры.

ОНЕЙРОМОНТАЖ. Индуцирование, благодаря ассоциациям бесструктурных ощущений (положительных, отрицательных) с теми или иными образами в условиях снятия сред обыденности, фантастической реальности, существование которой для психейно-психического комплекса индивида не является обязательной.

Например, оказавшись в состоянии клинической смерти, индивид может увидеть богородицу, умерших знакомых, ад, сатану и т. п. Иные картины будут у представителей других религий (см., например, "Тибетскую книгу мертвых").

Самое чистое виденье будет у неверующего, хотя и здесь возможны образные осложнения.

Наличие О. резко снижает познавательное значение визионерства.

ПАЛЕОЯДРО СУБЪЕКТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. Предполагаемое, а иногда четко устанавливаемое однородное первосознание, скрытое за обычным, развернутым в дифференцированные ощущения субъективным сознанием. В виде некоторого микроабсолюта или квазиабсолюта может представать в определенных экзотических условиях (искусственная сенсорная депривация, клиническая смерть, редкие пограничные состояния между сном без сновидений и бодрствованием, визионерство). По своему основному тону П. с. м. сходно с кажимостью резко усиленного ощущения "я", но не в качестве присутствия при ощущениях, а в качестве самостоятельного присутствия, присутствия-свечения, присутствия-интонирования.

Палеоядро выступает как материал обычного сознания, его "субстанция". Обычное сознание выглядит как деформация П. с. м. Тем не менее, безукоризненных доказательств наличия П. с. м. нет.

При любом качестве измененного сознания полное тождество между П. с. м. и психейным или между П. с. м. и абсолютном не проводимо.

ПАРАФИЗИОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА. Совокупность сведений о жизнедеятельности человека, закрепленных в восточных медицинских учениях.

Синтетическая парафизиология представляет собой тот или иной современный вариант этих учений. Чаще всего именно с синтетической парафизиологией и приходится иметь дело. К П. ч. примыкают основания и некоторых других европейских парамедицинских дисциплин.

Понятия П. ч. не являются достаточно обоснованными и строгими, по своей заданности подобны понятиям античной и средневековой европейской медицины.

Ценность П. ч. не в ее краеугольных положениях, а в некоторых оригинальных частных разработках и практических методиках.

Компенсация парафизиологией упущений обычной физиологии не может считаться полной. Европейская наука выбрала один из путей развития, другие возможности для нее закрыты.

ПАРИЖ (в аспекте экологии культуры). В XVIII—XX веках главная "точка сборки", гуманитарная столица мира. Это не столько центр Франции, сколько, в определенной степени, объединяющий центр граничащих с Францией стран (кроме Германии), центр романских стран и, наконец, центр мира.

Философской и научной "столицей" планеты не является. Это более точка исхода некоторой запускающей волны и одновременно центр гуманитарной интеграции.

В мировой культуре этот город играет не только позитивную, но и негативную роль (порождение культурных блефов).

Передать значение П. другому городу довольно сложно. Например, П. — далеко не главный центр джаза, но музыка как искусство для искусства находит свое приоритетное пристанище именно здесь.

ПЕРЕСУБЪЕКТИВИРОВАНИЕ. Изменение кажимостей одного ряда внутри субъекта. Самый простой пример П. касается всем известных оптических иллюзий-перевертышей.

Аналогично возможна замена догм на противоположные. Контрарность при П. необязательна, хотя часто встречается.

Гносеологическое значение П. заключается еще и в том, что оно способно временно изменить границы способностей восприятия или наделить один психотип возможностями другого.

ПОСТМОДЕРНИЗМ. Полузагадочное (по своим причинам) маргинальное явление современной культуры, претендующее на центральное и имеющее как совокупность разнородных течений-направлений следующие признаки:

1. Окончательное разрушение ранее бытовавших принципов холистичности и связности в культурных традициях, критика предыдущих культурных традиций с неосознанным и некритичным (философия) и пародированным, карикатурным (искусство) включением их в себя.

2. Потеря "логоцентричности" (философия), потеря нацеленности на прекрасное или "лучшее" (искусство).

3. Уход с высот интеллектуальной рафинированности в философии через посредство серьезных недочетов и непроработанных мест в учениях Гуссерля и его последователей. Сочетание постановки новых проблем с одновременной примитивизацией старых, интенсификация футуристического прогресса через регресс (философия).

Переход к "уличности", "офенности", ближним мещанским планам существования с одновременным заимствованием композиционных принципов у кинематографа, радио, телевидения, компьютерной технологии, кулинарии (искусство).

П. — несомненная болезнь. Главное для П. — неувоенность уроков знания промежуточного между имеющим превалирующее хождение (научное, паранаучное, обывательское) и релятивно уточненным знанием, потеря герметической сути внутри программных герменевтических схем.

Общие черты П.: псевдообъективизм, фетиши несуществующего, опора на психоаналитические сказки.

На смену устаревшему принципу гармонии все еще не пришел какой-либо новый, столь же мощный по своей цементирующей силе. В этом трагедия современного общества. П. — нелепо-диффузные, бессвязные поиски такого принципа. П. как бы символизирует женскость современной цивилизации, переход от единства к множественности, от техники — к технологии, от фундаментальной науки — к короткоживущим рабочим гипотезам.

В философии и искусстве выдаются не окончательные произведения, но формальные порывы и сбивчивые эссе, показательные попытки, обещающие материалы для будущего. Это уже не женскость, а — квазидетскость.

ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМ. К концу 1980-х годов — наиболее распространенное нигилистическое околофилософское направление. П. фактически подготовлен не французскими мыслителями, а всем ходом немецкоязычной философии. Если Гуссерлем был окончательно выветрен из философии живой субъект, то хайдеггеровским компенсаторным псевдотрансцензусом — объект. Попытка оживления объекта превратилась в его смерть. В

историко-философском смысле тандем Гуссерль—Хайдеггер не знает аналогий. Таков центральный исходный пункт П.

Гносеологической предпосылкой П. является факт узости сектора реальности субъекта и объекта в сфере практического существования человека. Полагаемое за действительность, в основном контингенте случаев является фикцией.

Нигилизм по отношению к основным вопросам философии успешно сочетается в П. с примитивизмом, широким внедрением в философский обиход наивного реализма.

Поражает сходство П. с марксизмом. У провозвестников и апологетов П. нет основополагающих трудов, зато есть критика и рассмотрение второстепенных вопросов в подробнейшем журналистском ключе.

ПОЭЗИЯ (в неспецифическом смысле). Малоопределимое тоническое ощущение высшей одухотворенности, эстетической релевантности, возвышенной осмысленности, вызывающее катарсис, эмпатию, напоминание о лучшем (мире, чувствах, возможностях, жизни).

Отличия от экзистенциала-экзистенцинала "красота", "прекрасное" иногда сложно провести, но они есть. Поэзия не является монокатегорией или чем-то первосубъективным, не определяется как облегченное запредельное положительное ощущение. Она принципиально десубстанциональна.

Сверхмузыка тяготеет к доабсолюту, сверхживописность — к постабсолюту, сверхпоэзия — к одной из сторон абсолюта.

Хочу подчеркнуть: именно тяготеет, но не является! Забвения нечеловеческого (надчеловеческого) эроса обязательны, иначе не возникнут смутные напоминания о нем.

ПРОЗА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ. 1. Нестихотворная письменная и устная художественная речь, т. е. формально — речь, характеризующаяся отсутствием соизмеримого деления на отрезки, мастерски созданная или исполненная и обладающая потенциями эстетического воздействия.

2. Для человеческого восприятия — несценарный комбинированный вид искусства, параллельный искусству кино и телевидения. Отличие его от последних — в большей задействованности индивидуальных способностей воображения, мышления, эмпатии. Реальные феномены прозы — итог различных видов творчества, связанных с писанием, прочтением, мысленным или обычным произнесением, графическим изображением (для письменной речи), разворачиванием представлений, спонтанными ассоциациями, воспоминаниями, актуализациями различных психических настроенностей.

Как и кинематография, П. х. является суррогатом сновидений, жизни вообще, а иногда — аналогом наркотического средства. Отсюда и требование к П. х. как к некоторому органическому и измененному целому.

Атрибуты действенной прозы: некоторая нериторическая здесь-теперь спутанность (в т. ч. замкнутая на нескончаемое, вечное), потенциальная сновиденность, неспецифическая опьяняющая способность, присутствие особым образом данных элементов поэзии, наличие непроизвольной сосредоточенности, "влечения к тексту".

Термин "шедевр" применим к прозе более условно, чем к поэзии. Шедевры прозы более сложно выделить, особенно если предусматривается возможность нового (повторного) прочтения. Требование "ошедевривания" для прозы равносильно требованию живописности для каждого кадра киноленты. Между тем, все-таки остается вероятность его выполнения.

Обман, кажущееся волшебство "добротной" П. х. имеет и оборотную сторону вследствие того, что она требует от субъекта больше времени и энергии, чем другие виды искусства. П. х. может быть не только средством развития и модификации психического, но и фактором регрессии. Это касается как пишущего, так и читающего.

В П. х. осуществляется воображаемый переход через те или иные витальные кульминации. В самом простом случае эти кульминации носят характер близкий к бытовой (неофициальной) биографии. В более сложных случаях происходит отказ от описания человеческой среды. По своему содержанию (теме) П. х. строится не на вехах квазибиографического характера, а на явлениях, сходных с микробиографией, указаниях на конкретные значимости, непосредственность. В этом плане П. х. сливается с бытовыми фантазмами, а также с чувственной архаикой человеческой данности. Поэтому элементарнее всего дневниковое построение композиции прозаического произведения с представлением непосредственного виденья-чувствования героя. Любая "объективность" условна и несопоставима по силе воздействия с ведением повествования от первого лица. Очень часто ведение повествования от третьего лица, нескольких лиц или "оно" — довольно прозрачная подмена первого лица, переподстановка-переориентирование, либо подстановка инкогнито "я" вездесущего и всевидящего автора с описанием "внешней" псевдообъективной видимости. Современные культурологические тенденции, ведущие к уничтожению "субъекта", не имеют под собой какой-либо методологической почвы, понарошечны и являются обычным изворотом истории стиля.

П. х. относится к видам искусства, наиболее полно воплощающим потребность в метемпсихозе, однако наличие подробностей подобного воплощения коррелирует с ограничением рамок и структуры воплощения. Обычно осуществляется перенос человек — человек, человек — общество, чело-

век — животное, человек — "ухоглаз", человек — "дух", но не более того. В музыке, поэзии, живописи рамки переноса практически не имеют границ.

ПРОИНТРОЕКТ. 1. В качестве проактивности, прорассудка, прополагания — основание обозримо имманентной стороны деятельности человека-сознания; включается в рассмотрение через элементы как субъективно-сознательные, так и граничные субъективной сознательности.

П. может быть предшественником рассудочных схем аксиологического. Типичные примеры П. — так называемые смыслы жизни, ее цели, критерии и стимулы.

2. "Психотропизмы", "психотаксисы", "психоградиенты" в качестве тончайших и маловыделенных предшественников обычных представлений, осмысливаний, чувств и деятельности.

ПРОТОРЁННОСТИ ЭФФЕКТ. В мировоззренческом плане эффект кажимости бесспорной очевидности и наглядности того, что первоначально считалось далеко не очевидным и не наглядным. То, что изначально представляется уму еле брезжащим, едва существующим, при многократных сосредоточениях, повторениях смотрится нормально существующим или связным.

Данный эффект сказывается и на разности интеллектуального восприятия различных субъектов, кристаллизации и отвердении умственных представлений.

ПСИХИЧЕСКОЕ и ПСИХЕЙНОЕ.

ПСИХИЧЕСКОЕ — область здесь-теперь-так доступности вне зависимости от своих временных мнестических и амнестических свойств. Все психическое наглядно и пронцаемо в том виде, в каком

оно дано. Собственно психическое есть комплекс реальных ощущений.

Психическое психологов — нерафинированное понятие, соответствующее отсутствию общей психологии среди контингента достаточно развитых специальных психологий. Это психическое является чем-то вроде свалки феноменальных и предполагаемых нефеноменальных продуктов, мифологически истолковываемых.

ПСИХЕЙНОЕ — оборотная сторона психического (в первом смысле), метапсихическое, недетализуемое, нерасчлняемое, а также не подлежащее вписыванию в тривиальное пространство-время. Все попытки какого-либо психоаналитического моделирования довольно условны и имеют узкую частную ценность по отношению к какому-либо конкретному случаю из практики.

ПСИХОТИПОВ ЧЕЛОВЕКА ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА. Соответствует дискретности психотипов, их квантовости (отсутствию промежуточных возможностей). В двумерном варианте насчитывает двенадцать типов восприятия. Функции активности и осуществленности требуют новых измерений.

В двумерном варианте таблица делится в горизонтальных рядах на клетки, соответствующие максимальной (преимущественной) сосредоточенности психотипа на каком-либо плане существования (восприятия). В перпендикулярно рядам расположенных группах отражается природная выраженность планов-оболочек сознания: возможности новообразования планов и выпадение (исчезновение) планов.

РАДЕНИЕ ДУХОВНОЕ. Специфическая русская тоника (чувственное интонирование), восходящая к языческой древности. Спектр: плачущие

интонации, заунывные, думные, раздумные, вольные, раздолбные, праздничные (не без горчинки, избыточности, плохо спрятанного надрыва), игровые и т. п. Перечисленные окраски не являются главными; основа — призыв или заклинание некой высшей силы в специфическом непереводаемом тоне.

Р. д. выражается в обрядовых песнях, типично русской музыке, внешнем оформлении церковных служб. Р. есть в ворожбиных и некоторых "ноктюрных" стихотворениях А. Блока (ранний период), в народной поэзии.

Аналоги Р. д. можно выделить в мусульманской и тибетской (буддийской) культурах. В чисто западной культуре феномены, сходные с Р., чаще отсутствуют. Негритянская джазовая культура (от спиричуэла до Колтрейна) — поздний отблеск давно утраченных субъективных проявлений, окрашенный мрачной тенью прошлых периодов истории.

РЕАКТИВНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ (Р-ОЩУЩЕНИЯ). Бесструктурные и близкие бесструктурным нейтральные самоценностные ощущения; иначе говоря: ощущения-чувства различных рангов и типов в качестве "оттелесных" и "бестелесных" импульсаций, вибраций, интонирований, внутренних музык, токов. Р. о. не сводятся только к эмоциям. Их спектр гораздо шире, чем спектр чувств, имеющих словесные обозначения. Р. о. не всегда подразделяются на положительные и отрицательные. Часто такое подразделение условно: сложное (слитое в бесструктурности) р-ощущение может быть комплексом как положительных, так и отрицательных тонических ощущений без нейтрализации или при недостаточной и весьма сумбурной нейтрализации.

Характеристиками Р. о. являются: степень организованности, интенсивность, степень сложности (моноощущение или полиощущение), эйдетичес-

кие и тонические оттенки, негативность или позитивность, динамичность или константность, воспроизводимость, вызываемость и т. д. Организменным ощущением является, например, ощущение ярости, неорганизмальным — то или иное эстетическое ощущение (в т. ч. тонкое эротическое ощущение, ощущение таинственности и т. д.). Под воспроизводимостью понимается возможность возникновения р-ощущения в тех самых или близких условиях, с какими такое р-ощущение коррелировало прежде. Под вызываемостью — возможность искусственного вызывания р-ощущений, пусть в ослабленном и менее интенсивном виде.

Часто сила, интенсивность, острота ощущения не соответствуют друг другу, а также смежному ощущению напряжения-расслабления. На уровне особых р-ощущений мышечные и вазомоторные реакции не всегда адекватны психической кажимости.

Тонкие неспецифические р-ощущения (мистические ощущения) могут быть чрезвычайно остры и интенсивны, но бихевиористское измерение их силы не сможет навести на какую-либо закономерность в соответствиях прямого и косвенного наблюдения.

Удовлетворительное представление о Р. о. можно получить при подробном рассмотрении таблиц и перечней с достаточным количеством примеров.

РЕАЛИЗМ И НАТУРАЛИЗМ. Реализм — мировоззрение (или способ художественного видения), основанное на отказе от традиционализма и бытового фетишизма, от свойственных человеческой цивилизации искусственных схем науки, философии, идеологии, предусматривающее свободное отбрасывание фикций.

Реализму не присуще абсолютизирование кажимостей восприятия и расширение этих кажимо-

стей за их собственную грань. Сказанное касается, прежде всего, содержания. Форма выражения часто ограничивается диапазоном человеческой способности ощущения. Заведомая ограниченность формы (мода, преемственность, готовность создателя и воспринимающего здесь могут не подразумеваться) до определенной степени ограничивает и содержание, а потому речь идет не о некоем "реалистическом" произведении в себе (или мировоззрении), а о произведении искусства (мировоззрении), ориентированном на реализм.

Нативная человеческая реальность здесь-теперь-так, если и сковывается возможными способами представленности, все-таки в состоянии модифицироваться сама в себе, в том числе с помощью искусства, но она не должна теоретически распространяться в неизменяем виде за свои пределы, то есть туда, где ее нет. Тем не менее, она может использоваться в попытках внеобразной передачи того, что находится вне ее, в тех или иных рамках ее гибкости, пластичности, что часто предусматривает подход к границам человеческих способностей.

Натурализм — копирование в мыслительном и художественном творчестве ближнего плана обыденной прагматики — не есть реализм. Многие художественные направления: символизм, импрессионизм, фовизм, экспрессионизм — отчасти были попытками открытия глубинной реальности, способами вызова к жизни чувств, связанных с фундаментальными началами. Речь идет именно о призыве, вызове, а не о мимесисе.

Создание новой реальности в искусстве технически затруднено и касается только структуры. Иногда можно стимулировать появление новых оттенков чувств, но создание новой бесструктурности в чувственном невозможно. Другое дело, когда речь идет о чисто индивидуальной новизне — том или ином бесструктурном, впервые открывающемся перед индивидом и неизбежно вплетающемся в события его потока существования.

Подавляющее большинство направлений в искусстве, литературе, философии реализмом не являются. Это своего рода относительное функционально-биологическое, функционально-социальное описание в доступных формах ближайших нужд и кажимостей человеческого муравейника и отдельных элементов последнего.

Литература часто выступает как продукт сенсорного пропитания, строится на законах возникновения пристрастий и азарта, то есть оказывается чем-то вроде спорта для воображения... Разного рода социальный реализм — пример навязывания миру случайных фигур, рядоположенностей внешних проявлений родового и стадного без какого-либо онтологического преломления.

Особенность течений, близких Р. — универсализм, выход за социальные и биологические оболочки. Описательно-натуралистическое искусство неких разумных червей могло бы быть интересным только зоологам.

Итак, основная черта существующего натурализма — гоминидная ограниченность...

РЕЛИГИЯ. Индивидуально, система ориентиров метапсихическому (психейному), попытка возврата к архаическим родовым началам.

Сакральные тексты тех или иных религий не допускают ни прямого, ни аллегорического истолкования и содержат в себе довольно произвольные легенды. Гораздо важнее коллективистский элемент религиозности, соответствующие ему ритуалы, обряды.

Возникновение и поддержание Р. возможно благодаря наличию в обществе определенного контингента легко внушаемых и легковерных людей, лиц с особым спектром эмоциональности. Эти субъекты составляют главный корпус любой конфессии. Благодаря им возникает особая, психейно действенная атмосфера, привлекающая и более скептически настроенных лиц.

Значение Р. почти таково же, как и значение "любви". Между этими сферами (в психейно-психологическом плане) существует значительная область пересечения. Религия также способна, хотя и в меньшей степени, обеспечить интерпсихейный кроссинговер. Однако интимность религии не решает всех человеческих проблем. Р. не так психотерапевтична, как это иногда представляется. Иногда одну болезнь Р. подменяет другой (примеры Паскаля, Гоголя, Ньютона, Толстого и т. п.).

Бросается в глаза большая разница между католиками и протестантами, индуистами и буддистами в областях, не имеющих прямого отношения к религии. Понятно, что XIX—XX века являются в этом смысле расцветом протестантизма и атеизма.

Очевидно, материал, необходимый для изучения феномена коллективного атеизма, недостаточно разнообразен. Гораздо доступнее психология индивидуального атеизма.

Религия — ценностная игра с элементами коллективного помешательства, способ канализации массовых психозов.

Через посредство Р. субъект архаически контактирует не столько с некой высшей силой, сколько с обществом и собственной глубоко спрятанной и постоянно нарушаемой поведенческой программой. Межчеловеческие малоосознаваемые кара и награда подобны здесь телергонам общественных насекомых.

В некотором смысле вера и неверие соответствуют вдоху и выдоху, окислению и восстановлению. Уже на уровне элементарных актов есть квантовость в следовании витальным требованиям или в отказе от них. Трудно не дышать, но можно какое-то время не есть и не пить. Корни религиозности и соответствующего скептицизма имеются и здесь. И все-таки подобные психотропности слишком далеки от навязываемой от имени "общества", "народа" и якобы "бога" обычной тоталитарной религиозности.

РОМАНТИЗМ. Практическое культивирование особых неспецифических смыслов и чувственных интонирований, сосредоточение на рафинированных моментах существования, концентрирование их. Может быть понят только как вершина мировоззренческого реализма в рамках предсуществующей или создаваемой реальности.

Романтизм в немецком духе, романтизм схемы, условности, приукрашенности имеет только временное значение, т. к. не обладает глубокой укорененностью, не соответствует интегральным планам психики.

СИМВОЛИЗМ. Зачастую довольно неудовлетворительно определяемое направление в искусстве и литературе конца XIX — начала XX века. Столь же неудовлетворительно объяснение причин того, почему символизм себя "исчерпал". Сложность оценок вытекает из неоднородности творчества символистов, многослойности их произведений.

Сила и одновременно слабость С. в том, что в главной своей нацеленности он был направлен на создание шедевров, причем чисто эстетических, абсолютных, а не историко-эстетических, музейно значимых. Шедевры в первом смысле требуют от художника иного отношения к своей области, чем при обычном акте творчества. Мастер должен как бы покидать собственное мастерство, свою область, оказываться на ничейной полосе в сфере культуры вообще.

В поэзии подобные отходы от ремесла лишь в исключительных случаях приводят к успеху (попытки сверхискусства), а чаще дают либо графоманию, либо потерю экспрессии и выразительности при относительно товарном виде произведения.

Направления до С. и после него отличались гораздо большей цельностью своих конечных резуль-

татов. Критерии такой цельности, конечно, относительны. В русской поэзии школа символистов создала не более 150—200 шедевров за всю свою историю. Эти стихотворения отличаются высочайшим эстетическим накалом, экзистенциальной необычностью — постоянно создавать именно такие произведения не способен никто, а творчество, как правило, оценивается не по исключительным случаям. Такова одна из причин падения С.

Другая его причина в том, что питательной средой С. был декаданс, явление не только искусства, но и цивилизации в целом. Возникая на известных перегибах истории, декаданс не может продолжаться вечно.

Одна из вершинных особенностей русского символизма заключается в следующем: так называемый "образ героя" в произведениях, "лирический герой" есть НЕ-ЧЕЛОВЕК⁸⁰. Не-человек даже в тех случаях, когда автор навязывает ему будто бы обычные человеческие эмоции и намеренную приземленность. Герой здесь — субъект, вылетевший из человеческой оболочки, нечто вроде того духа, что смутно брезжил и раньше, но вгонялся в прокрустовы формы либо байронического героя, либо демона и нелепого Заратустры. Именно в символизме не-человек предстал без маски и приставных крыльев. Русская нелюдь перешагнула не только национальные формы, но — в отдельных случаях — и европейские эстетические каноны. Не-человек живет миром таких экзотических чувств, какие для обычного человека невозможны. Мир ИНЫХ ЧУВСТВ (чувств, не являющихся эмоциями) — еще одно отличие символизма, и не символизм их изобрел...

Структурные и фактурные особенности С. даже при наличии обычной тематики или формальной бестематичности (собственно "искусство для ис-

⁸⁰ Такое написание выбрано вследствие обычного придания других смыслов словам "нечеловек" и "сверхчеловек".

куства") призваны вызывать сверхэмотивные чувства, делать видимым даже за намеренно неприхотливым, квазиобычным описанием нечто НАДМИРНОЕ, СУПЕРВАЖНОЕ, по сравнению с которым смерть человека или его жизнь — ничто. Вполне законны такие старые определения символа как "дверь в Эдем" или "ключ от вечности" — С. во многом опережает философию.

Термин "символизм" первоначально неверно связывался с наличием двойственности мира (в чисто житейском плане в этом есть некоторый смысл). Удвоение мира есть и в любом несимволическом произведении: во всяком случае, есть противопоставление структуры произведения иному. Однако идеи Платона (и даже Плотина) никакого отношения к С. не имеют, если, конечно, не подразумевать в виду платонизма в трактовке мыслителей-эклектиков. Теоретическая сторона С. была довольно слабо проработана и французскими символистами: их манифесты, заявления в основном чисто декларативны.

Потустороннее — не есть идеальное. Оно — норма, субстанция не-человека либо здесь-теперь обычного человека в тех или иных редких случаях. Задача искусства и, в частности, символизма заключается в приближении т о г о с ю д а. Однако подобное высказывание — условность. В действительности т о находится з д е с ь, никакого дуализма нет. Искусство только усиливает не-человека в человеке (модернистские шедевры). Дается не контрарное отношение двух плоскостей, не перетекание из одной области в другую, но прояснение, отмывание, призывание человеком не-человека, а иногда — отбрасывание не-человеком человека... Такое отбрасывание может осуществляться самым невинным образом, например, методом особой выразительности при выписывании натюрморта, вне каких-либо художнических эксцессов. Изобразить можно довольно простое; главное — наличие в простом не нашего, не людского, а каким образом этот эффект достигается — дело мастера. "Девушка

вензель чертила на зимнем окне...", "Сырой песок покорно был готов отпечатлеть ослиные копыта..."⁸¹ — ничего выходящего из рамок формально здесь нет. Достаточно показать, что девушка и копыта — ни при чем, что они — примета неприметности, случайности, то, чего могло и не быть.

СОЗНАНИЕ. Совокупное дление, обнаруженность-присутствие, безотчетная символичность. Фундаментальнейшее явление-сущность, неопределимое в рамках философской метафизики.

Эпистемологически можно выделить: субъективное сознание в целом, частное сознание-осознание, буферное сознание, объективное сознание-субстанцию, частные моносознания (моносубъекты-объекты), космологическую досознательность, не являющуюся ни сознанием, ни бессознательным, ни бытием, ни небытием.

Сознание невозможно без самозамыкания, логического отканивания. Второе вполне коррелирует с первым. Сознание — всегда самосознание, но не сознание чего-то. Экстериоризация интериорного — только одна из иллюзий. Нет деления на наблюдателя и наблюдаемое, но есть противопоставление одних осознаваемостей другим осознаваемостям в рамках человеческого субъекта.

Человеческое обыденное ("нормальнее") сознание в состоянии бодрствования (среднего уровня бодрствования) является суперсознанием, состоящим из массы конкурирующих, наложенных друг на друга, параллельных, пересекающихся, непересекающихся, кажимостно взаимодействующих иерархичных и неиерархичных сознаний. Суперсознание — своего рода антидискретная топология. Содержимым субъективного сознания оказываются структурные и бесструктурные элементы, а само

⁸¹ Строчки из стихотворений В. Брюсова и Ф. Сологуба.

оно — совокупностью забвения и вспомненности, срезом леса метафизических гомологий.

Сознание не есть разум или рассудок, оно не имеет идей и фактически является сплавом ощущений.

Конкретное субъективнее сознание здесь-теперь-так не может быть знанием и включает в себя не обычно понимаемую память, но только воспоминания и интенции воспоминаний. В строгом смысле:

сознание = восприятие = ощущение.

Сознание — не только самосознание целостности или интегративности, но и сознание самоосознающейся частности, далекой от индивидуальных отождествлений. Невзирая на прагматическую разницу и рациональные конструкции, все сознания в суперсознании равноправны, а отсюда в локальное частное (в т. ч. экстерииоризированное) самосознание не всегда правомерно вмешивать интегративные осознания. А такое интегративное ощущение как "я" вообще не имеет никакого отношения к восприятию самоосознаваемых (т. е. самоосознавательных) связностей, кажущихся периферийными.

Отражает что-либо сознание или нет — вопрос второстепенный: прежде всего оно отражает (подает) само себя, и в этом его сущность, самовыделенность, сходство с монадой.

Единство целого сознания в том, что его раздробление проведено неполно, метамерно. Внутренняя связность одних сознаний с другими, невыпадение их из общего суперсознания объясняется наличием бесструктурных интегративных ощущений-сознаний, базовой недифференцированностью. Кошмар медицинской "деперсонализации" именно в сохранности самосознания каждого внутреннего сознания при некоторой доле необычного отчуждения составляющих сознаний друг от друга.

Для сознания, как и для физической "вселенной", общим является только прошлое: главное интегративное — именно прошлое, которое реликтивно сохраняется в настоящем. Деперсонализация вполне коррелирует с ретроградной амнезией. Чаще всего имеет место синдром, сходный с синдромом "нового места": возникает разрыв между "внешними" и "внутренними" ощущениями с превалированием внешних ощущений из-за неожиданности, картинности их явления, например, после выхода из обморока. Возможны другие варианты изменения интеграции сознания.

Довольно часто сознание неправомерно отождествляют либо с умственной способностью производить фикции, либо с самими фикциями. Например, сознание приравнивают к абстрактному фиктивному разуму и даже к "социальному разуму".

Способность производить фикции связана со способностью к обычным представлениям и осмыслениям и может выглядеть автоматическим логическим пересечением различных представлений.

СОМАТИЧЕСКОЕ ОБЛАКО. Совокупность "телесных" ощущений нейтральных или близких к нейтральным (ощущение тела). Зрительные ощущения от собственного тела, а также ненейтральные ощущения типа ощущения боли и удовольствия выходят за грань соматического облака, хотя и могут пересекаться с ним.

Соматическое облако — это психическое тело. Какого-либо физического или физиологического тела не существует (их вакансию изначально занимает нечто совсем иное). Соматическое облако — часть субъекта, часть сознания.

СОЦИУМА НЕРАЗУМНОСТЬ. Аргументами в пользу С. н. служат стихийность в общественной динамике, отсутствие общественного сознания или каких-либо заменяющих последнее структур. Сознанием обладает только отдельный человек.

Общество не похоже не только на отдельного индивида-человека, но даже на организм высоко-развитого животного. Гораздо больше аналогий между обществом и растением или закрепленным на грунте кишечнополостным.

Правительства и подобные им институты не являются чем-то вроде головного мозга. Проходят сравнения социума с компьютером, вычислительные ячейки которого рассеяны и превалируют в своей массе над тем узлом, который претендует на роль центрального.

Информационные и силовые связи в социуме необходимо разделять. Слепота в общественных проявлениях неизбежна.

Наличие нерациональности и алогичности при взаимодействии различных рационально-логических систем приводит к тому, что и взаимодействия, и сами системы оказываются во власти статистических законов, то есть случайной (как бы по-сторонней) суммации.

СУБЪЕКТА ДЕКОНСТРУКЦИЯ. Одна из черт современной культурологии и культурологической философии — псевдообъективное описание набора данных при кажущемся отсутствии "субъекта". Под словом "субъект" в данном случае подразумевается реальное субъективное сознание, а не субъект в узком смысле — порождение философской вербальности.

С. д. фактически осуществляется внутри субъективного сознания при явном или неявном сокрытии этих рамок. Непосредственное указание на мнимость, понарошечность деконструкции вызывает эффект абсурда, а потому на практике его, как правило, не делают.

С. д. характерна для многих случаев анализа языка, текста. Иногда она неизбежна, например, при приписывании тексту или языку самодовлеющих значений. Действительное и мнимое как бы меняются местами. Текст, оказавшийся впереди субъекта и коррелирующий с другими текстами при определенном спрятывании создающего или сканирующего текст субъекта, — один из ключевых современных мифов.

СУЩЕСТВОВАНИЕ. Особый, кульминационный вид самозамкнутой иллюзорности, которая тем или иным образом начинает полностью предстать сама для себя, рефлексировать сама себя, получает ту или иную степень связности, а также частично, искаженно или трансформировано может предстать для иного С.

Любое существование возникает на стыке логическое — дологическое и получает оформление на стыке рациональное — иррациональное.

С. субъективное не обладает полнотой внутренней связности.

С. объективное полностью связно, способно к распаду на древа субъективных существований.

Псевдотвердое, псевдоматериальное С. в действительности является сложным деревом почти несчетного множества субъективных существований, вытекающих, по крайней мере, из одного объективного С. Другая причина "отвердения", "консервации" — наличие прошлого в настоящем, завернутость субъективности, его неодновременность, разновременность и разнопротяженность.

"Материалом" для объективного существования является объективное виртуальное недосуществование, не поддающееся никаким метафорическим и антропоморфным описаниям вследствие своей дологичности, доосновности, возможности беззаконного, не оформляемого в существование предстания.

СЮРРЕАЛИЗМ⁸². Инореализм, сверхреализм, открытие оборотных значений кажимости. В широком смысле — совокупность весьма разнящихся направлений в искусстве, демонстрирующих первые фазы пересмотра натуралистической связности или отказа от предметности, а также — пересмотра традиций в творческих методах и мышлении.

Эмоционально менее стерилен, чем абстракционизм; в отличие от многих направлений экспрессионизма содержит отказ от трафаретной системы ценностей; эйдетически близок имажинизму, но значительно радикальнее его.

Большинство произведений С. оказались эстетически ложными, коллажеподобными. Известность их сравнима с геростратовой славой. Деструкция, трансформация, гибридизация, создание новых предметностей, формально не имея в себе ничего запретного, в С. чаще всего обращены не к демонстрации некой сверхреальности, но де-факто к обывателю, к не самым лучшим его свойствам.

Вершина С. — психоделический С. Сюрреалистические шедевры, как правило, не противоречат предыдущим экспериментальным направлениям в искусстве, универсальной (расчеловеченной) эстетике. Квинтэссенцией С. являются произведения, рассчитанные не на социально утилизованное сознание, а на сознание феноменально независимое, раскрепощенное, на филогенетическое ядро сознания.

Связанный с именем А. Бретона, исторически осуществленный С. имеет в первую очередь пропагандистское значение, важен событиями агрессивного внедрения крайностей новейшего искусства в суперструктуру социума, то есть созданием условий для последующих приемок необычного искусства и развития последнего. В этом аспекте роль

⁸² Публикация в журнале "Рог Борея", № 15, 2002.

исторического сюрреализма более заметна, чем роль кубизма, абстракционизма, футуризма.

ТОНИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ. Неструктурные и малоструктурные ощущения, неинформационные или почти неинформационные по своей данности, иными словами, беспредметные ощущения. Невзирая на внутреннюю неинформационность (неинформативность), эти ощущения могут быть указателями, знаками, ссылками, а витально — прасигналами. Эти ощущения вполне протяжены, но не имеют четких границ и четких локальностей, отнесенности к определенной субъективной среде. Они не являются ни собственно "внешними", ни собственно соматичными.

Представление Т. о. невозможно. Если нам все-таки как будто бы удалось представить тоническое ощущение, это будет не представление, а само тоническое ощущение, которое мы с той или иной долей успеха вызвали. Т. о. — всегда нерациональны (иррациональны). Они могут возникать как в определенных условиях, так и без всяких условий, спонтанно, ассоциативно, совершенно, казалось бы, беспричинно.

Т. о. — это собственно ощущения смысла (вне слов, образов, в т. ч. иррациональная компонента рациональности), ощущения-чувства (например, компоненты, эмоций), ощущения волевых импульсов, ощущение дления времени, ощущение "я" и др.

ТРЕТЬЯ СВИНЬЯ. По отношению к российскому постсоциалистическому идеологическому пространству — антифилософские тенденции постструктурализма. Соответственно первой свиньей являются неветренные остатки марксистской (неэкономической, неполитической) философии, второй — совокупность стихийных тенденций на сращивание теологии и философии.

ХАЙДЕГГЕРИЗМЫ⁸³. Специфические привведения в плоскости слов различных идеально, неопределенно и условно заданных действий, объектов, состояний к относительно монолитному, витально окрашенному здесь-теперь существованию. Примеры: "бытование", "веществование", "должение", "по-знание", "пред-мет", "за-бытье", "бытийствовать", "со-кровенное", "In-der-Welt-sein", "Sein-bei-innerweltlichem Seiende".

В Х. могут превратиться отдельные временные элементы аналитических рассмотрений (бытие-для-себя) и данности, претендующие на реальность (вещь в себе), в том случае, если им приписывают житейные значимости с соответствующей трансформацией соотносимого.

Х. не являются экзистенциалами. Иногда они сходны с неологизмами. Эффект, свойственный Х., даже усиливается за счет грамматической кальки, отсутствия полной переводимости терминов. Чаще всего должствующее сосредоточение, интенционирование не переходит при Х. обычных отсловесных гипостазированиях. Остается наличным факт усилия, сосредоточенности вообще, вектора как такового. Х. — основа современных неправомерных представлений о способах философствования.

В художественной литературе операции, подобные Х., проводились почти всегда. В философии Х. и сходные с ними явления связаны либо с нефилософским подходом (наивный реализм), либо с избыточным введением диалектики с целью формального удержания суперфикций (Гегель), либо с предельно проведенной трансцендентальной редукцией, совмещенной с компенсаторными явными и неявными отвитальными попытками восстановления собственно живых феноменов (Гуссерль, Хайдеггер).

Х. означают уход от проблем современной философии. Поиски новых гуманитарно-гуманисти-

⁸³ Публикация в журнале "Изящная словесность", № 2, 2003.

ческих областей, околонаучных религиозных откровений выходят как за пределы философии, так и художественной литературы, порождают своего рода репортерство. Х. неизбежно связаны с порождением сугубо индивидуальных образов, психических полей, структура и тонизм которых в достаточной степени произвольны. Формально такие порождения с равным успехом могут рассматриваться и как побочные (эпифеномены), и как центральные, главенствующие. Изречения, насыщенные Х., могли бы восприниматься как великая мудрость, звучи они за пять веков до нашей эры. В новейшее время (в сфере философской мысли) Х. — стилистически осовремененный анахронизм. Появление в ХХI веке Лао-цзы или Гераклита свидетельствовало бы о душевной болезни человечества.⁸⁴

Более значимы Х. для разрушения традиционных жанров художественной литературы, формально-методической продвинутой в этом направлении (попытки стилистического барокко в современном духе, попытки повести-романа после "нового французского романа"), появления довольно любопытных, но пока не дошедших до ранга оправданности нехудожественных и околохудожественных текстов. Таким образом, областью применения Х. является, в основном, литература и культурология. Это связано с необходимой апелляцией последних к архаике и обыденности, а также к онейроидным данностям. Легкая психоделичность Х. — уже в чисто лингвистической игре дефисов, суффиксов, а также в переобразе, дообразе расформированных образов, во втягивании образов в новое тягучее существование (вивисекция субъективной реальности, понарошечность накопления ее отдельных элементов для комплектования философско-фантастической или художественно оформленной житейной реальности).

⁸⁴ Этот возврат можно сравнить с игрой восьмидесятилетней пенсионерки в "дочки-матери".

X. субстанционализуют то, что не может быть субстанциональным, и придают статус динамики тому, что статично остается за бортом мгновения. Есть сходство X. с "животворными" глупомудростями учителей дзен.⁸⁵ В отличие от экзистенциалов, X. обычно оставляют эйдетический привкус веществу материализма или несколько сглаженной абсурдности гераклитовского противоречия. Добротный экзистенциал, в противоположность X., создается путем интенсивностного усиления интенционально-витальной окрашенности обычных представлений, без каких-либо динамических изменений и переносов (ДОМ, ЗАБРОШЕННОСТЬ, ТОШНОТА, РАЙ).

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗЕМНАЯ И СОСТАВНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Цивилизация земная — нефилософский термин, связанный с общими характеристиками культуры человечества планеты Земля за весь период развития этой культуры или за период, достаточный для смены одного поколения (около 30 лет), нескольких поколений, столетий, тысячелетий.

Так называемая современная земная цивилизация — это цивилизация Земли последних 30 лет. Парадокс в том, что удовлетворительная характеристика названного периода возможна только по истечении двух-трех подобных периодов, что неизбежно приводит к уточнению временных рамок. Таким образом, высказывание "современная зем-

⁸⁵ Катарсис, "облегчающий" эффект дзен, связан с наличием многочисленных тупиков в автономной деятельности мозга, возможностью простейших выходов из затруднений, обусловленных инерцией и стереотипами. Душа человека, невзирая на свою филогенетическую древность, подобна девушке или ребенку; она требует, чтобы ей показывали кунштюки. Иначе она не повеселест.

ная цивилизация" является лишь ориентировочным.

Составные цивилизации — цивилизации отдельных территорий, заметно выделяющиеся из остальной земной культуры, влияющие на нее, вовлекающие в свою орбиту смежные территории. Составные цивилизации возникают при наличии критической массы народонаселения и его плотности, сосредоточении в некоторых точках сборки ("столицах мира") особой рафинированности культуры, высших достижений своей и чужих культурных ойкумен.

ЦИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ТЕХНОЦЕНОЗА. Сводятся к сходствам между архитектурой, динамикой общества и целесообразностью на внутриклеточном уровне (включая уровень квантовой биохимии). Результат сравнения неизменно показывает, что общественные проявления менее целесообразны и более низко и хуже организованы. Формально это свидетельство о ранге человека и общества в этом мире.⁸⁶

Техноценоз (техносоциобиоценоз или даже идеотехноценоз) — социум в современном понимании — делает создаваемое человеком, но отчужденное от него более важным, чем сам человек или общество. Человек оказывается узким слоем слизи, которая оживляет технику и сооружения, заставляет их функционировать. Цивилизация превращается в гигантский протез, движущийся коралловый риф. При этом, будучи новым средоточием, фокусом ми-

⁸⁶ Начальные доказательства и свидетельства — в карикатурных подобию различных общественных проявлений макроорганизмическим. Подразумеваются не только обычные примеры (взаимоотношения внутри стад и стай, общественные беспозвоночные и т. п.), но и подобию кибернетические, статистические.

ра, техника выявляется повтором, эхом органического и суборганического.

На таком фоне искусство и философия землян выглядят эпифеноменами, бессмысленными культуральными выделениями.

ЧЕЛОВЕК⁸⁷. 1. Буквально: "чело" (возвышенность, верх) + "век" (сила, энергия). В современном духе можно перевести: "*чело*, паразитирующее на *веке* + *век*" или "существо, состоящее из симбионтов *чело* и *века*". Этимология как бы закрепляет дуальность, наличие в человеке двух типов витальности. Естественно, типов витальности в нем гораздо больше. Можно говорить о пучках различных жизненностей и триллионах жизней в одном и том же организме. В этимологическом определении есть противопоставление одного контингента существований — другому. По сути человек оказывается совокупностью древностей в настоящем, где архидревность ("чело-душа") привязана к древностям-сателлитам — "завернутым душам": электронам, молекулам, клеткам и т. п. Такова первичная эвристическая схема.

2. Фактически: сумбурный, эклектический предмет совокупности интенций, удовлетворительный синтез которых заведомо невозможен. Биологические, психологические, антропологические и прочие "научные" определения человека грубо ограничены, формальны. Определение, согласно которому Ч. есть единство явного суперсознания и совокупности неявных буферных сознаний, — малопринемлемо. Причина этого в том, что реальные ощущения в более масштабном рассмотрении выявляют себя как иллюзорные, схлопывающиеся, растворяющиеся в комплементарном — "микроскоп" исчезает в "гигакосме", а в некоем сверхги-

⁸⁷ Публикация в журнале "Рог Борей", № 17, 2003.

гасверхмикродленин-протяженин⁸⁸ никакого человека вообще нет.

Феномен человека оказывается совокупностью разверток и аур (в том числе фиктивных) вокруг некоторого бесструктурного центра — реликта существования, ослабленного и выродившегося почти до исчезновения.

В космолическом (надкосмологическом) смысле Ч. не обладает существенными отличиями от растений, животных, собственных клеток.

Предметная и интеллектуальная техника Ч. сопоставима с гомологичными достижениями других существ. Ч. не способен к прямой эстетической или открытой мыслительной деятельности, но было бы нелепо все сводить к целям накопления потенций приспособительного характера. Ч. производит горы бесполезной "руды", в его функционировании всегда есть зерна катастрофы, то есть и приспособления оказываются частными, отрывочными, хотя и образующими в сумме колоссальный пласт. Выживание в широком смысле происходит через серию ухудшений, поломок, ослаблений — разбазаривание кредита, отпущенного фактом рождения. Часто идет речь не о противоречии мечты и действительности, а о противоречии плана и действительности — о слепоте намерений. В этом смысле развитие Ч. и человечества достаточно стихийно и сравнимо с ростом водорослей, кораллов. Ясно, что интеллект склонен к той же тупиковости, что и инстинкт.

Если все организмы характеризуются особым процессом, сходным с медленным горением и медленным перераспределением потоков электронов, с одной стороны, а с другой стороны, сохранением и репликацией наследственного кода (внутри клеток), то многим классам животных свойственны аналогичные процессы на уровне поведения. К

⁸⁸ Естественнонаучная (фактически натурфилософская) совокупность уровней.

ним относится способность к научению, передача умений в рамках популяции, вербальный и невербальный язык, высшие проявления спонтанности (например, игра). У Ч. подобные потенции выходят за рамки популяции, ареала, обозримого промежутка времени — во многом благодаря внебиологическим системам кодифицирования. Способность к ощущению-осознанию не является особым отличием человека от животных, растений и даже бактерий. Отсутствие у человека достаточно развитого самомышления, склонность к конформизму, подверженность пропаганде делают гипотезу о привнесённости основополагающих элементов культуры на планету Земля извне не столь уж абсурдной.

ШАНТАЖ. 1. В специальном смысле главная скрепка социума (социобиоценоза). Ограниченность конкретного Ш. как социального мезона — в полишантажированности самого индивида, осуществляющего какой-либо здесь-теперь шантаж.

Структура любого общества — это, прежде всего, структура (древо) шантажа. Только нежелание снять розовые очки не позволяет обратить внимание на этот простой факт. Уже чисто геометрическая структура Ш. отличает один вид социума от другого.

2. Шантаж, корректирующий витальность. Подобен психейному витамину. Без него не происходит нормальное развитие человека. Отсутствие Ш. на тонком уровне или его недостаточность приводит к порождению асоциальных социопатов и означает прогрессию шизоидных черт при развитии индивида.

Самое тонкое шантажирование осуществляется через интимные отношения (мать — ребенок, семья, друзья, любовники и т. п.). Без шантажа на этом подуровне увеличивается вероятность огрубления манер поведения и потеря дееспособности при поддержании неформальных отношений.

ЭРОС-ЛОГОС-ХАОС. "Оно", отсубъективный абсолют (абсолют со стороны субъекта), который выражается в триединстве Эроса — запредельного положительного ощущения, Хаоса — запредельного отрицательного ощущения и Логоса — запредельного смысла.

Инвертированным выражением Логоса является Антилогос — отрицательный смысл, связанный с антипротяженностью, бездейственностью логического закона тождества.

Соответственно, Хаос-Антилогос-Эрос есть отсубъективный антиабсолют.

СЕМИОТИКА АНТИИНФОРМАЦИИ

/Доклады на заседании: "Поэтической функции", 1989 (Фонд культуры. Думская башня);
Философского клуба в рамках "Дней Петербургской философии — 2004"/

- Знает ли Электра своего брата Ореста?
- Да! Она знает его!
- Сейчас он стоит перед ней, закутанный покрывалом, и она не знает, что этот человек — Орест.

Парадокс Эвбулида

Существует немало логических, математических, семантических, астрофизических и прочих парадоксов — около трех сотен. Их обозрение вызывает к жизни одну мысль: "Замкнуть уста и не философствовать". Многие философы так и поступают, хотя и по другим причинам, без обращения к проблемам элеатов и пирронистов. Метафизика выветрилась не только из философии, но также из поэзии, где практически не осталось поэтического содержания.

Утопление в обыденности — общее место. На потребителя-обывателя направлена современная наука, техника и технология. Мы — свидетели цивилизационного парадокса: изощренные техни-

ческие средства существуют ради подачи примитивнейшего содержания и полоумной рекламы.

Тем не менее, можно показать пунктиром тот путь, по которому могла бы пойти земная цивилизация. Проведем хотя бы один штрих этого пунктира.

Эпистемологический анализ эстетических ощущений неизбежно должен опираться на выявление в человеческом восприятии некоторой особой сферы. Как правило, эту сферу принимают заведомо заужено, сводя ее, в лучшем случае, к внутреннему плану эмоционального. Условимся в дальнейшем называть внутренний (субъективный) план эмоционального эмотивным.

Во избежание недоразумений, поясним особенности используемой в данном изложении методологии. В нашей модели философско-психологического реализма мы отказываемся не только от обычных условностей постструктурализма, превращающих потенцию восприятия фрагментов текста или интенцию межтекстуального в развернутую актуальность, но и — в более общем ключе — от абстракции как ведущей формы философского рассуждения и заменяем функцию традиционной абстракции — функцией пропозиции (про-позиции, предпозиции, а не просто высказывания). Тем самым при опоре на то или иное здесь-теперь-сознание (выверенное и релятивизированное представлениями о других сознаниях и других здесь-теперь) возникает возможность получать обобщения без отвлечения и допущения, а также верификацию — прямой самостоятельной подстановкой.

Отличие смысло-знаковой пропозиции от привычного абстрактного понятия двоякое:

- 1) акт подстановки не оставляет в пропозициональном выражении незаполненного логического объема;
- 2) подставляемое входит в пропозициональное целиком, то есть в подставляемом не оказывается каких-либо денотативно избыточных фактуальностей, подлежащих элиминации.

Примером пропозиционального выражения может быть высказывание: "Мне кажется, что я присутствую в некотором мире". Невзирая на заведомую условность и приблизительность этого высказывания, не имеет значения, о каком именно "мире" и каком "мне" идет речь. Для целого класса возможностей допустимо снятие вербальной способности, поскольку денотат термина "кажется" невольно вводит тот или иной неречевой эквивалент (практически любой интенциональной представленности). То же можно сказать о более точном аналоге приведенного высказывания: "ощущение «я» плюс остальное (само)восприятие" и других его аналогов, в том числе потерявших обычную грамматику, а заодно и благозвучную тавтологию.

Используя в дальнейшем более свободный и терминологически разгруженный стиль изложения, мы предполагаем все же возможность сведения ключевых высказываний к пропозициональным выражениям, допускающим проверку той или иной конкретной субъективной реальностью. Эта необходимость возникает всякий раз тогда, когда упор делается не на мировоззрение, а на основания мировоззрения. Отчасти такие основания можно найти в более дифференцированном подходе к качественному психологическому материалу.

Наша первая дифференциация традиционно понимаемого психического заключается в разделении его на собственно психическое и психейное. Если собственно психическое — это область наглядного, осознанного, непосредственная реальность как таковая (и "внутренняя" и "внешняя"), то психейное — это не только нечто неосознанное, но и недостижимое в качестве предела осознания, если подразумевать терминологически строгое разграничение... Если есть сознание и метасознание, то психейное — часть метасознания, наиболее близкая к сознанию, а вернее — некоторая окрестность психического. Расчленять каким-либо обра-

зом психейное на структуры — означает творить мифы. Психейное не есть объект какой-либо конкретной науки и выступает только как своего рода вещь в себе.

Одним из самых древних мифов по отношению к психейному является миф о разуме — абсолютно идеальном и нагом уме. Реальный ум вполне чувственен и есть область наглядных ощущений смысла, связанных с воспоминаниями, представлениями и прочими здесь-теперь-феноменами. Собственно ум вполне фактурен, хотя невещественен, несубстанционален, а равно — неидеален, если, конечно, идеальное не рассматривать как нечто условно-относительное и соотносительное. В реальном здесь-теперь-уме не может быть точных окружностей, полного словарного запаса "личности", чисел типа 333333, а есть только опознаваемость их знаков, их образов, ссылки на них, но все то, чего нет в реальном уме, якобы есть в некоем фиктивном уме, разуме, хранящем абсолютно голые идеальности.

Можно привести рельефный пример. Так, умножая 353 на 353 в столбик, мы вовсе не мыслим. Мы умножаем не собственно числа, а только оперируем со знаками, то есть действуем подобно логарифмической линейке — она тоже не мыслит. Роль движка линейки для нас выполняет алгоритм, основой которого лишь отчасти и поверхностно выступает ум, а более — нечто, находящееся в психейном.

Частные науки не могут обойтись без висящих в небытии интеллектуальных эталонов, но метатеоретическое значение этих эталонов более чем сомнительно. Конкретно вывод о том, что человек — существо неразумное, пусть делает тот, кому это необходимо, — ситуация достаточно погранична, поскольку при желании всегда можно найти доводы в пользу косвенной или опосредованной разумности человека. Для пчел, муравьев и коралловых полипов такие доводы уже найдены. Не будем ломать копыя из-за дефиниций.

Целостной современной психологии как таковой не существует, есть только совокупность экспериментально-прикладных наук и теоретических паранаук. В первую очередь такой паранаукой (то есть не-наукой) является так называемая общая психология. Увы, теоретическая психология все еще недостаточно развита. Вследствие этого она по-прежнему черпает свой материал из предпосылок полуфилософских и полуобыденных, пользуясь довольно упрощенным и излишне натурализованным пониманием философских концепций. В положениях, описывающих качества сознания, множество мертвых схем, какие в неизменном виде дошли до нас со времен Аристотеля. Неизбежно возникло несколько ничейных областей, которые с начала XX века стали быстро заполняться психоаналитическими сказками, одна другой краше и картиннее.

Основываясь на вышесказанном, мы считаем себя вправе значительно отойти от обычных, канонизированных философско-психологических положений. Продолжая прерванный ход наших рассуждений, мы подразделяем психические феномены на дифференцированные и интегративные — с одной стороны, а с другой — на нейтральные и ненейтральные. Особый интерес для нас представляют интегративные ненейтральные ощущения, главной разновидностью которых являются тонические неиндифферентные ощущения, то есть реактивные ощущения.

В строгом смысле любое ощущение является реактивным, пусть хотя бы слабоинтенсивно. Реактивность, имеющая достаточно выраженный характер, свойственна только определенной группе ощущений — собственно реактивных. В дальнейшем мы будем называть их реактивными ощущениями (или р-ощущениями) без каких-либо оговорок.

Особенностью р-ощущений является направленность на бесструктурно-антиинформационное.

Тотальная значимость в себе каждого из них превышает сигнально-биологическую значимость и вместе с тем извне не является значимостью информационной.

Сам характер р-ощущений, их *небиологическая* витальность, просвечивание в них не имеющего какой-либо структуры импульса, способствует утверждению мысли о том, что тонизм каждого из них не есть случайный знак, могущий в принципе быть и иным, — здесь безусловно мы соприкасаемся с некой чрезвычайной сферой бытия.

Можно сравнить путешественника по "потoku сознания" с космонавтом. Дифференцированные нейтральные ощущения такого психонавта будут приборной доской или табло, а некоторые из интегративных ощущений (в том числе реактивные) — иллюминаторами.

Реактивные ощущения

1. Разлитые реактивности. Реактивности, расфокусированно присутствующие в любой ткани сознания.

2. Главная компонента локальной боли, главная компонента локального "удовольствия".

3. Прочие р-ощущения, сцепленные с соматикой, в том числе имеющие место при патологии.

4. Невербализуемые ощущения, переходные от соматикосцепленных к автономным, тонического характера.

5. Эмотивно-канонические ощущения.

6. Неканонические эмотивности.

7. Тонкие эмотивные ощущения (ТЭО).

8. Тонкие неспецифические ощущения (ТНО, мистические ощущения).

9. Предельные ощущения.

10. Сверхоощущения.

11. Протопатические ощущения.

12. Протоощущения.

13. Прочие.

Разлитая реактивность — это не слишком выделенная реактивность. Ее классический пример — теплые и холодные цвета и оттенки цветов: не сам цвет, а его незримая тонусная окраска, отгаливающаяся от сплошности колора и дающая ту или иную витальность чувства. Это как бы слабая тонусная наэлектризованность, еще не вызывающая глубокого внутреннего резонанса.

Говоря об ощущениях, сцепленных с соматикой, мы подразумеваем не некую физиологическую соматику, а соматику как психическое соматическое облако, тело — многочувственный психический образ в психических координатах, телесное самоощущение-самовосприятие.⁸⁹

Ощущения пункта 4 в чистом виде невербализованы, но чтобы их отдифференцировать от других, достаточно представить реактивные ощущения, входящие в общие самоощущения усталости, бодрости, оживленности и т. п. Близкие ощущения могут возникать при действии психотропных препаратов и всякого рода многореактивных затронутостях (имеющих место при исполнении танца, во время гонок и не особенно тонких переживаниях зрителя-болельщика).

К эмотивно-каноническим ощущениям относятся внутренние (то есть не поведенческие) компоненты удивления, страха, смеха, центральные ощущения, входящие в комплексы гнева, ярости и собственно эмотивные компоненты радости (диапазон обыденной представленности).

⁸⁹ Систематика используемой нами феноменологии не совпадает с принятыми подразделениями феноменов в современной психологии. Единственной наличностью в психике являются ощущения различных рангов. Отношения включения, пересечения и т. п. между ними таковы же, как в математической топологии и теории множеств. Так "сознание-восприятие" — это ощущение ощущений, некоторое множество объединений и пересечений всех остальных ощущений. Пересечение двух ощущений — это новорожденное третье ощущение. Так идет далее до пределов психической схватываемости. Мы уже упоминали, что не отождествляем собственно психическое и психейное, иерархию сознаний параллельных "центральному" сознанию — с подсознанием.

Большая часть подобных ощущений (именуемых в психологии и в просторечии чувствами) так или иначе представлены вербально.

Неканонические эмотивности четких вербальных обозначений не имеют. В зависимости от своего ранга они могут инициироваться и воспринятым необычного, ранее незнакомого интерьера, и орнаментом, и литературной арабеской. Спектр этих р-ощущений чрезвычайно широк. Часто в них можно видеть определенное локальное освобождение человека от биологических зависимостей и социальных несвобод. Если не брать особых случаев (шедевры), то эти р-ощущения окажутся основными пейсмейкерами художественного мира (водителями восприятия как для автора, так и для публики и тоническими критериями оценок).

Эти данности нашей "первой сигнальной системы", самозначимо глаголющие о себе, в отличие от находящихся "вне сознания далеко" чисел, не имеют никаких иных семиотических зарубок. В художественном последних тем более нет, поскольку структура художественного выполняет только роль отмычки или ключа: возникает резонанс различных структур, различных пластов данного нам неполноценного бытия. Благодаря некоторым суперпозициям "приоткрывается" окно во внеструктурное. Интегративность чувственных тонов, характер их интенционности не позволяет проводить далеко идущие аналогии со звуковыми тонами. Тем более неудачны попытки моделирования с помощью математического гармонического анализа. Взаимодействие, сосуществование различных реактивных ощущений не образует структуры вследствие их взаимопоглощения, взаиморастворения, а там где нет структуры, нет дискретности — нет и информации. В то же время самозначимость реактивного проявляет, вызывает к поверхности сознания тот феноменологический феномен, который мы обозначили термином "антиинформация". Усиле-

ние антиинформационности прямо коррелирует с усилением интенсивности реактивного.

Феноменальность психической информации — в ее косвенности, несамозначимости. Чем больше мы знаем — тем больше надо знать, чтобы отметить то лишнее, что мы знаем. Некоторой антиинформационностью (антиинформационными эффектами) обладают даже научные открытия. В свое время три закона Ньютона были хороши не тем, что дали новую информацию, а тем, что отменили массу информации старой, описательной. Во избежание превратного понимания, заметим, что мы не отождествляем смысловое и информационное.

Тонкие эмотивные ощущения. Эти р-ощущения ближе к экстатическим состояниям, и некоторые из них имеют вербальные обозначения. В качестве примеров можно привести ощущения таинственности, очарованности, воодушевленности, духовного полета и т. п. К другому роду тонких эмотивностей относятся ощущения грандизности, величественности. Суть в том, что вербальное (то есть термины) оказываются только классификаторами-направителями. По ним никак нельзя судить, о каком именно тоническом "цвете", например, той же таинственности идет речь в каждом конкретном случае.

Возможности поэзии превышают возможности научного и обыденного воссоздания того или иного духовно-чувственного феномена, но поэзия, как правило, создает свое, а не называет нечто наперед известное.

Тонкие неспецифические ощущения. В художественном свойственны только шедеврам, причем шедеврам определенного рода. Это одна из последних граней эстетического и мистического восприятия.

Мы склонны придавать термину "мистическое ощущение" нетрадиционный смысл. Допустим, что некий турист ошибочно принял выплывшую из-за

поворота дороги известняковую глыбу за привидение. Реально или нереально было то необычное состояние, в котором он находился долю секунды? Пусть некоторый служитель культа осознанно или неосознанно способствует распространению заблуждения, а некий верующий испытывает вследствие этого не только страх божий, но и духовное просветление. Те или иные атрибуты обмана — здесь только знаки антиинформации, характерные для определенного этноса, но не она сама. У кого-то изображение Ганеши — богочеловека с головой слона — вызывает совсем иную реакцию, чем у случайного зрителя. Символы характеризуются уже гораздо большей универсальностью, чем знаки. Семиотическую роль могут играть одни р-ощущения для других р-ощущений. Внешне р-ощущения сами являются семиотической данностью, невзирая на то, что не содержат структуры. Для них характерно интенционное свойство продолжения самих себя, аутотрансцензус. В различных планах этот трансцензус можно обозначать как иллюминаторность или как феноменоноумность. Первое означает подчеркивание для субъекта-психонавта значение прямой антиинформации по сравнению с косвенной информацией.

Разделение на информацию и антиинформацию не может быть условным, поскольку эволюционно информация — это завернутая, обращенная антиинформация. Переход в свою противоположность достигается благодаря стробоскопическим эффектам, овременности. Чтобы избежать в данном месте изложения развертывания космогоний, ограничимся следующим замечанием: взаимоотношения антиинформация — информация вовсе не дуальны, но все же отчасти напоминают всем известные отношения "волна-частица". Растр и ракурс человеческого восприятия таковы, что *несуществование* структуры как чего-то изначального, первичного человеком не замечается — само восприятие образовано по инерционно-цикличес-

кому типу. Иными словами, структура и информация представляют собой нечто вроде инерционного кладбища бесструктурного и антиинформационного. Неполнота восприятий вполне адекватна его космомотомичности (синдром множественности срезов).

Значение реактивностей пунктов 8 — 12 перечня может быть столь велико, что для их рассмотрения понадобится искусственная ассоциативная вербализация. Особенно это касается мистических ощущений — они имеют не менее ста выраженных оттенков. Все это, а также объем материала, требует анализа р-ощущений пунктов 8 — 12 (особых реактивностей) не в настоящем вводимом, а в других рассмотренных. Можно только заявить, что предельные ощущения — это колоссальные по интенсивности монотоны. Весь спектр тонких неспецифических ощущений образуется по принципу сочетания слабых оттенков этих монотонов.

Благодаря р-ощущениям мир предстает человеку в неиндифферентном виде. Выступая в роли безапелляционно ценностных ощущений, они оказываются одним из центров аксиологической кристаллизации существования. Наличие р-ощущений вызывает парадокс, смежный психофизиологическому парадоксу. Период "бури и натиска" в философской литературе начала 60-х годов, в связи с психофизиологическим и психофизическим вопросами, не затронул каких-либо мотивов парадокса р-ощущений.

Сущность этого парадокса в следующем. Р-ощущения являются ценностными ощущениями, но фактор вызывающий это их свойство отсутствует как в самом сознании, так и в физиологическом. В случае квазибытийной онтологизации физиологического (а естественные науки, в отличие от точных, пока так и поступают), за пределами субъективного сознания в объективизированном биологическом мы будем иметь неприкаемый гомеостаз организма. До этого гомеостаза сознанию нет

никакого дела, сознание может и не знать о гомеостазе, но важно только само наличие р-ощущений. Физико-биологический мир в своем псевдосинтезе и ортодоксально-объективной представляемости пассивным образом сталкивает оцененность р-ощущений, причину их оцененности на сами ощущения, ибо он индифферентен и автоматичен. С другой стороны, р-ощущения, в том виде, в каком они даются, полностью наглядны, а поэтому и здесь нельзя искать *скрытую* причину оцененности. Все это равным образом касается как зефирных чувствований, так и обыденных. Последние даже вполне четко подразделяются на отрицательные и положительные. Наличие указанного парадокса несколько не мешает попыткам рационализации р-ощущений, использованию их в качестве политического и сексуального "лихневмона"⁹⁰. Однако никакая рационализация не способна сделать их внутренне рациональными. Вплетение их в те или иные механизмы деятельности — только внешняя оправа.

Собственно неинформационен и реальный зеленый цвет, взятый сам по себе, вне общей витально-рациональной оболочки сознания, но фактически эта неинформационность почти полностью снята ввиду того, что тот или иной цвет может быть только топологически неизолированной частностью, имеющей определенные координаты во всяком новом здесь-теперь. В отличие от такого рода частных ощущений, р-ощущения изолированы именно топологически, их связь с другими (неинтегративными) ощущениями проходит помимо сейчас наличного сознания, рефлексивно-психейно, а не психологически. Пример с цветом — наше искусственное нарушение компараций, сделанное путем сужения восприятия. В противоположность этому многие группы р-ощущений имеют откровенную тенденцию к отрыву от сигнально-рацио-

⁹⁰ В буквальном смысле (энтомолог., биохим.) лакомая субстанция обмана.

нального, к отлетанию в иное — внесубъективное и внепрагматическое.

Среди р-ощущений можно видеть воспроизводимые и невоспроизводимые, "наведенные" и возникающие без какой-либо видимой причины, циркуляторные и поступательно-непрерывные (в том числе константные) сопровождающие индивида целую жизненную эпоху. Для р-ощущений не существует не только среды представлений, но и единичных представлений. Если в силу каких-либо причин возникает кажимость представления того или иного подобного ощущения, то де-факто это будет не представление, а действительное р-ощущение более слабой интенсивности, чем его предполагаемый прототип. При этом воспоминание-ссылка на прототип обычно вполне структуро-информационна и отдельна от самого тона р-ощущения.

Нетрудно видеть соответствие между собственно бесструктурностью и амнестичностью. Действительно, информация может быть представлена только в виде структурного, а то, что не является информацией, не может быть прямым образом передано или воспринято и, соответственно, запомнено или извлечено из памяти.

Антиинформационное не приходит и не рождается — оно высвобождается, открывается, будучи в обычном нейтральном случае закрыто и замещено вторичностью — сигнально-рациональной пленкой сознания, то есть бывшим антиинформационным, таким, какое в "сейчас" уже не является соизмеримым с человеческим восприятием. Мы не имеем в виду, что конкретное частное антиинформационное существует везде подобно некой субстанции: любая субъективная данность — всегда вычлененность из целого, а это целое пока удобно относить не к метасознанию нечеловеческой природы, но к наиболее "близкому" метасознательному — психейному. Под сознанием везде в данном контексте

подразумевается субъективное сознание поля данности, которое кажется наличным.

Мы не сводим все антиинформационное к реактивному. Логический объем термина "антиинформация" несколько шире. В этом докладе мы останавливаемся только на общей характеристике реактивного, без специального анализа особого реактивного. К сфере антиинформационного относится собственно волевое (волевые импульсы в себе, без приложения структуро-мотивационных разверток) и феномены... смысла. При этом если смысл и реактивность — явления одного ряда, то волевое не только внерационально, но и внелогично.

Смысл обычно смешивают со знаковыми компонентами вербально оформленной мысли. Между тем смысл не является даже и значением. Если практический рабочий смысл и предстает всегда в среде структуро-информационного, образного, то сам он как таковой представляет собой абсолютно бесструктурную схватываемость, отличную от значения, способного находиться в фигурах, подобных треугольнику Фреге. Эта бесструктурная схватываемость — своего рода апространственное экзистенциальное щупальце. Если реактивное не исчерпывается бытовыми каноническими эмотивностями, то и смысловое (в некотором роде логосное, отлогосное) не исчерпывается каноническими смыслами, связанными с вербальным и операциональным.

Вписанность антиинформационного в человеческий мир двойственна. С одной стороны, оно выступает как нечто самодовлеющее: если сущностью мировой истории до второй половины XIX века был человек, которого еще не потеснили стабильные самосохраняющиеся организации, то сущностью человека являются смыслы и эмотивности, продолжающие существовать словно бы вне мозгов и людей, подобно тому как человек живет и размножается, невзирая на гибель империй, пар-

тий и религий. В отношении эмоций это было невольно спародировано греческой трагедией, главные герои которой — не люди, а изолированные страсти, иногда получающие статус новой изолированности в виде мойр и эриний. С другой стороны, антиинформационное представляется обобщающе-суммационным. Здесь реактивности выглядят не столько палеоданностями, сколько ощущениями на ощущениях, ощущениями, паразитирующими на других ощущениях. В данном случае противоречия нет.

Антиинформационное всегда касается пределов существования. Через него совершенно подспудно и эстетически несниженно может прийти и то, что вследствие крайней зашифрованности никак не предстоит большинству читателей и зрителей. Например, для полноценного эстетического восприятия вовсе не обязательно интерпретировать в строчках Бальмонта

Когда б на Север мне умчаться вдруг
От черно-белого мельканья клавиш

черно-белые клавиши как дни и ночи, а Север — как страну надежд и творимых легенд, "тот берег", "рай"; темный дуб, который "склонялся и шумел" (из стихотворения Лермонтова) — как продолженный героем человеческий род, ветви дивергенций (или в более расширенном толковании — как все человечество, панродовое вообще), а странный сон героя ("Я б желал навеки так заснуть") — как стремление вернуться в утробу матери; строчки Блока:

Я закрою голову белым.
Закричу и кинусь в поток,
И всплывет, качнется над телом
Благовонный речной цветок...

— как дань фаллическому культу, точный судебно-медицинский аналог реального утопленника или висельника. Знание тех или иных вариантов углубленного истолкования придает восприятию дополнительный потенциал, новые экзистенциальные туннели воображения.

Неспецифические, небытовые чувствования помимо любых структуральных проторенностей, необходимых для дешифровки символа, выступают в качестве "проглядных ясных глянец"⁹¹, позволяющих взглянуть туда же, но неинтеллектуально, что и требуется в первую очередь от искусства).

Индивидуально антиинформационное может быть связано не только с тем или иным пакетом ключевых знаков, но и само всегда выступает как знак. В том слабом и эфемерном антиинформационном, что до нас доходит, есть тоническая ссылка на кульминационный пункт бытия.

⁹¹ Придан совершенно иной смысл словам А. Белого: "Проглядные, ясные глянца, Стеклясь, зеленея, звездели".

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ

(Контртезисы к распространенным концепциям)

В сферу эстетического неизбежно входит все *особое реактивное* (особое бесструктурное чувственное или мистическое), независимо от наличия связи последнего с художественным миром. Частично в сферу эстетического входит и тонкоэмотивное. Структурный коррелят (*мозаическое*) — необходимый балласт эстетического, и собственно эстетическое есть совокупность мистического и мозаического. Интенсивность эстетического определяется пропорцией между мистическим и мозаическим (между интенсивностью мистического и числом структурных элементов мозаического). Мы живем в опрагматизированном и рационализированном мире. Интенсивность эстетического в нем обычно исчезающе мала. Мистическую составляющую эстетического (если подразумевать аспект воздействия, аспект впечатления, возможность сдвига тонического настроения) можно отождествить с волшебной составляющей, но понятно, что крупницы волшебства не взрывают этот "твердый" мир только потому, что они микроскопически малы.

Нет нужды проводить при анализе эстетического фактурные деления, ибо эстетическое находится в иной плоскости, чем прагматические от-

ношения коррелирующих с ним объектов. Термин "объект" здесь, разумеется, не означает философского объекта. Не только эстетическое не вмещается в художественное, но и художественное не вмещается в эстетическое — логические объемы этих терминов могут только пересекаться. Художественное, хотя и рассматривается наукой эстетикой, тем не менее, чаще всего основано не на эстетическом, а на чисто эмоциональном и интеллектуальном, — законы художественных жанров могут быть формализованы и обобщены сами по себе. Они обращены в конечном итоге к восприятию и должны считаться именно с ним, из него они и порождаются.

Художественными являются также произведения не несущие ни специфической информации, ни эмоций, основанные на бесстрастном абсурде. Всякого рода интеллектуально и эмотивно стерильные произведения могут представлять собой какую-либо безассоциативную данность или безассоциативный процесс. При этом выпадение из рамок искусства не обязательно, а рамки эти весьма условны и относительны.

Эстетическое имеет четкий субъективный критерий: все эстетическое обладает особой аурой волшебства, — как бы тонка и сколь бы мала ни была эта аура, она всегда ощущается. Эстетичным может быть не все произведение, а только его часть или отдельные моменты. При этом само произведение может считаться полноценным или неполноценным в художественном плане или вообще быть уродцем.

Эстетическим часто оказывается наделено то, что "не сотворено" человеком, и артефакт, который не считается произведением искусства. Отнесение эстетического куда-то вовне — традиционная условность; в строгом смысле, эстетическое — особый чувственный слой, что вполне соответствует этимологии, однако ввиду достаточной вероятности отсутствия здесь-теперь такого слоя, принято иногда называть эстетическими чувственные спо-

способности, связанные с восприятием искусства. В контексте наших рассуждений, всякое отнесение вовне остается внутри чувственности, и, таким образом, эстетическое — только один из ее дополнительных планов. Возможности экстраполяций, кажущихся расширений в метафизическо-космическое мы не отрицаем.

Мы не считаем, что эстетическое должно быть сцеплено только со зрительными и звуковыми ощущениями, что другие ощущения (запах, осязание и т. п.) не связаны с эстетическим — любой субъективный пласт имеет шанс оказаться в одном из здесь-теперь населенным мозаическими структурами. Более того, протоощущения могут дать особую реактивность и без мозаического, и не исключено спонтанное возникновение особого реактивного без корреляции со структурным.

Какое-либо отграничение эстетического от "органического" или "телесного" не имеет никакого логического смысла, ввиду традиционной примитивности самого членения на "телесное" и "духовное". Эстетическое стоит вне прагматических классификаций, оно находится над обыденными сигналами, хотя и может быть тем или иным образом вплетено в них.

При всем том эстетические ощущения отнюдь не бескорыстны и могут сопровождаться влечениями и вожделениями. Выражаясь метафорически, в них заложено вожделение высших сил, стоящих за перегородкой сознания. Связь эстетического с прагматическим и "вылетанием" из прагматического и человеческого вообще мы косвенно отмечали ранее (например, онейроидные грезы голодающего). Тривиальные человеческие отправления, как правило, перестали быть эстетическими и, чаще всего, таковыми не являются в силу их автоматичности, отработанности. В этом смысле человек находится в более худшем положении, чем хищник, идущий по следам лани, или олень, выбирающий дорогу к водопою.

При рассмотрении эстетического восприятия следует осторожно относиться к взаимоотношениям субъекта и "объекта", так как "объект" обычно оказывается упрощенным, предметно-вещным или псевдосредним. Указания на подобные объекты — дань языковой технике. В строгом смысле деления на очный и заочный контакт с предметом эстетического восприятия не существует, так как имеет значение не практический предмет (картина, книга, ландшафт), а наличные ощущения, независимо от того, как они возникли. Картина, которую я сейчас вижу, есть совсем не та картина, какая полагается в сферах практики как предмет учета и продажи. Картина, которую я вижу "в сейчас", есть неотделимая часть сознания, не носящая характера объекта.

СТАТЬИ ИЗ КНИГИ "СЮР"

А. ПОЧЕМУ ФИЛОСОФИЯ НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ НАУКОЙ?

С нашей точки зрения, философия — такая же самостоятельная сфера погруженности человеческого сознания, какими являются искусство и наука. Подобную точку зрения легко объяснить, а при необходимости — и обосновать ее универсальную значимость. Сложнее обстоит дело с модальным оттенком в заголовке: "НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ НАУКОЙ..." Ведь даже живопись, музыка, поэзия в определенных смыслах предстают как науки. В выражениях "наука поэзии", "наука живописи", "наука музыки" нет ничего предосудительного. Как бы непосредственно и стихийно ни осуществляли овладение техникой или теорией названных искусств, особые науки как в переносном, так и в прямом смысле здесь нужны. Причем, не одна — несколько наук приходится и на поэзию, и на живопись, и на музыку. Однако аналогичное сближение науки и чистой философии грозит абсурдом. Здесь мы подходим к положению о диаметральной противоположности науки и философии. Противопоставленность науки и философии более кардинальна, чем противопоставленность науки и религии, причем настолько, что по отношению к философии наука и религия оказываются чуть ли не одним и тем же. Это можно различить и при поверхностном взгляде: наука и религия конвенциональны, а в философии конвенции носят ограниченный характер, не являются общим правилом.

При сходстве принципов новых направлений со старыми приходится всё-таки добавлять корень "нео-" (неокантианство, неопозитивизм), проводить значительные уточнения. В этом мы видим нечто похожее на ситуацию в искусстве. Мода, новые веяния и перспективы меняют практически всё — к старому нет возврата. Часто подобная конъюнктура весьма стихийна, интеллектуально обоснована.

Рассмотрим вопрос глубже. Для этого нам придется отбросить привычную философскую риторику, состоящую в нанизывании абстракций и понуждающую к построению пирамид из обобщений. Если мы представим, что эти иерархии внутрифилософских построений рухнули, перед нами не останется ничего, кроме неявной логики и первичных, собственно эмпирических феноменов. Именно в этой точке следует сделать остановку и далее не двигаться в сторону науки. Тогда неизбежно на смену аналогии и индукции придет — нет, не дедукция (без последней и так нигде не обойтись), а — редукция; на смену синтезу — не анализ (без него также не обойтись), но явление особое — выход на новую ступень знания не путем суммирования предварительного материала и какого-то его рядоположения, а путем своеобразного мировоззренческого отмывания до первичной сути. Плоскость слов ограничена: мы не имеем здесь в виду нечто подобное сортировке, сличению и пр. Сходное снятие мировоззренческих иллюзий позволяет обращаться к логическим парадоксам, не отождествляя их с курьезами. Редукция и указанное отмывание имеют отношение не к словесным знакам и абстракциям, но к реальному психологическому полю и градиенту. Релятивизм и скептицизм, необходимо проявляемые при этом, делают невозможным какое-либо сосуществование философии со слепыми заимствованиями из общей психологии — мы получаем метафизику в лучшем смысле.

Предметом метафизики, как и должно, оказывается метасознательное, метафеномены, то есть

дочувственное, а вовсе не "сверхчувственное". Действительной подложкой субъективного сознания не могут быть ни мозг, ни молекулы, ни атомы — мы должны двигаться внутрь рассматриваемого, а не парить над ним, синтезируя фантомы искусственно умноженных ощущений. Психофизиологического или психофизического вопроса для философии не должно существовать. Она идёт не вверх, а вниз, не перед субъективным сознанием, а за него. Что касается науки, то для неё психофизическое является не вопросом, а парадоксом. С точки зрения естественных наук, мы сталкиваемся с абсурдом: за небом, за потолком, которые мы видим, должна располагаться гигантская кора человеческого мозга. Этот сюрреалистический пример делает наглядным порочный логический круг, создаваемый совокупностью естественных наук. Порожденное феноменальным идеальное наука замаскированно пытается выдвинуть в качестве причины феноменального! Не следует забывать, что наука условна. Она описывает и предсказывает то, что в нормальном случае смогла бы описать, но в строгом смысле ничего не объясняет — феномены в ней, в лучшем случае, сводятся к феноменам или к их суррогатам. Задача философии — поиск ключей к тому миру, где нет философских категорий, чисел и физических полей, то есть к миру, а не искусственным надстройкам над ним.

Б. ИДЕАЛЬНО ЛИ СОЗНАНИЕ? СУЩЕСТВУЮТ ЛИ "ИДЕАЛЬНОЕ" И "МАТЕРИАЛЬНОЕ" В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

Названные вопросы слишком связаны, отвечать на них следует одновременно.

Единственный мир, который дан субъекту, — мир феноменов. Мир феноменов есть здесь-теперь-так реальность. Эта реальность вполне может быть и иллюзорной, но тем не менее она предстоит, и в этом предстоянии — ее фактуальность. Всё, что находится за пределами субъективной реальности, является либо объективной реальностью, либо фикцией, выдумкой, несуществованием.

Сознание, имеющее отношение к самым разным субъективным средам, гносеологически однотипно. Разница заключается в способах развертки, в формах осознаваемости. Так, реальная мысль, в отличие от идеи⁹², есть своеобразное тонкое ощущение, связность протяженных ощущений смысла, с одной стороны, а с другой — гомолог конечности, мышцы, тонкозримый переключатель представлений. Чтобы видеть неидеальность мышления, не нужно быть духовидцем.

Поверхностность, пластичность феноменов, наличие сновидений, галлюцинаций, различных пограничных явлений, их аутопространственность (протяженность внутри себя, а не в каком-то "внешнем пространстве") говорят о нематериальности как отдельных феноменов, так и сознания в

⁹² Современные термины "идея", "идеальное" имеют мало отношения к своей этимологии: терминам "эйдос", "образ", а также к слову "форма".

целом. В определенных отношениях весьма соблазнительно прикладывать к феноменам апробированную "гидродинамическую модель", то есть говорить о возможном полевом характере феноменов, однако термины "материальное" и "физическое" в достаточной степени атрибутированы и дискредитированы в мировоззренческом плане. Но идеально ли сознание? Что есть "идеальное"? Действительное положение вещей заставляет нас утверждать, что сознание неидеально. Оно чисто феноменально и есть в предельном варианте форпост между феноменальным и тем, что принято называть "идеальным", но и в названном варианте оно всё же остается в области феноменов, не пересекает их границы.

Идеальное — не некая тонкая вселенная и не мир вообще. Идеальное — в основном, нечто полученное вследствие намеренной или стихийной идеализации, то есть тем или иным образом надуманное. Идеальное — даже не предмет воображения. Нативное воображение, дающееся в здесь-теперь-так представлениях, — феноменально, а идеальное — либо условно воображаемое, либо особое следствие интеллектуального измышления, такое следствие, которое невозможно чувственно вообразить или даже логически связать в полноценной форме. Идеальное часто происходит из умственных посылок. Эти послылки по их логической стороне могут быть далеки от реального воображаемого, а также оказаться в противоречии друг другу.

Логическое противоречие может разрешиться только в нигде, то есть в идеальном, в данном случае узком идеальном. Итак, термин "идеальное" в уточненном понимании является антонимом термина "реальное". Если феноменальное — во многом живая идеализация природы, то идеальное — результат мёртвой идеализации на межчеловеческом и человеческом уровне. Названная разница (живого и мёртвого) некоторым кажется более очевидной.

Иногда задаются вопросом: "Субъективно идеальное или объективно?" Вопрос этот бессмыслен. Что имеется в виду? Происхождение идеального? Но происхождение идеального, способ его выделенности имеют мало отношения к фактуре. Идеального просто нет. Оно не субъективно и не объективно. Да! Но оно положенность! Кто его полагает — человек или общество? Субъективная оно положенность или объективная? С социологической и исторической точки зрения, идеальное, конечно, ближе к межсубъективному. Однако беда в том, что термин "межсубъективное" нельзя считать философским. Этот термин требует менее точных мерок строгости. Философски он некорректен уже потому, что какого-либо коллективного разума, общественного сознания в прямом смысле нет. Всё это метафоры. Фактуально идеальное является условным фантомом над реальными субъективными ощущениями.

Возможны различные виды идеального. Это, например, собранность того, что здесь-теперь дается разрозненно, частично; это условная развернутость того, что здесь-теперь свернуто; в предельном случае — то, что здесь-теперь вообще невозможно, а в "максимально предельном" — в уже запредельном варианте — то, что невозможно логически. Существуют специальные ощущения-ссылки, подразумевающие, порождающие идеальное.

По большей части все мы — идеалисты в своей обыденной жизни. Идеальное — циклопический фантом, мнимо продолжающий наш узенький спектр здесь-теперь-так. Интеллектуально человек всё еще великий дикарь, ему мало просто воспоминаний, просто планов, просто представлений. Хочется, чтобы за ними было нечто, с чем можно было бы оперировать, хотя бы косвенно. Ссылка на некий покрытый агностикой трансцендентный субстрат сложна для практики. Мы еще не роботы; именно на базе наших стремлений к бессмертию

ощущаемости, логически превращаемой в свою противоположность — идеальное, появилась наука, какую мы имеем.

А материальное? Имеет смысл не рассматривать материю, материальное как некие первосущности. Обратимся к самим материалистам, чтобы выяснить, что именно они считают материей. Одни материалисты называют материей свое тело, одежду, диван, ворону и камень, на котором она сидит... Таким образом, они отождествляет свои психические представленности (феномены) с материей. Другие материалисты, более изощренные, скажут, что материя — это вакуум, электромагнитное поле, протон, нейтрон и др. А потом, возможно, открестятся и от этого, уйдут в какой-либо мир понятий. Эти вторые материалисты ничем не лучше первых, ибо физические представления сводятся к тем или иным обыденным представлениям, способам предварительного истолкования обыденного. Физические картины мира — производные производных нашей наивной виденности. Физик идет не внутрь реальности, а парит над ней, в области абстрактных отображений параллелизует возможность новых феноменов.

Де-факто как в первом, так и во втором случае материализм оказывается разновидностью идеализма. И если некто все-таки попытается обойти физика, создать нечто вроде современной натурфилософии на основе данной ему "философии науки", то сам поставит себя в смешное положение.

Не таковы новые области физики, чтобы быть служанками натурфилософских принципов.

Мы имеем субъективную реальность феноменов, которые не материальны и не идеальны. Наличие этих феноменов, их незамкнутость, неполнота позволяют выдвинуть гипотезу об объективной реальности. И все возможные рассуждения на эту тему нам говорят, что объективная реальность не идеальна и не материальна. Она — продолжение того, что мы имеем, но продолжение, не похо-

жее на то, что мы имеем. Это не дома, деревья и горы. Это не "виденности", подобные резерфордскому "виденью" атома.

В. ВОЗМОЖНА ЛИ МЕТАФИЗИКА БЕЗ СПЕКУЛЯЦИЙ?

Отвечая на первый вопрос, мы говорили о необходимости отказа философии от злоупотреблений абстракциями, отвечая на второй — о необытной от феноменальной природе идеального. Идеальное уходит из мировоззренческого фокуса и даже в качестве подсобного орудия мышления выступает как третьестепенность. Критика чистого разума формально не нужна, ибо нет никакого разума. На предполагаемом месте разума находится сугубо чувственный ум.

Ум не может перепрыгнуть через себя — флюиды идеального над ним остаются пустыми. Если они пригодны для решения каких-то частных вопросов, то непригодны для философии в качестве ее предмета. Здесь пути метафизике нет, то есть нет спекулятивного пути. Остается только одна возможность — частичная редукция феноменального. Акт редукции делает ясным, что именно в феноменальном является производным, относительным, а что всё еще несет в себе черты абсолютного.

Методов трансцензуса несколько. Сравнение результатов, полученных различными методами, позволяет делать поверки. Роль эмпирического материала для философии, помимо феноменов, играют логические, естественнонаучные и независимые от естественных наук чисто мировоззренче-

ские парадоксы. Возникающая новая метафизика, хотя и сходна с наукой, последней не является ввиду особенностей своего предмета. Метафизическим миром оказывается всё то, что мировоззренчески просвечивает сквозь пленку реальных феноменов. Эта метафизика является, скорее, "метаментальником". Ее сфера — метасознание. Отнюдь не выдуманное психологами подсознание!

Г. В ЧЕМ СЮРРЕАЛИСТИЧНОСТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ?

Несомненно — в попытке гиперреализма и, сверх того, — в отталкивании от того сюрреалистического абсурда, в котором рано или поздно оказываются, до которого доходят направленности коллективистской механики, конвенционализма.

В метафизическом нет ни стрелы, ни Ахиллеса, ни черепахи, но древние иллюстрации метафизического мироустройства, связанные со смешиванием различных гносеологических пластов, могут явно или неявно перекликаться с новыми.

На глубинном уровне здравый смысл, наука и философия мало смотрят друг на друга, почти не пересекаются. Философия одновременно и возвращает человека в человека, и снимает его существо как таковое, превращает его кажимости в мыльный пузырь.

Д. О "ПРЯМОМ" ИЛИ "БЫТОВОМ" ДОСТУПЕ К МЕТАФИЗИЧЕСКОМУ

К правильному представлению о характере метафизического можно, в частности, прийти путем отказа от доминанты зрительных стереотипов протяженности. Алокальность и внекоординатность объективной протяженности⁹³ не должны приводить к выводам о следовом характере пространств, промежуточных между объективным и субъективным.

К метафизическому относится абсолютное, буферное и доабсолютное. Однако, говоря о непосредственном доступе к метафизическому, мы не имеем в виду некой духовидческой узримости буферного (здесь возможны бесчисленные фальсификации). Образование метафизического иллюминатора, метафизический прогляд даются не через образы и представления. Это виденье (бесструктурное или близкое к бесструктурному) возникает благодаря внутренней чувственной вспышке. Фактически подобный контакт с метафизическим достигается через перцепцию-апперцепцию, особую сосредоточенность. Нельзя отождествлять прочувствованность метапсихического со всеми "движениями души", "душетрясениями". Наиболее полная открытость метафизического возникает там, где есть внеродовая, внеиндивидуальная оцененность бесструктурного. Открываемое описываемым образом древлесознание — обычно только частично и отнюдь не весь метафизический мир.

⁹³ Одно из отличий объективной субстанции от того, что именуют "материей".

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КНИГИ "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ"

/Тезисы доклада, 20 марта 2004,
Пушкинская, 10, Петербург/

1. Введение

Сегодняшней беседе дано название "Возвращение философской системы", а ее фактическая цель — представление книги "Буквы философии". Раньше как будто философские системы существовали, но это "как будто" не снимает вопросов "А может ли философия быть системой? Не абсурдно ли словосочетание "философская система"?"

Однако в данном случае речь идет не о философии, а о ее подаче в виде изложения, о том, какое это изложение, а правильное, какая это интенция. Зашориваться на слове "система" непродуктивно. Можно говорить и о чисто прагматических признаках. Пусть даже товароведческих, без обращения к тонкому анализу.

В этих смыслах рассматриваемая в книге философия выглядит как неклассическая философская система.

Сходство с классикой — наличие разделов, которые можно отнести к гносеологии и онтологии. Отличие — в попытках максимально усечь трансцендентальное, а также изгнать то, что некогда называли натурфилософией, а ныне "философией науки".

Системе якобы положено входить в надсистему иметь подсистемы. Философия — не математическое исчисление, а потому формально и неформально философия неизбежно-поступательно либо стихийно перемешивается с метафилософией, либо ею обрамляется, а кроме того, философское изложение включает в себя если не лирические отступления, то некоторые самозначимые эвристические блоки. Проводить аналогии с теорией систем, выискивать признаки замкнутости или незамкнутости системы было бы здесь смешно. К различным разделам изложения — различные требования строгости. Появляются своеобразные гносеологические шкалы.

1) Призвание слова "система" — также в отделении систематично излагаемого мировоззрения от мировоззрения, представляющего в философских статьях.

2) В данном случае возникает вопрос о необходимости сервисного тезауруса, о своей системе терминов. В книге вводятся принципиально новые термины, а те, что известны из истории философии, применяются с измененными значениями.

3) Философия, в отличие от науки, не имеет конвенций. Неизбежная автономность предполагает систематичность.

4) В книге обозначены четыре начала философии. Они, естественно, поляризуют изложение, оказываются формальными пейсмейкерами⁹⁴.

5) Помимо двух уже упомянутых отличий от классической системы можно назвать спасающую от логических парадоксов редуктивную направленность мировоззрения.

Эта направленность сочетается с онтологическим антиструктурализмом, дезавуированием представлений об объективности структур.

Представления об уровнях и подуровнях рассматриваются как симптом мировоззренческой аберрации. Место так называемой теории систем мож-

⁹⁴ См. примеч. 41.

но не комментировать. Мы говорим не об эвристике, а о попытке строгого мировоззрения.

б) Есть наука, есть искусство, а есть философия. Философия — самостоятельная сфера погруженности сознания. В своих кардинальных положениях она не может быть гуманитарной. Дегуманизация здесь необходима. Для дегуманизации необходим переход через квинтэссенцию человеческого. Сходным образом вершины нефигуративного искусства появляются после проверки возможностей обычного искусства. В противном случае невозможна настройка эстетических и интеллектуальных вибрисс. Интеллект, как и прибор, нуждается в калибровке.

Возникновение нового философского учения связано не только с отказом принять учения существующие. Многие задавали вопрос: "Почему этих учений слишком много?" Быть может, человечество вообще малоспособно к философии?

Действительно ли оно малоспособно и к чему оно малоспособно еще?

Выясняется, что вначале человек терпит конфуз в создании общей психологии, в возможностях интроспекции. Словно бы здесь заложено очередное соотношение неточностей. Современные специальные психологии давно от этого отмахнулись и незаметно физиологизировались. Но отмахнуться от интроспекции в философии невозможно.

Что можно сказать? Психология возникла отнюдь не в XIX веке, как это принято считать. За тысячи лет до трансцендентальной философии уже существовала трансцендентальная психология, никак себя не именующая. Она въелась в поры, считается чем-то само собой разумеющимся. В ней, впрочем, имеется немало нелепостей. Согласно одной из них, разум неявно полагают внутренним богом-гомункулусом. Деконструкцию следовало бы начинать отсюда.

2. Автореферат

Первое начало философии пребывает вне философии и представляет собой совокупность предначал. Оно включает в себя возможности языка, неявную логику как границу возможности существования, возможность мировоззренческой сосредоточенности, способности переоценки опыта. В частности, первое начало предстоит через дочеловеческую вписанность человеческого.

Как для первого, так и для второго начала технологически нужны мировоззренческие ошибки, парадоксы. Начать философствование, не сделав ошибки, невозможно. Сам процесс философствования заключается в попытках корректировок. Ошибки в избытке поставляют обыденность. Так, фразы "Я иду", "Я мыслю", "Я вижу небо" или "Текст реально существует" философски ошибочны.

Второе начало философии — в релятивизации психического. Оно может быть начато с корректировки констатаций, касающихся феноменального поля.

Просто отказаться от Канта и Гуссерля ограничением роли абстракций недостаточно. Приходится релятивировать подразделения феноменов, пришедшие из античности. Реальное мышление весьма разнообразно, иногда подобно музыке, но человек не может продуктивно мыслить, не фиксируя свою мысль, не производя дополнительных означений, знаковых зарубок. С этой тугоподвижностью систематического мышления приходится мириться. Однако необходимо, чтобы ходули мышления не мешали самому мышлению, не выступали в роли детерминантов. Второе начало философии можно видеть в выделении психической реальности. Обычно понимаемое психическое мы разделяем на собственно психическое и психейное. Психейное, в отличие от собственно психического, оказывается черным ящиком. Тем самым мы разделяем и обычно понимаемое субъективное на собственно субъективное (субъективно реальное) и

отсубъективное, или фиктивное. Увы, так называемое "идеальное" оказывается в конечном итоге (в данном изложении мы опускаем рассмотрения интересубъективного) отсубъективным, фиктивным.

Одним из методов рассмотрения феноменального поля является холистический подход к феноменам, исправление грамматики на философско-феноменологический лад, использование специализированных смысловых фиксаций (называемых про-позиции, каркасные смыслы — смыслорадикалы), а также принцип сред.

Сознание оказывается топологией. Формально реактивное, смысловое и волевое рассматриваются отдельно, но ни одно из этих явлений не дается в чистом виде. Всегда имеет место взаиморастворенность. При классификации производится некоторое практическое отвлечение от этого. С одной стороны, феномены делятся на нейтральные и реактивные, с другой — на бесструктурные (мало-структурные) или, точнее, тонические или, еще точнее, интегративные и структурированные, или дифференцированные. Вопрос о том, какие из них первичные, а какие вторичные, мы здесь рассматривать не будем.

Классификация интегративных феноменов перерастает в экстраполяцию иррационального, то есть бесструктурного. Хотя иррациональное не теряет логический статус, возможности чувственного трансцензуса более приемлемы для искусства, для видоизмененного сознания, а не для систематической философии.

В книге проверяется и экстраполяция рационального. Итоги этой проверки неутешительны. Возникают выводы о невозможности современной натурфилософии и теоретического синтеза данных различных естественных или точных наук, невозможности чисто теоретической науки вообще, а также вывод о квантовости, разорванности результатов познания. Фактически приемлемого синтеза картин мира не существует и в принципе не может существовать.

Философский трансцензус возможен только при достаточно правоммерном обходе апории солипсизма, то есть в общем случае при обходе сомнения в существовании мира вне субъективного сознания.

Логических парадоксов, логического круга, а также введения в действие психофизиологического парадокса можно избежать только при редуктивном подходе. Философское познание должно отказаться от фантомических надстроек над миром реальных феноменов. Приемлемо направление не над феноменами, а внутрь феноменов: в сторону метасознания. Нужно сказать, что психоаналитическое подсознание мифично, метафорично, является как раз надстройкой, то есть псевдосредой, и в данном случае отмечается. Вывод метасознания не является особым кунштюком, но нуждается в многочисленных проверках. В действительности оно означает вывод объективного на основании субъективного. Параллельно рассматриваются возможности вывода объективного при условном теоретическом занулении феноменального. Тем самым мы имеем две разные по происхождению метафизики: редуктивно-дедуктивную и лимитно-реконструктивную. Изымание из философии спекулятивной метафизики происходит через отказ от бухгалтерских трансцендентальных рассмотрений и отказ от натурфилософии. Хотя формально натурфилософия Нового времени никакого отношения к метафизике не имеет, пусть даже сейчас делаются попытки метафизировать некоторые ее условно-рафинированные части. Однако уже античная натурфилософия была псевдосредной, а производство из псевдосреды каких-то высших материй и вообще материй невозможно.

В предстающих пределах объективное бытие оказывается фазой недобытия, недореальности. Бытию противостоит не ничто, не небытие, а недосуществование. Но в отличие от субъективного мира это недосуществование полностью самостоя-

тельно. Более того, оно самостоятельней чего бы то ни было. Нельзя называть недобытие неопределенностью. Уникальность недосуществования в том, что оно никак не отканено, что к нему не применима никакая логика, закон достаточного основания и причинность. Тем самым недобытие или ни то ни се (НТНС, четвертое начало философии) выступает как достатистическая, достохастиическая мировая меристема.

Переход от субъекта к собственно объективному бытию осуществляется только после снятия практически всех субъективных и псевдосредних, в том числе физических, характеристик. Снимаются и время, и обычно понимаемое пространство, зато появляется такая характеристика как пронцаемость. При одних выводах параметр пронцаемость возникает в качестве дополнения субъективной недопронцаемости, в частности, недопронцаемости чувства-осознания-ощущения, его несамостроенности; при других выводах выход на этот параметр происходит при объяснении функции самосвязности образующейся непространственной (то есть внекоординативной, внеметрической) протяженности.

Прямой переход от абсолюта к человеческой субъективности невозможен. Модельно человеческое сознание здесь-теперь-так можно сравнить с сечением кабеля, состоящего из триллиона изолированных проводников. В модели объединение этих проводников в одно в этом сечении можно представлять по-разному, в частности, с помощью предположения о некоторой токопроводности самой изоляции каждого проводника. Однако любые модели устройства-источника, к которому ведут эти проводники, более чем нелепы. Похожие нелепости в конечном итоге возникают и при, казалось бы, правомерном сравнении феноменального поля здесь-теперь-так с изображением на дисплее. Выход из такого положения вещей дают представления о продолжениях бесструктурных ощущений.

Иногда имеет смысл говорить о совокупности всего субъективного, о совокупности всех субъектов, в том числе нечеловеческих. Образуется виртуальная иерархия, где наибольшее значение имеют не конечные, а буферные субъективности. Каждая субъективность, невзирая на свое извнутринное наличие, объективно схлопнута. Совокупность всех субъективностей можно назвать постабсолютом. Этот постабсолют, или вскрытый расщепленный абсолют, бытие в широком смысле — не что иное, как гносеологический мыльный пузырь. Но как странный объект, в основном находящийся по ту сторону субъекта, только он похож на мир в обычном его понимании. Собственно бытие, то есть объективное бытие в узком смысле, абсолют (третье начало философии), не представляет собой ничего интересного. Постабсолют, невзирая на свою иллюзорность, фактически есть ментальное родовое древо. Как-то пошатнуть его невозможно. В нем мы имеем эффект псевдоматериализации, завершенности других сознаний.

Одна из заключительных частей книги именуется "Проинтроект". В ней описываются древа смыслов жизни, целей, критериев и стимулов. Позитивные смыслы и позитивные стимулы могут в тот или иной момент отсутствовать. Позитивные цели и позитивные критерии, невзирая на условность своего статуса, более значимы как опоры, но их действенность проявляется только при сосредоточении на метапсихическом, при наличии хотя бы воображаемого трансцензуса.

ТЕНИ МЫЛЬНЫХ ПУЗЫРЕЙ⁹⁵

Если мы смотрим в обыкновенный калейдоскоп, то видим красочные симметричные узоры. Однако они — мнимость. Три зеркала умножают и складывают в узор отражения пяти-шести некрасивых зазубренных осколков. Не надо забывать, что сознание — также совокупность своеобразных зеркал. Надо помнить, что оно филогенетично, что оно не совсем наше и его иллюзии только по человеческой наивности представляются чем-то натуральным и первичным.

Всякий закон, каким бы он ни был, является бельмом памяти перед глазом. Законов нет, пока не произошли события, из которых они выводятся. Законы — принадлежность человека, а не мира, они всегда даются задним числом. Микростатистика оказывается впереди макрозаконмерностей. Так называемые переходы количества в качество и наоборот, отрицание отрицания и т. д. даже и законами сложно назвать. Нас поражает иллюзия глубины, кажимость стояния перед бездной природы, но легко понять, что многочисленные принимаемые за секреты природы "философские закономерности" — поверхностны, что они — дань стечению обстоятельств, миллионнократное наложение одних обстоятельств на другие, формальный рисунок распределения, зависящий от ракурса и растра наблюдающего субъекта. Кроме того,

⁹⁵ Релятивный подход к универсалиям систем. Тезисы доклада.

надо обладать таким зеркалом, как память. Только с непростительным опозданием, только на искусственном удалении и отдалении от фактически творящегося можно узреть некое отрицание отрицания. Зачем тогда выдавать это за нечто, присущее самим вещам? Узрение узрением и остается. Мы имеем дело со свойствами узрения, а не со свойствами природы. А поскольку узрение нам не принадлежит, поскольку оно запланировано задолго до нас, мы неизбежно упираемся в некие динамические буферные явления, которые и пытаются выдать за собственно природу. Объединение разнообразия в расчлененное единство (систему) происходит не где-то, а в человеческой мысли. Отсюда универсалии различных несходных друг с другом систем — всего лишь универсалии мышления. Нам кажется, что организм животного (система) четко выделен из окружающей среды, но, увы, это только кажется. Если взять десятки миллиардов лет или секунду в степени десять в минус десятой, то никакого организма мы не обнаружим, не будут существовать даже его атомы. Утверждения: "Система доминирует над подсистемой; подсистема не полностью вписывается в систему; подсистема и надсистема способствуют разрушению системы" — только популяризация возможных математических описаний, своего рода упрощенная математика без формул, но не откровение, не интеллектуальная кульминация.

Зададим вопрос: "Может ли структура быть не только условно-естественнонаучной данностью, но и философской объективностью?" Только в рассмотрении с большими логическими допущениями. **Философия нам нужна не в качестве разбавления науки, а в качестве ее уточнения.** Иначе мы будем иметь дело не с философией, но с беллетристикой, паранаукой. Паранаук может быть неслучайное множество. Согласование их между собой не обязательно и каждая из них не обязательна по своей сути. В итоге мы получаем беспардонную ин-

теллектуальную анархию, а, точнее говоря, свалку мыслительных отходов.

В 1950-е годы в Советском Союзе много говорилось о "лженауке" кибернетике. В середине 60-х эти мнения отвергли, зато в начале 70-х в качестве реванша активно перешли к многочисленным никому не нужным "кибернетическим" построениям. Называть их "лже" неудобно, но и придавать им сколько-нибудь ценностное значение нелепо. Что нам дает моделирование движения света по протеканию электричества в проводниках? Чаще всего — ничего. Разве что материал для диссертации. К счастью, в настоящее время многообразная бесполезная акробатика отпала, поскольку возникла возможность компьютерного моделирования. Но чисто теоретическое моделирование продолжает сохранять свои изъяны. Например, куда только не пытались втиснуть математическую теорию графов! Втиснули. Ну и что? Какова от этого польза? Как правило, никакой. А речь идет вовсе не о фундаментальной науке — о третьестепенных приложениях неизвестно какой дисциплины, проросшей из терминологической алхимии. Само слово "междисциплинарный" у всякого уважающего себя деятеля науки должно вызывать ироническую улыбку.

Повсюду мы видим принцип себе подобия: нейтрон похож на нейтрон, атом — на другой такой же атом, человек — на человека. Дурное вечное повторение, дурная бесконечность, расплата за неполноту и временность. В обыденном человеческом сознании повторяется все та же игра подобий, но более театральная.

Сходство объектов из разных областей знания чаще всего ложно, связано с неполнотой знания. Сейчас мало кому придет в голову находить сходства в движении планет вокруг солнца и электронов вокруг атомного ядра. Подобные сравнения и кощунственны с точки зрения современной квантовой механики. Пусть занимательным кунштюком выглядят обратные сравнения с элиминацией традиционной кинематики.

Попытка Бертраланфи создать и превратить общую теорию систем в философию науки благополучно провалилась. Учения о системогенезе имели очень узкое значение и носили в основном характер личной эвристики. Не пора ли прекратить изобретать вечные двигатели, бесполезно решать задачи о трисекции угла и квадратуре круга?

Впрочем, начиная с Гуссерля, философия пустилась в такие маргинальные экивоки, что ныне перемешалась с литературоведением, психоанализом и бог весть еще чем. Плюралистичность, многовариантность, неоднозначность ей не пошли. А в философии науки безобразия начались еще раньше. Кто теперь будет чистить от плесени натурфилософию XVIII или XIX века? А сколько копий было сломано! При этом наука того времени, в отличие от ее скандально плоского философского отражения, либо еще нужна, либо удачно вписалась в современную науку.

ФИЛОСОФОВЕДЫ И ПУСТОТА⁹⁶

(В сокращении)

СПбГУ, философский факультет,

26.06.2004

В странном соотношении «профессиональный философ» (а существуют ли такие в принципе?) — «самодетельный философ» мы имеем явное выпадение из общего перечня: радиоинженер и радиолюбитель, профессиональный математик и математик-любитель, зоолог и самодетельный натуралист... Прежде всего потому, что в России никогда не было философии в подлинном смысле, здесь всегда шла речь не о философах, а об историках философии, религиозных мыслителях, просветителях или энтузиастах, адаптирующих иностранные концепции на национальной почве. Этим отставанием наша страна смело может гордиться.

С другой стороны, сейчас — время постструктурализма. Постструктурализм — вовсе не философское направление, а знак общегуманитарного кризиса. Он означает не философию, а ее отсутствие как чего-то цельного. Вместо относительно законченных концепций постструктуралисты вручают нам набор разрозненных эссеистических утверждений.

Философией сейчас нередко называют и то, что к чистой философии никакого отношения не имеет: философию менеджмента, философию компь-

⁹⁶ Публикация в сборнике "Феномен самодетельного философствования", СПб., 2005.

ютерных сетей, общее бытовое представление о жизни в обществе и так далее. Как следствие, философ может величать себя кто угодно.

Возьмем некоторые факты. Самодеятельными философами без всяких поправок называли Бёме, Дицгена, Башляра, но никому не придет в голову объявить самодеятельным философом Декарта, Спинозу, Ницше или Гуссерля, хотя формально именно они самодеятельны. Разница, как выясняется, заключается не в уровне, не в глубине, не в форме подачи философских рассуждений. Разница в каждом случае своя. Тем более что подлинный философ не может не быть самостоятельным, философом в себе и философом от себя, находящимся вне школок.

Рассмотрим теперь некоторые моменты более подробно. Мы имеем:

1. Особый статус философа и философии в России.

Он подразумевает:

а) Нелюбовь к чистой философии власть держащих (философии отводилась роль служанки богословия и политической идеологии).

б) Отсутствие в России философов в западном смысле этого слова (были только мыслители, историки философии, культурологи, энтузиасты-просветители).

в) Отсутствие в России традиций и предпосылок полноценного философского образования (за исключением истории философии и философии науки).

г) Синкретизм, выражающийся в смешении философии с теологией либо с явной или замаскированной идеологией марксизма. Сверх того, этот синкретизм растворен в обычном низкопоклонстве перед Западом, а в настоящее время в качестве крена в текстологию связан и с довольно комическим преклонением перед постструктурализмом. Всякий докладчик к месту и не к месту считает себя обязанным процитировать пару раз Гваттари

или Делеза точно так, как раньше он цитировал Маркса или Брежнева.

Ничем не перебарываемая подражательность российской университетской философии особо заметна до 20-х годов XX века и после 1991 года. Противоположное мнение никак не купить крупицами самобытности, которая имеет в основном культурологический окрас.

На основании этих пунктов можно сделать предположение об условности в России понятия "профессиональный философ", о возможности смешения его с понятием "чиновник от философии". Исключение можно сделать разве что для историков философии. Оценивать культурологов несколько сложнее, но в большинстве случаев их воззрения — явление вторичное.

2. Следующий пункт связан с пограничным характером чистой философии как сферы погруженности человеческого сознания.

Если мы выделим чистую философию из многочисленных вспомогательных философских наук, то окажется, что центральное ядро философии не является ни наукой, ни искусством. Философия будет самостоятельной сферой, параллельной науке и искусству. В социуме эта сфера определена недостаточно, а точнее говоря, не определена вообще.

Отсюда понятие "профессиональный философ" оказывается слабо очерченным и для философии вне России. А поскольку с эпохой постструктурализма университетская философия в Европе и Америке испытала диссоциацию, потерю систематичности, растворение в околофилософской "критике", литературоведении, психоанализе, то можно говорить и о философском китче, об уходе философии с кафедр и философских журналов в кулуары, в так называемые "тусовки". Из статей и книг мы узнаем лишь об отдаленных результатах раз-

личных неофициальных компаний и гораздо реже — о них самих.

3. Можно выделить два вида дилетантизма: бытовой и концептуальный. Бытовой дилетантизм связан с растворением философии в различных околофилософских проблемах, в "домашних" представлениях о философии, в отказе от рассмотрения гносеологических проблем. Дилетантизм концептуальный прокламировался недавно ушедшими от нас лидерами современной философии и заключался в растворении философии в философской критике, предполагал отказ от рассмотрения основных вопросов философии, в отказе от систематичности философского мировоззрения, в рассыпанности, разбросанности мысли. В подобном подходе мы видим сходство экзистенциализма и постструктурализма с марксизмом, а не только со стихийным бытовым философствованием.

4. Конец XX — начало XXI — время нового средневековья, новой схоластики. Падение уровня философского дискурса таково, что чистая философия оказывается равно вымытой из пределов как официальной, так и неофициальной философской среды. И там, и здесь чаще всего заняты приложениями, частными вопросами. Фундаментальные философские проблемы оказываются вне рассмотрений.

5. Попробуем сравнить философию с другими человеческими сферами, например, с искусством. Философия — самостоятельная область, она имеет собственный предмет и не является ни наукой, ни искусством. Поскольку сравнения с наукой уже неинтересны, сравним ее с литературой, изобразительным искусством. Когда имеют в виду произведения для писателей, а не для читателей, главным романом XX века почему-то считают джойсовский "Улисс", но вовсе не "Поминки по Финнегану". Возможно, потому, что "Улисс" гораздо китчевее. По

той же причине первым сюрреалистом называют работавшего на публику и допускавшего значительный натурализм Сальвадора Дали, а, скажем, не Ива Танги. Аналогичное влияние масскульта на избранную публику заметно и в сфере философии. (Кстати, никто не назовет самодеятельным художником недоучку Дали или нигде не учившегося Танги.) И по нашим, и по европейским мыслителям хорошо видно, что в современной философии, как в литературе и искусстве, царствует мода. До академического консерватизма науки здесь очень далеко.

Слово "самодеятельный" имеет заметный снижающий оттенок... А ведь обычная (скажем, концертная, театральная) российская самодеятельность — вовсе не самодеятельность; это то, что вышло из активно насаждавшихся сверху кружков... Такая самодеятельность не имеет самостоятельного характера, чаще всего это подделка под народность, сделанная по указке министерства. В языке под словом "самодеятельность" может подразумеваться не названное явление, а просто доморощенность.

Полноценное философствование не может не быть самодеятельным — читай: "самостоятельным". Философствование обязано выходить за рамки школ, хотя бы сколько-то возвышаться над традицией.

Действующий философ — человек философствующий, а не обсуждающий нечто философед. Для простоты и следует разделить всех людей, имеющих отношение к философии, на философедов (точнее говоря, философияеведов) и философов. Философед не владеет философствованием, он изучает философствование других. (Полная параллель с искусствоведом.)

6

.....

Инвалидом по отношению к философии можно назвать все человечество. Можно даже категорически заявить, что *Homo sapiens* — существо антифилософское и к философии патологически неспособное. Философия существует не менее пяти тысячелетий, а, возможно, и тридцать тысяч лет — все время существования современного вида человека, но до сих пор она не дошла до своих азов. Конвенции здесь эфемерны. А ведь для философского размышления не требуются ни вольтметры, ни микроскопы, ни телескопы. Объяснять философскую недостаточность исключительно дефектами человеческого ума было бы неверно. Прежде всего, следует обратить внимание на склонность человека к коллективным психотическим явлениям. Именно в религии, философии и политике эти явления, сходные с массовыми психозами, проявляются наиболее ярко.

* * *

К вышесказанному нужно добавить стихийно возникшие заметки на полях.

№ 1. Допустим, что в некотором инкубаторе удалось вывести профессионального философа. В любом случае этот профессионал не сумел бы жить публикацией философских работ, как, скажем, Дарья Донцова — публикацией детективных романов. Предположим, что он преподает сам себя и в процессе преподавания философствует. В этом случае он смог бы пробыть профессионалом не более двух семестров, после чего неизбежно стал бы повторяться и превратился бы в философовед-самоведа, собственного школяра...

Как видим, никакой поддерживающей почвы для профессионализма нет.

⁹⁷ Опущен фрагмент, имеющийся в тексте "Преддверия философии".

Обычно философия денежно обеспечивает своего носителя через процесс преподавания. Возникает своего рода порочный круг, нечто вроде сетевого маркетинга сайентологов.

№ 2. Мы видим перманентную незрелость философии и философов в России. В этом свойстве славянской души есть что-то фатальное. Тем более что отказ от любви к абстрактной мудрости, как выясняется, вовсе не приносит житейских дивидендов.

Общий вывод. В нормальном случае, то есть в случае статистически и социологически значимом, в России (скорее всего, и во всем мире) нет актуальной философии в любом смысле. Повсюду — почти целина. Можно найти, с одной стороны, философов, а с другой, странных обывателей, готовых порассуждать и на трезвую голову.

Разного рода общетеоретическую и методологическую проблематику, связанную с наукой в целом, вряд ли имеет смысл относить к области философии.

Склонность к чтению философской литературы есть примерно у десятой части студентов — будущих ученых, а иногда — у недавних выпускников. Подобная аномалия вполне простибельна и легко объяснима потребностями, вытекающими из широко понимаемых ориентировочных рефлексов и рефлексов цели. С возрастом эта склонность сильно ослабевает или ограничивается более узким тематическим кругом.

И все-таки на вопрос о том, является ли философствование умственной жвачкой, я бы ответил по-своему. Пусть философии у нас почти нет, но философия — не жвачка. "Умственная жвачка" — термин психиатрический, применяемый к мышлению эпилептиков или эпилептоидов⁹⁸. Эта жвачка чаще всего характерна для музыкантов, прозаиков,

⁹⁸ Нормальные люди, несколько сходные с эпилептиками.

литературоведов. А философы, как правило, оказываются не эпилептоидами, а шизофрениоидами. Типичный недостаток шизофрениоидов — феномен разорванности мышления, фрагментарность памяти и действия. Многие знаменитые философы были в области мысли чрезвычайными чудаками. В философии индивидуальная человеческая фальшь многократно умножилась коллективными психозами.

ФЕНОМЕН ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

(В сокращении)

.....

.....

Очень нефилософски предъявлять претензии к тому времени, в котором мы живем, но есть то, что раздражает в постсоветской философии: все те же советские нотки, мощная драпировка, а то и центральная ось изложения, состоящая из цитат, которые выдаются за научные ссылки, но в действительности таковыми не являются — *qui pro quo*. Подобные имитации возникают из неопределенности предмета цеховой направленности, из несогласий между различными квазицехами. Сообщества в философии строятся по иным принципам, чем сообщества в науке, и почти не корректируют друг друга.

В отдельных случаях философ, подобно писателю, может выступать как терапевт или модификатор души. Но какие-то кабинеты философской терапии, скорее всего, будут (если вообще будут) не везде и не всегда. Эфемерные вещи слишком трудно поддаются социальному канализированию.

В большинстве случаев неуловима и польза, которую философия может принести науке. Как раз более ощутим вред: приснопамятные киты, на которых стоит земля, теплород, опровержение вейсманизма-морганизма... Как-то профессионализо-

вать философа, дать ему кормушку в качестве ректора науки или советника при ней в общем случае невозможно.

Попробуем посмотреть на вопрос не менее серьезно, но уже с третьей стороны. У преподающих философию не хватает времени, чтобы ею заниматься. Большинство из них находятся за десятки и тысячи километров от ближайшего философского факультета. Им важно набрать оплачиваемые часы, важно готовиться к встречам со студентами времени постпостмодернизма, дабы не упасть в их глазах. Кивками в сторону брадатых классиков уже не отделаться, тем более что возникают и меняются модные философские течения, модные авторы-временщики. В погоне за симулякрами заниматься своей философией, собственным философствованием некогда. Иногда возникает вопрос: "А не лучше ли философу жить в лесу или на необитаемом острове?". Всем известный американец однажды поселился в лесу. Однако жизнь там мало что дала Генри Торо в философском плане. Он занялся писанием нравоучений, а феноменологии предпочел фенологию природы. Поневоле приходится завистливо взирать на физиков-теоретиков, работающих не в вузе, а консультантами в прикладных институтах, на математиков, занимающихся чистой математикой в институте Стеклова. Из этой аналогии можно сделать вывод, что обязанность российского профессионального философа — находиться не на факультете, а в Москве на Волхонке, 14 (если на соответствующий момент там есть подходящие условия; бум вроде бы прошел), а еще лучше — дома и никуда не выходить.

Слово "дома" звучит для некоторых очень завлекательно. Время от времени философия, как и поэзия, требует праздности, безделья. Закоренелыми бездельниками, "тунеядцами" были античные философы, а также Шопенгауэр, Фейербах, Ницше, Бакунин, Маркс... Свой дом устраивает не

всех, но я как-то не слышал, чтобы у философов были в загородной зоне свои дома творчества, как у писателей или композиторов. Дворцы ученых, конечно, не в счет.

Однако в пресловутой связи "философия — преподавание" все же есть одна польза: эта связь насильственно сохраняет нам ту философию, которая никогда бы не стала известной сама по себе. Никакой Гегель, никакой современный философ логико-аналитического или логико-лингвистического направления вне академической среды не смог бы выжить, имей он даже ренту.

Сейчас у нас почему-то скромно упускают из вида трагикомедию: на философских факультетах в 70—80-е годы неангажированная философия существовала лишь в курилках. Фигура Мамардашвили этот фарс не отменяла. Душок "Материализма и эмпириокритицизма" и сейчас чувствуется на соответствующих кафедрах — *vis inertiae*. Все-таки еще раз обратимся к недавнему марксистскому прошлому и в связи с этим вспомним старую притчу о поведении праотца Моисея на Синайском полуострове. Конечно, он водил бывших пленников по пустыне не сорок лет, а сорок дней (примечание за рамками нынешней тематики⁹⁹), и все же сорок лет — цифра значимая, поскольку принято считать, что в течение 30 лет меняется главенство поколений. Добавочные десять лет — гарантия от статистических разбросов. Поскольку и в правление Горбачева на кафедрах странным образом про-

⁹⁹ В этологии принято различать историческое профанное время и мифическое сакральное. Если мы попробуем перевести второе на первое, то может оказаться, что Мафусаил прожил не 969 лет, а 969 месяцев, Моисей водил своих подопечных не 40 лет, а 40 дней. На Ближнем Востоке и места, где водить, нет. Целую войну там можно закончить за шесть дней. Правда, блаженное писание многократно умножает не только числа, касающиеся времени: не мог Самсон убить ослиной челюстью тысячу человек...

должали царствовать истмат с диаматом¹⁰⁰, за точку отсчета можно взять 1992 год. Пусть тот, кто доживет до 2032 года, съездит в Москву в Институт философии. Возможно, там он увидит живых профессиональных философов. Настоящих. Небольшой шанс, что они к тому времени появятся, существует. Неплохо было бы составить им послание и запечатать в бутылку. *Ad meliora tempora.*

* * *

Невзирая на формальную наукообразность задачи и возможность частичной математизации, философия находится всё-таки не в ряду: физика — биология — история, а скорее — в ряду: музыка — поэзия — живопись. Проблема — в каком она месте этого ряда и в том, что этот ряд имеет откровенные не улавливаемые сознанием пробелы. Аналогичные пробелы и отсутствие плавных переходов — между содержимым разных органов чувств¹⁰¹. Обращает внимание сходство современного положения в поэзии и философии. А стихами, как известно, сейчас не живет ни один поэт.

¹⁰⁰ Хотя соцреализм в изобразительном искусстве сильно дрогнул на бульдозерных выставках в середине 70-х, а в 80-е чуть было не аннулировался.

¹⁰¹ Ядро чистой философии как бы и оказывается чувством "господа бога", "надмирного демона", ибо, в отличие от науки, ее предмет — реальность, а не иерархия неостанавливаемо птолемиющих гносеологических артефактов, не осколки интерфейсов. Отсюда понятно, почему кому-то более всего философия чудится в музыке Гайдна, почему Фридриха Ницше вдохновлял Вагнер.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ УМОЗРЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВ В ФИЛОСОФИИ

(Тезисы доклада)

Остается практически неопровергаемой догма об отсутствии законов истории. Здесь задним числом можно видеть отдельные парадигмы и аналогии. Попытки распространять их на будущее никакого доверия не вызывают.

Больше всего человеческая логика применима не к природе, обществу и истории, а — к технике, и потому футурологические ошибки ярче всего видны в неожиданных технических достижениях или в их отсутствии в запланированные сроки. Если верить предсказаниям 60-х годов, мы давным-давно не только освоили Луну, но и послали человека на Марс и Венеру, раскрыли тайны мозга, наладили радиоконтакты с внеземными цивилизациями. Зато в XVIII и XIX веках будущие возможности человечества сильно преуменьшали... Аналогично сорок — пятьдесят лет назад трудно было прогнозировать будущие успехи цифровой техники...

Можно видеть сходство развития философии не с ходом прогресса в науке, но с изменениями в стилевых формах искусства. Здесь все более или менее понятно и объяснимо...

Более дики и странны параллели между философией и военной политикой. Философия кочует от народа к народу и временами выглядит как подспудная экспансия. Порой невозможно избавиться от ощущения нашествия, оккупации, подсунутости

чуждого и заведомо нелепого. Э. Гуссерль только намечил кишечный заворот истории философии, проводить сравнения здесь рано, но М. Хайдеггера словно бы нам вручили вместо неудачника Гитлера. Параонтология, точнее говоря, не-онтология-онтология М. Хайдеггера — своего рода оккупация жизненного пространства философии. (Немецкая философия, взятая в отрыве от мировой мысли, и приводит к подобной трактовке бытия. По отношению к предшествующим немцам Хайдеггер — попытка латания тех брешей, которые оставила более догматичная, более математичная философия...) При этом нельзя не увидеть неожиданного "вишизма" французского экзистенциализма: Ж. П. Сартр — маршал Петен¹⁰² в философской мысли Франции...

Как ни относиться к таким примерам и к подобной их интерпретации, сама их возможность — свидетельство причудливости, нелинейности философской перспективы.

Можно заметить другие взаимоотношения между политикой и философией. Ослабление центральной власти, территориальная раздробленность могут оказаться благоприятными факторами в развитии философии и культуры в целом через многообразие и конкуренцию различных течений (Эллада, раздробленная Германия). Таких примеров мало, но они впечатляющи. Благоприятное влияние раздробленности на культуру можно видеть и на примере Италии эпохи Возрождения...

¹⁰² Анри Филиппа Петена принято иногда считать большим героем, нежели де Голля: Петен несколько раз спасал Францию от полного разгрома, тогда как де Голль будто бы являлся марионеткой англичан и в значительной мере присвоил себе их военные успехи. Как раз эта аналогия не работает в отношении Сартра как философского Петена: что он спас — трудно сказать. При этом отрицать масштаб личности Сартра и его значение (например, как апостола политических свобод) не приходится.

Сохраняется действенность масскульта в истории философской мысли. Чрезвычайное значение приобретает обывательская кажимость. Это не новость. Наивный реализм — доминирующая идея в головах профессиональных философов. Обратный "скандал в философии" — то, что Кант оказался все-таки наивнее Беркли (почему им и была оставлена теоретическая лазейка для Гуссерля). Вообще говоря, вне англо-французской канвы и, в частности, вне представления расширительно понимаемых и уточняемых сенсуалистических концепций почти вся немецкая философия оказывается чистой виртуальностью. А что еще можно ожидать от трансцендентализма?..

Поражает сохранность идеи наивного реализма (точнее, наивного материализма) в современном "нарративе". Так, "тело без органов" превратилось в предмет умственной дегустации и тем самым провалило внеорганическое психическое тело-интерфейс. Это примечательный факт философской беллетристики, уступка общественному вкусу. А еще Гуссерль, уплотняя априоризм обыденностью, компенсируя гуманитарные превратности эпохе-процедуры, называл столы и стулья вещами в себе. И при том не испытывал конфуза. Закрадывается мысль, что произведения Гуссерля — не философия, а неудачная, хотя и добросовестная попытка феноменологической математики, некой не совсем оперившейся, но уже вырождающейся абстрактной качественности. Еще один укор трансцендентальному в философии...

Как обычно относятся к теории физика или математика, исписавшего несколько досок формулами, но в самом начале рассуждений совершившего досадную ошибку? Только как к слою мела на доске. Подобные ошибки постоянно совершаются в тех и других философских концепциях, но философские концепции принято холить и любить, кол-

лекционировать. Слишком большим трудом они даются человечеству и далеко не всегда могут возникнуть...

Безумие философии *Homo sapiens* становится более очевидным при сравнении ее с религией, а истории философии — с историей религии. В данном случае термин "безумие" лишен положительного оттенка, какой, например, существует в термине "безумная идея" применительно к квантовой механике.

Философия и религия вплотную подходят к феномену коллективных психотических явлений. Вполне допустимо говорить о стадных гносеологических иллюзиях, о сохранности как раз в философском мировоззрении элементов первобытного дикарского сознания. Понятия идеального и материального ничем не лучше первобытных духов земли и неба...

Один из важнейших вопросов метафилософии (метагносеологии) можно сформулировать так: "Почему именно в сфере философии человеческий интеллект постоянно терпит фиаско?"...

Конкретные прогнозы для философии весьма расплывчаты, миражны. Если в науке и технике ошибка прогнозирования может составлять от 30 до 100 лет, то в философии приходится говорить о тысячелетиях — здесь отсутствуют выравнивающие и сглаживающие эффекты.

Выравнивание и сглаживание в философии не конструктивно, как в науке и технике, а чисто энтропийно. Оно имеет природу статистического, стохастического нивелирования, притупления интеллектуальной остроты (почти оглушения) и интеллектуально-вкусового усреднения (сравнение с искусством и литературой). Интеллектуальные взлеты, имевшие когда-то место, неизбежно перестают таковыми быть, размываются и забываются. Философия вновь начинает исходить не из много раз

создававшихся философских механизмов, а из обыденности, к чему толкает и само наличие философских статей. Всякий нормальный философский аппарат слишком тяжел для того, чтобы выносить его в статьи, а также на собеседования и конференции. Всякая беседа о философии в строгом смысле является нонсенсом...

На деле мы видим, что усложнение структуры философского текста идет одновременно с теоретическим упрощением, деаппаратизацией. В постструктурализме рассмотрение какого-либо многогранного вопроса происходит при "занулении", "приземлении" предшествующих ему фундаментальных проблем, обеднении и обыднении теоретического поля в целом...

Даже предполагаемый искусственный интеллект не окажет существенной помощи в снятии с философии и философствования стадно-биологического налета. Компьютерные модели часто ограничены и даже в математике могут дать ошибочные выводы. Так, считалось, что машина доказала теорему о достаточности четырех цветов для изображения географических карт. Но в данном случае мы имеем дело ни с трисекцией угла, ни с теоремой Ферма. С помощью нехитрых (но коварных) экспериментов с применением карандашей и бумаги нетрудно выяснить, что четырех цветов все-таки недостаточно. Очевидно, имел место ошибочный алгоритм.

Кроме того, компьютер легко впитывает человеческую догматику. Можно представить себе будущих электронных прокуроров, адвокатов и судей. Однако философия — не юриспруденция.

Будущая "философия", скорее всего, будет, как и ныне, оставаться совокупностью не связанных друг с другом псевдонаук, а также неизбежной ипостасью для разного рода без конца разрастаю-

щихся междисциплинарных псевдо-, лже- и паранаук.

Говоря о перспективах и ресурсах философии, мы неизбежно идем против складывающегося довольно неутешительного исторического модуса развития и тем самым ступаем на территорию утопии. Но и предполагаемый утопический взгляд на будущую философию неизбежно дегуманизирован. "Желаемая" философия как сфера умозрения или предположения чистой реальности (собственно реальности, а не картин мира) не может быть гуманитарной областью, но не может являться и точной или естественной наукой.

Если предел живописи — абстракционизм, буквальное выполнение первой заповеди, то предел, идеал философии (увы) — отказ от языка и образа, бесструктурные объекты. Проступает нечеловеческий мелос как Альфа и Омега и соответственно — антиструктурализм вместо деконструкции. Так называемая "верная философия" неизбежно покидает границы человеческих возможностей, а предполагаемая грандиозная человеческая философия в самом оптимальном случае будет разве что окрепностью неизреченного.

Художники склонны забывать о том, что абстракционизм существовал. Таково же отношение Ното сарієпс к философским безднам. Исчезновение формы и структуры как вторичностей, особенностей субъективно-родовой центрации оказывается как бы спрятанным.

ПРОГУЛКА ПО ДЕТСКОМУ САДУ

Приходится искать ответ не на вопрос "Что такое онтология?", а на вопрос "Что такое бытие?".

Для сокращения рассуждений и наглядности, освобождения от многостраничного гроыхания философским аппаратом, обратимся к графической картинке. Пусть у нас есть мел и доска. В центре доски мы изображаем столбик с монетами, соответствующий пакету человеческих сознаний. Каждая монета — суммарное человеческое сознание в локус субъективного времени, кажущийся настоящим.

Справа от монет пунктирно изобразим пар или облако, нечто расплывающееся, эфемерное. Этот рисунок соответствует ПОСТФЕНОМЕНАЛЬНОМУ. Постфеноменальное и есть та мнимость, тот фантом, на который обращены обыденность и естественные науки. Именно здесь в орассудоченном ложном уплотнении феноменального имеют честь "пребывать" структура, масса, энергия, информация, пространство, время etc. Всё это не является бытием.

Человеческое сознание также не может считаться полноценным бытием. Субъективная реальность — это реальность иллюзии, интерфейс. (Применительно к текущим рассуждениям мы не будем делать оговорок и уточнений.) Кроме того, мы имеем право говорить не обо всем столбике, а только об одной какой-то монетке; она — уж совсем фью без памяти, всплеск, который надо именовать реальностью субъективной...

Слева от столбика с монетами нарисуем для лучшего запоминания что-нибудь ужасное или наоборот благостное. Например, классический знак радиоактивности в виде крыльев трехлопастной мельницы или всевидящее око. Лучше не изображать шар Парменида — требуется обойтись одними символами, без лишних намеков на геометрию или природу.

Мельница или око будут соответствовать трансцендентному, то есть собственно самостоятельному бытию. Это сингулярная внепространственная и вневременная протяженность. В ней нет левого и правого, центра и периферии. Она не бог и не материя.

Онтология — учение о трансцендентном. Никто не создаст более десятка достаточно строгих утверждений в этом учении, если понимать его именно так.

Это много и очень мало. Больше остается эпистемологии. Но немало места займут эпистемолого-онтологические рассуждения о трансцензусе. Две названные сферы здесь никак нельзя разделить.

Итак: ОНТОЛОГИЯ — ЭТО УЧЕНИЕ О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ И ТРАНСЦЕНЗУСЕ.

Между столбиком монет и "мельницей" можно нарисовать массу рыбьих чешуй или водяных пузырей. Здесь не будем давать пояснений. Никто не знает, на что похож этот необъект-несубъект. Главное, что эти буферы не есть полноценное объективное бытие.

Всевозможные трансценден**ТАЛЬ**ные философии, теории о всеобщих основах сущего в картинку не попадают. Внутренняя философская бухгалте-

рия в лучшем случае оказывается только эвристическим приложением, метафилософией, а не чем-то объяснительно работающим. В худшем случае мы будем иметь дело с сугубо бумажными междисциплинарными потугами.

Должен предупредить, что у нас шла речь только о логическом трансцензусе. Разумеется, онтология без логики — нонсенс. Прочие упоры в трансцендентное могут только подтверждать или незначительно уточнять логический.

Возможны два вида логического трансцензуса: 1) через анализ феноменального мира (возможно, с изначально-условным временным солипсизмом); 2) через выделение из феноменального некоторых общих принципов, которые затем можно распространить не только на феноменальное, но и на любое нечто.

Как раз второму виду трансцензуса могли бы помочь некоторые формальные метатеоретические наработки, скажем, рассмотрение парадокса небытия.

Конечно, большие разногласия между авторами порождают соблазн отказаться от термина "онтология". Но почему в таком случае не отказаться и от слова "философия"? Ответы на вопрос: "Что такое философия?" тоже слишком разноречивы... К этому отказу мало кто готов. Но как раз здесь может созреть нечто грандиозное.

Заметка на полях. К слову "грандиозное". Уверен, что философию следует преподавать в детском саду, ибо чем дальше — тем хуже. К тридцати пяти годам мало уже кто может воспринять и ут-

верждение "трава не зелена"¹⁰³, если раньше над подобными вопросами не задумывался.

¹⁰³ А из того, что трава не зелена, не так уж сложно вывести, что и всё не так... Есть еще одна проблема: большинство, считающих себя согласными с этой фразой, ничего в ней не поняли.

РАЗВЕРНУТАЯ АННОТАЦИЯ

Книга "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ" представляет собой редуکتивную философскую систему неаристотелевского типа.

Эта система редуکتивна не только потому, что анализ в ней необходимо превалирует над синтезом, но и потому, что кульминационный момент единства связан, по ее положениям, с растворением той формы данности, которую называют структурой.

Аристотелевской по духу является не только почти вся европейская философия, но и, в значительной степени, современная наука¹⁰⁴, если иметь в виду ее принципы очевидности и верификации, способы разрешения чисто теоретических дилемм. В этих принципах и способах нельзя не увидеть характерной для Аристотеля половинчатости, а в определенной мере — и заискивания перед обыденным взглядом на вещи, особенно тогда, когда логика и здравый смысл находятся в противоречии. Именно поэтому автору приходится возвращаться к проблематике, типичной для элеатов, в том чис-

¹⁰⁴ Сходство между учением Стагирита и современной наукой можно видеть в попытке сохранения полного бытия. Но если Аристотель скромно прячет его внутрь своего Перводвигателя, то современная наука по странной прихоти уравнений отбрасывает его карикатурное подобие на $13,2 \pm 0,2$ млрд. лет в прошлое, в точку сингулярности. Что это такое? Всего лишь устройство восприятия позвоночных животных.

ле к логическим апориям. Многие умственные апории, как античные, так и современные, могут иметь значение и критическое, и эвристическое одновременно, а в своем переработанном виде выступают критериями проверки аппарата любой связной философской концепции.

Согласно метатеоретическому введению в книгу первое начало философии достаточно четко не формулируется и является совокупностью предначал. К предначалам одного класса относятся явления гомологичные языку, сам язык (не как идеальность, но более как способность, функция), а также неявная (первичная, неформализуемая в символах) логика, предстоящая как незримая граница возможности существования. Предначала следующего класса: наличие мировоззренческой сосредоточенности, способности переоценок опыта, другие чисто индивидуальные параметры.

Предначала третьего класса — многочисленные мировоззренческие ошибки, несопряженности в человеке и его видении мира. Почти любая фраза, выступающая в качестве моста от обыденности к философии или от науки к философии, — ошибочна и требует исправлений, уточнений, корректировок.

Суть предначал не может быть вполне наглядной, коренится в дочеловеческой заданности человеческого, а также в индивидуально-случайных чертах условий познания. Главная проблема при этом — преодоление самой поставленности в определенную интеллектуальную нишу, переход от субъективной и интерсубъективной маргинальности к *негуманитарному кардинальному* мировоззрению или, по крайней мере, максимально возможному приближению к нему. Несмотря на одиозность таких дефиниций, как "истинное", "единственно верное", в первой части книги под определенным метатеоретическим углом рассматриваются гарантии философской приемлемости и тот механизм разворачивания концепций, который в узких рамках

ограниченных языковых форм мог бы представить достаточно универсальное содержание, способное удовлетворить, скажем, не только человека, но и любое условно-воображаемое мыслящее существо. Однако такого рода автоматическая запрограммированность рассуждений не предусматривает какой-либо избыточной абстрактности. Место абстракций и абстрагирования в философии, в отличие от математики, сильно ограничено. Прибегая к абстракции, мы неизбежно вызываем те или иные не всегда контролируемые и осознаваемые интеллектуальные aberrации и рискуем выйти в денотативной плоскости (сфере фактической связи денотатов) за пределы истинности или реальности. Пример тому — циклопические творения немецкий классической философии. Обычной заменой абстракций в книге являются пропозиции, допускающие подстановку конкретного материала, то есть не пропозиции-высказывания, характерные для аналитической философии, а про-позиции (предпозиции), пропозиции-формулы. Далекое не всякое высказывание может выполнять эту роль.

Смешение языка и мышления, мышления и логики — довольно распространенная ошибка. Обычный язык не есть язык философии, его грамматика и стилистика несут в себе отпечатки наивных предположений, но в этом нет никакой гносеологической трагедии. Подобные особенности обыденного и научного языка легко корректируются или элиминируются. Например, слова "я" и "Оно" в ряде контекстов де-факто являются не местоимениями, а несклоняемыми существительными. В других контекстах (при больших требованиях строгости) констатации "я вижу дерево" или даже "я имею образ дерева" совершенно неверны и правильным будет высказывание: "восприятие "я" плюс частное восприятие образа дерева". Существует безличная интенция как таковая, но не интенция кого-то во что-то или на что-то. Гомункулуса нет, восприятие "я" практически однопорядково другим восприятиям в конкретном моменте

наличности сознания, а слово "вос-при-ятие" для философии не имеет никаких физиологических оттенков и тождественно той или иной целокупности ощущений, а иногда — одному свободно данному ощущению. Сама ситуация: «"я" плюс образ дерева» не обязательно должна обращаться в высказывание, может существовать только в воле-смысловом плане.¹⁰⁵

Второе начало философии связано со сферой субъективных ощущений. Автор дифференцирует традиционно понимаемое психическое на собственно психическое и психейное. Психейное, в отличие от психического, не может быть наглядно наблюдаемым, но может оставлять следы в наглядности. Тем не менее, заданность психейного такова, что оно не исчерпывается тем, что называют сферой неосознанного (субъективно неосознанного). Сверх того "неосознанное" — часто всего лишь амнестичное осознанное. Проводится дальнейшая дифференцировка терминов. Те подразделения феноменов, которые удобны в психологии восприятия, далеко не всегда правомерны гносеологически. Особенно это касается пресловутого деления феноменального на "внешнее" и "внутреннее". С другой стороны, возникает необходимость в проведении разделения между реальным и идеальным (но не материальным и идеальным!), между феноменальным и идеальным. Действительное феноменальное — стартовая площадка отсылок в идеальное, но не идеальное по своей сути, несмотря на возможность спонтанных, находящихся ниже уровня субъективного сознания идеализаций. Таким образом, про-

¹⁰⁵ В высказывании необходимо дополнительное уточнение термина "я". "Я" — бесструктурное ощущение присутствия при ощущениях, вполне наглядное и доступное, несет в себе сигнальность бодрствующего или сновиденийного существования. Не является синонимом ни слова "субъект", ни слова "личность". Одно из интегративных ощущений, обеспечивающих единство сознания. Застывшая (константная) специфическая внутренняя мелодия. Несмотря на протяженность, не имеет границ.

исходит полный отказ от использования трансцендентальных феноменологий и гуссерлевского подхода, в частности. "Чистые феномены" — абстрактная модель.

Основные системообразующие факторы предлагаемой философской системы имеют не абстрактно-категориальное, а логико-психологическое преломление. Мир ощущений настоящего локуса времени замыкается в особое негеометрическое пространство — я-среду. В я-среде нет места персонам-личностям. Даже смысловые феномены (в том числе реально данные мысли) и волевые феномены оказываются поставленными вне идеального и персонального, выглядят в общей я-среде своеобразными тонкими и тончайшими ощущениями. Даваемая классификация смысловых, реактивных (в том числе эмотивных) и волевых феноменов еще более подтверждает это. Возможен анализ не только выделенного смыслового или необычно чистого смыслового, но также смыслового, связанного с образами и знаками. Осмысленность структуры вовсе не предстает в качестве некоего застывшего движения или мнестического накопления. В смыслообразах, смыслознаках, смыслообразознаках всегда можно выделить главные и побочные смыслы, каркасные и второстепенные, основные и фактурные; смыслы, связанные с содержанием, и смыслы-формы. Существуют смыслы, обслуживающие знак как таковой, и смыслы данности знака в его неповторимом конкретном предстоянии.

Вне специальных сосредоточений вполне возможно мышление без мыслей, мышление, аналогичное передвижению движка логарифмической линейки или барабана арифмометра. В реально данной плоскости феноменов постоянно происходят подмены одних явлений другими, интеллектуальные сокращения, лишённые и следа каких-либо разворачиваний. Основные смыслы (суррога-

тами которых являются приписываемые субъекту понятия) исчезают, их место занимает быстрое шествие знаков и второстепенных смыслов. Второстепенное и означающее полностью вытесняет содержательное и суммарно оказывается его новосимволом, а сама знаковость знака растворяется в калейдоскопе случайностей, но именно таково реальное, а не идеальное мышление. Последнего просто нет, независимо от того, предполагается оно или отвергается. Тем не менее подобный "ключковатый" процесс мышления при необходимости (например, в математике) будет достаточно точен. Нет разницы в том, что именно берет роль механизма: живое сознание или валик с изображением цифр. И здесь, и там есть знаки, пусть даже эти знаки реально не совсем знаковы и самодовлеют.

Плоскость слов как бы обязывает к дополнительным идеализациям, смешению феноменального с условными фантомами. Перейти ко второму началу философии непросто, ибо ошибочно уже высказывание "ощущаю, следовательно существую". Но из первого начала философии следует, что философия требует недофилософии, пусть и первоначально ошибочного мыслительного производства. При исправлении устраниются не только констатации персоналистического толка, но и более строгие формулировки типа: "второе начало есть сфера ощущений". Такие утверждения непродуктивны. Именно поэтому конструктивно формулируемое начало философии будет заключаться в попытке различения субъективной реальности и нереальности (идеальности), а сложность такого различения — в инертности мыслительной практики, в интерсубъективной и конвенциональной засоренности ее фикциями. Особую роль здесь играют чисто философские фикции. Было бы очень странно считать некие выдуманные сущности более устойчивыми и надежными, чем реально чувственное. Скорее наоборот: рафинированные идеальные

объекты можно вполне заменить и иными, причем выбор "этих", а не "иных" объектов весьма произволен, зависит от теоретических ракурсов и степени абстрактной вырожденности.

Собственно реалистическая феноменология требует холистического подхода: обычно реально не существует просто красного, просто гладкого, а поэтому именно в феноменологическом смысле некая искусственная выделенность качеств теряет значимость и ощущением-восприятием-осознанием может быть названо все то, что получается при ограничении феноменологического поля, и само феноменологическое поле. Подобное ограничение — лишь сужение обзора, но не живосечение, срывающее "цвет" с текстуры поверхности и формы предмета. Я-среда — совокупность сред сознания, и не всегда возможно пересосредоточение, полностью снимающее какую-либо среду, а потому правило о сужении обзора может касаться только конкретной среды. Таким образом, субъективное сознание выглядит как особая топология целостных ощущений-восприятий-осознаний. На нее распространяются спонтанные операции, подобные математическим операциям пересечения, объединения, включения и т. п. Каждой подобной операции соответствуют те или иные дополнительные эффекты, вызывающие кажимость единства сознания и наличие ментальных аналогов абстрактного. Однако сами разум и рассудок не имеют никакого отношения к феноменальному сознанию. Человек — существо не разумное, а умственное. Разум — это воображаемый ум, которому доступно то, что недостижимо для человеческого ума, то есть нечто идеально-потенциальное. Так, в действительных представлениях нет собственно геометрических треугольников. Предполагается, что такие треугольники есть в представлениях разума. Живой ум подменяется несуществующим

механистическим призраком. Такова природа чистого идеального.

Одной из главных апорий является апория солипсизма. Помимо мыслительного затруднения, остановки беспостулативного процесса мышления в явном виде, она имеет и иное следствие, а именно: можно сколь угодно долго рассуждать о реальности объективных миров и, тем не менее, оставаться замаскированным солипсистом как в рамках наивного реализма, наивного материализма, так и за их пределами. Одни корифеи философии простодушно помещают материю в мир ощущений, другие, представляясь материалистами, сводят ее к совокупности физических абстракций и продолжению данностей сознания вовне, давая пример нового идеализма. Солипсизм оказывается непреодолимым, несмотря на те или иные попытки здравых рассуждений. В солипсизме — фундамент не только обычной философии, но и науки. Последняя лишь тиражирует и модифицирует данности эмпирических образов.

Постулаты, разрывающие рамки, наложенные на познание, весьма обманчивы и усугубляют интеллектуальный кризис. Выйти из солипсизма можно с помощью интериорных методов, относясь с полным пиететом к его акцентуализациям. Условно-методический солипсизм непосредственно связан со вторым началом философии. Солипсизм невозможно преодолеть без отбрасывания фетишей идеального. Они мнимо уплотняют субъекта в самом субъекте надстройками различных надсубъективностей. Солипсизм — вовсе не отрицание других существ (других субъективных сознаний), а прежде всего отрицание бытия за пределами субъективного сознания или, в крайнем случае, усомнение в наличности метасубъективного. После возврата феноменального в феноменальную реальность (ссылки смыслового на идеальное могут сохраняться), мы будем иметь дело с непосредственной реальностью здесь-теперь-так. В подобной

реальности нет ничего, кроме нее самой, и найти в ней брешь можно при достаточно полном ее рассмотрении, причем рассмотрении именно ее, а не производных от ее сферы фантомов со стихийно-конвенциональной заданностью. Такое рассмотрение и осуществляется во второй части книги "Буквы философии".

Во второй части книги автор также рассматривает и оценивает возможность двух экстраполяций: экстраполяции иррационального и экстраполяции рационального, первично соответствующих бесструктурным и структурным осознанностям субъекта. В первом случае проводится анализ более 20 родов реальных мистических ощущений. Как таковые эти рафинированные мистические переживания чисто тонического (бесструктурного) характера остаются посюсторонними, хотя в них и присутствует некоторая кажимость иного, указание-ожидание. По своей классификации эти моноощущения оказываются как бы хроматической гаммой, происходящей от двух экстраполятивных объектов. Реальность названных объектов на данном этапе анализа не утверждается, так как они носят лишь характер точек схождения тенденций и эстетический порыв в их сторону еще не дополняется каким-либо иным образом. Отказ от направленности на них дает только некоторую аксиологическую пробоину в сознании.

Первый объект предстает как бесструктурный, лишенный суммационной динамики Эрос-Логос-Хаос (уравновешенное слитие запредельного положительного ощущения, запредельного смысла и запредельного отрицательного ощущения). Этимология термина не связана с историей философии и определяется структурными коррелятами тонов. Термин "Логос" не означает ни разума, ни нуса-ума. Это — предел освобожденного смысла. Человек, который ни разу в жизни не имел чистых предельных осознаний, все-таки примерно может

понять, что такое сверхположительное или сверхотрицательное ощущение. Однако понять, что есть "сверхсмысл" (сверхмысль) в подобном случае можно только при подробном рассмотрении таксономической лестницы ощущений смысла (ощущений!) при явном прослеживании потери связи смысла со структурой. Последняя отпадает при наличии предельных смыслов окончательно, ибо ощущение смысла — особый суперпластичный род витальности в своем истоке. Смысл подобен психически выраженному зачатку несуществующей конечности, который способен проходить те или иные трансформации. На практике получается, что слово "смысл" подменяют словом "значение".

Экстраполируемый нами объект, это "Оно", этот Эрос-Логос-Хаос вовсе не есть некая высшая сила, а тем более бог-персона.

Второй выводимый из гаммы особых чувств объект предстает как добытийная меристема¹⁰⁶ и всеобщее основание, к которому не применимы никакие позитивные характеристики и логический закон тождества в прямом и обратном виде. Несмотря на некоторые субъективные сходства, второй субъект не может быть назван волей в духе Шопенгауэра или Эдуарда Гартмана, несмотря на то, что он сам появляется в конце таксономической лестницы именно волевых феноменов.

Во второй части книги "Оно" и добытийная меристема рассматриваются только как мифические, как пределы субъективных субстанционализаций и преувеличений, ввиду необычности чувственного трансцензуса для собственно философии.

¹⁰⁶ Меристема — образовательная недифференцированная ткань (биолог.). Вне от консистентных соответствий — удобный термин для характеристики протобытия, свободного от внутренних аналогов логического, а потому безосновного.

Однако на многих примерах показывается осуществление этого трансцензуса в области искусства и литературы (в частности, даются отрывки из произведений поэтов-символистов). На протяжении всего текста автор старается оставлять в покое область религии.

Далее в книге проводится экстраполяция рационального. Последняя более искусственна, но необходима именно потому, что вокруг науки постоянно создаются и уничтожаются различные натурфилософии, а сама наука получает ложные интерпретации. На место мифического преувеличения ставится мифическое отвлечение и упрощение. Собственно мифом является так или иначе полагаемый синтез всех моделей и картин мира. В связи с этим показывается невозможность общей теории всего в рамках современной науки. Даже новейшие и "неклассические" направления науки не могут не использовать "классических" парадигм, пусть даже чисто математического плана. Метатероретически порочной показывает себя не только натурфилософия, но и любая философия, претендующая на чрезмерную тотальность охвата. В последнем случае явно или скрыто происходит выход за рамки предмета философии, непродуктивно заимствуются объяснительные принципы из науки и обыденности. Тем самым философия принимает вид гомологичный не обыденным и научным знаниям, а таким сферам, как околонатура, алхимия, хиромантия и т. п.

То же самое можно сказать о "строго научных" и математизированных философских концепциях. Об искажающей роли абстрагирования мы уже говорили. Это относится и к попыткам метафилософии в рамках логико-лингвистических или психоаналитических. И здесь и там, с одной стороны, происходит уход из области философии, а с другой, сами рассуждения принимают довольно разбросанный вид, превращаются в логицистскую или культурологическую поэму, лишенную внутренних оснований и строгого локуса собственных

положений. В подобных случаях проводятся те или иные интерпретации, делаются заключения при полном отсутствии сформулированной общей базы и статуса этих интерпретаций и заключений. Выясняется, что речь шла о неизвестном уровне неизвестного идеального. Связность последнего с языком остается исключительно постулированной, а главное — закованные в логическую броню рассуждения о языке и логике в духе далеко не заглядывающего здравого смысла.

В третьей части книги на основе интериорного выхода из солипсизма осуществляется редуктивный логический переход к вещи в себе — самосуществующей данности, лишенной структуры, времени, движения. Трансцензус производится в различных логических параллелях и подкрепляется ранее сделанным смыслореактивным трансцензусом. Однако внезапно проступающий реально-объективный абсолют не есть материя, бог, высшая сила.

Сверх того, невзирая на сверхинтегральность по всем представимым координатам сознания (исключая структуру), он выявляет себя только как фаза виртуального¹⁰⁷ праабсолюта — уже упоминавшейся добытийной мировой меристемы. Последняя имеет особый статус, а именно: статус недобытия, недореальности. Противоположным бытию оказывается не "нуль", не "ничто", а именно недобытие. Недобытие нельзя назвать ни существующим, ни несуществующим. Это та сущность, в которой нет ни причинности, ни "законов", ни логической ограниченности, но в которой нативные предпосылки всего этого зарождаются. Это не только меристема, но и главная пружина (основа-

¹⁰⁷ Термин "виртуальность" не имеет здесь значения вероятности. Он ближе к пониманию виртуальности в физике элементарных частиц, но если в физике виртуальное — это вычисленное ненаблюдаемое (принципиально ненаблюдаемое), то в онтологии — доказанное неотражаемое, не имеющее "образа и подобия" в субъективном.

ние, ипостась, подставка, подложка) любого существования. Если абсолют — это третье начало философии и начало любого типа сознания, то недобытие-праабсолют, будучи четвертым исходным пунктом философии, одновременно — и источник бытия в любом смысле. Абсолют логичен, но дорационален (иррационален). Праабсолют не только дорационален, но и дологичен. Неявная (внутренняя) логика как бы зарождается задним числом путем отбора всенаправленности-всеотменимости праабсолюта. Это не эволюция и не процесс во времени, а нечто совершенно новое, подробное описание которого требует современных областей математики.

От абсолюта и праабсолюта осуществляется обратный переход к субъективному, которое теперь получает наименование постабсолюта. Постабсолют в целом — это расщепленное бытие, совокупность несамостоятельных миров, являющихся относительностью. Относительно одного субъективного мира другие возможности выделенностей предстают не вполне, а чаще всего отсутствуют. Совокупность всего постабсолютного, взятая тотально, — это монстр, гносеологический мыльный пузырь. При этом отдельная субъективность вполне субъективно-реальна, хотя и несамостоятельна.

Сознание человеческого типа полисознательно, имеет вид среза смежных субъективностей. Отсюда видно, что весь горизонт филогении и иерархии — в строении естественнонаучных моделей мира.

Вычлененности из объективного образуют многочисленные суперпозиции, вычлененности вычлененностей и т. д. В их эффектной синтезе совершенно маскируется причина наличия времени и изменений — имеет место эффект, сходный со стробоскопическим. Характерные для человека "потoki" ощущений, тяжи ощущений (если иметь в виду константные восприятия типа восприятия

"я") — не только интерференции моновыделенностей, но и грань между абсолютным и праабсолютным. При более элементарном (нечеловеческом) рассмотрении, все это выглядело бы и как распад абсолюта, и как не совсем удачная попытка синтеза — неверное направление от недобытия, минующее ветви прямых дивергенций. Степень космологической тупиковости человека может быть различной в зависимости от расстановки тех или иных отсубъективных акцентов. Пусть человеческое сознание — оживший конгломерат осколков сознания абсолюта, но человек, в отличие от своего космического прасознания, обладает интеллектом. В этом относительном плане абсолют как бы находится на более низкой ступени, чем человеческое сознание.

Неколебимость конкретной вычлененности из объективного — в наличии вычлененностей буферных, сателлитных, смежных, первообразных и пр.

Пощатнуть изнутри это гигантское древо невозможно, несмотря на всю его необязательность и схлопнутость в мире собственно объективного.

Сделанные рассмотрения проливают новый свет на природу сознания и, в частности, субъективного сознания. Сознание не есть что-то вершинное; структурированное сознание по отношению к сознанию моничному (бесструктурному, нерациональному) предстает как калейдоскопическая случайность, эпифеномен и как новый, осмысливающий сам себя мир, задыхающийся в несамоданности. Непрерывное латание испаряющегося самобытия — вот удел структурированной ментальности. Для западного типа рациональности это более приемлемо, чем противоположная доминантная интерферентность. Невзирая на этимологию, сознание есть универсальная дочеловеческая функция связи, единственная фиксация геометрически рассыпанного мира. Бытие — это зафиксированный

момент недобытия, тупиковая уравновешенность, лишенная обычных динамических характеристик. После разложения на моносубъективности и суперпозиционного структурирования собственно смежные сознания оказываются несоизмеримыми — возникает эффект "завернутости" буферного и сателлитного и, соответственно, эффект псевдоматериализации.

Совокупность всего реально-истинного, но не-объективного в его извнутреннем виде, то есть бытие, анатомированное на все контингенты субъективностей, в книге именуется бытием в широком смысле (БШС). Последнее представляет собой логически невозможный разрез абсолюта. Тем самым БШС не может быть даже потенциальным бытием. Это метафизическая пропасть со статусом большим, чем трансфинитность.

На основе всего изложенного, в пятой части книги осуществляется переход к рассмотрению древа смыслов жизни, а в связи с последним — иерархии критериев, целей и стимулов. В прагматическом отношении, важны не многочисленные смыслы жизни, не их тотальность, но важна их рифма, соразмерность.

Достаточно считать, что исходно нет ни "мирового", ни "персонального" смысла жизни. Исходно все внесмысленно, но эта внесмысленность и может явиться поводом к осмыслению.

Шестой раздел книги содержит систематическое изложение парадоксов (около тридцати параграфов). Он только текстуально может считаться завершающим, а в большинстве случаев имеет опорное значение для предыдущих разделов.

К книге прилагается философский словарь. В основном он является тезаурусом смысловых отличий терминологии книги "Буквы философии" от терминологии, принятой в истории философии.

Наиболее нетрадиционны в книге общий подход к феноменологии (принцип сред), координирование философского изложения со средами субъективного сознания (попытка нахождения на неидеальной почве), классификация ощущений различных групп, описание способов чувственного и теоретического трансцензуса, принципы раскрытия метафизической данности, метааксиология.

НАЧАЛА МЕНТАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

(Проект)

Непосредственная реальность — это субъективный мир неопределенного настоящего, границы которого не совсем определены. В эту здесь-теперь реальность входят также наличные "мысли" и воспоминания, независимо от степени их смутности, развернутости или концентрированности. Непосредственная реальность может и не иметь никакого отношения к обычно понимаемому бодрствованию.

Ментальная логика присутствует уже в любом созерцании и в наиболее чистом виде представляет собой невербализованную, псевдосубстанциональную логику. Ментальная логика не отождествляется с чем-то рациональным. Логическая сторона восприятия является более фундаментальной, чем рациональная. Следует заметить, что обычные умозаключения и суждения не чисто логичны, они — синтез логического и рационального. Фактуально логическое нельзя отождествлять и со смысловым. Собственно логическое выступает как дозаконие, граница присутствия как таковая. Известные классические и неклассические логики могут быть только искусственными обертонами изначально данного. Посредник между восприяти-

ем и этими вторичными логиками — различные языковые практики.

Термины "ощущение", "представление", "сознание", "предмет", "философия" риторически удобны, но мировоззренчески опасны. Существуют относительно нейтральные термины "феномен" и "феноменология", но приходится всякий раз отходить на достаточное расстояние от известных абстрактных феноменологий. Именно поэтому мы будем иногда употреблять непривычный термин "ментал", подразумевая под ним конкретное содержание наличной здесь-теперь реальности.

Совокупность всех "внешних" реально существующих менталов называем квазисредой. Если нечто находится в поле предметного восприятия, если оно сейчас как бы внешне воспринимается, то оно квазисредно, если нет — то считается квазисредно несуществующим.

Квазисредные восприятия — это полные натуральные восприятия, а не абстрактно-психологически вычлененные. Например, цвет вне текстур почти не предстает. Традиционная условная разбивка внешнего на "ощущения", "восприятия", "сознания" квазисредно несостоятельна. Реальные восприятия — это всегда сумма совокупностей, какими бы малыми они ни казались и как бы искусственно ни ограничивались. Восприятия квазисреды — это все зрительные и звуковые восприятия субъективного настоящего. Восприятия запахов, осязательные и вкусовые являются в той или иной степени пограничными между менталами квазисреды и менталами соматического облака.

Один из интегративных менталов квазисреды — ментал движения и вообще изменений. В качестве интегративных менталов квазисреды могут выступать менталы других сред и самостоятельные интегративные восприятия.

Квазисреды подразделяются на квазисреды обычного бодрствования, квазисреды сновидений, галлюцинаторные и иные.

Квазисреды обычного бодрствования тяготеют к одному классу. Выражение "имеют только один класс" было бы неверно, поскольку вполне возможны частичные выходы за его пределы. Например, вполне известен феномен псевдогаллюцинаций и другие проявления измененного восприятия при достаточной сохранности и доминанте обычной рациональности.

Разнообразие может возникнуть здесь и за счет смещения различных типов квазисред.

Более богаты квазисреды сновиденийные¹⁰⁸ и галлюцинаторные, но подробно описать эти среды не представляется возможным. Фактор амнезии тем сильнее, чем более дивергентны-отличны между собой сравниваемые квазисреды. Из сновиденийных ментальных потоков запоминаются, как правило, те, которые более или менее похожи на тривиальный бодрствующий ментальный поток, имеют в той или иной степени близкую к нему рационально-сигнальную выделенность.

Попробуем пока не рассматривать область зрительного как наиболее инерционную и искусственную. Она — биологический наворот. Ее интерфейсность, синтезированность, подогнанность, мультиплицированность более чем очевидны. Зрительная среда как бы заранее предназначена для считывания знаков, символов, иероглифов.

Звуковые менталы гораздо ближе к протоданностям, чем зрительные. Наличие в них двух слоев

¹⁰⁸ Мы употребили термин "сновиденийные", но не "сновидные", ввиду того, что сновидными часто называют некоторые явления на фоне бодрствующего или почти бодрствующего сознания. Слова "сновиденные" или "сновидийные" обычны для облегченных контекстов в значении "сновиденийные".

осигналенности более явно. Реактивная (витально-нейтральная) осигналенность звуковых ощущений весьма слабо подвержена анализу на предмет ее апостериорности или априорности. Первичная нейтральная осигналенность может и не иметь собственно биологического значения (завывание ветра в трубе, гудение трансформатора, звуки каплюющей воды и т. п.) — при всем этом мы имеем в виду не звук как проявление чего-либо, но его тоническую наполненность, примативную одухотворенность.

Оструктуренность звукового почти призрачна. Попытки музыковедческого оструктурирования малоспособны охватить звуковую данность целиком и полностью. Между тем оструктуренность звукового имеет в себе гораздо большие спектры, чем оструктуренность зрительного.

Значение звуковых ощущений в прагматическом отношении, как правило, недооценивается. Бытует расхожее мнение о том, что 99% всей информации человек получает через зрительный анализатор. Естественно, при этом не учитывается качество и значимость информации. Кроме того, постановка опытов для выявления, откуда и как поступает информация, сколько этой информации проходит и по каким каналам, весьма сложна.

Всякого рода естественные и искусственные звуки, не носящие обыденно-сигнального значения, воспринимаются как белый шум, а иногда и называются белым шумом, хотя обычно никому не приходит в голову назвать белым шумом подавляющее большинство зрительных ощущений. Звуковая сосредоточенность, в отличие от зрительной, носит более насильственный характер и, соответственно, более значима. Постороннее звуковое чаще является вредоносным фактором, чем постороннее зрительное. Если выделить из всего зрительного только операционально значимое, то количество всей "зрительной информации" резко сократится.

Именно звуковые ощущения оказываются первичными носителями информации надобщения — опосредованного общения. Само наличие "текстов" связано с запускающим воздействием звукового. Человеческое мышление, в своем каноническом виде, целиком и полностью коррелирует с внутренней речью — внутренней представленностью звукового. Поэтому психический звук так или иначе более пластичен, лучше передает рациональное и иррациональное (например, эмотивное-в-себе), чем зрительное, если, конечно, не учитывать, что опора на зрительное при передаче рационального в любом случае подразумевается.

Мнение о том, что звук одномерен и имеет только одно измерение — по времени, необоснованно. Субъективно он иногда вообще не имеет измерения по времени (устойчивый микрофонный эффект, тон звукового генератора и т. п.). Субъективное ощущение звука (о чем, собственно, и идет речь) может быть совершенно не изменяющимся, константным — одна и та же "звуковая форма" или одно и то же "звуковое коленце" (в ином случае) представлены в пространстве, а не во времени (инерционность восприятия). Ощущение плавучести звука — ощущение уже не звуковое, а сцепленное с неизменяющимся звуком и изменяющимся остальным субъективным миром.

В пространстве-протяженности звук не является чем-то точечным. В противоположность рутинному физикалистскому мнению, число его измерений безусловно больше числа измерений зрительного поля. Кроме того, звуковые ощущения не даются поверхностными по кажимости, звук выходит как бы из глубины вещей. Разумеется, пересубъек-

тивирования¹⁰⁹ подобных кажимостей существуют, но не уже, чем до границ соматического облака.

Несмотря на возможность отрыва звукового от грубо-обыденного, на вероятность открытия звукового мира, превышающего по богатству спектр канонических эмоций, в музыке чрезмерное значение придается попыткам этносного осигналивания, которое, в частности, выражается в попытках звуковой передачи обыденных явлений, текстов, а также косвенно — в простой звуковой демонстрации устройства музыкальных инструментов. Осигналивание часто означает притупление. Классические и неклассические бравурности, вспенивания, грохотания, пасторали, навязываемый ударными инструментами "ритм" и тому подобное есть не-обязательная наивная рационализация. Собственно искусством оказывается то, что вопреки названному балласту все-таки сохраняется.

Протяженная тишина представляется белой темнотой. Этот звуковой вакуум заполнен не только слуховым фоном полусоматической природы, но и фоном, похожим на тот, какой имеет морская раковина. В нем есть нечто от тютчевского гула. Звуковой вакуум более призрачен, чем зрительный, и его "броуновское движение" — это действительный предел восприятия.

Звуковые феномены часто предстают не только в виде акустических вспышек, всплесков, ударов и т. п., но и в виде целой среды. Эта среда, как и зрительная среда, имеет тенденцию к сфероидальному замыканию мира.

Все субъективные среды можно разделить на реальные и фиктивные; реальные ощущения, в свою очередь, делятся на "рецепторные" и "нерецепторные", "внешние" и "внутренние", интегративные и неинтегративные (дифференцирован-

¹⁰⁹ Временные или постоянные изменения мнения, возможностей восприятия, сознания, психотипа. Постоянное изменение психотипа довольно экзотично.

ные). Многие из этих подразделений, в особенности отмеченные в предыдущем предложении знаком кавычек, достаточно условны. Термин "рецепторное ощущение" (или "рецепторная среда") мы никак не можем относить к связанности ощущений с физиологическими рецепторами, тем более что далеко не всегда проведены соответствующие параллели. Рецепторными ощущениями (или более благозвучно, но менее точно — рецептивными ощущениями) мы называем все неинтегративные ощущения за исключением ощущений-представлений, то есть неинтеллектуальных представлений. Естественно, при этом мы никак не собираемся проводить или отменять коррелированность представлений с рецепторами. При необходимости можно было бы говорить о афферентности и эфферентности.

К рецепторным ощущениям мы относим звуковые, зрительные, осязательные, тактильные, вестибулярные, гравитационные, обонятельные, вкусовые, температурные и ощущение соматического облака. Возможны также всякого рода малоописуемые ощущения типа хронометрических, геодезических, электромагнитных (за пределами светового диапазона). Существуют также ощущения сухости, влажности, маслянистости, затылочное "виденье"¹¹⁰ и т. п. Ощущение при прощупывании чужого пульса — не только тактильное ощущение — правильное было бы назвать его транссоматическим. В соответствующих условиях слышать можно не только непосредственно ухом, но и всем телом, и это будет не только слышание.

"Твердость" и "мягкость" вполне можно "осязать" дистанционно — с помощью постороннего предмета, как, впрочем, и форму, и это будет не столько осязание, сколько экстракинестичность. Само осязание оказывается микрокинестичностью,

¹¹⁰ Считается, что это дистантная температурная чувствительность, коррелирующая с рецепторами кожи, но в первую очередь — с ушными раковинами.

а его высшим органом — вовсе не кончики пальцев, а язык.

Все (или, по крайней мере, почти все) рецепторные ощущения, кроме звуковых и зрительных, с достаточной степенью правомерности можно называть контактными. Это либо контакт-соприкосновение (ощущение твердости), либо тонкий контакт (обоняние), либо самоконтакт (ментал соматического облака).

Экстракинестические и тактильные менталы придают психологическому миру псевдоматериальность, стереотипно снабжают зрительное степенью прочности, но сами по себе они достаточно призрачны. Так, для зрячего в темноте и твердая стена — не совсем твердая. Общая рационализация опирается на синтез всех восприятий.

Имеет некоторый смысл называть обонятельные и вкусовые феномены хемофеноменами. В определенном классе случаев обонятельные и вкусовые восприятия неразделимы, взаимокompенсаторны.

Обонятельные феномены протяжены, но негеометричны, обладают еще большей призрачностью и многомерностью, чем звуковые. Потенциально они более богаты, чем представляются. Обычно они образуют фрагменты среды, а не полную среду, остаются малоструктурными, вернее, неопределенноструктурными, маломнестичными, малопредставимыми (представить, например, сколько-нибудь развернуто тот или иной запах, как правило, нельзя).

Возможен незрительный и незвуковой каркас эстетического, но из-за амнестичности и эфемерности соответствующих ощущений это редко имеет какое-либо гуманитарное значение.

Причина амнестичности хемофеноменов вполне ясна и заключается в оборванности сигнально-

рационального. Если контактные хемофеномены и имеют сигнальное значение, то только узкое, однозначное. Экзистенциальное отчуждение сред сознания — в том, что самые богатые среды изъяты из возможного максимума витальности сигнально-рациональным, а менее богатые редуцированы почти до исчезновения. Во всем этом имеется закономерность. Однако бедность хемосред не снимает возможности реанимирования богатства конкретных спектров ощущений обоняния и вкуса.

Термины "хемофеномен", "хемоощущение" избраны нами как дань эволюционизму — здесь можно было бы говорить о квантово-молекулярном ощущении и при желании проводить какие-либо натурфилософские корреляции. Но такие корреляции не только преждевременны, но и заведомо холистически ложны, а поэтому термин "хемофеномен" не имеет, по нашему представлению, никакого отношения ни к химии, ни к физиологии. Если угодно, речь идет не о химии, а о психохимии, что никак не соединимо по существу, невзирая на длинноты параллелизмов.

Казалось бы, восприятие соматического облака (собственного тела) — самый телесный из феноменов, но в действительности он — один из самых прозрачных. Естественно, мы имеем в виду собственно ощущение соматического облака или его частностей, а не косвенное ощущение тела посредством зрения или осязания.

Восприятие соматического облака — это восприятие границ, а не некой иллюзорной наполненности. В полном восприятии соматического облака человек не имеет обыденно понимаемой человеческой формы — опять явно прослеживается тенденция к сфероидальности. При общей, а не скачущей сосредоточенности на соматическом облаке, поднятая вверх рука сливается с общим облаком, не оказываясь чем-то выступающим наподобие ветви. Даже и при специальном неполном ощущении (тем более непреднамеренном) разде-

ленности, расчлененности соматического облака отсутствуют, но есть различные области и направления. Все эти области фактически оказываются всего лишь поверхностями.

Призрачность соматического облака, его оповерхностность и малоизученные причины эффективности китайских методов медицины проливают некоторый свет на сугубо нефилософскую гипотезу о местонахождении сознания человека... в коже или иных оболочках эволюционно кожного происхождения. В какой-то степени это ассоциируется со значением мембран для микроорганизмов, но продуцировать отсюда какие-либо мировоззренческие заключения не имеет смысла.

Ощущения давления, тяжести, натяжения, тепла, холода и дают в итоге ощущение тела; ощущение тела или ощущение соматического облака (что вернее) отчасти составляется из всех перечисленных ощущений, а отчасти является их пересечением, диффузной интегративностью. Ощущение соматического облака образуется также и за счет соматических реактивностей (ненейтральные ощущения, например, ощущение боли, ощущение локальной приятности и т. п.), но оно и само в определенной степени реактивно. При всем этом интегративность ощущения соматического облака суммационна не столько по протяженности, сколько по витальности; эта интегративность слишком тонка и подходит к порогу проницаемости. Тело — всего лишь призрак тела. Призрачно не только оно, но и отдельно взятое ощущение телесной тяжести.

Соматическое облако — не только ментал, но и среда, отдельная от квазисреды. В этом смысле соматическое облако является ареной для многих других менталов и при этом, в отличие от квазисреды, не сливается ни с каким из них.

Итак, соматическое облако не отождествляется с контактными ощущениями. Тогда возникает законный вопрос: "Где в этом случае находятся со-

матическое облако и контактные ощущения?". В квазисреде они, естественно, не находятся. Можно в какой-то степени рассматривать среду внутренних проекций (квазикожную среду, поверхностную среду соматики), но полное объединение разнороднейших ощущений в одно общее затруднено. Определенную путаницу вызывают и накладки зрительных и звуковых ощущений. При желании можно продуцировать различные каверзные вопросы наподобие вопроса о средонахождении хруста в голеностопном суставе.

Если ощущения вкуса и запаха можно отнести к пограничным между квазисредными и соматическими ощущениями, то к собственно соматическим ощущениям относятся ощущения соматической тяжести, растяжения, кинестические ощущения (в том числе "мышечные", "сухожильные"), некоторые реактивные и экзотические ощущения (бегание "мурашек", "стук" в висках, ощущения после травмы и т. п.). Всякого рода амбивалентные восприятия: виденье собственного тела, слышание собственного голоса (внешняя компонента), улавливание собственного тепла или холода — мы относим к квазисредным и пограничным явлениям-сущностям.

Все собственно соматические и смежные им ощущения оказываются разорванными и фрагментарными. Они соединяются не сами с собой, не через непосредственную осознанность, а через общее сознание. Следовательно, соматическая среда — это не одна среда, а совокупность различных средлокальностей. Общее ощущение соматического облака и другие ощущения (умственные, реактивные, прочие условно-вторичные по своей вписанности в субъективный мир) выступают в роли объединителей тех или иных соматических островов. Ощущение всего тела сразу психотехнически возможно, но оно осуществимо через отвлечение и релаксацию; оно более апперцептивно, чем перцептивно.

Соматический остров — не одно ощущение, а совокупность разнородных чувствований. К собственно соматическим ощущениям здесь могут логично присоединяться пограничные, и интегративные ощущения.

Ощущение соматического облака по отношению к этим островам выступает одновременно и как доощущение, и как надощущение.

Телесные ощущения — не тело физическое или некое псевдореальное тело, но и не зрительные ощущения видимости тела. Что же касается вопроса о наличии некоего "седалища" телесной чувственности или сознания вообще, то всякого рода сосредоточенности такого типа абсурдны и парадоксальны. Не будем считать, что чувственность находится в чувственно ощущаемом (а тем более в умственно полагаемом) мясе.

Когда мы говорим, что мыслим головой, то сильно искажаем картину проекций, коррелированных с мышлением. Некогда, например, считалось, что мышление и чувствование осуществляется сердцем. Никакого возмущения подобное полагание не вызывало. Мыслей в чистом виде нет, и соматически их кажимость проецируется на область над гортанью, в лучшем случае, на участок перед лобной костью и глазами (а вовсе не за лобной костью и глазами!). Под черепом же как в нормальном, так и в аномальном случае никогда ничего не ощущается. Даже головная боль — это не боль в голове, а боль поверхности головы.

Человеческое тело — это психологическое тело, совокупность телесных психических сред. Всякое противопоставление души и тела, тела и психического — нелепость, подкрепляемая наивным материализмом и наивным реализмом. Тело человека — будь оно мертвое или живое, вскрытое или нет, свое или чужое — всего лишь приборная данность психики, данность вполне стробоскопичная, суммарная, не претендующая на объективность.

Зрительное восприятие заведомо носит обзорно-поверхностный характер. По этой причине даже неколебимые апории Зенона Элейского, подразумевающие только его и из него исходящие, требуют дополнительного упрочения.

Точечная сосредоточенность в квазисреде бодрствующего зрительного сознания невозможна, а изменения в ней связаны не только с движением-перемещением, переменой положения, направления взгляда и т. п. — все относительно квазинеподвижное имеет малоуловимую подвижную фактуру: нормальные сцинтилляции, флуктуации, текучесть. Все эти микрозрительные феномены выступают как своего рода приметы стробоскопичности. Однако далее этих примет сравнение идти не может.

Микровосприятия не содержат однозначно определенных ощущений цвета и формы. Ансамбли микровосприятий существуют внутри почти любого ощущения объема или поверхности. Из суммационного сигнально-рационального зрительного сознания какие-либо микрофеномены обычно выбиваются, но, тем не менее, психическое "броуновское" движение вполне реально. Наиболее яркую его картину дают восприятия в условиях отсутствия источников света.

Полная темнота никогда не бывает полной чернотой. Темнота — это как бы материя зрительного восприятия, она оказывается не чернотой, а зрительным хаосом. Если не иметь в виду неизбежных наложений из других сред сознания, последовательных образов и др., то этот хаос имеет исключительно микрозрительную природу. Рациональное, а отчасти и неявно-логическое в зрительной квазисреде коррелируют с оптимумом освещенности. Если темнота иррациональна, мало-сигнальна, доинформационна и имеет специфическую ологичность, отличную от ологичности обычного зрительного сознания (ментальная логика здесь рассматривается как граница данности вещей в виденности), то чрезмерная освещенность

также уничтожает обычное сигнально-рациональное. На первый план может выступать не ослепляющий фактор, а контрастирование. При предельном усилении освещенности возникает нечто вроде цветовой относительности: ярко высвеченный однородный по цвету экран теряет свой цвет и может приобрести цвет источника света, сам экран превращается психически в источник света, но при наличии на экране нескольких цветов, а затем их одновременном сильном освещении цветоразличение имеет место. Наличие одного цвета как бы индуцирует наличие другого. Это компарационное граничное восприятие с недостаточно выработанной сигнальностью играет роль пародии на обычное цветоразличение. Цветовые иллюзии менее известны, чем иллюзии формы, размера и опознавания, хотя связанные с ними формальные принципы почти те же.

Нужно заметить, что все зрительные иллюзии зрительно реальны. Чувственный карандаш, наполовину опущенный в чувственную воду, реально зрительно сломан. В том, что все остальное зрительное есть нормальная иллюзия, сомневаться не приходится. Конституцирование этой иллюзии — вполне в рамках рациональных разграничений.

Стереотипное, проступая через мнестическое и микромнестическое (инерцию квазисреды), а также через сосредоточение-рассредоточение, способно приводить зрительное сознание к определенному статусу, даже несмотря на те или иные искажения восприятия, изменения условий восприятия (например, искусственную перемену "верха" и "низа"¹¹¹). Возможность самоподстройки и сохранения статуса не распространяется на изначальную предрасположенность к иллюзиям, которые можно рассматривать как своего рода зрительные парадоксы, вытекающие не из недостатков или погрешностей как таковых, а из компенса-

¹¹¹ В частности, с помощью многодневного ношения призм.

торных способностей сглаживающих эти недостатки. Естественно, парадоксами не могут считаться иллюзии фактурного характера (перспектива) и патологического (например, диплопия).

Однако, говоря о квазисреде, слово "иллюзия" мы вынуждены взять в кавычки. Критерием иллюзорности в обычном случае является прагматика. Указывать здесь на антифилософский характер прагматики не имеет смысла — достаточно того, что собственно квазисреда никогда не может поверяться квазисредой; то, что было квазисредой, — сейчас уже не квазисреда. То, что видится, — то и есть квазисредная истина.

Последовательно-пассивное (при суммационной активности) зрительное сознание с прагматической точки зрения не кажется инородным наростом, проявляет себя как прибор прицела и индикации. Тем не менее, никакие эксперименты (область прагматики) не способны доказать, что зрительное сознание не есть эпифеномен, поскольку всякого рода переадаптации могут соответствовать переадаптации иного, а само зрительное сознание имеет шанс быть отбросом этого иного. Самоосознаваемость и многосложность не являются гарантией противоположного.

Зрительные ощущения коррелируют со многими другими ощущениями, в том числе с ощущениями волевых импульсов, недистантных и дистантных осозательностей. В квазисреду входят зрительные соотношенности ощущений соматического облака. Тем не менее, эта многосвязность остается несамостоятельной, несамодовлеющей — сознание заслоняет собой свое происхождение. Указанные корреляции, практически отмечаемые, являются не только антифилософскими, но и антипсихологичными (при использовании термина "психика" с учетом разделения на "психическое" и "психейное"¹¹²).

¹¹² В данном случае психическое — область открытая здесь-теперь сознанию, независимо от наличия амнезий и вообще открытости мне-

На зрительную квазисреду наложены проекции из других сред. В ней самой разлиты недифференцированные диффузные волевые, эмотивные и смысловые ощущения. Сверх того, на нее проецируются эти группы ощущений в своем специальном виде.

Зрительное сознание недопроницаемо, несамостоятельно, неполно, несамовытекающе. Его трудно дополнить до какой-либо цельности. Если многие смысловые и эмотивные ощущения имеют тенденцию к монистичности при экстраполяции их дополненности, то зрительное сознание трудно как-то дополнить, оно плюралистично и в лучшем случае наводит на мысли об атомистических гипотезах. Какая-либо попытка усиления зрительности приводит только к продолженной зрительности.

Антимонистичность зрительного связана со зрительной структуральностью. Эта структуральность имеет четкий сигнально-рациональный характер (в том числе в сновидениях), который совершенно исчезает в микровосприятиях и граничных восприятиях, заменяясь иррациональностью. На пределе зрительной разрешимости (по времени и протяженности) исчезает не только рациональное, но становится неопределенной и сама ментальная логика.

Собственно психологическая интерпретация стробоскопических эффектов не должна упираться в физико-прагматическое. Можно видеть, что иерархии рациональных выделенностей несколько не касаются начальных сцинтилляций, флуктуаций, призрачностей. Существование зрительных рационалов проходит через волны неопределенности, через массив зрительных феноменов с коротким периодом субъективно выделяемой жизни.

стическому; психейное — метаментальное, область постоянно закрытая для здесь-теперь сознания. В отличие от мозга, психейное не попадает в *circulus in probando* и *circulus vitiosus*.

Это своего рода стробоскопия третьего типа.¹¹³ Тем не менее сама рациональность имеет здесь явно досубъективный характер — делать слишком большой акцент на микрозрительное было бы опрометчиво. Зато вполне можно говорить об обращении процессуального в протяженностное и структурное. На кажущийся зрительный локус времени рядового восприятия приходится два-три спонтанных колебания всего зрительного поля. Локус времени зрительности вообще совсем иной, чем локус времени зрительной рациональности. Локус рациональности совпадает с локусом опознания. Тестирование локуса путем предъявления объектов и напечатанных слов не может иметь какого-либо теоретического значения ввиду иерархичности самой рациональной среды.

Зрительного материала недостаточно, чтобы судить о его исходной плюралистичности или об исходном расщеплении чего-либо цельного.

Условно зрительное можно подразделить на составляющие из форм-структур, объемной или поверхностной консистенции (блеск, матовость, фактура, текстура и т. п.), цветности и другие. Однако, как уже отмечалось, реальное зрительное ощущение — всегда и малое восприятие. Восприятие цвета и света вне иных зрительных составляющих достаточно экзотично.

Если по физическим кажимостям основа всех цветов — белый свет, то психологически основа всех цветов — совершенная темнота. До некоторого предела увеличение психической "светности" коррелирует с рационализацией зрительного поля. Чем сильнее освещенность, тем обычно менее заметны микрозрительные элементы, находящиеся в психическом "броуновском" движении.

Психическая зрительная темнота протяженна, но не двумерна и не трехмерна, а ее подвижные элементы негеометричны. Они явно не точки, но о

¹¹³ По сравнению со стробоскопическими эффектами, наблюдаемыми в технике.

них нельзя сказать, протяженны они или нет, то есть они нерациональны и, более того, возможно, дологичны. Все это касается рядового восприятия без каких-либо специальных сосредоточений. При попытках намеренной интроспекционной экспертизы в темновом зрительном восприятии помимо этих зрительных квазимолекул можно выделить некоторую сетчатую структуру, мозаичность. Элементы сетки являются ячейками, не переходящими одна в другую. Они более светлы, чем остатки протяженности между ними. При различных других условиях, механических раздражениях глазных яблок и т. п. может даже возникнуть предположение о возможности виденья собственной сетчатки. Здесь не идет речь о каких-либо фантомных ощущениях. Промежуточным между описанными феноменами и фантомами является виденье более крупных и более ярких вспышек или, наоборот, появление огромных темных пятен наподобие "угольных мешков" Млечного пути, борозд и т. п.

Микрозрительные элементы могут быть тусклы или обладать почти всеми цветами радуги. Все это наблюдается при отсутствии цветовой однозначности: в "сцинтилляциях" как бы нет разницы между цветом и светом. Совокупность квазицветных элементов суммационно производит общее ощущение темноты. Восприятие темноты и ее элементов — один из примеров для установления топологии сознаний.

Другой крайний случай зрительного восприятия — восприятие пучка света в его эпицентре, то есть восприятие самого излучающего участка в квазисреднем источнике света. В предельном случае этот участок бесструктурен и однороден, внутренне недвижим. Квазисредно "источник света" — это не свет и не источник света, а источник чего угодно другого: "энергии", антиэнтропии... А именно: феноменально он выступает как разграничитель полярностей, фактор разделения того, что уже заведомо присутствовало в темноте, но

было смешано, аморфно. Темнота — это пустой включенный экран зрительного сознания.

Никакой светности не может быть не только у идеи длины волны, но и у условно обитиенной длины волны. Если темноту назвать зрительным вакуумом, то ее элементы окажутся спонтанно возникающими и исчезающими квантами зрительного поля. То, что называют источником света, выступает квазисредно как источник напряженности, формообразующий искривитель зрительного пространства.

Тем не менее, элементы зрительного сознания — всего лишь квазиэлементы по причине их неполноценности и, по крайней мере, субъективно данной поверхностности, эфемерности.

Зрительная квазисреда не является ни евклидовой, ни трехмерной. Зрительные объекты трехмерны только в своей рационально-суммационной выделенности. Взятые вне корреляций с тактильно-кинестическим, не как прагматическое сигнальное, они теряют стереометрическую определенность. На двумерном плоском изображении или в зеркале можно воспринять нечто трехмерное, но многомерность несет уже и чистый холст, и обычная серая стена.

Не отождествляя протяженность и протяжение, протяженность и пространство, далее мы придаем термину "пространство" меньший логический объем, чем термину "протяженность". Порождается благодаря этому некое некартезианство или нет, нас не интересует, — отказываясь, как видно из вышеизложенного, фетишизировать телесность, мы, тем не менее, признаем актуальность декартовского парадокса пустоты. Пусть это будет "картезианство" с поправкой на бестелесность и непространственность.

Пространственность имеет отношение не к чистому зрительному, но к сигнальной выделенности, а эта выделенность может быть совершенно разной. Получается, что одна и та же протяженность

порождает различные пространства. Кроме подобных частных ощущений протяженности существует и общее. Общее ощущение протяженности — уже не квазисреднее, а интегративное ощущение.

Участок зрительного сознания (именно участок, хотя и апространственный) суммационно вполне может образовывать собой нечто явно трехмерное; в другом случае он, в ряде представленных, может считаться искривленной самоосознающейся двумерной плоскостью; с учетом микрозрительного и в волнах микрозрительного он неопределенномерен, чуть ли не бесконечнономерен.

Суммационно двумерными могут считаться быстро предъявляемые и быстро исчезающие объекты, а также предметы в особом ракурсе, например, когда грани прямоугольного предмета скрыты за одной гранью. Мир выявляет себя как суммационно двумерный в опытах со стабилизацией сетчатки (путем оптико-механической стабилизации или путем химического обездвиживания глазных мышц). Тем не менее, при отсутствии исключений, ограничений поля зрения, зрительная среда стереометрична.

Какая-либо определенномерность исчезает при попытках более строгого рассмотрения зрительности в самой себе. Внутри "двумерной" поверхности белой стены и "трехмерного" воздуха оказывается явным как бы дополнительное пространство с неопределенной измеряемостью, подобно неопределенной измеряемости пространства запаха и его проекций, призрачное.

Призрачные границы зрительного сознания и "расфокусированное" зрительное сознание. Призрачность заключается в диффузном понижении проницаемости сознания, в составлении чего-либо протяженно-осознаваемого из провалов опознаваемости, сосредоточенности, понижении иных характеристик, свойственных оптимальному зрительному восприятию.

Нетрехмерность зрительного сознания еще и в том, что это сознание не является полноценной протяженностью, не похоже на протяженности фиктивные, геометрические.

Одно из свойств зрительной квазисреды — перспективность (психический прототип закона квадрата расстояния), а с этим свойством связано свойство сфероидальности. Куполообразность звездного неба и вообще неба не диктуется свойствами его предметоположенности. Мнимо куполообразна темнота и общее незрительное ощущение пространства. Призрачно-шарообразен весь психический мир. С одной стороны, призрачное уничтожает границу сферы, делает ее неопределенной, с другой — размывает контуры чего-либо, ограничивающего дальние горизонты видимости, восставливая сфероподобность.

Гомункулусов-наблюдателей в сознании нет, и некоторые из восприятий, в том числе экспериментальных, позволяют выдвигать гипотезу о том, что зрительное сознание не шарообразно, но представляет собой внутреннюю поверхность весьма малой сферы (по сравнению с иллюзорно огромными апперцептивно-стереометрическими горизонтами). Парадоксальность в том, что внутри сферы нет ничего, даже пустоты менталитета, и в том, что внутренняя поверхность сферы отнюдь не есть искривленная двумерность в чистом виде. Как уже отмечалось, неопределенномерность сознания вполне актуальна, и само высказывание "поверхность сферы" имеет только статус приблизительной локализуемости. Таким образом, "сферическая гипотеза" означает нематематичность поверхности этой сферы, наличие у нее некоторой малой толщины, то есть расположение мира с неопределенномерностью между двумя концентрическими сферами, расположенными весьма близко друг к другу.

Антифилософское значение "сферической гипотезы" заключается в наукообразности последней. Один из признаков наукообразности здесь —

наличие подстановки опыта: двумерность воспринимаемого мира определяется путем тех или иных ограничений, вносимых в восприятие, с последующим распространением наблюдаемого на всякое восприятие данного класса. Примерами подобных опытов могут быть опыты со стабилизацией сетчатки, а также опыты с изменением локальности воспринимаемого при использовании зрительных труб, микроскопов и даже просто ограничителей угла зрения без всякой оптики. Видимое в последних случаях может казаться находящимся непосредственно в "сетчатке", в "мозгу" — границы видимости как бы совпадают с границами психически ощущаемой соматики. Пропозициональность такого рода опытов касается только подобных же опытов, а не опыта восприятия вообще. "Сферическую гипотезу" приходится иметь в виду только потому, что цепь подстановок здесь не достигла еще обычного для естественных наук абстрактно-прагматического масштаба.

Иллюзорная реальность есть также реальность (в качестве иллюзии). Как мы увидим в следующих разделах (пример квазисреды это делает уже ясным), даже реально-иллюзорный психический мир вовсе не шарообразен в обычном смысле из-за отсутствия в этом шаре "ядра", наличия в его центре области психического вакуума. Следовательно, вся разница между протяженностью сред сознания и протяженностью согласно "сферической гипотезе" заключается лишь в масштабах и дистанциях — стереометрическое кольцо здесь имеет только кажущуюся разную толщину. Мы не будем обсуждать возможность поглощения этой разницы апперцептивной интенциональностью. Ясно, что любой феномен, в том числе внутренний феномен, при попытках его локализации неизбежно овнешнивается. При наличии и локализации централизованного внимания имеет место обрыв замкнутой шарообразности (пространства внутри шара), а поскольку границы этого обрыва не предстают, оказываются поглощенными, то психическая протяженность вы-

глядит карикатурно сходной с римановым пространством. Без десосредоточения, децентрации в нем невозможно даже проведение или постанова непересекающихся замкнутых прямых¹¹⁴.

Это сходство, а также сходство осознаваемости с некоторыми математическими топологиями (например, с антидискретными) не следует возводить в правило или каким-либо иным способом абсолютизировать.

У квазисреды масса других более зримых показателей ее неевклидовости, в том числе перспектива, — вычерчивание картинок с ходами лучей, с целью сведения видимости к физическим трюизмам, абсурдно относительно самой наглядной видимости.

Изменения в зрительном сложно-наложены, и это не только "предметно-телесные" изменения. Зрительность дается в размытых и не соответствующих друг другу локусах времени. Зрительная хронизация не охватывает все зрительное целиком, а существует для каждой частности изнутри ее самой и изнутри каждой зрительной выделенности. Все возможные наложенности несколько сходны с наложенностями небесной механики (есть качественные, флуктуационные и тому подобные исключения). Наличие ощущений различной степени интегративности дает градации длениности¹¹⁵ от еле заметной и вырождающейся — до полного отсутствия субъективного времени в том или ином ощущении. Самоосознаваемость каждого из ощущений делает его критерием собственной длениности. Другой критерий — длительность — компарация частных ощущений в интегратив-

¹¹⁴ Прямые в геометрии Римана.

¹¹⁵ В отличие от длительности, характеризует не разные восприятия, а сравнительно постоянные ощущения относительно быстроизменяемых, удержание постоянных ощущений, их отмерянность в потоке.

ных (наблюдатель-гомункулус отсутствует). Ощущение "я" — только одна из интегративностей, но не "субъект", не "личность".

Апрагматически квазисреда оказывается желеобразной обволакивающей калейдоскопичностью и "твердой" на ощупь голографией. Эта мельтешащая среда кажущее непрерывна во времени и пространстве из-за наличия малоосознаваемых обобщений с иллюзорной истинностью.

Ввиду мгновенных амнезий и мнестических иллюзий, неизбежного распространения близкого и далекого прошлого на настоящее, неуловимости самого локуса времени, квазисреда является неполноценно реальной средой в том качестве, в каком она предстает. Поток же квазисред есть не только нечто нереальное, но даже и не есть нечто идеальное. Он — поглощенность. Какая-либо расшифровка этой поглощенности, реставрация, трансцендентальное узрение и т. п. при условии первичности целого по отношению к части, может и не приводить, вследствие указанных причин, к потоковости или склеенности квазисред, к подобию их ментальному пространству-времени. Топографическая прагматическая склеенность продолженных ощущений при этом не имеется в виду — она заведомо разоблачает сама себя — речь идет не о "вещах в себе", а о континууме ощущений как объекте.

Будуще-прошлый поток сознания, как бы он ни представлялся из здесь-теперь сознания, проглочен и неестественен, хотя и может полагаться в некотором роде истинным — истинным вразбивку, истинным в качестве базы воспоминаний или как сами эти воспоминания. Ввиду этой асознательной проглоченности, недопроницаемости, непредставимости в качестве собственно самого себя, говорить о прерывании или непрерывании потока сознания бессмысленно. Поток сознания является не только субъективно-непротиворечиво непредставимым, но никогда не выступает и как нечто праг-

матическое, как собственно продленное сознание. Кажимость потока сознания — это только общее жизнеощущение плюс мнестическая интенция. Экстраполяция этой кажимости проистекает не из квазисред в чистом виде, а из инерционной схватываемости пакета квазисред.

Интрофотофоносреда (ИФФС) — среда внутренних представлений, то есть представлений внутренних по своему происхождению; конкретное проецирование их может быть различным. Под словом "внутреннее" мы, естественно, понимаем не перцептивные соматические ощущения, тем более что соматически-внутреннего психологически не существует; это только противопоставленность наивно-внешней отнесенности квазисреды. В интрофотофоносреду входят неидеальные представления, здесь-теперь наличные. Фиктивные "представления" разума и некие суммарные знания никакого отношения к ней в своем конечном виде не имеют. Иными словами, ИФФС — совокупность узримых апперцепций.

ИФФС почти полностью аналогична квазисреде, но ее менталы обладают меньшей четкостью и большей способностью к относительной произвольности. Псевдогаллюцинации, "образы темноты" — явления пограничные между ИФФС и квазисредой. Закономерно-естественно раздельное рассмотрение интрофотосреды (ИФС, фотосреды) и интрофоносреды.

Если я отворачиваюсь от предмета, предмет исчезает из квазисреды, но я могу его представить. Это представление находится в фотосреде. Здесь не имеется в виду последовательный образ, наподобие образа только что выключенной лампы или ее нити.

Образы в фотосреде могут быть представлены относительно ярко, очень четко и подробно (эйдетизм) или иметь лишь указательное значение, выходящее в интенцию. Некоторые из интенций

можно назвать неразвернутыми образами. Скорее всего, именно с ними связано мнестическое за гранью ясности.

Образы могут иметь различную степень развернутости. При этом возможны три рода апперцепций: 1) наложение ИФС-образа на псевдоквазисредный образ, то есть на лжеобъективный предмет (отсылка туда-то); 2) оперирование с суррогатами, наподобие представляемых или зрительно доступных планов, чертежей, карт; 3) обычное "зависание" представлений непосредственно перед глазами, без каких-либо дальних отсылок.

Часто фотосреда проецируется как псевдопродолжение квазисреды, соответствуя, например, высказываниям: "Земля круглая", "На Земле есть Китай и Антарктида". В этом смысле ИФС может выглядеть как прицел интеллекта, направленного на небытие, в сторону несуществующих идей разума. В ИФС имеет место только неточный обыденный образ треугольника, чисто знаковый образ числа 333333. В представлении чисел, например, числа "пи", как, впрочем, нередко и в других случаях, существуют не только интрофотосредные знаковые образы, но и интрофоносредные производительные.

Высказываниям "Е равно эм це квадрат" или "7-хлор-2-метиламино-5-фенил-3-Н-1,4-бензодиазепин-4-оксигидро-хлорид", в зависимости от сосредоточенности и направленности, соответствуют самые различные интрофотофоносредные представленности, той или иной степени рациональности и адекватности. Однако в любом случае эти представленности приблизительны и вспомогательны, неразумны: они суть только психологические отправные точки в условное несуществующее — идеальное, какое само бывает иногда также промежуточным. Реально-действительные психологические представления чаще всего антиинтеллектуальны и, кроме того, индивидуально-разнообразны. Можно говорить или не говорить о роли абстракций как

фильтра: роль фактуального интеллектуального фильтра выполняют уже знак и знаковые алгоритмы. Это видно по многим областям и приложениям математики. Чем ярче зрительные или звуковые представления, тем хуже они для целей интеллектуальных. (По крайней мере, подразумевается рядовая интеллектуальность.) Эвристичность ярко данных образов довольно сомнительна. Рабочие представления, как правило, неразвернуты, имеют характер ссылок на идеальное или мнестическое, либо прямым образом обслуживают соответствующие мыслительные феномены, но родина всего этого — психическая нестрогость.

Интрофотосреда способна проецироваться непосредственно в квазисреду (например, при желании передвинуть предмет с одного места на другое, при поиске предмета).

Как и другие интросреды, ИФС связана со всевозможными ауто-суггестиями. Самовнушение и внушение резко повышают эйдетические способности.

"Интросреда" запахов и среда соматических представлений практически отсутствуют, но могут быть внушены кажимости и иллюзии запахов, тех или иных проявлений соматического, а затем, при некотором усилении суггестивного, — действительные ощущения запахов и соматичностей, неотличимые от "предметно-коррелированных", "естественных". Здесь есть некоторое сходство с попытками представления эмотивностей — эмотивности непредставимы, а то, что кажется результатом их вызывания, есть сами же эмотивности, но в ослабленном виде.

Вкусовые и обонятельные псевдообразы (какие чаще и могут иметь место) отличаются от действительных образов тем, что упор в попытках представления делается на обстановку возникновения вкусового или обонятельного, а не на их тонику. Собственно образы-представления неотличимы здесь от соответствующих обычных ощущений. Возможно индивидуальное повышение эйдетических

способностей в отношении некоторых запахов (например, запаха костра), но это, скорее, ограничивается рационально выделенными или негибкими образами и не может иметь краеугольного значения.

Звуковые представления далеко не всегда имеют характер среды. Чаще всего дается локальный дежурный интрофонопейсмер, но, тем не менее, и он вполне может разрастись за зенит и надир. Поскольку рабочая интрофотосреда занимает ограниченный объем, незначительный по сравнению с потенциальным объемом, есть смысл говорить о единой интрофотофоносреде (интрофотоинтрофоносреде). В этом случае можно апеллировать к синтонии и синхронии звукового и зрительного, но интрофотосреда и интрофоносреда соединимы друг с другом не непосредственно. Их конечная связь — в рефлексивно-рефлексном, а реально-психологическая связь — в области неразвернутых смыслов.

Интрофоносредно реальны фонетическая компонента вербального, гармонические тоны и то негармоническое, что внешне воспроизводится речевым аппаратом. Нефонемные представления звуков (без каких-либо "О-о-о-о!" и "У-у-у-у!") уже близки к игре тонов чувств, эмоциям как таковым. Подобные апперцепции плавно переходят в интегративные ощущения. Смысл поэзии и музыки в таком же переходе. Прагматическая разница такого перехода от вербального — в привлечении не только дополнительных смыслов, но и дополнительной чисто звуковой интеграции (рифма, звукопись, звуковой период, распределение пауз).

Многие из апперцепций (они не обязательно должны направляться только в квазисреду!) гомологичны мышечным действиям. Сверх того, внутренняя речь выявляет себя частично как "ослабленная" внешняя речь, обнаруживает слабое движение соответствующих мышц. Большое значение имеет здесь не этот последний факт, а наличие волевого импульса, отсылки, пространственное распределение, вовлечение в тоническое действие со-

матических полей. Одна из компонент ощущения волевого импульса — микроаутосуггестия. Без микровнушений-импульсов квазипроизвольное движение "тела" или образов невозможно.

Можно заявить, что рассмотренные здесь интросреды носят характер несколько сходный с тем, что некогда называли эманациями. Однако отличие явное: построения, перемещения, деланья и т. п. совершаются, но из материала, не предстоящего своей конечной природой, и неизвестно каким образом и почему совершаются.

Фотосреда слита с оперативно-координативной средой. Отделить их друг от друга далеко не всегда удастся. Оперативно-координативная среда вполне соответствует своему названию, прямо не зависит от зрения, от зрительных переносов (представлений), а ее пространство по своим свойствам промежуточно между пространствами интрофотосреды и пространством за затылком. Фактически пространство оперативно-координативной среды — это совокупность тех зачаточных пространств, которые в своем полноценном виде могут быть присущи только слепому от рождения.

Мнестические ощущения — одна из форм интросредных структурных ощущений. Иногда можно говорить и противоположное: "Интрофотофоносредное есть рефлексивно-рефлексно перетасованное мнестическое". И мнестическое и обычное ИФФ-средное покоятся на трех китах: структурности-информативности, псевдоконсистентности и осмысленности. В то же время ИФФС есть начало мнестического "входа" и начало мнестического "выхода".

ИФФС вместе с кажимостями контактных эхосред (интенциями и указаниями на контактное) является центром человеческих сознаний. В ней пересекаются дифференцированные и интегративные ощущения, от нее идет смысл, воля, память, действие, сфера эмотивностей.

Нельзя понимать интросредное как слабое "внешнее": между самым тихим шепотом и самым мощным внутренним произнесением лежит непреодолимый барьер — междусредная граница. Она фактически никогда не преодолевается, но обходится — непрерывности, постепенности в этом случае нет. Внутренние произнесения легко релятивируются (в особенности мнестически), поскольку они все-таки не произнесения, имитация настоящих произнесений не обязательна. Близость интрофотофоносредного к границе между смыслом и знаком вызывает даже некоторые возможности отождествления ИФФС-феноменов со смыслами и движением смыслов. В обыденности внутренняя речь и мышление попросту отождествляются. В действительности ИФФ-средное — это только одна из арен ветвления смыслового и волевого. "Эманативность" последних выражена в гораздо большей степени, чем у представлений как таковых.

Любое из ощущений не совсем нейтрально, имеет в себе тот или иной чувственно-эмотивный заряд, окрас, тонус, то есть является реактивно оцененным, но реактивность, имеющая достаточно выраженный характер, присуща только определенной группе тонических ощущений. Ощущения этой группы иначе можно назвать неиндифферентными, ненейтральными. Их ненейтральность не есть только символ, она является самозначимой.

Среди нейтральных ощущений иногда можно выделить ощущения, кажущиеся связанными с реактивными. Могут иметь место целые группы или комплексы таких ощущений. Подобные симптоматические ощущения мы называем мозаическими.

Итак. Реактивные менталы.

1. Разлитые реактивности или реактивности, расфокусированно присутствующие в любой ткани сознания.
2. Главная компонента локальной боли, главная компонента локального "удовольствия".
3. Неболевые реактивные ощущения, сцепленные с соматикой.
4. Невербализуемые и маловербализуемые ощущения, переходные от соматикосцепленных к автономным (нейндифферентные).
5. Эмотивно-канонические ощущения.
6. Неканонические эмотивности.
7. Тонкие эмотивные ощущения (ТЭО).
8. Мистические ощущения (тонкие неспецифические ощущения — ТНО).
9. Предельные ощущения.
10. Сверхоощущения.
11. Протопатические ощущения.
12. Протоощущения.
13. Прочие.

Разлитая реактивность — это не слишком выделенная реактивность. Ее классический пример — теплые и холодные цвета и оттенки, не сам тот или иной цвет, а его незримая тонусная окраска, дающая некоторое витальное вчувствование.

Ощущения пункта 4 в чистом виде не поддаются строгой вербализации, но чтобы дифференцировать их от других, достаточно представить реактивные ощущения, входящие в комплексы ощущений усталости, бодрости, оживленности и т. п. Эти ощущения могут возникать при пробуждении и засыпании (имеются в виду ощущения переходнопограничного характера), при действии сильнодействующих медикаментов, алкоголя и многореактивных затронутостях: исполнении танца, комплексе ощущений болевщика, спортивные ощущения и т. п.

К эмотивно-каноническим ощущениям относятся удивление, страх, тоника досады, смеха и т. п. (имеется в виду основная внутренняя компонента подобных эмоций). Сюда же входят отдельные ощущения, входящие в комплексы гнева, радости, ярости, переживание надрыва-катастрофы и другие. Большая часть этих ощущений так или иначе представлена вербально, хотя и далеко не всегда однозначно и точно.

Неканонические эмотивности каких-либо конвенциональных обозначений не имеют. В зависимости от своего ранга они могут "иницироваться" и восприятием необычного, ранее незнакомого интерьера, и орнаментом, и литературной арабеской. Спектр этих реактивных ощущений (р-ощущений) чрезвычайно широк. Часто в них можно видеть определенное частичное отделение человека от биологических привязок и социальных несвобод. В рядовом случае эти р-ощущения являются основными пейсмейкерами художественного мира и критериями художественных оценок (или эстетических оценок в общепринятом понимании).

Тонкие эмотивные ощущения. Эти р-ощущения несколько близки к ощущениям экстатических состояний, некоторые из них имеют вербальные обозначения. В качестве примеров можно привести ощущения таинственности, очарованности, грандиозности, великолепия, тонику барочного архитектурного и музыкального стиля. Многие ТЭО — элементы тонкой психологической настроенности. Некоторые слабоинтенсивные ТЭО очень сходны с разлитыми реактивностями, представляют собой нечто вроде внутреннего или внешнего "света", реактивную "наэлектризованность".

Мистические и предельные ощущения, сверхощущения мы называем особыми реактивностями, они требуют отдельного рассмотрения. Для этих высших ощущений характерна неспецифичность, вырванность из обычного круга явлений.

О протопатических и протоощущениях можно только сказать, что они существуют. Нетривиальные протопатические ощущения (не обязательно те, что имеют место при патологиях) и протоощущения требуют не просто особых состояния сознания, но и особого базисного состояния. Если и дается обладание непосредственными сведениями об этих ощущениях, то в исключительных случаях. Однако реликтовы не сами названные ощущения, а возможность их учета, протоколирования, превращения в материал для анализа.

Благодаря р-ощущениям мир предстает человеку в неиндифферентном виде. Выступая в роли безапелляционно ценностных ощущений, они оказываются одним из центров аксиологической кристаллизации существования.

Наличие р-ощущений вызывает парадокс, смежный психофизиологическому парадоксу. Р-ощущения являются ценностными ощущениями, но вызывающий такое их свойство фактор отсутствует как в самом сознании, так и в физиологическом. В случае квазибытийной онтологизации физиологического (а естественные науки, в отличие от точных, пока так по-детски и поступают со своим предметом), за субъективным сознанием мы будем иметь неприкаемый гомеостаз организма. До гомеостаза сознанию буквально нет никакого дела, оно о нем может и не знать — важно только (в данном случае!) его "отражение" в виде р-ощущений. Неестественно онтологизированный неестественно объединенный физико-биологический мир в своей ортодоксально-объективной представленности сталкивает оцененность р-ощущений, причину их оцененности, на сами эти ощущения, ибо он объективно-индифферентен и голодинамично-автоматичен. С другой стороны, р-ощущения в том виде, в каком они даются, полностью наглядны, а следовательно, и здесь нельзя искать скрытую причину оцененности.

Индивидуально-обыденная и иная рационализация р-ощущений касается только их вплетенности в условно представляемый прагматический мир, то есть эта рационализация сути р-ощущений не касается. В самих себе р-ощущения антиинформационны; семантика их вплетенности в обыденность не совпадает с их внутренней бесструктурной семантикой. Р-ощущения — самое витальное из всего, что дано человеку, но никакая их рассудочная интерпретация невозможна, невзирая на всю их важность и центральность. Будучи как бы расхожим проявлением "жизненности", "человечности", "животности", они в то же время нечеловечны в своей сердцевине, в главном импульсе.

Отличие от нейтральных ощущений р-ощущения обладают топологической изолированностью от сферы остальных ощущений, и потому дополнение их через иную субъективную данность возможно только ассоциативное или коррелятивное.

Среди р-ощущений есть воспроизводимые и невозпроизводимые, наведенные и возникающие без какой-либо видимой причины, циркуляторные и поступательно-непрерывные, сопровождающие индивида целую жизненную эпоху. Для р-ощущений не существует не только какой-либо среды представлений, но и представлений вообще: р-ощущения можно почувствовать, но нельзя представить. Если в силу каких-либо причин возникает кажимость представления того или иного р-ощущения, фактически это будет не представление, а действительное р-ощущение более слабой интенсивности. Аналогично нет воспоминаний о р-ощущениях. Отсутствие воспоминаний компенсируется представлением мозаических ощущений и слабоинтенсивным воспроизведением тех р-ощущений, которые могут быть воспроизводимы.

Нетрудно видеть соответствие между бесструктурностью, амнестичностью, антиинформационностью.

Никакое из ощущений не может существовать без той или иной степени осмысленности. Диффузная осмысленность характерна для любого ощущения, но вместе с ней существуют и специальные ощущения смысла.

Относительно доступное чистое смысловое можно видеть в эвристическом поиске нового смысла, то есть в смысловом поиске смысла, когда одно смысловое направлено на другое смысловое. Это может быть неопределенная смысловая сосредоточенность, нерациональная беспочвенная направленность, попытка понимания "того, не знаю чего" или попытка уловить весь смысл мира в одном акте без узримых отправных пунктов из чего-либо.

Аналогичное можно иногда видеть в так называемой бездумной (необразной, невербальной) задумчивости, — кажется, что тот или иной человек о чем-то сильно задумался, вся его мимика и поза свидетельствуют об этом, но в действительности он как бы ни о чем не думает, а словно бы ждет, подобно рыбаку, наблюдающему за поплавком.

Для того чтобы излишне не дифференцировать вышеприведенное состояние от сходных с ним состояний созерцательности или просто несозерцательного "застывания", приведем в качестве примера энергичную попытку вспомнить смысл слова с забытым значением без перебора вариантов, а посредством одного только внутреннего напряжения.

В данных случаях можно говорить о неопределенно-интенционном смысле, а иногда и о пропозициональном смысле — смысле как пропозиции пропозиций, смысле как незримом хватательном органе, экзистенциально-тоническом щупальце.

Перцептивные корни апперцепции, перцептивность апперцептивности не позволяют делать какие-либо переоценки смысловой схватываемости, невзирая на возможность посюстороннего узрения связанных с апперцепцией активаций — это узрение также перцептивно...

Смысл может распространяться не только на структурное, но и на бесструктурное, а потому он не является атрибутом рационального. Мысль, мышление не исчерпываются отношениями и изменениями, и тем не менее, в большинстве случаев они проявляют себя как комбинаторики смыслов через те или иные рациональные способы интрофотофоносредних раскладок. Мышление в области, близкой к совершенной бесструктурности, экзотично, но более чем резонно.

Взаимоотношение смысла с неявной логикой менее тривиально, чем взаимоотношение с рациональным. Так, разносредные противоречия — это не совсем противоречия; заведомо алогичное — не всегда бессмысленно. Бессмысленно что-то относительно чего-то, но не само в себе. Для окончательного проведения водораздела между неявной (в том числе нерациональной) логикой и смыслом необходим выход за субъективную грань. Субъективно логика идет и впереди, и позади смысла; смысл и логика имеют здесь множество градаций. На некотором уровне форма и структура теряют способность отождествления и вложения, и форма выявляет себя как нечто более первичное, чем структура. Например, это можно сказать о мало дифференцированных и неопределенно дифференцированных ощущениях. Запах фиалки резко отличается от запаха черемухи, но чем отличается? Ясно, что не структурой, это — отличие формы как качества.

Если говорить не о градации, а о тотальном смысле и тотальной логике, то главной характеристикой логики является полное отсутствие апперцептивности (по крайней мере, субъективно узримой апперцептивности). Смысл проникает повсюду и, как хамелеон, принимает форму всего; смысл — это сама возможность субъективной проницаемости. Логика — ограничитель этой проницаемости, детерминант формы-качества и еще более ее дискриминант.

Возможность иметь ощущение связана с возможностью проникновения смысла. Ввиду поверхностности и неполноты такого проникновения, мы имеем поверхностные и неполные ощущения, но наиболее важный момент заключается в том, что сам характер этой неполноты и этого недопроникновения порождает эту, а не другую качественность всякого конкретно взятого ощущения.

Бесструктурные ощущения коррелируют с сильно упрощенным деревом смыслов; имеют место разлитый смысл (смысл-скрепление, смысл-связность), смысл-опознание и смысл-локация. Смысл-опознание и смысл-локация невозможны без мнестического, а, следовательно, и без апперцепции.

То или иное неразложенное ощущение-восприятие и игра ощущений смысла на нем имеют различия только интенционные и инерционно-хроносные, поскольку ощущения смысла обычно тяготеют к большей концентрированности и неразвернутости, чем само "обслуживаемое" ощущение. Взаимоотношения ощущений смысла и конкретного ощущения, на какое они накладываются и в каком растворяются, нельзя сводить к суперпозиции ощущений различных сред (например, квазисредных ощущений и ИФФС-ощущений). Подобные суперпозиции больше характерны для прагматического манипулирования с предметами и не отвечают всем возможным исключениям и крайним случаям.

Сама "поставка" ощущения как ощущения невозможна без смысла, но эта "поставка" невозможна и без разлитой реактивности. Смысл и реактивность всегда в той или иной степени присутствуют; они не только надощущения, но и доощущения. Их пространственно-временная развертка является и частичной нейтрализацией, дифференциацией, а далее — и рационализацией.

Наличность нетривиального смыслового в кажущемся бездумьи вполне может быть интроспективно-ретроградно искажена. Это искажение со-

вершенно не корректируется в отношении гипнотических фаз, иногда пресекающих обычное бодрствование, состояний более выраженной, чем приводилось выше, отключенности. Смысло-волевое, безлично-смысловое по причине антиинформационности амнестичны, но смысловая нацеленность эвристического характера (о "бессознательном" здесь говорить неуместно), еще не развернутая в представления, инкубационно-интуитивная, обладает большей "интеллектуальной" ценностью, чем осмысленное восприятие уже готового результата, имеет непосредственное отношение к усилению проницаемости сознания. Неопределенно смысловому соответствует большая логосность, чем восприятию смысла, сцепленного со структуро-информационным.

Почти любой результат умственной деятельности более или менее прагматичен, так или иначе имеет своей осью прагматическое и не является "музыкой сфер", но некоторые состояния поиска результата, не поддающиеся научной трактовке, являются самофинальными-в-себе, сверхценными.

Так называемые "разум" и "рассудок" — несуществующие, мнимые орудия идеального и прагматического, миражи, возникающие над умом и умственными ссылками.

Ум — это реальная зона феноменов смысла, предстающая в настоящем. Она представляет собой слой, распыленный по всему субъективному сознанию и спаренный со всеми другими слоями сознания (проникнувший во все другие слои). Умственная зона может иметь одно или несколько ядер. В частности, ядрами умственной зоны являются области ссылочных ощущений, в том числе фоносредних (соматическая проекция на "кожу" вблизи речевого аппарата), фотосредних (проекция на "кожу" над переносицей, проекции на квазисреднее). Возможны другие ядра, не обязательно связанные с соматическим облаком.

КЛАССИФИКАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ФЕНОМЕНОВ

1. Разлитые
2. Канонические }
 невербальные } рабочий
3. Канонические } смысл, в том числе
 вербальные } рациональный смысл
4. Инсайтовые
5. Безлично-диффузные
6. Тонкий смысл
7. Предельный смысл
8. Сверхсмысл

Рабочий смысл (пункты 2 и 3) — смысл, используемый в обычных практических действиях и при решении достаточно стандартных задач. Он же может играть служебную роль по отношению к некоторым другим смыслам. Невербальные смыслы — вычлененные смыслы почти всех субъективных сред. Их отличие от разлитых смыслов заключается в несплошности либо в соответствии пересечениям разнородных или различных ощущений. Невербальные смыслы имеют множество градаций, собственную систему знаковостей. Часть невербальных смыслов вполне можно иерархически поместить между пунктами 3 и 4 таблицы.

"Невербальными смыслами" в данном случае названы смыслы так или иначе сходные по своей данности с вербальными. Многие из них параллельны вербальным, являются образным компонентом смыслознаков.

Инсайтовый смысл — смысл-догадка, то есть собственно смысл, относящийся к догадке, но не обслуживающие ее смыслы-тривиальности (служебные смыслы-обозначения). Инсайтовый смысл совершенно нерационален, невербален, представляет собой как бы вспышку из подспудного. Тем не менее, он, как правило, трудноотделим от связи

с мозаическими образами. Он есть та самая амнестичная волна, которая выносит содержание, — но не само содержание, является не столько несплошной связью представлений, сколько несплошной связью интенций.

Безлично-диффузный смысл — смысл беспредметного мышления, деперсонализированного ума. Подобными смыслами вымощена философия за пределами обычной философии: философия музыкальной фразы, философия той философской поэзии, в которой нет вульгарных "философских проблем", нечленимая, неаналитическая метафизика жизни и смерти.

Некоторые виды безлично-диффузного смысла могут относиться к экзистенциальным потенциалам или к экзистенциально-мнестическим потенциалам. Приведем пример такого потенциала. Что такое СЕВЕР? Есть север — абстрактное понятие, есть север — только часть севера, есть прагматически несуществующий север, север ощущений здесь-теперь, север — воспоминание, север — представление... Все перечисленное либо формально, либо узко частно. Абсурдны рациональные сложения и рациональные наложения севера, но есть СЕВЕР как абсолютный интенциональный всплеск, суперфеномен севера в здесь-теперь сознании, не являющийся, естественно, некой абстрактной идеей. В отличие от представлений, подобные потенциалы далеко не всегда могут быть произвольно наличными и требуют подспудного настроения.

Тонкий смысл — необходимый атрибут некоторых нестандартных аналитических рассмотрении и чистых (неэмотивных) эстетических восприятий. Он может проявляться при анализе логических парадоксов. Связываясь с весьма жесткими разграничениями (рационально-интеллектуальными, художественными), он остается нерациональным, бесструктурным, тоническим. Главный цвет его тоники — микрологос.

Предельный смысл и сверхсмысл сопровождают собой появление значительных обобщений, открытий, сосредоточенностей, концентраций и раскрепощений, но гораздо чаще указанные смыслы контрмозаичны так называемому непродуктивному шествию "сверхценных идей", умственной фантастике или патологическому пиршеству мыслей. При этом предельный смысл монотоничен, сверхсмысл — политоничен. Предельный смысл можно назвать предлогосом.

В классификациях ощущений смысла и реактивностей есть некоторое сходство, и это имеет свою причину. Чем глубже и интенсивнее смысл в себе, чем более он пронизаем — тем больше сближается с реактивностью. Предельный смысл и сверхсмысл могут сопровождаться предельными реактивными ощущениями и сверхощущениями.

Любое смысловое ощущение протяжено, само в себе уравновешено, неконсистентно, призрачно, недопроницаемо. Полностью пронизаемым могло бы считаться только субъективно нереальное и фантастическое чистое Логос-ощущение. Смысл может следовать за структурой и даже создавать ее, но сам он бесструктурен, антиинформационен.

Кроме приведенной здесь фронтальной интенсивностно-топологической классификации смыслов, возможна классификация и по стадиям осмысливания, а также классификация рациональная — по стадиям данности рационалов. Можно указать на смысл-выделенность, смысл-опознание, смысл-ссылку. Практически в психологическом опыте существуют смыслоконструкции, в которых комбинируются выделенности, опознаваемости и ссылки.

Смыслознаки и постзнаковые смыслы — вторичные смыслы, являющиеся в большинстве случаев рациональными. Не следует думать, что мышление возникает только на уровне "второй сигнальной системы": вторичная семиотика неизбежно связана и со вторичной семантикой.

Возьмем смыслы-обозначения, смыслы-мнестемы, смыслы-суждения (рационалы). Операции со всеми названными смыслами (например, смысло-подстановки) так или иначе, в той или иной степени изучались и излагались множество раз во множестве дисциплин, но, между тем, все эти разновидности вторичны и сами по себе не работают, не образуют динамики и самоявления: они суть рационализированная пена, выносимая дознаковыми смыслами. Все модусы канонического мышления "феноменоноумны", а само мышление динамизируется из трафаретов "феноменоноумного", но практически деятельность скрытого животного выдается за деятельность "мыслителя" или за деятельность "разума". При возможности тавтологий, силлогизмов, индукций и дедукций это граничное животное пытаются неловко подменить неуклюжей и скрипящей интеллектуальной машиной или в лучшем случае надеть на него упряжь из алгоритмов.

Вербальное в ряде специальных случаев не вызывает рационализаций, либо способствует специфической иррациональной рационализации (заговоры, заклинания, намеренные алогизмы неологического характера, художественная образность в рамках искусства для искусства). Эффект дерационализации может возникнуть и благодаря суперрационализированному. Как бы ни неразумны были по своему эвристическому происхождению так называемые художественные средства и приемы, в каждом конкретном случае применения они все-таки рациональны, пусть задним числом и вычленно-вырванным образом. Иногда такая особо изошренная рационализация вызывает колоссальный эффект иррационализации: хитроумно сделанный ключ здесь как бы открывает скрытый замок с хитроумным устройством. Иррационализацию иногда дает и научное открытие.

Фигурально смыслы — как дознаковые, так и послезнаковые — можно назвать дополнительным

сознанием в сознании, хотя нечто неосмысленное вообще выпадает из сознания, не находится в нем. Любое из сознаний человека не может полностью отождествиться со смыслом. Условно допустимо говорить о смысловом измерении сознания, об интенсивности смысла как скалярной величине и т. п.

Смысловые схватываемости, связанные с терминами и словесными суждениями, не являются фундаментально новыми или более высшими по рангу, чем смысловые схватываемости образов-представлений или образов квазисреды.

Наибольший диапазон смысловых схватываемостей в большинстве случаев можно обнаружить среди смыслов, связанных с квазисредой и ИФФС. При этом максимальное число разновидностей смыслов удастся выделить в ИФФС. Интрофотосреда и интрофоносреда оказываются как бы желтыми пятнами умственного зрения. Всякого рода экзотический внесредный смысл, смысл в себе (остающийся субъективным и здесь-теперь наличным) обычно имеет фотосредные и интрофоносредные отблески, аккомпанементы. В ИФФС пересекаются квазисредные следы и апперцепции на квазисреду, все роды воспоминаний и предсуггестий, псевдогаллюцинации, интенции, все роды и типы представлений (от операциональных представлений, близких динамическим стереотипам, до грез; от фрагментов технических схем до фактуальных разворачиваний художественных символов), всевозможные ссылки на заведомо несуществующее: идеи, законы, догмы, авторитеты и т. п. — почти всё условно-приблизительно или условно-точно вырисовываемое из сфер поглощенности.

Фотосреда — отнюдь не микросреда, в которой можно представить, например, тот или иной предмет, иметь воспоминание о том или ином событии. Во многих случаях она допускает (как это часто бывает в квазисредных сновиденных средах)

полное редуцирование звуковых кажимостей. Воспоминания о каких-то событиях не обязательно сопровождаются внутренней речью и вообще представляемым звуковым компонентом — вполне возможны бессловесные умозаключения. Внешняя и внутренняя речь оказываются частными случаями некоторой более общей интенциональности. Произвольный переход на безъязыковую информативность, сигнальность затруднен, но к подобной интенциональности внутренних "телепатем" вполне можно приблизиться с помощью более плотного пакетирования слов в единицу времени.

Написание романа в виде текста следует за чуть опережающим интрофотофоносредным представлением. Аналогично чтение романа будет чтением при условии, что текст рефлексивно расшифровывается через ИФФС.

Из области протяжения ИФФС выпадают узко-локальное реактивное (например, боль) и локальности под поверхностью соматической ощущаемости (в особенности, как уже отмечалось, это заметно в субъективном отсутствии пространства под поверхностью головы).

При наличии достаточных интроспективных способностей и проторенностей ИФФС исследуют следующим образом: мысленно изготавливают перемещающийся в пространстве фотосредный крестообразный визир и пытаются помещать его в различные локусы субъективного мира. Опыты с визиром требуют отработки и достаточной тонкости восприятия. Нельзя использовать отвлеченное воображение. Визир не должен быть условно-интенционен, неразвернут. Наоборот, опыты допустимы при максимально возможной эйдетичности представляемого. Перемещение визира осуществляют последовательно, без скачков.

Этот вполне чувственный визир, вследствие некого искривления психической протяженности, никогда не сможет попасть в точки "удовольствия"

и "боли". Точно так же точка пересечения визирных линий не попадет в пространство под черепной коробкой наблюдателя и будет оттуда чуть ли не вытолкнута. Даже если визир собирать на месте будущей локализации, в названных случаях не поможет и эта хитрость: законы геометрии как бы перестанут существовать.

Всю область условной субъективной протяженности можно разделить на области, пропускающие визир (визирной разрешимости), области визирного запрета и промежуточные области (пространство за затылком, пространство за спиной у вперёдсмотрящего наблюдателя). В промежуточных областях требуется пусть не отвлечение, но дополнительные усилия на воображение-апперцепцию. При этом успех перемещения визира или его постановки переменен и неоднозначен.

Можно выделить область абсолютного запрета: предполагаемые пространства "внутри тела" и области незаконченности визира (пересечения визирных линий) — точки локальных реактивностей. В последнем случае даже возможна визир-терапия: размывание и уничтожение боли путем попыток наведения на нее фотосредного визира. Колеблющийся центр визира в этом случае отождествится с центром различных сознаний, а их взаимоналожение вызовет взаимопогашение реактивного.

Проведение визира через контактные ощущения упрощается в том случае, когда визирные линии являются касательными к поверхности соматического облака. И наоборот, проведение визира через звезду или трубу завода, находящегося у горизонта, возможно тогда, когда одна из визирных линий совпадает с линией взгляда. При этом продолжение этой линии за "небесную твердь" редуцируется.

В некоторых опытах имеет значение размер визирных линий. За эталон лучше принять субъективную длину локтя. Нахождение предметов за стеклом или иной прозрачной преградой в той или иной степени препятствует четкому проведению

визирных линий. Сложность проведения визира через предметы, находящиеся в нескольких субъективных километрах (у горизонта), может отчасти объясняться атмосферными условиями и воздушной преградой, отсосредоточенностью на другие предметы, расположенные на более близком расстоянии. Однако проведение визирных линий внутри массивных непрозрачных предметов (здания, мебель) совершенно невозможно. Есть некоторые приемы помещения визира за эти предметы, без перемещения его через последние, но успех здесь не гарантирован и во многих конкретных примерах сомнителен.

Во всех случаях проведения визира не следует смешивать квазисреду и фотосреду, в том смысле что визир должен проводиться внутри предметно наличных объектов, а не воображаемых, совмещенных с предметными. С помощью опросов и простейших тестов можно убедиться, что далеко не все люди способны к более или менее точной интроспекции. Кроме того, для различных психотипов существуют различные первичные типы интроспекции. Неспособного к интроспекции, выдающего одно за другое, казалось бы, можно выявить сократовским методом, приведя его к противоречию с самим собой, — но возможности коррективов пресекаются здесь с неожиданной стороны: вне зависимости от степени развития и образования у испытуемого может возникнуть головная боль и другие малоприятные ощущения. Получается, что фраза Хилона из Спарты: "Познай самого себя" при отсутствии адекватных доумственных проторенностей (а полностью адекватными они никогда быть не могут), остается всего лишь благим пожеланием.

Категорически заявлять, что неразлитые смыслы способны охватить только охватимое ИФФС, не приходится. Однако смыслы-рационалы действительно распространяются только на то, что хотя бы потенциально охватимо ИФФС. Так называемые

непредставимые смыслы суть только пределы ссылочных смыслов (треугольный одноугольник, 345, 36-мерное пространство, абсолютно красная абсолютная синева и т. п.). Улавливается не смысл иных геометрий, иных ракурсов мира, а смысл при потенциальной совместимости или репрезентации "не-здесь" того, что не представляется или не вмещается с чем-то "здесь".

Возникновение непредставимых смыслов (идей) первоначально связано с расхождениями между фотосредой и фоносредой. Некой знаковости в чистом виде не существует. Знак дается так или иначе на перекрестье различных сред или подсред, но в качестве доминирующего выступают один или, реже, два способа данности. В идее числа 1719 семиотика доминирует над семантикой; в идее 11-мерного пространства доминирует неполнота конструктивного задания; красная синева диахронична и представляет собой попытку совмещения "не-здесь" двух несмешанных представлений.

Первичная знаковость интрофоносредного практически редуцирована. Ее реликты чаще всего выступают как аккомпанемент вторичнознакового или "элемент" вторичнознакового.

Относительно самостоятельное нерациональное интрофоносредное связано с адаптивными потенциалами, общим настроем, попытками регулировать этот настрой. Возможны и другие корреляции, например, с характером дыхания.

Говорить об отождествлении или неотождествлении смысла с какой-либо частностью ИФФС не приходится, поскольку речь может идти только о множестве смыслов, связанных с тем или иным ИФФС-объектом. При использовании знаков происходит заметное сокращение, деградация ИФФС. От ИФФС (вначале от фотосреды, а затем от фоносреды) может остаться только ассоциативный всплеск-пик, указывающий на мнестическое или, что более точно, — на поглощенность.

Рудименты ИФФС не есть сам смысл, хотя и существуют только постольку, поскольку охвачены и выделены смыслом. Употреблять термин "смыслопредставление" вполне допустимо, причем в самых различных контекстах, однако отделение смысла от представления обычно не является сложным. Иное наблюдается при наличии смыслознаков (если подразумевать вторичные, "искусственные" знаки).

В смыслознаке, если иметь в виду его конкретное использование, маловозможно провести грань между смысловой и знаковой стороной. Часть смыслов обслуживает коррелирующие со смыслознаком образы, а часть — сам знак, его прорисованность.

Чаще всего реальный смысл, связывающийся со знаком (слово, словосочетание), не развернут и не развернуты спаренные с ним образы.

Смыслы и образы могут иметь совершенно постороннюю ассоциативную окраску. Из-за корреляций с различными типами эмотивного, смыслообразное и смыслознаковое приобретают конкретную неповторимую специфичность. При этом реактивное нередко возникает из-за дополнительных цепных индуцирований смыслообразов и смыслознаков в виде символов. Символ выявляет себя в данном отношении как монолит, в котором некие третичные новообозначения слиты с первичными — это кольцо сигнальностей, где предельная сигнальность (своего рода третья сигнальная система) сливается с базисной сигнальностью.

Наглядно-субъективно на первый план выдвигается не смысл, а знак, но знак является существующим только при опознании. Для прагматических целей того смысла, который необходим для опознания знака, вполне достаточно. То, что это опознание есть (как реальная проясненность) не совсем развернутый смысл, а не просто опознание лингвистической или образной структуры, видно из различных примеров и ситуаций: рассмотрения знакомого слова с забытым значением, встречи с

человеком, лицо которого хорошо известно, при том, что не удастся восстановить в здесь-теперь сведений об этом человеке и о предыдущих встречах с ним.

Реальные смыслы высказываний и слов в однородных контекстах индивидуальны для каждого отдельного их появления, а то, что в них общее для всех их явлений, то, что могло бы остаться от пересечения этих смыслов, мы называем смыслорадикалом. Эта компонента смысла имеет наибольшее значение. Хотя мы выделили ее сейчас посредством искусственного приема, она всякий раз реальна, как остов любого смысла, и именно она является носителем когнитивной логики, но не то, что называют понятиями.

Часто денотаты слов есть только нечто "висящее в воздухе" — фиктивное или полуфиктивное, причем нередко тогда, когда предметы мышления даются совершенно непосредственно, не в родовом, а в конкретно-видовом качестве. Даже в констатациях реальных кажимостей мышление обычно не может быть некой фиксированной копией или зарубкой, предполагающей за собой нечто четко определенное. Рефлексивно-рефлексное в любом случае будет контрsubstrатом, корректором и искажителем. Приходится говорить не о конвенционально-условной или выдуманной культуре мышления, но о культуре того, что прямым образом никогда не дается, — о животно-интеллектуальной, зоопсихейной парасоциальной рефлексивно-рефлексной культуре. Ничто "зоо" и ничто "социо" философски не предстоит в философской плоскости — можно говорить только об условной вписанности одноименно называемого в некоторую неочевидность, ввиду мировоззренческой элиминации научного и обыденного. Формально интеллект не может считаться чем-то реальным, и нет нужды рассматривать его как идеальное. Если разум есть несомненная фиктивность, то интел-

лект выглядит как проекция этой отындивидно ограниченной фиктивности на засубъективную поглощенность. Следовательно, интеллект может рассматриваться как заведомо неразвернутый потенциал, во многом возникающий из-за самого факта описания, хотя и имеющий независимые от описания характеристики.

Понятия нельзя признать потенциальными в том же смысле, что интеллект, — они неизбежно идеальны, развернуты в своей несуществующей повиснутости. При этом содержание и объем понятий не поддается перечислению и строгому уточнению (за исключением некоторого узкозначимого класса случаев) — понятия оказываются фантомами, отправленными со ссылочного смысла в дурную бесконечность. Они не могут сами по себе претендовать на роль атомов мышления именно по причине своего несуществования. Логическое или некое философское понятие понятия гносеологически порочно как в смысле мыслительной единицы, так и в смысле псевдодialeктической постоянно достраивающейся лестницы понимания ("развитие" и уточнение понятий). Животно-рефлексологическая природа человеческого мышления достаточно прозрачна (хотя, конечно, речь идет не об условных и безусловных рефлексах), и если человеческая рефлексивно-рефлексность переросла естественную сигнально-рациональную оболочку и образовала через частную мнестическую рефлексивно-рефлексность семантико-семиотический горб, то никакие мнимые идеалистические флюиды онаукообразенного здравого смысла не способны выявиться в реальном мышлении, основанном не на понятиях и логике, а на рефлексологической натасканности.

Дефиниции понятия оказываются или невозможными, или противоречивыми. Логически бессмысленны высказывания, в которых заявляется сначала, что понятие — эта совокупность суждений, а затем — что суждение — это связь понятий.

Если я произнес в некотором контексте слово "медведь", то заодно и вызвал радикальный смысл (смыслорадикал) этого слова, — и более, как правило, ничего не нужно. Если наша цель есть "медведь вообще" или даже некий "медведь вообще" в зауженном смысле, то мы столкнемся с лингвистическими, прагматическими, структурными, хроносными несуразностями. Есть медведь бурый, белый, очковый,, n-й, (n+1)-й....., ископаемый, есть медведь-игрушка и изображение медведя, есть фигуральности энтомологические, технические, прозвища, фамилии, топонимы... С другой стороны, можно задать вопрос: "Является ли мертвый медведь медведем?" или "Медведь ли эмбрион медведя?". Мы имеем парадокс качества, согласно которому, медведь, как и Сократ, не мог родиться и не мог умереть: умирает или живое, или мертвое, но живое, когда живет, не умирает, а мертвое не может еще раз умереть.

Вследствие иллюзий восприятия и воспоминания я могу выдумать и объективировать с помощью смысловых отсылок "безденотативных" медведей, которые не предстанут в качестве представителей вида и рода, например, "зеленого медведя"; я могу не знать, что сумчатый медведь не относится к семейству медвежьих. Что следует полагать? Наличие понятий в себе? Понятий вне конкретного субъекта? Иногда заходит речь и о понятиях за пределами социума, ввиду очевидного наличия ложных взглядов и представлений, не исчезающих на протяжении эпох.

Попытка выявить смысл понятия приводит не только к парадоксам качества и парадоксам изменения качества, но и к иным: неизбежно всплывает психофизиологический вопрос-парадокс и вопрос о вещи в себе: существует ли медведь сам по себе или только в представлениях и ощущениях; возникает проблема составленности или несоставленности объекта из элементарных частей. Обычная ситуация оказывается невероятно

усложненной, обремененной тотальными мировоззренческими вопросами, относительно простой случай требует лавирования в массе "измов" и ярлыков.

Можно обойтись и без длиннот наглядности, указать на то, что в психической реальности мы имеем дело со смыслообразами, смыслознаками, интенциями. Идеального в психической реальности — а это единственная субъективная реальность — нет.

Чистый смысл есть интуитивная пронцаемость. Сосредоточившись мимолетно на какой-либо данности, можно интенционально-сгущенно вместить в еле заметном всплеске смысла все ее сигнально-рациональные связи. Смысл может не потребовать для себя дополнительных образов при сосредоточении на одном образе; тем более он не потребует идей и понятий — псевдочасовых мыслительного. Сказав это, мы, тем не менее, не должны преувеличивать объем рабочего смысла — смысл уподобляется знаку, выступает в виде смыслознака, корректируется засубъективным пейсмейкером, в котором и заключается все нечленимое и скрытое богатство рациональности.

Во всплеске смысла часто содержится решение задачи без какого-либо обращения к образным, знаковым разворачиваниям и ссылкам на идеи. Если обращение к разворачиваниям необходимо, то подобная необходимость обычно свидетельствует о непроясненности исходного смыслового импульса и указывает на пути поиска через серии других смысловых импульсов.

Мышление замыкается в себе, отталкивается от неточностей психики и тем самым создает цепи противоречий. Если мыслительная блокада возможных вариантов направленности достаточно велика, происходит образование ссылок на идею. Идеи оказываются проекцией реальных смысловых ссылок на небытие. Ввиду неизбежной противоречивости ссылок и хронального их расположе-

ния, не исключено образование нетривиальных, многоэтажных и саморазрушающихся идей. При этом логическое саморазрушение идеи не обязательно принимают во внимание. В качестве идей могут существовать не только фотосредно непредставимые и квазисредно несуществующие объекты математики, но и четырехугольный треугольник, шестизначное однозначное число, соединяющая две точки кривая линия, являющаяся более короткой, чем проходящий через эти две точки отрезок прямой.

Понятие есть не только одна из таких идей, но также идея весьма нечетко заданная, сводящаяся не к ссылкам на сознание, но — к идеальным представлениям традиций, интерсубъективной и субъективной стихийности. Хотя понятие о понятии в той или иной степени закрепилось исторически, это не означает его полной приемлемости для большинства человеческих сфер. С другой стороны, понятие о понятии конвенционально неопределено, в него пытаются вкладывать различный "смысл". Понятия отождествляются то с дефинициями, то с представлениями или общими представлениями, то с абсурдно-бесконечным пониманием-приближением, то с отражением "сущности" явлений в феноменах, то с мыслью непсихической или психической, то с определенным рода суждением, то с обобщением, то с идеалистическим перечнем, не имеющим начала и конца, то с частью мировоззрения...

Любое абстрактное идеальное существование фактически означает несуществование. Отождествление понятий с тем или иным реальным психическим (сознательным в нашем смысле) всегда спорно, так как интенциональность феноменов конкретна для каждого отдельного наличия.

Априорная эгофункциональность психики переносит цементирующий момент, связывающий разнородные сознания-ощущения в целостное сознание, и на то, что сознанием не является, — на поглощенное прагматическое (метапрагматическое),

с одной стороны, и — на фантомы последнего в небытии, с другой стороны.

Мы отказываемся считать категории понятиями, несмотря на то, что многие общепринятые категории — такие же фикции, как и понятия.

Сам термин "категория" малоудачен в том плане, что имеет смежные и ассоциативные значения вербально-классификаторского и родового. "Категория" — это неявляемое в чистом виде сущностное, если речь идет о реально значимой категории. Обычная субъективная форма представленности категории может быть достаточно случайной или систематически неполной, но при любом варианте может приобретать характер психического доказательства. Как нечто оформленное выглядят только знаки, символы и направленности. Наибольшее логическое значение здесь имеет направленность.

Среди всех реальнозначимых категорий можно выделить такие, какие не являются частным в более общем. Монокатегорией является, например, категория "красота" (прекрасное). Она резко выделяется из тех категорий, которые нередко ставятся с ней в один ряд. Ее выделенность — как в особом экзистенциальном значении, так и в отсутствии разложимости. Комическое разлагается на составляющие, трагическое также разлагается и т. д. Красота в большей степени проступает не через центральное смысловое, а через реактивное. Через смысловое проступает другая монокатегория: сознание.

Абстрактность монокатегорий более чем сомнительна: они абстрактны вербально, но конкретны реально. С монокатегориями часто связаны те или иные безотчетные религиозности (проторелигиозности). Есть глубочайшая, но нефиксируемая разница между выражением "дерево вообще" и выражением "ужас вообще". Ясно, что денотат первого выражения есть фикция. От пересечения всех возможных представлений о деревьях ничего не остается, ибо представления оказываются саморазмытыми, переведенными в небытие или

абстрактное указание на направление в никуда. То же, что остается от логического пересечения всего ужасного — более чем колоссально. Это бесструктурный, бестелесный ужас, сверхинтенсивный, но не его отблеск, разлитый в человеческой видимости. Реальные предельные реактивные и предельные смысловые ощущения — только подступы к подобным "абстракциям". Чтобы горгона Медуза не испепелила, вступать во взаимоотношения с ней можно, лишь разглядывая ее отражение на щите, а этот щит и есть пленка человеческого сознания.

Категория "информация", попав в парадокс саморефлексивности, уничтожается, но монокатегории характеризуются тем, что и в своем дополненном и продолженном виде сохраняются, оказываются антиинформационной нечеловеческой значимостью.

* * *

Реальное человеческое мышление носит поверхностный характер и не имеет никаких субъективных механизмов, возникая как нечто наглядное в виде импульсов из поглощенности. Поверхностность человеческого мышления заслоняется вербализацией, и эта маскировка вносит многочисленные искажения в общие представления о мышлении вообще — собственно чистое мышление подобно сновидийно-интенционному мышлению. Далее отделенное не только от слов, но и от образов (интенционная концентрация) мышление оказывается почти неуловимым, не теряя, тем не менее, своей значимости и актуальности — другой вопрос в том, что это освобожденное мышление редко фиксируется в последующих за настоящим здесь-теперь и всегда связывается с изменением базового состояния, мнестическими смещениями.

Сознательные апелляции к досубъективно-сознательной поглощенности для самого сознания не играют решающей роли. Эти апелляции стихийно заменяются обращенностью к проекциям на бытие: идеальностям различной степени представимости и непредставимости, в том числе средам и объектам рассудка и разума, то есть несуществующим положенностям несуществующего. Эти среды оказываются своего рода продолжениями квазисреды, ИФФС и сознания в целом.

Собственно волевые ощущения реактивно бесцветны. В своем чистом виде они не имеют никакой формы и структуры — по крайней мере, внутренней формы и структуры. Отсутствие формы снимает какую-либо характеризующую их осмысленность, а отсутствие структуры — их внутреннюю рациональность.

От других интегративных ощущений волевые ощущения отличаются нетривиальным отношением к протяженности и реальности, а именно: они коррелируют с изменением и размыванием реальности. Несмотря на свою непостоянную уловимость, эти ощущения окутывают собой все сознание и связываются с самой его наличностью.

Тенденция волевого представлять собой границу сознания превышает такую же тенденцию ментальной логики, а потому волевое вырисовывается в субъективном как феномен более первичный, чем чувство, смысл и нейтральное тривиальное ощущение. Именно в первичной зоне гипотетической заграницы (не уровне!) волевое полностью контрологично и контрментально. Небольшое усиление крайних состояний сознания означало бы, что волевые ощущения не только бессмысленны и бесчувственны, но и алогичны, не только алогичны (дологичны), но и бессознательны (досознательны). Прямым путем фиксировать подобные особенности волевого невозможно из-за отключения смыслового и мнестического. Если переход к сверхреактивностям означает первую ступень, то

переход к крайнему волевому (волевому в чистом виде) — вторую ступень отключения. Подразумевается, что первая ступень связана со снятием рационального, а вторая — со снятием логического и смыслового. Косвенное фиксирование особенностей волевого, фиксирование задним числом может рассматриваться только как предварительное.

Вторая трудность в рассмотрении волевого заключается в необходимости отмежевания от гомункулусирования реального волевого. Спасение здесь не только в диалектике временных рядов и диалектике вложения сознания в сознание, но и в достаточной прозрачности общей природы того, что проходит через сигнально-рациональный центр сознания и через периферию сознания. Мы и не догадываемся, что в строгом смысле имперсональны. Если бы где-то существовал бог, то и он не был бы персоной.

Однако качественно-интенсивностная классификация волевых ощущений имеет сходство с классификацией смыслов и реактивностей только при рассмотрении феноменов, связанных с кажимостями субъективной автономии.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОЛЕВЫХ ОЩУЩЕНИЙ

1. Ощущения волевых сред — тотальных волевых координат.
2. Безапелляционно переживаемое частное волевое (касается изменений в дифференцированных ощущениях).
3. Диффузное парареактивное волевое.
4. Экспозиционное волевое.
5. Домотивное волевое.
6. Мотивационное волевое.
7. Частное суперволевое.
8. Общее суперволевое.
9. Тонкое волевое.
10. Тонкое волевое неспецифическое.
11. Предельное волевое.
12. Сверхволевое.

1. Ощущения волевых сред — это базовые и наложенные волевые состояния.

Базовые состояния: бодрствование, небодрствование, инободрствование.

Состояния, наложенные на базовые: дремота, гипнотические фазы сна, вялость, оживление, напряженность, скованность, абулия и т. п. Здесь указаны наложенные состояния только для обычного базового состояния бодрствования. Граница между небодрствованием и инободрствованием условна.

2. Можно видеть три вида безапелляционного частного волевого:

а) внешнее — от порхания бабочки и тиканья часов до движения товарного поезда и раската грома (подразумевается именно волевая компонента изменения субъективной реальности);

б) соматическая произвольность — от моргания до деяния в состоянии "аффекта";

в) пограничное волевое — от легкого давления и поглаживания до удара током и физического насилия.

В перечисленном мы обращаем внимание не на прочие категории ощущений, а на лишённые квазипроизвольности волевые импульсы, как первичные, так и индуцируемые первичными синтонными или негативными.

3. Парареактивное волевое. Эти волевые ощущения непосредственно связаны с реактивными ощущениями, словесно и двигателью неоформленными сиюминутными побуждениями, влечениями. Парареактивное волевое как бы создает дополнительное реактивное погружение. Возможно неспецифическое ИФФС-оформление парареактивного волевого.

4. Экспозиционное волевое. Ощущения несколько сходные с предыдущими, связанные со спокойным рассматриванием предметов, изображений, интерьеров, ландшафтов.

5. Домотивное волевое (импульсивное, стереотипное). Имеются в виду импульсы, коррелирую-

щие не только с выполнением привычных действий в утилитарном смысле, но и импульсы, связанные, например, со случайными, навязчивыми действиями (игра с цепочкой, болтание ногой, постукивание предметом о предмет и т. п.).

6. Мотивационное волевое (запускающее, поддерживающее, прекращающее, преодолевающее, переключающее и т. п.). Связано с выбором направленностей активности, перераспределением направленностей. Увы, и эта активность не носит какого-то строгого характера. Она поверхностна и суммационна. Зенон по-прежнему незыблем.

Мотивационное, независимо от степени своей ущербности, обязательно проходит через центральную умственную зону. Вербализация смыслов и намерений внутренней речью необязательна. Здесь более важно осознание не только результата, но и начала действия, связность волевых импульсов со смысловыми импульсами. Знаковая выраженность последних не играет особой роли. Мотивационное волевое в сумме с импульсивным и стереотипным волевым составляет рабочее волевое суммационно-практической активности. Разобраться в этом фактуальном пуле уже невозможно.

7. Частное суперволевое. Характеризуется приматом конкретного действия над последствиями и какими-либо данностями. При этом уничтожаются все иные интересы и жизненно важное. Характерны девизы: "Умрем, но не сдадимся!", "Вперед под танки!", "С нами крестная сила!", "Будь что будет!", "Только через мой труп!" и тому подобные.

8. Общее суперволевое. Далекое не всегда фиксируется мышлением достаточно четко. Чаще имеет место тоническое фиксирование. Формально интенсивность воления выглядит здесь как степень упомненности, в виде априорной или апостериорной оттиснутости в границе сознания. Речь идет не о мотивах, а о сверхмотивах, образующих относительный смысл жизни. Общее суперволевое предрассудочно и распространяется на все проявления индивидуальной деятельности. Оно не мо-

жет сводиться к поставленным целям или к приказам поступать так, а не иначе. Имеет значение не волевая формула, а ее соответствие действительному.

9. Тонкое волевое. Связано с деятельностью, требующей обуздания обычно-органических волевых импульсов и отрицательных эмоций, стадных порывов. На второй план отступают страх, боязнь крамолы, богохульства, житейское нежелание мыслить до конца и без смысловых прыжков.

В сфере интеллектуальной тонкое волевое подерживает мышление, выходящее за грань обыденного здравого смысла; в прагматических сферах оно имеет отношение к тому, что называют "мошенничеством", "интригой", "политиканством", "заговором" и т. п. — ко всему тому, что связано с крайней опасностью, но требует самообладания и строго дифференцированных и продуманных действий.

10. Тонкое неспецифическое волевое (мистическое волевое). Соответствует аналогичным сосредоточенностям реактивного и смыслового.

11. Предельное волевое. Экзотическое ощущение внезапной свободы, неожиданного раскрепощения, краткая иллюзия того, что все возможно.

12. Сверхиндивидуальное волевое. Недостаточно ясный по своим внутренним проявлениям феномен. Чаще всего имеет прямое отношение к коллективным психозам, панике, религиозному умопомрачению (непросветлению¹¹⁶). Происходит аннулирование всех бывших ранее сосредоточенностей, создание новых многообразных доминант.

* * *

Представленность волевых ощущений дается в зависимости от затрагивания центрального созна-

¹¹⁶ Элементы "умопомрачения" характерны и для состояния просветления. Прежде всего, это тонкое сужение кругозора.

ния; в более общем случае волевые ощущения коррелируют с деформацией и изменением всего сознания; волевое переходит в малоуловимое, а затем вообще перестает быть ощущением, то есть вымывается из субъективного.

Если над зоной ума витает фикция разума, то "зоне" воли соответствуют фикции, условно именуемые "силой воли", заповедями, обетами, судьбой и т. п. Установление несуществующих точек опоры коррелирует здесь с поглощенно-психейными точками опоры. Значение всякого рода волевых фетишей — в самовнушении, кажимости возможности управления незримым (что именно чем здесь управляет — весьма спорно), но главное в том, что фикционные разграничения и сосредоточения оказываются иногда прагматически действительными, следовательно, не по своему обозначению-условности, а по своему витальному назначению приемлемыми, хотя бы временно. Здесь важно отсосредоточение-сосредоточение, усиление посредством иллюзий и искусственных приемов активного умомнения, отпечатывания нужных стереотипов. Молитвы, призывы, заклинания действуют отнюдь не только механически как обратная сторона рефлексивно-рефлексных точек — иногда все это приводит к неопишущим невоспроизводимым явлениям паранаучного свойства.

В некотором роде волевые ощущения первичны по отношению к прочим ощущениям, они связаны со степенью наличности всего сознания вплоть до его рационального отсутствия. Даже засасывания в сон, дремоту, патологическое восприятие связываются с усилением волевых трансформативных ощущений за счет ослабления обыденно-тривиальных ощущений волевого настроения. Всякая попытка не заметить бесцветно-незримые силы через симптомы волевых ощущений оканчивается тем, что эти "силы" усиливаются и действуют подобно стихии. Волевые ощущения по своему основному содержанию соответствуют тому, что как раз пер-

пендикулярно плоскости сознания, малодоступно мнестическому. Можно не брать такие состояния, как кома, судороги, шок, — достаточно указать на явления эмоциональной тупости и чувственной обостренности, спутанности ума и высшей ясности, крайней усталости и бодрого оживления.

К интегративным менталам относится ощущение "я", ощущение дленности, ощущение длительности, ощущение протяженности. Это наиболее общие интегративности. Феномены протяженности могут быть различных видов. В их числе квазисредняя протяженность, незрительные протяженности, свободные от зрительных, а затем и каких-либо геометрических ассоциаций.

Аналогично, ощущение дленности — это не субъективное время, связанное с теми или иными частными изменениями, а общее ощущение текучести. Имеет место неизменяемая триада сознания: "я"-протяженность-дленность. Эта триада реально автоабстрактна, экзистенциальна и представляет собой остов сознания.

Существуют интегративные ощущения непосредственно ИФФ-средные и квазисредные, а также интегративные ощущения, пограничные между квазисредой и ИФФС. ИФФС по отношению к разнообразным интегративностям вполне делима на интрофотосреду и интрофоносреду. По связи с протяженностями различие между зрительным и звуковым проступает уже в квазисреде, невзирая на возможности частичной нивелировки этого.

С интегративными ощущениями разного порядка и данности связано также выделение предметов из видимости, образование кажимости самождественности выделенных предметов во времени. Интегративны восприятия пропорций, движения, метрическое ощущение (прототип математического количества), восприятие формы, размера, удаленности и т. п.

Может возникнуть впечатление противоречия: с одной стороны, интегративные ощущения выступают как симптомы иррационально-бесструктурного, с другой — многие интегративные ощущения представляются признаком сигнально-рационального, структуро-информационного. Сверх того, определенное недоумение может вызвать разнородность интегративного.

Возможны различные приведения интегративностей к единству. Одно из них заключается в использовании градаций ощущений смысла. Имеется в виду использование смысловых феноменов не как вспомогательных, а как стержневых. Исходя из расширенной таблицы ощущений смысла, мы доходим до искусственных рационализаций, а затем уходим от них. Можно воспользоваться сходствами между таблицами ощущений смысла, реактивностей и волевых проявлений. При этом распознавательные и когнитивные интегративности окажутся в той или иной степени пересеченными с зоной "рабочих смыслов". Тем не менее, наиболее значимо, на наш взгляд, такое рядоположение интегративностей, какое естественно связывает их с неинтегративными ощущениями и сознанием в целом.

Графически при таком рядоположении поток сознания выглядит в виде ствола дерева, а конкретная я-среда — как срез этого ствола (точнее говоря, срез ствола плюс несколько сердцевинных волокон различной длины, некоторые из них — от корня до вершины). Наиболее дифференцированные ощущения располагаются у периферии среза. Большинство зрительных и звуковых ощущений — это кора дерева. Безапелляционные частные волевые ощущения — меристематические ткани. Наиболее интегративные ощущения — сердцевина дерева. Для полного рассмотрения в модели волевых ощущений необходимо учитывать уже не срез дерева, а растущий побег (конус нарастания). Имеется, впрочем, более удачная в некоторых аспектах модель строения субъективного сознания — вращающаяся юла, вихрик.

В хроносном плане возможна также иллюстративная картина потока сознания в виде метамерного дождевого червя, в котором каждый последующий сегмент отчасти сходен с предыдущим, причем каждый сегмент представляет собой своего рода квант потока, сознание вместимое в наименьший локус субъективного времени.

Подобные общие рассмотрения целесообразнее приводить отдельно, здесь мы указываем только определенные ориентиры, один из них — степень константности и возможность повторения интегративного ощущения.

К трудноклассифицируемым интегративностям можно отнести интенции отношений. Подразумеваются не столько отношения-рационалы, наподобие канонически выданных эрзацев мышления (книга лежит на столе; ребенок испугался индюка; диктатура себя изжила), сколько отношения, невыразимые ни подобными сентенциями, ни системой подобных сентенций. Полному членению на рационалы не поддается даже чисто смысловое. Тем более подобная операция затруднена для смысло-воле-реактивного. Интегративно выраженные отношения сравнимы с символами-образами¹¹⁷, а часто в своих мозаичностях неотделимы от последних. Психическая посюсторонность в таких случаях замыкается на воспоминания о воспоминаниях, полное прояснение которых невозможно не в связи с изначальной произвольностью ассоциирования, а в связи со стертой бывших некогда достаточных оснований, сверхмасштабностью всего пласта ассоциаций. Даже в более простых случаях ключевую роль приобретает данность знака (в том числе напоминающего), связность знака с непрояснимым, в особенности тогда, когда сво-

¹¹⁷ Возможны различные символы-образы, начиная от таких, как "улитка" ("черепаша") — медлительный, "череп" — символ смерти, опасности, яда, и кончая представлениями наподобие "мое прошлое", "река Лета", "Дом" (как экзистенциал).

бодная алгебраическая замена знака невозможна, невзирая на всю его изначальную произвольность или кажимость таковой. Например, вполне можно заменить (пользуясь русским языком и в рамках русскоязычной культуры) имя "Теофраст Бомбаст фон Гугенгейм" на имя "Парацельс", выражение "английская королева" на выражение "королева Великобритании" (невзирая на всю формальную разницу), более сложно заменить именование "Китай" наименованием "Хина" или "Хань", и практически невозможно заменить (без тонико-смысловых потерь) имена "Фет" и "Бальмонт" на алгебраическое "поэты А и Б", невзирая на всю логическую допустимость такой замены в соответствующих контекстах.

Если в смыслознаке, смыслообразознаке искусственно выделить знак и смысл или смысл, образ и знак, то часть, называемая знаком, может быть подразделена на знак и знаковсмысл, а образ — на образ и образосмысл. Роль знаковсмысла — в наличии смыслов, дающих схватываемость и слияние несемантической стороны знака, то есть знаковсмысл — это внутренний смысл знака. Примерно то же можно сказать и о внутренней стороне образа, образа как самозамкнутости вне иных образов и вещно-предметных соответствий, побуждений-сходств.

Соотношения между знаками и реактивностями малоопределены. Кроме того, соотношения между "внутренней" реактивностью знака и его "внешней реактивностью" могут быть самые неожиданные, непланируемые. Сверхважной может оказаться и конкретная данность знака в здесь-теперь, та или иная его модификация: в структуре знака есть "внезнаковые" — незначающие структуры, оказывающиеся разделом между смыслом и реактивностью.

Я-среда — совокупность всех менталов в кажущемся настоящим локусе времени. В эту совокупность входят и феномены, не имеющие внутреннего временного локуса, и феномены собирательные, в которых так или иначе интегрированы данности разных локусов.

Все то, что реально дано человеку-субъекту, есть его собственные феномены; следовательно, единственное, что дано человеку-субъекту, есть я-среда.

Я-среда характеризуется тем, что всякая произвольно взятая ее часть самоосознается. Действительно, если черное пятно является видимым, то это черное пятно самоосознается, в противном случае его бы не было, так как за этим пятном не наблюдает никакой гомункулус. Ощущение "я" находится в том же царстве феноменов, что и черное пятно, несмотря на иную выданность, выдвинутость в сознание.

Какие бы произвольно выделенные данности ментального мы ни брали, всегда самоосознается каждая из подданностей этих данностей и одновременно то или иное их множество. Объединение и пересечение двух элементов я-среды есть элемент я-среды. Если объединение есть одновременное восприятие-осознавание и выделенность ощущений, то пересечение — это более общее ощущение или более интегративное ощущение. Более общее ощущение — ощущение общей принадлежности, общих свойств, а интегративное ощущение — в строгом смысле, не собственно пересечение и не сумма ощущений, а новый феномен, на всем этом или на их части основанный, вернее, с их частью или со всем этим скоррелированный. Нужно учесть и различную заданность различных интегративностей. Чистыми пересечениями, например, могут быть предметно-рациональные интегративные схватываемости.

Я-среда обладает подобиями с субстанцией, в ней невозможны "пустые элементы", "нули", "бес-

конечности" и другие абстрактные математические характеристики. Протяженность я-среды не имеет геометрического характера. Метрику и размерность я-среды образует исключительно функция самоосознаваемости. При этом априори ясно, что размерность любого из сознаний я-среды не является кратной единице (не может быть целым числом).

Субъективное пространство, точнее, совокупность субъективных пространств перцептируется-апперцептируется как одно или несколько интегративных ощущений. При этом с общим субъективным ощущением протяженности нельзя смешивать частные: зрительное, звуковое, обонятельное, соматическое, фотосредное и т. п. Общее ощущение протяженности не есть ощущение размеров, кубатуры, пространства предметов обыденности, — это ощущение разлитости, расплеснутости, которое константно и, подобно ощущению "я", никогда не меняется. Ощущение "я", ощущение дленности и ощущение протяженности образуют единую триаду.

Я-среда является негеометрически многослойной средой благодаря инерции, обычным воспоминаниям, мгновенным воспоминаниям, ощущениям смысла, ощущениям движения. Интеграция одних ощущений другими не есть какой-то процесс, происходящий внутри я-сред — внутри я-среды дается только результат. Сознание предстает как самосознание каждой данности сознания, даже если между подданностями отсутствуют протяженностно-пространственные или какие-либо еще связи. Все это вовсе не означает, что трещине на стене известно о существовании в данное время запаха одеколona. Взаимосвязь-самоосознавание этих двух ощущений происходит в третьем ощущении, с ними сцепленном и на них наложенном. В свою очередь, это третье ощущение опричинивается не из перечисленных двух ощущений, а из поглощенности. Я-среда не может быть центрирова-

на сразу во всех средах и ощущениях. Централен узел наибольшей сосредоточенности; прочие ощущения оказываются довольно призрачным аккомпанементом. Под термином "узел" мы подразумеваем обозначение области наибольшей психической схватываемости безотносительно к наличию в этой схватываемости тех или иных ментальных, в том числе междусредних, границ.

Высказывания о реальных я-средах вполне могут характеризоваться алогизмом и отвлеченностью. Пусть мы имеем высказывание: "Я вижу предмет А" (точнее, кажимость предмета А имеет место). Само это высказывание оказывается "висящим в воздухе" — вначале полуреальным, а затем — выдернутым из реальности. Непосредственная соотнесенность с той или иной реальной я-средой также оказывается исчезнувшей, и ряд таких соотнесенностей представляет нам обыденный предмет-поток, типа того, что "покоясь, стоит на столе". Даже если условно допустить, что человек говорит не словами, а непосредственными соотнесенностями, окажется, что подразумеваются не какие-то определенные я-среды и не данности, предстоящие через бывшие реальности, а некоторый суммационный пакет воспоминаний из ряда бывших и переименованных я-сред, причем неполный и внутренне размытый.

Следовательно, умозрения и высказывания соотвествуют не совокупности ощущений, а некоторой сигнально-рациональной выделенности мнестического. Это мнестическое, по сути, населено апперцептивным и, представая в своей конечной форме, является в форме апперцептивного. Подобная рациональная выделенность образуется по иррациональному типу и является стихийно-стереотипной.

Как правило, язык соответствует ощущениям довольно нестрого. При намеренном усилении этой нестрогости (с некоторыми специальными сосредоточениями-разграничениями) мы будем иметь язык

"строгих" абстрактных построений. Любая якобы строгая наука нестрога бытийно и психологически. Язык по отношению к пакетам я-сред описывает только определенного рода ограниченные и искусственно выделенные схемы. При толковании последних может быть внесена еще одна произвольность. Мировоззренческое очищение отчасти заключается в подборе условий для того, чтобы способ рассмотрения явлений не создавал на фактуре рассматриваемого собственных наслоений, снятие которых принципиально невозможно.

Само виденье людей, предметов, изображения в зеркале и на картине и т. п. уже есть рациональная выделенность. Будучи актуальной рефлексивно-рефлексно, она совершает холостую работу, сигналивая и непрагматическое (формы облаков, клякс, фигуры Роршаха). Это избыточное сигнализирование входит в подспудные основы художественного восприятия. Так, возможности избыточного восприятия могут быть испытаны на наиболее "абстрактных" художественных произведениях. Осигнализирование имеет шансы идти и дальше к символизации и самоотрицанию, образуя феномен пропуска чисто рациональной выделенности, когда произведение вызывает обычные и тонкие эмоции без выделения чего-либо предметного и роршахового.

Выделение того или иного предмета или явления связывается с комплексом апперцепций. Основой последних чаще всего является неявная проторенность. С одной стороны, на расстоянии могут быть оценены прочность предмета, его твердость или мягкость, материал — без каких-то специальных мыслительных рассуждений, одним мгновенным взглядом; с другой стороны, все это внушает видимость невидимого, иллюзии принятия декораций за действительную обстановку и т. п. Из-за наличия перед глазами этого рефлексивно-рефлексного (в том числе мнестического) свето-фильтра невозможно знать, что мы видим и что могли бы видеть в чистом виде.

Один и тот же объект в поле обозрения, то есть не чистый реальный объект, а обыденный предмет-поток может характеризоваться различной выделенностью в качестве перцептивно-апперцептивной конструкции в зависимости от степени и направления сосредоточения. Например, он может быть только пятном в общей картине фотосредно-квазисредного. Чем меньше сосредоточенность, тем более это пятно призрачно. И наоборот, эффект той или иной дерационализации иногда обеспечивается чрезмерной сосредоточенностью. В любом случае угловые границы зрительного восприятия неполны и размыты.

Каким бы зыбким ощущение ни было, оно, тем не менее, всегда полноценное ощущение — полубессознательных и бессознательных ощущений не бывает, поскольку ощущение и есть то, что ощущимо присутствует, в каком бы виде это ощущимое присутствие ни давалось. Возможное отключение мнестического и диффузность волевого ни о чем не говорят.

Гете заметил, что человек не удерживается долго в сознании и должен убежать в бессознательное. Все, что дано, есть только сознание и никакого ныряния субъекта как условной рамки сознания туда и сюда быть не может. О нырянии в поглощенность можно не говорить, поскольку мы фактически всегда там и оттуда, но уже не в качестве таких обозначений, как субъекты и местоимения. Между тем, в словах Гете можно видеть метафорический намек. То, что он назвал "сознанием", следует понимать как обычно-упорядоченное сознание, а гетевская погруженность в бессознательное — не что иное, как наполнение сознания иным содержанием при частичном или полном уничтожении сигнально-рационального, прагматического, а также при частичном или, возможно, полном в той или иной компоненте отключении мнестического. Это кажущееся подспудное сознание не является чем-то

глубоко спрятанным. Оно вполне явно в момент своей данности. Пакеты я-сред, объединенные тем или иным особым ощущением, связанные с эстетическим или эвристическим, могут состоять из сознаний смешанного типа (подспудно-неподспудных) в рамках специфической сосредоточенности.

Собственно субъективные сознания несамостоятельны и несамовытекающи. Тем не менее, "подсознание", "бессознательное", "неосознанное", "нейродинамика" — только игрушки, состоящие из фиктивных положенностей, проекций на небытие некоторых границ явного. В строгом смысле они не могут претендовать на роль неявной реальности.

Существует мнение, что гипнотизер действует на субъективное сознание гипнотизируемого, а уже затем — на нечто иное. В этом мнении заключена двухступенчатая ошибка. Во-первых, действует не гипнотизер, то есть не его табло-сознание; во-вторых, "действие" не направлено прямо и непосредственно на сознание поддавшегося гипнозу или гипнотизируемого. А нейрохирург ничем не лучше гипнотизера. Любые человеческие действия — не что иное, как все те же пассы. Рефлексивно-рефлексная значимость дающегося в сознании структуро-вещественного фантома лежит в основе синдрома псевдоматериальности.

Для обычного сознания структура и есть его искривленная граница. Манипуляторство со структурами-границами — это манипуляторство через посредство иного. Поскольку ничто в субъективном сознании не является полностью пронизаемым и полноценно данным, то и любые действия проистекают из сознания только кажимостно.

Допустим, что в сознании есть нечто, что не есть пассивное изображение. Поскольку это нечто находилось бы в сознании, то оно было бы полностью наглядным. Полнота наглядности оказалась бы абсолютной пронизаемостью от и до, уничтожающей необходимость какого-либо познания. То был бы абсолют.

Допустим, я нахожусь в одной комнате и фотосредно представляю себе обстановку другой комнаты — невидимой в данный момент. Фотосредно я бессилён представить себе полностью со всеми подробностями обстановку невидимой сейчас комнаты, и псевдосредой в данном случае будет тот или иной вид комнаты, которую я представляю, каким бы он был, если бы я сам присутствовал в соседней комнате. Это псевдосреда первого порядка. Псевдосредой более высокого порядка, если иметь в виду данный пример, будет "соседняя" комната, восстановленная полностью, видимая целиком и со всех позиций. Эту комнату я был бы даже неспособен увидеть, ибо в реальных ощущениях может присутствовать только часть комнаты, а не эта условно-абсолютная комната, подобная псевдообъектам практики. Приведенные виды псевдосред есть не что иное, как несуществующие ощущения, фантастические несуществующие восприятия.

Первые обыденные псевдосреды суть продолжение сознания в стихийно-дикарский рассудок. Основа такого продолжения — прагматическая рефлексологичность и рефлексивность, взращенная на основе последней. Не видя сквозь стену, человек, тем не менее, почти чувствует то, что за ней находится. Наивные утверждения типа "я там был" или "я туда пойду", естественно, не могут быть приняты в качестве действительного оправдания бытовой рассудочности. Инертно данные формы и формулы человеческого существования вполне могут быть отброшены, их эпистемологическая ценность весьма сомнительна. Как это ни абсурдно, но фиктивными ощущениями оказывается охватенным весь предполагаемый мир. Из связок типа "поверну голову", "пойду", "поеду", "полечу", "увиджу фотографию", "посмотрю в оптический прибор" — и "удостоверюсь" — вырастает чудовищный мираж. Научное, преданно следуя за ана-

логичной проторенностью, пусть и отнимает у травы зеленый цвет, сладость у сахара, жгучесть у крапивы, боль у скальпеля, тем не менее, оставляет ощущениескую структуру, ощущениескую карту и создает нелепое наложение несовместимых ощущений.

Происходит подмена предполагаемой действительности стробоскопической кажимостью. Отмена этой кажимости приводит к тому, что физические тела превращаются в условность, суррогат психического образа.

Пусть я никогда не бывал в Бразилии и ничего о ней не слышал, кроме того, что есть такая страна, но некоторая из псевдосред-бразилий есть Бразилия, составленная из моих несуществующих и, кроме того, несуществовавших ощущений, как будто я осмотрел и обшарил каждый уголок Бразилии и каким-то чудом составил все эти противоречивые и неспрягаемые рассмотрения в одно общее. Причем не обязательно "Бразилия" здесь — это Бразилия какого-то момента времени (псевдомомента, ибо в строгий момент нулевой толщины ничего "бразильного" нет), — это может быть Бразилия от своего образования до настоящего времени и далее в будущее. Подобная идеальная и противоречивая Бразилия выглядит продолжением ощущений за рассудок в разум, то есть в фиктивную надстройку над умом, лжеопору в качестве отношения к реальному и относительно действенную интенционно-психологическую и интенционно-прагматическую опору.

Допустим, я держу в руках какой-то предмет наподобие куба. Всякий раз я вижу только некоторые его грани и не вижу других. В одной из псевдосред этот предмет есть мои ощущения одновременно со всех сторон предмета и даже "изнутри" предмета.

В псевдосредах можно видеть собирательность ракурсов, приближение удаленного и видение невидимого. Есть псевдосреды срезов и разрезов,

есть псевдосреды подстановок. Псевдосреда подстановки имеет значение тогда, когда микроструктуры, подструктуры (клетки организмов, атомы, молекулы и т. п.) подставляются в макропсевдосреду, структуру (надструктуру), и в более общем случае, когда идеальности одного опыта подставляются в идеальности другого опыта. Неидеального материального просто не существует, а реальность при всех этих подстановках ускользает от взора. Кроме того логически четкая подстановка невозможна. Разные структуры по-разному стробоскопичны, одни структуры размывают и нивелируют другие. Тем не менее, большинство наук основано на подстановочно-расширительной экстраполяции, рефлексивно-рефлексно дающейся уже в обыденном.

Мы указали на три дефекта научного мировоззрения: гипостазирование несуществующего, стробоскопический разлад, использование подстановок. Четвертым дефектом является понятие "закон природы". С метафизической точки зрения это понятие — нонсенс.

Пакеты я-сред и воспоминания о них способствуют выкристаллизации различных повторяемостей, неосознанно и осознанно закрепляемых в качестве законоподобий и законов, которые отправляются от чисто внешнего и оказываются чисто поверхностной прагматической связью, а не выявлением неких сущностей. Какая-либо внутренняя природа "вещей" субъекту никогда не дается. Сверх того, не даются и сами "вещи". Когда мы имеем рассуждение, направленное на нечто внутреннее, мы имеем дело с подстановкой. Производятся ссылки не на действительно внутреннее, а на то внутреннее, которое было когда-то внешним, то есть фактически одна внешность подставляется в другую внешность, создавая иллюзию внутреннего. К собственно имманентному у субъекта нет доступа. Здесь уместно задать вопрос: "Об имманентном чего идет речь?" Об имманентном образа? Так это совсем не та имманентность! Естественнонауч-

ная имманентность образа — также не та имманентность. Экстраполятивно представляемое внутреннее, в любом случае, — это только то, что так или иначе, прямо или косвенно может быть внешним. В крайнем случае, оно — только гибрид на основе смежного внешнего. Все это из обыденно-прагматического распространяется и на науку. Из того факта, что суждения в точных и естественных науках проистекают из менее очевидного, вовсе нельзя заключить, что эти суждения менее поверхностны, чем обыденные законоподобия наподобие того, что боль чувствуется в человеческом теле, а не в ножке стула, что предмет, закрытый другим предметом, как правило, не исчезает, что лампа в подавляющем большинстве случаев светится только при подаче напряжения.

Предмет, закрытый другим предметом, это не предмет-феномен, а псевдосредно-прагматический предмет. Похожими псевдосредними предметами являются и объекты науки. Теоретические и экспериментальные данные возникают на основе опыта субъекта, поставленного в обыденные условия со специальными сосредоточениями или в специально подобранные условия с обыденными и заведомо суженными сосредоточениями и деятельностью, но естественные науки не объясняют сам человеческий опыт, а только подставляют один опыт в другой. Современная физика не в состоянии ответить на элементарный вопрос: "Почему снаряд, выпущенный из орудия, летит?" Ссылаются на те или иные понятия, но эти понятия вторичны по отношению к факту полета, придуманы человеком на основе заведомой, беспредпосылочной возможности полета тела, то есть такого восприятия. Между теоретическими структурами и запытной сутью нет ни взаимных, ни односторонних соответствий. Есть только некардинальные соответствия между теорией и практикой естественных наук. Отсюда и следует несостоятельность неметафизической теории в объяснении самого опыта как первичной данности по отношению к опыту же.

Наукой рассматриваются не мифические законы природы, а закономерности связи повторяемых образов на конкретной ступени абстрагирования. Этих закономерностей в чистом и окончательном виде нет объективно, и повторяемые артефакты, которые называют закономерностями, индуцированы оболочками субъективности: происходит расщепление мира на то, чего собственно нет, — на уровни. Гораздо менее очевидна объективная невозможность дистанционности, но всякая элиминация субъекта к тому и приводит. К этому добавляется неоднозначность выделения-вычленения структур, а следовательно и физических объектов. По ту сторону субъекта нет соответствующей наукам среды. Например, элементарнейший закон Архимеда невозможен чисто объективно ввиду того, что вне научных и обыденных образов не существует ни "жидкости", ни "емкости", куда она введена, ни "погруженного тела". С другой стороны, никаких законов не существует и в псевдоонтологических натурфилософских средах. Для того чтобы появились законы, необходимо субъективное отвлечение: нужно считать настоящее сосуществующим с частью прошлого и будущего, то есть законы не реальны, а идеальны. Так называемой природе законы не нужны, так как природа — всегда настоящее, каким бы это настоящее ни было: частичное настоящее с определенной степенью точности и относительности или настоящее-вечность. Законы ничем не управляют; они не могут существовать где-то, висеть в воздухе или в безвоздушном пространстве, но могут идеально-отсубъективно рождаться во время псевдосредних взаимодействий при условии, что данная псевдосреда не будет отделяться от умополагаемого наблюдателя-регистратора. Законы — всего лишь статистическая суммационность, шаблон развития и образуются как интеграция более элементарных проявлений во времени. До этих проявлений никаких законов не может существовать. Возьмем следующую псевдосреду: электрон возвращается

на свою прежнюю орбиту и испускает квант энергии. Пока не произошло это событие, никаких законов относительно этого события не существует. Получается, что рассматриваемые объекты воплощают свою структуру во временное инобытие. Можно сказать, не прибегая к лишней иллюстративности, более точно: нечто случается или происходит ряд событий, вследствие чего образуется некоторая фигура связи. Если закон обобщен на несколько или на все объекты сходного рода, то он есть закон, "висящий в воздухе" — готовая к услугам фикция, светофильтр памяти перед глазом.

Если где-то антропоцентризм и имеет смысл, то прагматический антропоцентризм совершенно нелеп, а в "космос" или в "природу" механически проецируется ритуализм человеческих отношений и стремление населить мир духами королей, старейшин, юриспруденции.

Практика (в узком смысле слова) и опыт должны приниматься только в той степени, в какой они сами ограничены. Чрезмерное доверие практике и неявная ее экстраполяция — причины заблуждений. Можно заблуждаться тысячи и миллионы лет подобно тому, как тысячи лет люди думали, что Солнце движется вокруг Земли. Прагматическое, в конце концов, может разрушить те заблуждения, которые оно само навесило, но это "в конце концов" может произойти слишком поздно или вообще не произойти. Поэтому наряду с ограниченными специальными мировоззрениями, исходящими из каких-либо ступеней практики, требуются мировоззрения, заранее ставящие практику под сомнение, исходящие из иного принципа.

Разумеется, такие мировоззрения могут и не соответствовать или даже противоречить прагматическим задачам, не выходя на круг стыковки с ними или, наоборот, перерасти эти задачи, находиться слишком далеко от них. В большинстве случаев подобные непрагматические мировоззрения имеют методическое значение, являются эв-

ристическим эталоном и точкой отсчета для остальных групп мировоззрений. Аналогии здесь можно видеть и в искусстве, и в науке, и в религии. Например, "массовое" искусство вырождается при отсутствии искусств экспериментальных и элитарных; бытовая религиозность вырождается при отсутствии святых, подвижников и некоторых над-религиозных принципов.

Пусть Ахиллес не может догнать черепаху, а летящая стрела неподвижна, но в этих последних утверждениях есть нечто методологически лучшее, чем в алогическом скачке, который неявно заставляет делать практика, вводя постулат движения вне ощущений. Из движения ощущаемо наблюдаемого вовсе не следует наличие некоего абсолютного движения. Иллюзии, которые дает практика, — самые чудовищные и длительные. Об этом говорит весь опыт человеческой истории. Методический отказ от тех или иных постулатов, которые индуцирует кажимость, совершенно необходим, — в нем содержится попытка определения и поиска более совершенных путей познания, чем самые ближние и доступные.

Идеализм практики отчасти связан с эмоционально-волевым обыденным фетишизмом, с переносом персональных впечатлений на гипостазированные вещи в себе. Подобные явления закрепляются и в языке: такие термины, как "вкусное", "красивое", "любимое", оказываются уже не чисто субъективными, а прагматически квазиобъективными.

Для многих псевдосред базой является сам дающийся в качестве псевдосредного феномена язык. Тем не менее, существуют полагания и дязыковых псевдосред, а также псевдосред, генеалогически связанных с языком, но формально и практически почти полностью от него оторванных. В частности, псевдосреды могут соответствовать тому, что принято называть предметным мышлением. Предметное мышление необходимо дифферен-

цировать, с одной стороны, на образное мышление, которое непсевдосредно, а с другой — на чистое предметное мышление в квазисреде.

Можно выделить два способа подразделения псевдосред на классы. Первый способ — фактурный — связан со степенью сохранности в псевдосредах рудиментов человеческого сознания, с характером заданности псевдосред, мыслимостью или немислимостью объектов псевдосред и т. п. Этот способ более гносеологичен, но мало применим практически. Чаще мы имеем дело с классами не псевдосред-направленностей, а псевдосред-"феноменов", псевдосред-планов и псевдосред-пластов. Они касаются не столько сфер деятельности, сколько сфер психической погруженности, модусов психической заданности.

По второму способу выделения классы псевдосред коррелируют с соответствующими совокупностями человеческих направленностей.

ПЕРВЫЙ ТИП ДЕЛЕНИЯ НА КЛАССЫ

1. Постфотосредные и околофотосредные псевдосреды. Псевдосреды, способные быть квазисредами.

2. Псевдосреды и псевдосредные "феномены", которые касаются объектов, несуществующих в квазисреде или присутствующих в ней в неспецифическом виде. Нужно отметить, что все, что можно видеть в оптический прибор (микроскоп, телескоп), в момент виденья является квазисредой. Фотографии объектов, снятых через электронный микроскоп, сами по себе могут быть квазисредой (присутствовать в квазисреде), но говорить о квазисредности видимых на них объектов в большинстве случаев не приходится. Не совсем специфичными можно считать объекты малоразличимые, имеющие малые угловые размеры применительно к конкретной оптической системе.

При всем этом объекты рассматриваемых псевдосред так или иначе (пусть и не полностью и не до конца пронизуемо) могут представлять фотосредно, то есть в неинтеллектуальном воображении.

3. Псевдосреды малопредставимого и непредставимого, предполагающие не разворачивание в воображении, а воображаемую потенциальность.

4. Псевдосреды логически невозможных объектов, в том числе математических, являющихся пределом абстрагирования: точная окружность, линия, актуальная бесконечность.

Следует отметить, что прагматически несуществующие объекты: кентавры, сказочные василиски, литературные персонажи, невзирая на фактуальную неявляемость, относятся к первому классу псевдосред.

ВТОРОЙ ТИП ДЕЛЕНИЯ НА КЛАССЫ

1. Основания (кажимостные) установок верований и волевых прототенностей. Это рефлексивно-рефлексные установки и их кажимостное объяснение, попытки внеобразной рационализации отэмотивного, культурно-эстетического. Человеку обычно не достает образной констатации фактов и необходимо их вещное, "действительное" утверждение, однако на место действительного неизменно становится псевдосуществующее.

2. Надбытовые и надыдивидуальные объяснительно-прагматические псевдосреды. Сюда относятся конструкции псевдосред математические, позитивных наук и всякого рода непозитивных наук и паранаук (магия, астрология, натурфилософия и т. п.).

3. Прикладные псевдосреды. Это псевдосреды осуществления действий. К ним относятся формализуемые компоненты приемов обыденных действий, технологические приемы и кажимостная среда их

приложения. Собственно ментальным пунктом деятельности, пунктом опоры ментального здесь является фотосредно-интенционное с осколками квазисредного, а псевдосредное выступает в роли кажимостной сферы растекания того и другого.

В данном классе псевдосред происходит слияние воображаемого об идеальном и воображаемого о данном. Действительно, где существуют правила, предписания, алгоритмы, методики, регламенты, прејскуранты, цены? Бытовое отождествление всего этого со здесь-теперь знаками ложно и при расширении сферы психической погруженности. Никакого "общественного сознания", естественно, не существует, как не существует и идеального. Положенности идеального вполне явны, но протекают из неопределенно-субстративной среды, не являющейся собственно субъективной средой, поскольку последняя — всего лишь индикатор и табло.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Субъективная реальность может не стать отправной точкой размышления только потому, что соответствующего сосредоточения умственно не наступило. Апеллировать в объяснении настоящих менталов к прошлым бесполезно: полная наглядная вытекаемость одних из других не прослеживается. Тем более отсутствует непосредственно-наглядная связь между психическим и метапсихическим. Ощущения, имеющие место при тренировке и упражнении, имеют весьма косвенное отношение к самой сути тренировки и упражнения. Сознание оказывается чем-то вроде индикатора, спидометра, приборной доски при том, что находится вне его. Никто наглядный и заметный за этой доской не наблюдает. Даже ощущение "я" есть часть этой доски, а посясторонняя роль этого "я" — не более

чем у красной сигнальной лампочки. Сознание не раздваивается и оказывается собственным самосознанием, то есть сознание и самосознание тождественны. Тем не менее, мы не отождествляем денотаты таких терминов как "интроспекция", "самосознание", "рефлексия", "самонаблюдение": уже говорилось о возможности корреляций, параллелизмов в различных сознаниях одного и того же сознания и соощущениях. Поскольку способности, навыки, умения не находятся в сознании и не находятся в том виде, в каком их представляют, вообще нигде, то и начала всякого прагматического функционирования — вне сознания, а отсюда и точное мировоззрение в своих прагматических звеньях не может исходить лишь из сознания субъекта. Анализ сознания не мог бы быть начат без определенных засознательных корреляций. В данном случае легко указать на психейное, но психейное не дается прямым и непосредственным образом, а всякое его членение на области и структуры более чем сомнительно: оно — не мозг и не псевдопсихика психологии. Главнейшее из сомнений может породить попытка пространственно-временного рассмотрения психейного. Даже такой привычный объект психологии и физиологии, как долговременная память, и в условном виде никак не может быть памятью или структурой, закодированной в некоем субстрате. Так называемая долговременная память — это сам тяж потока сознания, то есть не память о том, что было, а то, что ощущалось когда-то. Сколь бы это ни было близко к наивному представлению о памяти — подобное не может далее связываться ни с наивными, ни с научными представлениями о "хранилищах" памяти в виде ящиков, голов, молекул, динамических процессов. Такое чудище не может находиться ни в мозгу, ни в традиционно-психическом, ни в цельном психейном. Наше предубеждение против вскрытия психейного связано не только с его "ноуменальностью", но и с вынужденностью его рассмотрения — забыть о нем просто невозможно.

Какие-либо проекции прагматики или сознания на психейное более чем нелепы. Обратные проекции, если иметь в виду целое психейное, еще менее возможны. Приходится искать в самом сознании его собственные границы, а такими границами являются логическое данности феноменов, рациональное и рефлексивно-рефлексное. При этом последнее можно считать даже перпендикулярным сознанию — настолько косвенны способы его выявления.

Психейно-психический вопрос, он же в другой трактовке психофизиологической или психофизической, или психосубстанциональный (под словом "психо" здесь, как правило, понимают только по-сторонность, но не психику как бессознательное) оказывается не столько вопросом или проблемой, сколько парадоксом, который возникает из неявного логического круга, совершаемого при попытках объяснений. Ситуация подобна той, когда в геометрии пытаются доказывать с помощью следствий из теорем аксиомы, на которых эти теоремы основаны, или той, когда с помощью генетики пытаются объяснить физику. Все человеческие сферы, независимо от их последующего условного или условно-прагматического обособления от человеческого сознания, остаются постпсихологическими. Можно сослаться на следующую аналогию: проведя сложную работу, мы будем иметь достаточные шансы отобразить на кино- или телеэкране инженерные принципы, на которых основано кино или телевидение. Никакого собственно логического затруднения здесь не возникает потому, что сам человек находится вне экрана, тогда как некие двумерные существа, являющиеся частью изображаемого на экране, достичь подобного отображения никогда бы не смогли.¹¹⁸

И после снятия фикций абстрактного, при наличии воспоминаний, вполне заметны связи между различными непосредственными реальностями,

¹¹⁸ Эта образная иллюстрация не является дидактической.

не проходящие внутри самих непосредственных реальностей. Заметить репрезентацию этих связей в здесь-теперь можно и не делая каких-либо предположений о прохождении их через психейное; воспоминания в локусе здесь-теперь относятся к локусу здесь-теперь.

Слова "я" и "мне" употребляют в звательном смысле. Этот указательно-символический смысл восходит к прагматике, а потому не является точным и однозначно определенным. Выражения типа "я делаю", "я вижу", "я желаю", "я мыслю" и т. п. есть общепринятые обыденные выражения, в которых допускается гомункулусирование "я" или сведение "я" к суррогату названия одушевленного предмета. Прагматико-приблизительное означение "я" приводит к величайшей путанице в сферах более специальных. Ввиду подобных деформаций и смещения смыслов, о "я" даже начинают говорить как о чем-то загадочном, как о некоем глубоко спрятанном объекте, или ставят знак равенства между понятием "я" и понятием "душа". Однако такие соотнесенности есть соотнесенности с безличным потусторонним и к собственно "я" прямого отношения не имеют. Не выходя из пределов наличности и даже прагматики, мы не можем говорить о "я" как о метафизическом всплеске. Тем более что речь идет о всяком здесь-теперь данном "я" с присущими ему рамками, а не о незримых расширениях этих рамок в иное. "Я"-в-ином — уже не есть натуральное "я".

В несуррогативном смысле словом "я" можно обозначить только ощущение человеческого "я". Это "я" — не имя и не ноумен, но один из самых доступных и наглядных объектов. Такое и только такое "я" обладает статусом реальности, причем реальности непосредственной. Потустороннее или хотя бы частично потустороннее "я", если это не именной суррогат, есть либо уже не "я", либо (что чаще всего) — традиционная фикция, миф, под которым каждый волен понимать всё, что ему угод-

но. "Я" — суррогат человеческого имени — есть только пустой звук, общее самообозначение человека, служащее для целей обыденных. Наше "я" обладает некоторым квазисубстанциональным денотатом, оно не заместитель какого-либо объекта, а потому в грамматическом плане фактически является существительным, а не местоимением в первом лице и единственном числе. Грамматическими признаками этого нетривиального слова являются несклоняемость, отсутствие соотносительности спряжению (обозначения "мне", "меня", "мы", "себе" и т. п. здесь отпадают) и кавычки.

Высказывания ["я" ощущает] и ["я" кажется, что оно ощущает] логико-грамматически не точны, так как призваны нести логическую нагрузку, которая не соответствует их форме. В высказывании ["я" ощущает] слово "я" пассивно, несмотря на присутствие глагола. "Я" лишено активности в тривиальном смысле. "Я" — это не человек, не субъект, не сознание в целом, не ощущение телесности как таковой. Ощущение "я" столь же просто и наглядно, как и ощущение розового света¹¹⁹, но в отличие от последнего оно интегративно, а не частично. Казалось бы, ощущение "я" есть бессознательная (нечеловеческая) абстракция, которая заложена в самом факте сознания. Это верно, но аналогичной априорной абстракцией является и ощущение кислого или соленого в виде их заданности как семиотических явлений. Многие ощущения (например, ощущение конкретного цвета) доступны только указанию и ссылке, их невозможно описать словесно, в то время как ощущение "я" сверх своей нативной доступности имеет при достаточной терминологической дифференцированности и относительную неуказательную вербальную доступность.

Ощущение "я" есть такое ощущение, от которого невозможно или, по крайней мере, труднее всего отвлечься. Это ощущение оказывается ощущени-

¹¹⁹ Еще раз напоминаем, что абстрактного света или цвета не существует.

ем присутствия, то есть ощущением присутствия при ощущениях. Можно не видеть окружающих "предметов", можно сосредоточиться на чем-то и забыть на какое-то время о "своей" "телесности". Разглядывая, например, картину, можно забыть про собственные руки, ноги и сами глаза. Весь реально-доступный мир может состоять только из ощущения "я" и изображения на картине.

Приведенный пример вполне правомерен, но ввиду наличия психологических неопределенностей его не следует абсолютизировать.

Слово [я] (я-без-кавычек) есть только наименование (выражается местоимением в значении существительного). В частности, оно тождественно слову "субъект", если иметь в виду не "субъект вообще" и не кого-то находящегося вовне, а конкретный субъект внутри себя самого. Этот внутренний субъект действительно местоименен и по отношению к конкретной реальности является условностью. Реальные объекты характеризуются тем, что существуют независимо от того, даны для них слова-обозначения или нет. Теперь допустим, что субъект в один прекрасный момент девербализовался, то есть потерял способность к доминирующей языковой сигнальности. Что получится в результате? Весь субъективный мир будет состоять из ощущений "я", внешних, внутренних и прочих ощущений (при весьма широком толковании слова "ощущение"), и никакого субъекта там не будет. Субъект — это условная оболочка, в которую все это вмещено. В процедуре, которую мы только что рассмотрели, нет ничего фантастического и деструктивного. "Девербализация" здесь может означать только действительное неиспользование слов в относительно заметный промежуток времени.

Ощущение "я" — одно из тех немногих ощущений, которые в рамках способности опознания не меняются и не уничтожаются с изменениями непосредственной реальности. Оно оказывается цементом всего сознания. Его неформальной характеристикой является наглядная экзистенциаль-

ность. Если "я" есть цемент всех ощущений, то [я] или "субъект" — их застывшая пропозициональная рамка. И "я", и [я] пассивны. Их пассивность можно видеть в разном плане.

Кроме того пассивным является и все субъективное сознание и всякая осознанность. Самоактивность, то есть самостоятельная активность, активность как таковая, а не просто изменяемость, приписывается сознанию вследствие как непоправленных грамматических форм, так и феномена суммационно-практической активности. Фактуально суммационно-практическая активность выявляет себя как прагматическая условность — обозначение-сокращение. Какого-либо метатеоретического значения она не имеет, будучи незамкнутой на последовательные ряды феноменов. Те же ряды феноменов, которые реально присутствуют, могут содержать только ощущения волевых импульсов, сами по себе не являющиеся динамизаторами. Высказывания типа: "я захотел согнуть руку и согнул ее" относятся к примерам пресловутой суммационно-практической активности. Никакой связности между "захотел" и "согнул" нет — действительность здесь скрыта. Суммационно-практическая активность (СПА) — типичная иллюзия, возникающая задним числом при непропорциональном разложении сознания на уровни, противопоставлении одних феноменов другим и смешивании сознания с его фикциями.

Мнение, что одно событие в сознании производит другое, есть хорошо известное принятие последовательности следования событий за причину и следствие.

Все сказанное относится и к "немеханической деятельности". Пусть я высказал какую-либо мысль, и, если я мыслю, я говорю, что ощущаю свою мысль. Именно ощущаю — если бы не было ощущения мысли, то мне не казалось бы, что я мыслю. То, что не есть ощущение, — того нет в сознании. Смысл же дается непосредственно-наглядно. Итак, я утверждаю, что мысль есть мысль-ощущение

или, иными словами, ощущение смысла. Чисто формально мысли можно разделить на произвольные и квазипроизвольные. Последние сопровождаются ощущением волевого импульса. Этот импульс есть импульс-ощущение, а потому не является проявлением деятельности сознания, а тем более "я" или субъекта.

Высказывание [мне кажется, что я присутствую в некотором мире] имеет в себе некоторую соотнесенность с психической схватываемостью, но это высказывание неправильно. В нем присутствует не совсем правомерное расчленение психических феноменов и тавтология. Оно сводится к высказыванию: [мне, моему субъективному миру, кажется, что мой субъективный мир присутствует в моем субъективном мире]. Миру реальных ощущений в целом никогда ничего не кажется, тем более ничего не кажется собственно ощущению "я". Ощущение "я" находится в той же сфере, что и все остальные ощущения, а не парит над ней, не смотрит на нее. Правильнее говорить не [я (субъект) ощущаю то-то и то-то], но [ощущение "я" сосуществует с таким-то и таким-то ощущением] или [ощущение "я" плюс такое-то и такое ощущение]. При этом местоимение — только суррогат или рамка. К последнему смыслу ближе высказывание: [в здесь-теперь-так сознании-калейдоскопе присутствуют такие-то и такие-то сознания-ощущения] — высказывание дано без топологических поправок.

Таким образом, высказывания типа "я действую", "я мыслю", "я желаю" в данном контексте неверны. Когда речь идет об ощущениях-мыслях, то они, как и все прочие ощущения, до определенной степени автономны и, как все прочие ощущения, суть собственные самоощущения. Иные ощущения в неких своих ипостасях не мигрируют в ощущения смысла. Связность между собственно ощущениями смысла и прочими ощущениями не сознательная, а рефлексивно-рефлексная.

Кажущаяся координаторность, проективность, апперцептивность и несплошная перцептивность

мыслей дается фактуально без передачи явной возникаемости этой фактуальности. Хотя мы прямо не отождествляем мысли с рационалами¹²⁰, выражающими отношения между субъективными предметами, а тем более — с суждениями, мы имеем в виду центральные ощущения смысла. Однако если говорить о тех ощущениях смысла, которые без особых сосредоточений спаяны с остальными ощущениями и разлиты в них, не требуют ни вербализаций, ни представлений, то нужно заметить, что их спаянность и разлитость носит досубъективно-сознательный характер. Например, разлитые ощущения смысла имеют прямое отношение к факту сознательности, хотя и даны не изнутри ее. Даже сама наличность ощущений связана с ними. Если мы заявим, что некое одноклеточное существо имеет химическое ощущение или некоторое суммарное ощущение, то этим мы должны признать, что оно обладает и разлитыми ощущениями смысла — в противном случае утверждение о наличии у одноклеточного существа ощущений ложно. Можно видеть, что разлитые ощущения смысла — атрибут любого ощущения. Разумеется, примеры с существами иной природы в данном случае могут иметь только иллюстративное значение — мы подчеркиваем значимость разлитых ощущений смысла и ощущений смысла вообще как для обычного, так и для измененного присутствия-в-мире. Любые сновидения, галлюцинации, "деперсонализации" этого не меняют. Измененными здесь оказываются только рационалы.

Смысл, на первый взгляд (кажущее) связанный с идеями, фактически связан не с идеями, а с неточными представлениями-ссылками на идеи. Осмысленность в той или иной степени означает выделенность, различенность, явность. Парадокс рациональной стороны смысла в том, что, выделяя,

¹²⁰ Принадлежность структурного восприятия, например, осмысленная предметная выделенность.

она вместе с тем и отграничивает, вычленяет — создается смысловая пленка, непроницаемая для смысла. Более глобально это означает то, что познание увеличивает непознаваемость. Осмысленность сплошь и рядом бессмысленна: выделено то или другое, но сама наличность того или другого оказывается внесмысленно непроницаемой, словно посторонней. Схватываемость психического логично-алогична.

Несмотря на недопроницаемость, психическая схватываемость полностью наглядна. Сознание бессознательно по отношению к себе в плане своего рождения: осознание бессознательно, но бессознательных осознаний в то же время не бывает, поскольку неосознанное не есть сознание. Так называемые "бессознательные ощущения" не бессознательны, а либо амнестичны, либо слабо центрированы. Кроме того, употребляющие высказывание "бессознательные ощущения" иногда подразумевают вовсе не ощущения, а подпороговые раздражения, то есть нечто непсихичное в нашем смысле.

* * *

Синтез различных сознаний вовсе не обратен космологическому распаду и не является восстановлением: синтез различных сознаний в одном сознании не приводит к отрицанию вычлененности, а, наоборот, усиливает ее; проницаемость, объем ментальности каждого из составляющих сознаний уменьшается. Сложное дробное сознание, подобное человеческому, не достигает собственно ментального единства из-за разнородности входящих в него составляющих сознаний. Рассудочно-прагматическое единство, какое в некоторой степени достигается, посторонне самому сознанию, выстраивается лишь в виде калькуляционной привнесенности. Определенное витальное единство, возникающее из-за объединения частных ощущений

вокруг интегративных (ощущений бóльших порядков вычлененности вокруг ощущений меньших порядков вычлененностей), не устраняет расщепления дочеловеческого сознания. Образующееся совокупное сознание (я-среда) оказывается размазанным по филогенетически различным дивергенциям. Древние нелокализуемые и диффузные ощущения соседствуют и имеют суперпозиции с более молодыми структурированными ощущениями (подразумевается не то или иное время, а метафизическая космологичность). При этом ментал "я"-протяженность-дленность есть не что иное как абсолют с проницаемостью почти уничтоженной и со снятой интенсивностью реактивности. Такова плата за дифференциации и вторичную протяженность (хронотоп).

Ощущение "я" и близкие ему ощущения — только интуитивный и наглядно-кажимостный цемент всех ощущений. Подлинная его связь с другими ощущениями — по ту сторону сознания субъекта.

Так или иначе, но различные осознанности внутри сознания имеют один корень, общее происхождение, между ними возможны корреляции.

Вычлененности в субъективном — это вычлененности не из данного субъективного. Отнятой оказывается проницаемость. В этом плане суперсознание можно сравнить с многоклеточным организмом (только аналогия). Объединение нескольких сознаний в одном сознании приводит к тому, что интенсивностные свойства каждого из них понижаются. "Внешние" ощущения и не могут обладать какой-либо предельной интенсивностью, — получается, что "внешние" ощущения как бы паразитируют на "внутренних", то есть дифференцированные ощущения паразитируют на интегративных ощущениях, а не наоборот, как это могло бы показаться с точки зрения рядовой психологии.

Неизменяемые ощущения нанизывают на себя, как на стержень, непостоянные частные восприятия. Непостоянные восприятия даются через ма-

лозаметную отключенность, подобную сну без сновидений, — нефлуктуационное сосредоточение на структурном невозможно. Флуктуации образуют перемычки метамерного тая потока субъективности, где в границах сегментов пресекается только структурное (синтез положительной и отрицательной протяженности), а бесструктурное остается сердцевинным стержнем.

Структуры, гипостазируемые наукой, ахронично и неконгруэнтно соответствуют поглощенным буферным сознаниям, стоящим между периферийными человеческими сознаниями и абсолютном. Будучи выведенными из полифонии человеческого сознания, буферные сознания не могут иметь какого-либо познавательного значения из-за затрудненности их умственных моделей. По отношению к заведомо центрированному субъективному сознанию буферные сознания делятся на буферы-подложки, буферы-сателлиты и примативные буферы. Буферам-подложкам не соответствуют никакие из ныне известных в физиологии мозга объектов. Скорее всего, таких объектов (науки) и не может быть, ввиду нелепости наличия конвенций-условностей подобного. Буферам-сателлитам отчасти соответствуют мембраны нервных клеток и мозаики электрических и электромагнитных потенциалов, связанных с ними. Примативным буферам в какой-то степени и весьма косвенно соответствуют объекты квантовой физики, такие как лептоны, кварки и т. п. Из всего этого вовсе не вытекает какая-либо объективность физических и физиологических объектов; фактически подобные объекты находятся по сю, а не по ту сторону субъекта и только ради умственного удобства проецируются во внешнее. Это удобство связано с тем элементарным фактом, что подавляющее большинство внутренних ощущений (а все реальные ощущения внутренни) кажимоотно-прагматически спроецированы как внешние. Указывая на соотношение ссылочных и буферных объектов, мы не вдавались в тонкости более подробной карты

смыслознакового и псевдосредного. Здесь достаточно только заявить, что псевдосреды не существуют. Говоря о некоей реальной среде поглощенности, мы фактически ссылаемся на буферы. Тем не менее, буферы не исчерпывают собой поглощенности, ввиду того что являются вычлененностями, как и условно центрированное суммационное сознание.

Поток сознания того или иного субъекта с надмирной точки зрения растворен, утерян (подразумевается синтетический поток сознания, суперструктурный). Он вполне может считаться утерянным и с большинства точек зрения, имеющих отношение к расщепленному бытию. Однако это вовсе не отрицает возможности той или иной реставрации срезов этого потока, что связано не только с теми или иными индукциями или восстановлением детерминистического типа, но и с апричинным вечным повторением. Превращение потока в сегментированный "дождевой червь" имеет отношение только к искусственно выделенной, хотя и относительно истинной онтогенетической линии на древе дивергенций. Сложность выделения потока сознания для целей формального описания — в том, что этот "поток" нелинеен не только "продольно" и "перпендикулярно" (что совершенно очевидно), но и по многим другим параметрам. Чем дальше мы отходим от константных центральных тяжей потока, тем большую значимость приобретают цикличности самых разнообразных масштабов, в том числе ниже порога данности ощущения: сама выделенность кажимостных измерений из безымерности осуществляется вовсе не кратно; так называемые "другие измерения" совершенно не обязательно зануляются, пусть и весьма ничтожно предостоят, наличествуют в субъективных локусах времени. Сказанное в первую очередь касается зрительных ощущений, но и большинство других ощущений являются заведомо безымерными (например, ощущение запаха, интегративные ощущения).

Субъективное ощущение противоречит закону тождества. Его нельзя назвать ни алогичным, ни абсолютно логичным. Если мы возьмем внешние ощущения, то окажется, что экспозиционная неподвижность характерна только для узкого класса ощущений и носит довольно непостоянный характер. В мгновенной схватываемости многих ощущений нет и речи о какой-либо определенности, а значит, и о самотождественности. Поскольку мы имеем в виду субъективно-реальную самотождественность, то это вполне ясно. Ощущение автоматически оказывается проекцией на поток и сквозь поток. В волнах микровременного забывания-воспоминания с элементами инерции собственно "мгновенное" ощущение не фиксируемо в чистом себе: всегда есть ощущения, составляющие это данное ощущение, а элементарные флуктуации восприятия-сознания неопределенны и малохарактеризуемы.

Какое-либо константное интегративное ощущение (например, ощущение "я") несамотождественно по протяженности, поскольку не имеет определенных, строго данных протяженностных границ. Это можно сказать и о некоторых эмотивных ощущениях. Мы имеем своеобразное ментальное соотношение неопределенностей: чем явнее развернуто ощущение в пространстве, тем оно неопределеннее по времени (не подразумевается предмет или цикл однотипных ощущений!), а чем оно определеннее и неизменяемее во времени (субъективном), тем его протяженностный контур и вписанность в другие протяженности менее определены.

Некоторая вневременность ощущения, соответствующая его относительной вытянутости по временам, превращает времена в своего рода протяжение. На это протяжение и идет проекция малоопределенных по времени частных ощущений, суммационно дающих в итоге структуру. При очень кратких восприятиях форма предметов — это первое, что схватывается; менее воспринимаются и

запоминаются мелкие детали и цветовые различия, хотя отдельные тесты и показывают возможность общего цветового восприятия в виде вспышки. Никто не может знать, подвижна или нет некая реальная чувственная стрела, пусть даже она не летит, а прагматически недвижна. В рассмотрении и мгновение, и стрела оказываются не ощущениями, а некими идеальными, заведомо несуществующими объектами. Пусть стрела и дается в реальном представлении-апперцепции, сама эта реальная апперцепция (реальный мыслительный опыт) несамотождественна, размыта и дается не как реальность, а как условность, вычлененная из флуктуации умозрительных мельтешений. И в апперцепции (незамкнутой на квазисреду) существует собственное время, ощущаемая фотосредняя фактура, не поддающаяся замораживанию. Фиксирование или, наоборот, представление непрерывного движения условно, восходит не к субъективному мгновению-локусу или его неким онтологическим поправкам, а к вычлененности из множества мгновений-локусов, с опорой на несуществующее де-факто реальное устранение моментов нечеткости и размытости¹²¹. Вводя концепции прадвижения, нелепо состыковывать последнее с фиксированием или непрерывностью.

Субъективные пропозиции не есть понятия или узкие локальные представления. Это — акты. Вербально они, как правило, выражаются в виде законченных предложений или высказываний, способных к разворачиванию в некоторое сообщение. Собственно феноменология может быть построена только из пропозиций: "Субъективный мир реально существует", "Ощущение "я" — присутствие при

¹²¹ Противоречия в высказывании нет: при опознавательной достаточности устранения его механизм не представлен, то есть для субъекта фактически отсутствует.

ощущениях", "Темнота неоднородна". Не исключены вербальные тонкости. Так, высказывание "Темнота всегда неоднородна" хотя и справедливо, но переходит грань пропозиции. Вербальность для пропозиций не обязательна.

Библиография произведений Александра Акулова

Основные публикации:

Малый метафизикум: Стихотворения. СПб., 1996.

Абальмантовое дерево: Рассказы в духе плотной фантастики. СПб., 1998.

Сверхкраткий философский словарь. Краткое изложение книги "Буквы философии". СПб., 1999.

СЮР: Метафизика, стихотворения, проза. СПб., 1999.

Буквы философии. Т. 1: СПб., 2001; Т. 2: СПб., 2003.

В поисках беспредметного: Шесть книг стихотворений. СПб., 2002.

Послание вундерменам: Проза. СПб., 2003.

Преддверия философии. СПб., 2004.

Чай с мандолиной. Роман. СПб., 2006.

Этюды: Нефигуративная живопись. СПб., 2008.

Часть подробного списка публикаций

Статьи

• 1. Человек, 2. Цитологические параллели техноценоза. Философия. : журнал "Рог Борея" №17, 01/2003.

• Философоведы и пустота. СПб., Росс. Филос. общ.: сборник "Феномен самодеятельного философствования", 08/2005.

• 1. Вуаль психеи. Эссе. СПб.: журнал "Русский мир" №13, 04/2001.

• 1. Символизм. 2 Проза художественная. 3. Абсолютные потребности. Потребность абсолютного.

4. Хайдеггеризмы. 5. Постмодернизм. Также другое. : журнал "Изящная словесность" №2, 01/2003.

• Сюрреализм. : альманах "Рог Борея" №15, 06/2002.

• ...UBI VULT. О прозе В. Алексеева. Критика.: альманах "Медвежьи песни" №9, 12/2003.

• 1. Чакры Чехова, 2. Постструктурализм.: журнал "Рог Борея" №26, 08/2005.

• Смерть поэзии, Антиманифест; Проза новой России. Критика; Спичи (1. Проза опять в интересном положении...; 2. О прозе Виктора Пелевина; 3. Борхес и другие; 4. Тайны Милорада Павича.: "Медвежьи песни" №10, 05/2004.

• Роман "Роман", Эротическая проза А. Неклюдова.: «Медвежьи песни" №12, 06/2005.

Проза

• Струнный случай (рассказ).: "Рог Борея" №15, 06/2002.

• Рыжая песня. : сборник "Камень, выступающий из воды". СПб., 2004.

• Крыса, Фантастика.: журнал "Питерbook" №6(43), 06/1999.

• Чужие. : газета "Смена" №№ 9-10, 5/01/1992.

• Разноцветный зодчий.: газета "Смена" №135, 11/06/1992.

• Техника безопасности. Миниатюра.: "Санкт-Петербургские ведомости" №136, 12/06/1992.

• Ондорико. Миниатюра. СПб: газета "Смена" №№ 285-286, 11/12/1991.

• Перелом. : сборник "Молодой Петербург". "Дума" СПб., 11/1998.

• Чай с мандолиной. Главы из романа.: "Медвежьи песни" №13, 11/2005.

Поэзия

- В мире потустороннем; Красные жабы стучали в ворота. Другие стихотворения.: альманах "Рог Борея" №15, 06/2002.
- Закон сохранения, Стихотворение,.: газета "Смена" №263-264, 13/10/1991.
- Меж двух озер; Лазурь; Творчество. Другие стихотворения, СПб, "Культура": сборник "Поэтический Молодой Петербург" №3, 01/1999.
- Завывание ветра, стучание вьюшек,.: журнал "Мансарда" №1, 09/1991.
- Я дверь открыл и во мне потухло, другие стихотворения, СПб: сборник "Карусель", 1992.
- Неожиданное воспоминание оказалось... ; Прокрылся месяц в тумане... Другие стихотворения.: "Изыщная словесность" №1, 02/2002.
- Гиперборейское (Росонность роняет грозди); Мир безмирия выше высот. Другие стихотворения.: альманах "Рог Борея" №13, 01/2002.
- Существо без скелета и сердца; Отчего вдруг приснился мост. Другие стихотворения.: альманах "Рог Борея" №14, 03/2002.
- Разлив туманных дел на озере безмолвия; Сахарно-горькая жаркая изморозь. Другие стихотворения, СПб, газета "Работница" № 27 (2557). 29/08/1991.
- Я надел шерстяные часы., СПб., газета "Связист" №(778), 25/10/1993.
- Свиристели менестрели; В этой тьме внутри синего неба; Голубая вата плывет через аллеи. Другие стихотворения, СПб, "Дума": "Сборник поэзии" №2, /1998.
- Лучший город сновидений.. Стихотворение, СПб, газета "Работница", № 5 (2531). 06/03/1992.

Популярная медицина

- Сладкость без сахара (Медовая трава — стевия). Статья, СПб, газета "Садовод" №25, 3—17/07/1997.

- Когда сладкое лечит. СПб, газета "Славянка" № 46 (300). 27/12/2000.

Интернет-ресурс автора:
www.abuntera.narod.ru

Акулов Александр Сергеевич. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии.

ISBN 978-5-902741-73-2

ISBN 978-5-902741-73-2

9 785902 741732